

ISSN 2223–2982

СОВРЕМЕННАЯ НАУКА:
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

№5 2023 (МАЙ)

Учредитель журнала
Общество с ограниченной ответственностью
«НАУЧНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ»

Журнал издается с 2011 года.

Редакция:

Главный редактор
В.Л. Степанов

Выпускающий редактор
Ю.Б. Миндлин

Верстка
Н.Н. Лаптева

Подписной индекс издания
в каталоге агентства «Пресса России» — 80015
В течение года можно произвести подписку
на журнал непосредственно в редакции.

Издатель:

Общество с ограниченной ответственностью
«Научные технологии»

Адрес редакции и издателя:
109443, Москва, Волгоградский пр-т, 116-1-10
Тел./факс: 8(495) 755-1913
E-mail: redaktor@nauteh.ru
<http://www.nauteh-journal.ru>

Журнал зарегистрирован Федеральной службой
по надзору в сфере массовых коммуникаций,
связи и охраны культурного наследия.

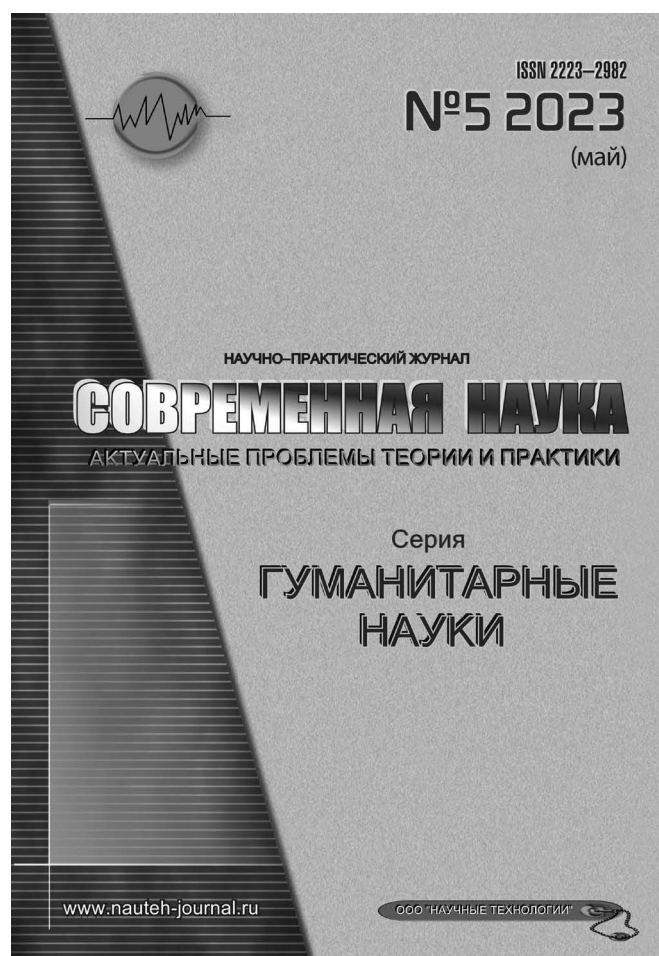
Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77-44913 от 04.05.2011 г.

Серия: *Гуманитарные науки №5 (май) 2023 г.*

Научно-практический журнал

Scientific and practical journal

(ВАК – 5.6.x, 5.8.x, 5.9.x)

В НОМЕРЕ:

ИСТОРИЯ, ПЕДАГОГИКА, ФИЛОЛОГИЯ

Авторы статей несут полную ответственность
за точность приведенных сведений, данных и дат.

При перепечатке ссылка на журнал
«Современная наука:
Актуальные проблемы теории и практики» обязательна.

Журнал отпечатан в типографии
ООО «КОПИ-ПРИНТ» тел./факс: (495) 973-8296

Подписано в печать 11.05.2023 г. Формат 84x108 1/16
Печать цифровая Заказ № 0000 Тираж 2000 экз.

ISSN 2223-2982

Редакционный совет

Степанов Валерий Леонидович — д.и.н., профессор, Институт экономики РАН, в.н.с.

Миндлин Юрий Борисович — к.э.н., доцент, Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии им. К.И. Скрябина

Акульшин Петр Владимирович — д.и.н., профессор, Рязанский государственный университет им. С.А. Есенина

Алиева Эльвира Низамиевна — д.филол.н., доцент, независимый эксперт

Ватлин Александр Юрьевич — д.и.н., профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова

Воронина Галина Ивановна — д.п.н., профессор, Центр Образования и Компетенций, Бремен (Германия)

Вяземский Евгений Евгеньевич — д.п.н., профессор, Московский педагогический государственный университет

Герасименко Наталья Аркадьевна — д.филол.н., профессор, Московский государственный областной университет

Евладова Елена Борисовна — д.п.н., Институт изучения детства, семьи и воспитания Российской академии образования (ИИДСВ РАО)

Какваева Сабрина Бастаминовна — д.филол.н., доцент, Дагестанский государственный медицинский университет Минздрава РФ

Котов Александр Эдуардович — д.и.н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Лебедев Сергей Константинович — д.и.н., Санкт-Петербургский институт истории РАН, в.н.с.

Лизунов Павел Владимирович — д.и.н., профессор, Северный (Арктический) Федеральный университет им. М.В. Ломоносова

Миньяр-Белоручева Алла Петровна — д.филол.н., профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова

Михайлова Мария Викторовна — д.филол.н., профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова

Осипова Нина Осиповна — д.филол.н., профессор, Московский гуманитарный университет

Петрусинский Вячеслав Вячеславович — д.п.н., профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Печенёва Татьяна Анатольевна — д.п.н., Белорусский государственный университет

Пушкарева Наталья Львовна — д.и.н., профессор, Институт этнологии и антропологии РАН

Рыжов Алексей Николаевич — д.п.н., профессор, Московский педагогический государственный университет

Савостьянов Александр Иванович — д.п.н., профессор, Московский педагогический государственный университет

Сенявский Александр Спартакович — д.и.н., Институт экономики РАН, г.н.с.

Сидорова Марина Юрьевна — д.филол.н., профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова

Сморчков Андрей Михайлович — д.и.н., профессор, Российский государственный гуманитарный университет

Стрелова Ольга Юрьевна — д.п.н., профессор, Хабаровский краевой институт развития образования

Тюпа Валерий Игоревич — д.филол.н., профессор, Российский государственный гуманитарный университет

Ханбалаева Сабина Низамиевна — д.филол.н., МГИМО МИД России, ст. преподаватель

Щедрина Нэлли Михайловна — д.филол.н., профессор, Московский Государственный Областной Университет

Юдина Наталья Владимировна — д.филол.н., профессор, Владимирский филиал Финансового университета при Правительстве РФ

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

История

Балдин П.П., Дворковая М.В., Куренкова Е.А. – Общественно-политические взгляды «птенцов гнезда Петрова» в первом десятилетии XVIII в.
Baldin P., Dvorkovaya M., Kurenkova E. – Social and political views of the "nestlings of Petrov's nest" in the first decade of the XVIII century. 7

Каримов Т.Т. – Булярская поземельная волость в последнее тридцатилетие XVIII века
Karimov T. – Bulyar land volost in the last thirty years of the 18th century 11

Каримов Т.Т. – Булярская тюба Булярской поземельной волости Уфимского уезда в XVII-начале XVIII века
Karimov T. – Bulyar tyuba of the Bulyar land volost of the Ufimi district in the 17th-early 18th centuries 17

Николаев Д.А., Берендеев В.А. – Проблема обеспечения лошадьми нижегородского резервного ополчения 1812 г.
Nikolaev D., Berendeev V. – The problem of providing the Nizhny Novgorod reserve militia with horses in 1812 26

Ртищева Г.А. – Города Южной Италии под властью Рожера II (20-е – 30-е гг. XII в.)
Rtishcheva G. – Citizens of South Italy under the government of Roger II (1920s–1930s) 30

Сохиев И.В. – Об одной ошибке в военном фотодокументе ЦГА РСО-Алания
Sohiev I. – About one mistake in the military photo document of the RSO-Alania Central State Administration 38

Педагогика

Алиев Д.Ф., Жаденов О.М., Радунцева А.А. – Концепция визуального якоря как эффективного способа усвоения сложных общественно-политических и социологических понятий
Aliev D., Zhadenov O., Raduntseva A. – The concept of the visual anchor as an effective way to assimilate the complex socio-political and sociological terms 41

Бао Сюэминь, Хэ Бэй, Чан Вэньшуо – О подготовке кадров российско-китайской межкультурной коммуникации в эпоху смарт-медиа
Bao Xuemin, He Bei, Chang Wenshuo – About training of Russian-Chinese intercultural communication in the era of smart media 46

Бессарабская И.Э. – Анализ типичных ошибок, совершаемых студентами при изучении теории вероятности
Bessarabskaya I. – Analysis of typical mistakes made by students in the study of probability theory 53

Иванова Е.А., Король Е.В. – Использование социальной сети «TikTok» в обучении монологу
Ivanova E., Korol E. – Social network "TikTok" in teaching monologue 59

Камозина О.В., Охлупина О.В., Анищенко Д.С., Рябцев Н.П. – Разработка веб-приложения для тестирования школьников по предмету «математика»
Kamozina O., Okhlupina O., Anishchenko D., Ryabtsev N. – Development of a web application for testing schoolchildren on the subject "mathematics" 63

Кишкинова О.А., Миндлин Ю.Б. – Формирование аналитических навыков в непрофильном вузе средствами математики <i>Kishkinova O., Mindlin Yu.</i> – Formation of analytical skills in a non-core university by means of mathematics	70
Колесник Е.С. – Методы преподавания иностранного языка в сфере юриспруденции <i>Kolesnik E.</i> – Methods of teaching a foreign language in the field of jurisprudence	75
Коренева В.В. – Педагогические условия интеграции мигрантов в поликультурную образовательную среду <i>Koreneva V.</i> – Pedagogical conditions for the integration of migrants into a polycultural educational environment	80
Марковская Е.А., Довгошея Д.П. – Киберспорт как инструмент развития самостоятельности воспитанников кадетского военного корпуса <i>Markovskaya E., Dovgosheya D.</i> – Esports as a tool for developing the independence of cadet military corps students	84
Тарлаковская Е.А. – Современные образовательные технологии в обучении иностранному языку студентов нелингвистических специальностей в вузе <i>Tarlakovskaya E.</i> – Modern educational technologies in foreign language teaching to non-linguistic students at the higher education institutions	87
Тилинина М.Н. – Учебная литература для общего художественного образования в России в XIX – начале XX века <i>Tilinina M.</i> – Educational literature for general art education in Russia in the XIX – early XX century	91
Цзо Юйпу – Глубокая интеграция ресурсов традиционного декоративно-прикладного искусства и университетского художественного образования <i>Zuo Yipu</i> – Deep integration of the resources of traditional decorative and applied arts and university art education	96

ФИЛОЛОГИЯ

Агоева М.М., Климова Н.Ю. – Заимствования в английском языке: современные тенденции привычного явления <i>Agoeva M., Klimova N.</i> – Borrowings in English: modern trends of a familiar phenomenon	100
Алхлавова И.Х. – Основная тематика в поэзии Бадрутдина Магомедова – сакраментальная и непреходящая <i>Alkhlavova I.</i> – The main topic in the poetry of Badrutdin Magomedov is sacramental and enduring	104
Алыпина С.А. – Акциональные классы глаголов в составе герундиальных перифраз: исследование на основе корпуса современного испанского языка <i>Alupina S.</i> – Aspectual classes of verbs in verbal periphrases with the gerund: a study based on the corpus of the modern Spanish language	107
Андреева М.И., Закирова А.А. – Номинации эмоции «страх» в профессиональных подъязыках: структура, семантика, контекст <i>Andreeva M., Zakirova A.</i> – Nominations of fear in professional jargons: structure, semantics, context	114
Батурьян М.А., Хатков С.А. – Особенности перевода строительных терминов с английского языка на русский <i>Baturyan M., Khatkov S.</i> – Features of translation of construction terms from English to Russian	118
Белякова О.В., Сергеева М.В., Фролова Е.В. – Структурно-семантический анализ номинативных единиц англоязычного лингвокультурного сценария «Cultures» <i>Belyakova O., Sergeeva M., Frolova E.</i> – Structural and semantic analysis of nominative units of the English-language linguo-cultural scenario "Cultures"	125

- Ван Юаньюань** – Внешняя диалогичность рекламных текстов
Wang Yuanyuan – External dialogue of advertising texts.....131
- Дмитриева О.А., Ванюшина Н.А.** – Листиклы как лингвокультурный феномен: история, структура, функции
Dmitrieva O., Vanyushina N. – Listicles as a linguocultural phenomenon: history, structure, functions134
- Закирова Д.Б., Липицкая В.М.** – Лингвоконцептуальная специфика бытования некоторых зооморфных образов в английской фразеологии
Zakirova D., Lipitskaya V. – Linguo-conceptual specificity of the existence of some zoomorphic images in English phraseology139
- Кожанова Л.В.** – Фразеология пастернаковской прозы в функционально-стилистическом аспекте
Kozhanova L. – Pasternak's prose phraseology in the functional and stylistic aspect142
- Коптякова Е.Е., Подлущая К.А., Чмых И.Е., Солопий Д.К.** – Вербализация манипулятивных стратегий на повышение и понижение в политическом дискурсе
Koptyakova E., Podlutskaya K., Chmykh I., Solopiy D. – Verbalization of manipulative strategies for raising and lowering in political discourse.....148
- Крепкогорская Е.В., Абдрахманова Р.Я.** – Особенности перевода фразеологических единиц с компонентом орнитонимом в русском, татарском и английском языках
Krepkogorskaya E., Abdrakhmanova R. – Translation peculiarities of phraseological units with an ornithonym component in Russian, Tatar and English languages152
- Меркурьева Н.Ю.** – Выбор дискурсивных компонентов при построении вопросительных конструкций диалогического текста: авторский подход Бетти Нилс
Merkuryeva N. – Selection of discourse components in the composition of dialogic text interrogative constructions: Betty Neels' authorial approach156
- Новиков И.А.** – Структурно-композиционные особенности современной публичной политической речи (на материале русского и французского языков)
Novikov I. – Structural and compositional particularities of modern public political speech (a case study of Russian and French languages) ...160
- Петрова О.О.** – О развитии значений в структуре глагола и отглагольного существительного
Petrova O. – On the development of meanings in the structure of the verb and a verbal noun.164
- Тарасова К.Э.** – Репрезентация языковой конфликтной ситуации в Шотландии: концептуальный анализ
Tarasova K. – The representation of the language conflict situation in Scotland: conceptual analysis.....167
- Тарасова О.Д.** – Трансформации пословиц в русском и английском медиа дискурсе через призму лингвоэкологии
Tarasova O. – Proverb transformations in Russian and English media discourse through the prism of linguoecology172
- Тё О.Е., Тринько Д.В.** – Лингвистические средства выражения лингвокультурной ценности «здоровье» в социальной рекламе КНР
Te O., Trinko D. – Linguistic means of representing the linguistic and cultural value of "health" in PRC social advertising178
- Чэнь Вэнь** – Образ защитника Родины в рассказе А. Толстого «Русский характер» и в «Военных главах» романа «Они сражались за Родину» М. Шолохова
Chen Wen – The image of the defender of the country in the story "Russian character" by A. Tolstoy and in the "Military chapters" of the novel "They fought for their country" by M. Sholokhov.....184
- Чэнь Сюесун** – Лингвокогнитивные особенности категории ценности в структуре паремииологических текстов: на примере русского и китайского языков

Chen Xuesong – Linguistic and cognitive features of the category of value in the structure of paremiological texts: on the example of the Russian and Chinese languages188

Ши Лу – Образы животных и их классификация в литературе
Shi Lu – Images of animals and their classification in literature192

Ярмолинец Л.Г., Анисимова О.Б. – Особенности терминообразования в гимнастических видах спорта (английский спортивный дискурс)

Yarmolinet L., Anisimova O. – Features of terminology formation in gymnastic sports (English sports discourse)195

Информация

Наши авторы. Our Authors.....199

Требования к оформлению рукописей и статей для публикации в журнале201

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ «ПТЕНЦОВ ГНЕЗДА ПЕТРОВА» В ПЕРВОМ ДЕСЯТИЛЕТИИ XVIII В.

SOCIAL AND POLITICAL VIEWS OF THE "NESTLINGS OF PETROV'S NEST" IN THE FIRST DECADE OF THE XVIII CENTURY

*P. Baldin
M. Dvorkovaya
E. Kurenkova*

Summary: This article is devoted to a complex but interesting period in the history of Russia – the reign of Peter I, the era of the formation of Russian statehood. Making transformations in all areas of life, Peter did not act alone. He managed to gather at his throne associates who were not indifferent to the fate of Russia. All of them not only accepted Peter's idea, his strategy and tactics of building Russia's foreign and domestic policy, but also made, each of them, their feasible contribution to the common cause. The authors of the article consider the socio-political views of four associates of the Russian emperor – A.D. Menshikov, B.P. Sheremetev, A.V. Makarov, S.L. Vladislavich-Raguzinsky, who are bright personalities who made an invaluable contribution to the development of Russia in the XVIII century.

Keywords: Peter I, transformations, Peter's companions, diplomacy, the Northern War.

Балдин Павел Павлович

кандидат исторических наук, доцент, ФГБОУ ВО
«Государственный университет просвещения»
baldin.p@mail.ru

Дворковая Марина Васильевна

кандидат исторических наук, доцент, ФГБОУ ВО
«Государственный университет просвещения»
marinadvorkovaya@yandex.ru

Курenkova Евгения Алексеевна

кандидат исторических наук, доцент, доцент, ФГБОУ ВО
«Государственный университет просвещения»
kurenkovagane@mail.ru

Аннотация: Эта статья посвящена сложному, но интересному периоду истории России – времени правления Петра I, эпохе становления российской государственности. Свешая преобразования во всех областях жизни, Петр действовал не в одиночку. Он сумел собрать у своего трона соратников, которым была небезразлична судьба России. Все они не просто принимали идею Петра, его стратегию и тактику выстраивания внешней и внутренней политики России, но и вносили, каждый из них, свой посильный вклад в общее дело. Авторы статьи рассматривают общественно-политические взгляды четырех соратников российского императора – А.Д. Меншикове, Б.П. Шереметеве, А.В. Макарове, С.Л. Владиславиче-Рагузинском, которые являются яркими личностями, вынесшими неоценимый вклад в развитие России XVIII века.

Ключевые слова: Петр I, преобразования, сподвижники Петра, дипломатия, Северная война.

В истории России трудно найти эпоху, которая по своей значимости хоть сколько-нибудь приблизилась к «петровскому времени». Годы правления Петра I ознаменовались тем, что преобразования, проводимые императором, имели всеобъемлющий характер, охватив и социальную структуру общества, и экономику, и государственное устройство, и вооруженные силы, и внешнюю политику, и культуру. Именно в это время укрепляется государственность России, сокращается ее экономическая и политическая отсталость, путем преобразования армии и создания флота возрастает военная мощь страны. Россия, которая утверждается на северных и южных морях, становится великой державой, с которой начинают считаться все европейские государства.

Немалая заслуга в становлении России и развитии ее экономического, военного, дипломатического, социального потенциала принадлежит сподвижникам Петра Великого, среди которых были люди разных национальностей и разных социальных сословий – от аристократов и рядовых дворян до выходцев из «низов» общества. Государь игнорировал социальную или национальную принадлежность члена своей «команды». Для него «важ-

нее всего были знания, навыки и способности человека, которого он приближал к себе и которому давал ответственные поручения» [2, с. 7].

«Птенцы гнезда Петрова» – так образно назвал сподвижников первого русского императора А.С. Пушкин в поэме «Полтава»:

*«За ним вослед неслись толпой
Сии птенцы гнезда Петрова –
В пренах жребия земного,
В трудах державства и войны
Его товарищи, сыны:
И Шереметев благородный,
И Брюс, и Боур, и Репнин,
И, счастья баловень безродный,
Полудержавный властелин»* [5, с. 314].

«Птенцы гнезда Петрова» были разного характера, разного темперамента. Сподвижников Петра зачастую не обходили соблазны и пороки, за что они нередко получали наказание от Государя. Но их всех объединяло одно – любовь к своему Отечеству и желание сделать Россию могущественной державой. Уже за одно это Петр

Великий прощал им многое.

Самым видным деятелем Петровской эпохи является А.Д. Меншиков. Никто из других сподвижников Петра не мог стать рядом с Меншиковым ни по вкладу в преобразовательные начинания императора, ни по милостям и заботливому вниманию Государя. Рядом с Меншиковым нельзя поставить ни одного фаворита. «Полудержавный властелин», упоминавшийся А.С. Пушкиным, и есть тот самый Александр Меншиков, у которого к концу его умопомрачительной карьеры было столько регалий и наград, что иному на целый век бы хватило.

Меншиков, в первую очередь, считал, что без сильной армии и флота России не быть. Когда шла изнурительная Северная война, то Меншиков сопровождал Петра всюду, где того требовала обстановка. Участвуя в осаде Нотебурга, Меншиков впервые проявил себя на военном поприще. Его храбрость и профессионализм в военном деле были настолько очевидны, что Петр назначает его комендантом завоеванной крепости, переименованной в Шлиссельбург, где он развивает кипучую деятельность: посылает отряды на неприятельскую территорию, хлопочет о постройке кораблей и металлургических заводов. Стараниями Меншикова была основана Олонецкая верфь, с которой уже в августе 1703 г. был спущен первенец Балтийского флота – фрегат «Штандарт» [2, с. 31]. Управляя верфью, Меншиков то и дело справляется о постройке кораблей, их размерах, количестве вылитых для них пушек, отдает распоряжения о заготовке леса, рассылает указы о мобилизации работников.

Будучи стратегом и тактиком в военном деле, Меншиков, внося неоспоримый вклад в победу над шведами под Полтавой, восстановил репутацию вооруженных сил России.

Еще один сподвижник Петра – Б.П. Шереметев. Потомственный дворянин, умный, интеллигентный, рассудительный, Шереметев вначале своей карьеры продвинулся не только на военном, но и на дипломатическом поприще. Когда в марте 1697 г. на Запад отправилось так называемое Великое посольство с Петром I во главе, чтобы найти союзников в борьбе с Османской империей, спустя три месяца двинулся в путь и Шереметев.

Какова же была цель поездки Шереметева? Согласно заявлениям самого петрова сподвижника, он, с одной стороны, руководствовался религиозными мотивами, заявив польскому королю, что в Рим его «позвала благодарность к апостолам Петру и Павлу, которые патронировали его победы над неприятелем при первом Азовском походе» [3, с. 16]. С другой стороны, он хотел побывать в лоне мальтийских кавалеров, «дабы, видев их

храброе и отважное усердие, большую себе восприяти к воинской способности охоту» [3, с. 16]. Но на самом деле Шереметев преследовал совсем иную цель. План его являлся «частью общего плана русской дипломатии по сколачиванию антиосманского союза европейских держав. Для выполнения дипломатической миссии у Петра не было более подходящей кандидатуры, чем Шереметев» [3, с. 16], у которого был опыт дипломата и который, кроме того, был военачальником. Поэтому ему, как было сказано в петровском указе, следовало бы отправиться в путь не просто «...ради видения окрестных стран и государств», а ради знания «военных поведений, которые обретаются во Италии даже до Рима и до Мальтийского острова, где пребывают славные в воинстве кавалеры» [3, с. 16].

Преуспев на военном поприще во время Северной войны, где он командовал конницей, Шереметев, «получив в 1701 году звание генерал – фельдмаршала, в письме императору выражал готовность служить России, не щадя жизни ... Бог видит мое намерение сердечное, сколько есть во мне ума и силы, с великою охотою хочу служить, а себя я не жалел и не жалею» [1, с. 216].

Важно отметить, что Шереметев, каковы бы ни были задачи, поставленные перед ним Государем в очередном военном походе, никогда не жертвовал живой силой. Письма Шереметева удостоверяют его заботливость о солдатах. Петр всегда был уверен, уверен, что Шереметев, хотя и не обладал выдающимися полководческими дарованиями, зря не погубит армию. Отправлялся он в поход лишь тогда, когда убеждался в том, что последняя пуговица была пришита к мундиру последнего солдата.

Итак, все, что ни делал Шереметев на вверенном ему участке, он делал по зову сердца. Император к нему благоволил, но ни вотчин, ни хорошего жалованья Шереметев долго не получал.

Говоря о сподвижниках Петра Великого, нельзя не упомянуть имя А.В. Макарова, который «внес немалый вклад и в победы русского оружия на полях сражений Северной войны, и в успешные действия русской дипломатии, и в строительство регулярной армии и флота, и в новшества культурной жизни страны, и в создание отечественной промышленности. Иными словами, он участвовал во всех преобразовательных начинаниях императора Петра, чему способствовала занимаемая им должность – Макаров являлся кабинет-секретарем Петра и, следовательно, был причастен к составлению указов, к переписке с агентами и послами царя за границей, к составлению реляций и отправке царских повелений на театр военных действий и, наконец, к проверке, как выполнялась воля царя» [3, с. 234]. Но, с другой стороны, Макаров, через руки которого проходили тысячи бумаг

и писем, не мог смотреть спокойно на беззакония, которые творятся под носом у Государя.

Кабинет Макарова занимался благоустройством Летнего и Зимнего дворцов в Петербурге, загородных резиденций в Петергофе и Екатерингофе. Дворец под Ревелем также сооружался под присмотром Макарова. Его кабинет надзирал за строительством канала и фонтанов, а также за разбивкой Летнего сада и парка в Петергофе. Деревья для парков, в том числе каштаны, специальные агенты Кабинета приобретали в Голландии и Пруссии, скульптуры и картины для украшения парков и дворцов – в Италии и Голландии. И Макаров старался контролировать все финансовые потоки, чтобы ни одна копейка не ушла в сторону, что ему не всегда удавалось, ибо в России всегда был велик масштаб воровства.

Активно занимался Макаров и «организацией курортного дела в стране. Известно, сколь горячо взялся Петр за устройство первого в России курорта близ Петровских заводов в Карелии. Сам он трижды пользовался его водами и отправлял туда своих вельмож. Анализ химического состава воды, проверка эффективности воздействия ее на больных, а также благоустройство курорта осуществлялись под общим наблюдением Кабинета Макарова» [3, с. 239].

После «победоносного окончания Северной войны император Петр возложил на Кабинет Макарова еще одно поручение – написание ее истории. Выбор Петра вызывает некоторое недоумение: почему эту сложную, требовавшую соответствующей подготовки работу должен был выполнять Макаров, а опытные авторы исторических сочинений? Скорее всего, Петр опирался на свои многолетние наблюдения за работой кабинет-секретаря и верил в способность Макарова справиться с заданием. Макаров действительно превосходно сочинял деловые бумаги, его стиль отличался ясностью и лаконичностью. Кроме того, в распоряжении Макарова находилась основная масса источников о войне, и ему не стоило большого труда затребовать недостающие материалы как у частных лиц, так и у правительственных учреждений: Сената, Военной и Иноземной коллегий» [3, с. 244].

«Московскому государству благопотребен» стал также серб по национальности и купец по роду деятельности С.Л. Владиславич-Рагузинский, который в Константинополе поступил на русскую дипломатическую службу. «Прибытие в Азов иноземного купца на корабле не могло не вызвать в Москве радужных надежд на превращение города в важный торговый пункт на юге страны. Но заботливое отношение русского правительства к Владиславичу объяснялось не только, точнее, не столько тем, что ему первому удалось добиться разрешения султана на морской путь в Азов, сколько высоко оцененными в

Москве услугами, оказанными Саввой Лукичом русским посольствам. У русских дипломатов, соприкасавшихся с Владиславичем, сложилось прочное мнение о нем как о верном друге России, готовом riskовать жизнью ради ее интересов. Именно с могущественной Россией Владиславич связывал свои мечты об освобождении христианских народов, в том числе и его родной Рагузы, томившейся под игом «неверных» османов. Поэтому он, имея обширные связи не только в торговых, но и в придворных кругах Царьграда, глубоко изучал внутреннюю жизнь Порты и ее внешнюю политику, в меру своих сил оказывая разнообразную помощь русским послам. Трудно переоценить бескорыстные услуги Владиславича, снабжавшего русских послов сведениями о намерениях султанского двора, придворных интригах вокруг русско-османских отношений, о происках французского и английского послов против России, о состоянии сухопутных и военно-морских сил Турции и т.д.» [2, с. 442].

Поступив на петровскую службу и получив в 1710 году чин надворного советника, Савва Лукич занял особое место в дипломатической службе России, влившись в ряды российского дворянства и активно развивая идею борьбы против Порты подвластных ей славянских христианских народов.

Где бы, в какой бы стране Савва Лукич не находился (а он много колесил по миру), Петр I всегда получал от своего сподвижника разного рода микроскопы, чертежи гротов, каскадов и фонтанов, древесину крепких пород для токарного дела.

Будучи великим дипломатом, Владиславич наладил отношения России с Китаем, отклонив притязания китайской стороны на территории, населённые российскими подданными, и зафиксировал на основании Кяхтинского договора, границу между двумя странами.

Когда-то И.Т. Посошков, видный экономист и мыслитель петровского времени, заявил, что «нет у великого государя прямых радетелей» [4, с. 96], что «Великий государь один трудится на благо Отечества да ничего не успевае, ибо пособников у него мало» [4, с. 99]. Но, как видим, это не так. Петровская эпоха – время великих преобразований – выдвинула немало выдающихся деятелей, каждый из которых внес свой вклад в укрепление могущества России. Петр умел угадывать таланты и умел их использовать, привлекая на свою сторону помощников из самой разнородной национальной и социальной среды.

Мы попытались показать события внутренней и внешней политики России того времени сквозь призму жизни и деятельности четырех сподвижников Петра. Каждого из них природа одарила неординарными, раз-

ными были и сферы их приложения. Но их всех объединяло одно – любовь к России, которую они хотели видеть могущественной и сильной державой.

Считается, что только по беллетристике да написанным трактатам можно проследить общественно-политические взгляды государственных деятелей. К сожалению, эпистолярное наследие большинства «птенцов гнезда Петрова» невелико. В основном, служебная переписка и делопроизводственный материал. Многие из сподвижников Петра вообще ничего не оставили потомкам, ибо, как А.Д. Меньшиков, были неграмотными. Однако, на наш взгляд, социально-политические взгляды сподвижников Петра вытекают из их деятельности, которая является ярким свидетельством их отношения к эпохе,

событиям, реформам.

Яркие и непохожие индивидуальности, они дополняли друг друга, являясь соратниками и создавая единую команду. Но не стоит забывать, что деятельность каждого из них направлялась твердой рукой Петра и была подчинена его воле. Поэтому после его смерти их тоже не стало. Нет, не физически. Многие из бывших соратников Петра надолго переживут своего благодетеля. Но они станут заурядными личностями. Блистая при Петре, они перестанут блистать после его ухода, продолжая дело Петра, скорее, по инерции, чем в силу желания сохранить петрово наследие и государственное мышление первого реформатора России.

ЛИТЕРАТУРА

1. Заозерский А.И. Фельдмаршал Б.П. Шереметев. – М.: Наука, 1989. – 308 с.
2. Павленко Н.И. Вокруг трона. - М.: Мысль, 1998. - 864 с.
3. Павленко Н.И. Птенцы гнезда Петрова. – М.: Мысль, 1985. – 332 с.
4. Посошков И.Т. Книга о скудости и богатстве. – М.: Издательство АН СССР, 1951. – 403 с.
5. Сочинения Александра Пушкина. Т. 2. Поэмы. – СПб: Типография экспедиции заготовления государственных бумаг, 1838. – 378 с.

© Балдин Павел Павлович (baldin.p@mail.ru), Дворковая Марина Васильевна (marinadvorkovaya@yandex.ru), Куренкова Евгения Алексеевна (kurenkovagane@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

БУЛЯРСКАЯ ПОЗЕМЕЛЬНАЯ ВОЛОСТЬ В ПОСЛЕДНЕЕ ТРИДЦАТИЛЕТИЕ XVIII ВЕКА

Каримов Тагир Тимергазимович

К. и. н., Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ

(Казань)

tkarimov@bk.ru

BULYAR LAND VOLOST IN THE LAST THIRTY YEARS OF THE 18TH CENTURY

T. Karimov

Summary: The article deals with the main events in the life of the estates of the Bulyar land volost. They still carried out the allowance of "teptyars" and yasak tatars of different volosts, which led to a change in the class structure of individual villages. Sale of patrimonial lands to Count A.K. Razumovsky, lieutenant general A.G. Petrovo-Solovovo, second major D.A. Chirkov and breeder A.S. Inozemtsev, the territory of the landed volost was noticeably reduced, which in the future inevitably affected the level of provision with land for both votchins and pripuschnikov.

Keywords: Bashkir class, v. Novoye Kashirovo, A.G. Petrovo-Solovovo, Polish campaign, A.K. Razumovsky, v. Safarovo, v. Suekeev, v. Tabylnykulevo, v. Yakshievo.

Аннотация: В статье рассматриваются основные события из жизни вотчинников Булярской поземельной волости. Они по-прежнему осуществляли припуск «тептярей» и ясачных татар разных волостей, что привело к изменению сословной структуры отдельных деревень. Продажи вотчинных земель графу А.К. Разумовскому, генерал-поручику А.Г. Петрово-Соловово, секунд-майору Д.А. Чиркову и заводчику А.С. Иноземцеву заметно сократили территорию поземельной волости, что в дальнейшем неизбежно сказалось на уровне обеспеченности угодьями как самих вотчинников, так и припущенников.

Ключевые слова: башкирское сословие, д. Новое Каширово, А.Г. Петрово-Соловово, Польский поход, А.К. Разумовский, д. Сафарово, д. Суекеево, д. Табынлыкүлево, д. Якшиєво.

Булярская поземельная волость находилась в основном ближе к среднему течению р. Ик (левый приток р. Кама) и р. Сюнь (левый приток р. Белая) и в их между-речье. С севера она граничила с Байлярской, Енейской, Гарейской волостями, с востока – Киргизской, с юга – Юрминской, с запада – Ирехтинской волостью. Начиная с первого упоминания продолжительное время входила в состав Уфимского уезда, позже – Уфимского наместничества (с 1781), Оренбургской (с 1796) и Уфимской (с 1865) губерний.

В рассматриваемый период население поземельных волостей составляли вотчинники («башкирцы») и припущенники («тептяри и бобыли», «мещеряки», ясачные татары и др.). Как и во многих поземельных волостях, так и в Булярской, мы наблюдаем припуск вотчинниками населения разных сословий и продажу ими своих земельных угодий русским помещикам. Прежде чем перейти к исследованию этих аспектов темы, особо отметим факт участия вотчинников в Польском походе (1771-1773 гг.).

Следует указать, что Польским походом историческая литература называет экспедицию Башкирского войска в ходе ликвидации Барской конфедерации в Речи Посполитой. Войско, состоящее из 10 башкирских команд (3111 чел.), формировалось по указу императрицы Екатерины II от 8 октября 1771 г. и входило в состав Польского экспедиционного корпуса под командованием генерал-поручика А.И. Бибикова. В апреле-августе

Башкирское войско под командованием генерал-майора А.А. Урусова препятствовало объединению разрозненных отрядов конфедератов и их продвижению в районы крупных военных действий около гг. Вильно и Краков. 25 августа по указу Военной коллегии 2 тыс. «башкирцев» вернулись в Уфу. 4-я, 8-я и 9-я команды (933 чел.) оставались в Польше для осуществления надзора за общественным порядком, осенью 1773 были переведены в Казань и включены в корпус генерал-майора Ф.Ю. Фреймана для участия в подавлении Крестьянской войны 1773-1775 гг., у г. Оренбург перешли на сторону повстанцев. Командиром 7-й команды был старшина Булярской волости Муса Муслюмов [2].

К участникам похода ведомость от 16 декабря 1771 г. причислил следующих «башкирцев» команды старшины Мусы Муслюмова: есаул Имангул Ибрашев, «квартир-мистр» Баязит Аблаев, рядовые Мурсалим Алимбетев, Юлдаш Якшимбетев, Кускильда Исергапов, Юртюкей Якшимбетев, Максют Сеюшев, Муслюм Ишкылдин, Абдрашит Юнаев, Абдулгагап Курманаев, Бухармет Макаров, Тямай Ишкылдин, Шарип Мурзакаев, Абдюш Уметкулов, Мурсалим Бакиров, Абдрахим Юлаев, Абдулмен Абдуллин, Зайсан Султанбетев, Давлет Маметев, Ишмухаммет Солтанбеков, Ахмер Шабаев, Баязит Мулюков, Ижбулда Иштерьяков [1, с. 118-119].

По другим источникам можно установить, выходцами каких деревень являлись данные люди. Есаул Имангул

Ибрашев и Ижбулда Иштерьяков относились к д. Зилан, Юртюкей Якшимбетов и Абдрашит Юнаев – д. Якшиев, Максют Суюшов – д. Сикия. Кускильда Исергапов был уроженцем д. Бакабизово, его сыновья и родственники будут упоминаться в ревизской сказке 1811 г.

Следует заметить, что старшина Муса Муслюмов по другим источникам известен в основном как Мусакай Муслюмов. Ревизская сказка 1811 г. д. Акбезово (ныне с. Старое Агбязово Актанышского района РТ) позволяет установить годы его жизни (1731-1799) [10, л. 281-282]. Он не имеет родственных отношений с Муслимом Мусиным, другой старшиной Восточного Закамья, хотя кто-то может неправомерно рассуждать о вероятности таких отношений [12, с. 218].

Под командой старшины Имангула Кутлина тягость похода испытывали рядовые Амин Алдаров, Мустахим Мустекеев, Ермухаммет Ишметев, Яппар Абдуллин, Ракай Кулушев, Имакай Юзеев, Гумер Кутлуметев, Юлдаш Кутлуметев, Аккул Токтамышев, Мустафа Мусин, Ишигул Минлибаев, Имангул Муксинов, Илмет Аллагулов, Салих Ишкинин, Минлибай Юзеев, Алкей Алдаров, Бектемир Касканов, Ишмекей Дюскеев, Уразай Караш[а]ев, Сеит Мусин, Габид Хаитов, Зюбеир Юзеев, Юмакай Юлметев и Халил Кансуяров [1, с. 65-66].

Другие источники позволили установить места происхождения данных людей. Так, Яппар Абдуллин был выходцем д. Масыгутово, Ракай Кулушев, Ишигул Минлибаев – д. Сасыбрун, Гумер Кутлуметев, Юлдаш Кутлуметев – д. Сеитово, Аккул Токтамышев – д. Атрякле, Илмет Аллагулов, Алкей Алдаров – д. Уразметьево. Ермухаммет Ишметев, Имакай Юзеев и Юмакай Юлметев, возможно, относятся к д. Мушуга, Зюбеир Юзеев – д. Атрякле. Сам старшина Имангул Кутлин являлся уроженцем д. Атрякле, по другим источникам известен под именем «Ямангул». Впоследствии должность юртового старшины исполнял его сын Нигматулла Ямангулов.

Здесь необходимо указать, что участие в боевых походах было обязанностью вотчинников и припущенников башкирского сословия. Кроме платежа ясака за предоставленную государством земельную собственность (вотчину), они обязаны были выполнять за свой счет военную службу, которая делилась на внутреннюю и внешнюю.

Имена вышеназванных старшин Булярской волости еще раз упоминаются в связи с восстанием под предводительством Е.И. Пугачева. В ведомости того периода указывается, что они перешли на сторону повстанцев. По сведениям 1774 г. под командой старшины Мусы Муслюмова числилось 154 двора, Имангула Кутлина – 105 дворов [3, с. 277]. Таким образом, в Булярской волости было

259 «башкирских» дворов. Эти первые официальные данные позволяют прикинуть, что общая численность населения башкирского сословия могла составлять приблизительно 2 000 чел.

Источники рассматриваемого периода позволяют выявить имена новых вотчинников, а также малоизвестные факты о населенных пунктах. Так, в документе 1772 г. сообщается, что вотчинники д. Табынлыкулево (ныне Актанышского района РТ) Булярской волости Солтанмрат Кулметев и Искендер Альметев уступили на 30 лет «башкирцу» д. Туряево Бикею Биктемирову за 17 руб. мельничное место по р. Калмия [4, с. 363]. Ранее эти вотчинники-татары д. Табынлыкулево в опубликованных источниках не встречались.

В последней четверти XVIII в. наблюдается также припуск вотчинниками татар тептярского сословия в некоторых деревнях, где раньше они не были замечены.

По июньскому договору 1781 г. вотчинники д. Бикабиз (Бикабизово; ныне Бакабизово Муслюмовского района РТ) Яркей Кадырметев, Гумер Ярлыкапов Ишкой Кадырметев, Ягафер Ярлыкапов, Бакир Кускилдинов припустили в свою деревню «тептярей» Ишмурзу Тимяшева и его сына Забира команды старшины Абзелила Сеитова д. Мактамабаш («Махтанабаш») Надыровской волости для равноправного хозяйствования и жительства с ними. Припущенники заплатили вотчинникам 6 рублей. Договор содержит родовые тамги названных вотчинников. Свидетелем при составлении договора был Зейнигабдин Мансуров, татарский текст написал мулла Фейзулла Сулейманов, переводил заседатель Абушахма Аминев [11, л. 63-65].

Через год по «условному письму» от 21 мая 1782 г. вотчинники команды старшины Мусакай Муслюмова д. Бекабизово Булярской волости Белебеевского уезда Уфимского наместничества припустили «ясачных тептяр» команды старшины З. Даутова д. Адаево Енейской волости Мензелинского уезда (5 дворов; Ашир Сагитов, Абызай и Аблей Юсуповы и др.) и команды старшины С. Якупова (3 двора; Муксин и Юсуп Москововы, Ярмухаммет Ибрашев). *«Допустили мы в нашу деревню ко общему с нами житью по малолетству нашему и неостоянию в мощении мостов, в гаржении полевых прясел в подводном ганбе. ... За что получили мы с них с каждого двора оброка по три рубли».* К договору Яркей Кадырметев, Ишкой Кадырметев, Гумер («Умир») Ярлыкапов, Егафер Ярлыкапов, Бакир Кускилдин, Сатый Исергапов, сотник Курбангали Абдуллин «тамги свои приложили». Свидетелями были и «тамги свои приложили» Буран Сырметев и Аптикей Юлаев. При составлении договора присутствовали мулла д. Тлянчино Мурсалим Маметев, муктасип д. Чуракаево Ибрагим Кадыргулов, вотчинники д.

Чуракаево Исмагил Юнусов, Шарыф Суяргулов, Валит Чуракаев, которые также руку или «тамги свои приложили». Договор переводил «указной переводчик Кутлузаман Балтачев» [11, л. 60-61].

Вот так в д. Бакабизово впервые во время 4-й ревизии (1782 г.) учтено 30 душ муж. пола «тептярей» [13, с. 172, 175], т. е. татар тептярского сословия. Последний договор изменил сословный состав деревни: теперь по численности вотчинники уступали припущенникам.

Обратим внимание на фамилии вотчинников Гумера («Умир») Ярлыкапова, Егафера Ярлыкапова и Сатыя Исергапова. По документу от 4 мая 1747 г. нам известны Ерлакап Абдуллин и Исергап Абдуллин из д. Исенметево. Есть основание полагать, что они сами или их сыновья перешли в д. Бекабызово. Ярлыкап (Ерлыкап) – редкое имя, по Мензелинскому уезду нигде больше не упоминается.

В последней четверти XVIII в. зафиксировано два факта продажи земли Булярской волости помещикам. 30 января 1785 г. вотчинники команд старшин Мусы Муслюмова и Емангула Кутлина сотник Кинзягул Казангулов, мулла Ибрагим Кадыргулов, Валит Чюракаев (оба из д. Кадыргулово), Емангул Яхшигулов (д. Исеметево), Абдрахман Мрясев (д. Байсарово), Гайса Султанбеков (д. Ахуново), Юлдаш Ишдавлетов (д. Сафарово), Айдаш Урускулов (д. Сеитово), Абиш Кутлуметев (д. Еланово), Кутла Сафаров (д. Сынгрязново) продали графу Алексею Кирилловичу Разумовскому землю по р. Зай за 700 рублей. «Продали мы, поверенные сотник Кинзягул с товарищи, и товарищи наши оной Булярской волости вотчинники башкирцы, всего и с нами в 212 дворах живущие, з большими и малыми все со общаго мирскаго согласия ему, господину графу Алексею Кирилловичу Разумовскому, жене, детям и наследникам ево в вечное и потомственное владение впрок бесповоротно и без выкупу из жалованной предкам нашим вотчиной нашей земли, состоящей здешняго наместничества, Бугульминской и Мензелинской округ по реке Заю, а имянно: первая межа начиная от вершины Лешева на вершину речки Каски на состоящую по оной речке чуваскую деревню со всеми той чуваской деревни угодьями, и по правую сторону речки Ирны итти вниз по нашей меже вершинами речек и аврагов до деревни Федоровой, а оттоль, переехав речку Ирну, итти по состоящей возле оной деревни Федоровой большей дороге до речки Емаша, и, не переходя тое речку, итти вверх до самой вершины, а оттоль, переехав чрез лес, итти на вершину речки Малой Урсалы, а от оной прямо на речку Большую Урсалу на то место, где устье Шерламы, и по обе оной Шерламы итти аремою до самой вершины, а оттоль итти прямо на вышепенную Лешевскую вершину» [5, с. 166-167].

Данный документ четко показывает, что часть земель Булярской волости располагалась на территории «Бугульминской округи». Не случайно, «башкирцы» д. Новое Каширово (ныне село Альметьевского района РТ) «предъявили, что сами они и часть владеемой ими земли, лежащая на правой стороне по течению реки Урсала, на которой состоит их селение, принадлежат не к Надыровской, а к Булярской волости» [6, л. 20 об.-21, 28]. К слову, в этом же документе упоминается внук татарина Надыра Уразметова (основателя Надыровской волости) «башкирец» Монасып Юсупов, «происшедший (как о том из указа Оренбургской казенной палаты от 3-го октября 1805 года видно) из того же татарского рода» [6, л. 10 об.-11].

В том же году состоялась вторая земельная сделка. По договору от 3 февраля 1785 г. старшины Муса Муслюмов и Емангул Кутлин, сотники Кинзегул Казан[гул]ов, Курбангали Абдуллин, вотчинники Зайникей Шукуров, Амир Ахметов, Мухаммет Муслюмов, Юзей Хузяшев, Кутла Сафаров, Имангул Яхшигулов, Байсар Абдрахманов, Гайса Солтанбеков, Юлдаш Ишдавлетов, Айдаш Урускулов, Ибрагим Кадыргулов, Валит Чюракаев и Абиш Кутлуметев продали генерал-поручику А.Г. Петрову-Соловово земли по р. Зай. «Продали мы, поверенные старшина Муса Муслюмов с товарищи, и товарищи наши оной Булярской волости вотчинники башкирцы, всего и с нами в дву стах дворах живущие, з большими и малыми все со общаго мирскаго согласия ему, господину генерал-поручику Петрову-Соловову, жене, детям и наследникам ево в вечное и потомственное владение впрок бесповоротно и без выкупу из жалованной предкам нашим вотчинной нашей земли, состоящей здешняго наместничества в Мензелинской и Бугульминской округах по реке Заю, а именно: начав от межи, проданной нами ж сего году его сиятельству графу Алексею Кирилловичу Разумовскому земли а, оставшею от него со впадшими в Зай-реку речками, то есть начав от устья речки Ямаша, которая впадала в Зай-реку, идучи вверх по реке Заю левой стороной, до устья малой речки Урсалы, о оттоль, идучи вверх, по обе стороны до вершины оной, и по вершинам впадающим в тое Урсалу речку протоками и болотами, то есть идучи вверх Урсалы правой стороны, а оттоль до межи помянутого ж господина Разумовского, оттоль же поворотя и пройдя прямо сквозь лес на вершину речки Емаша по меже господина графа Разумовскаго, и вниз по той речке Емашу левою стороною до устья оной, где та речка пала в Зай-реку. <...> За которую проданную нами и товарищами нашими ему, господину Петрову-Соловову, вотчинную землю мы, поверенные, и товарищи наши, оставшие в домех, от него, господина генерал-поручика Петрова-Соловова, денег 400 руб. все сполна получили» [5, с. 167-169]. Спустя два года (в 1787 г.) у них же покупает лесной участок для Иштерьяковского медиплавленного завода за 100 руб. заводчик Асаф Семенов сын

Иноземцев [5, с. 223-224].

Обзор двух проданных угодий показывает, насколько обширна была территория Булярской волости. Имея большие частично свободные земельные участки, вотчинники абсолютно не испытывали нехватку земли, поэтому нет никаких оснований говорить об их безземельности даже после изъятия некоторой ее части под поселения нагайбакских казаков. К тому же вотчинники были численно невелики: по сведениям второго договора составляли лишь 200 дворов. Данные земельные сделки совершались без учета мнения живущих в Булярской волости татар разных сословий: от «башкирцев-припущенников» до ясачных татар. В середине XIX в. именно они будут испытывать острую нехватку земли и вынуждены будут отправляться на ее поиски в разные уезды Оренбургской губернии. Хотя генеральное межевание земель (1801 г.) положило конец неограниченной продаже земли вотчинниками и защитило интересы припущенников, земельный вопрос будет оставаться актуальным вплоть до 1917 г.

Переход татар разных сословий из одной деревни в другую по-прежнему был обычным явлением. Характерен договор 1792 г. вотчинников команды старшины Мусакая Муслюмова д. Якшиеево о припуске татар тептярского и башкирского сословий из дд. Бексентеево и Каинтюба. Приводим фрагмент документа: «...Все со общаго согласия нашей деревни Якшиеевой в дачи с пашенной степью с санными покосы с рубкою разнаго лесу и лубья снимать да и протчею выгоду иметь в тех самых дачах и построить четыре двора четверем человеком на 70 лет онаго ж Уфимскаго наместничества здешней же округи команды пятисотника Бикташа Полатова деревни Бексентеевой тептерям Габбесу Заитову, Зайсану Заитову, Мрату Ишкенину да той же округи Янейской волости команды старшины Гадылиши Араптанова деревни Каинтюбы башкирцу Азмекею Азметеву и будучи жительством все происходящее сносить им с нами вместе с получением от них нам оброку по десяти копеек на год с каждого двора, а ежели отделятца от отца сын от брата брат особым двором, то и с тех получать с каждого по десяти ж копеек и по сему договору впредь уже нам друг на друга не просить, в верности сего под сим подписи и тамги свои приложили, а при написании сего взяли мы от них денег двадцать шесть рублей семьдесят копеек». Договор содержит родовые тамги вотчинников Балтасы Куккузева, Юртюкея Якшиметева, Умира Касимова, Идриса Исангильдина, Унгура Юлдашева, Абдрашита Юнаева и еще двух человек, не считая свидетелей [11, л. 109-109 об.].

Как видим, припущенники обязались платить оброк «по десяти копеек на год с каждого двора». Но предусмотрено, что в случае образования новых дворов, они тоже будут платить 10 копеек. С финансовой точки зрения

жить большим двором было выгодно, поэтому нередко глава семьи со своими женатыми сыновьями и внуками жил вместе.

Однако в трех ревизских списках 1795 г. вышеупомянутых припущенников д. Бексентеево мы не обнаружили, тем не менее сообщим некоторые подробности. В д. Якшиеево по речке Улуймень Тамак V ревизия учла 30 душ муж. (в т.ч. выборного Давлеткула Тевкелева) и 36 душ жен. пола (в 1782 г. было 39 и 33 соответственно) «ясачных тептярей и бобылей»; большая семья (8 рев. душ) Мурсалима Уразаева перешла в д. Усы. Женами 3 татар тептярского сословия были «башкирские» дочери, а один житель выдал свою дочь замуж за «башкирца» д. Улуймень. На основании указов 1808 г. часть населения в 1809 г. «исключена из оклада» [8, л. 212-215]. Вторая ревизская сказка д. Якшиеево зафиксировала лишь семью муллы Муслюма Уразаева (всего 4 чел.), который находится «во оной деревне по указу Уфимского наместнического правления состоявшемуся прошлаго 1793 года муллою ... и показал во оной деревне Якшиеевой без всякой утайки прибылым» [8, л. 406 об.-407]. Третья ревизская сказка д. Якшиеево насчитывала только 9 душ муж. (в т.ч. выборной Давлеткул Тевкелев) и 8 душ жен. пола (в 1782 г. было 39 и 34 соответственно) «ясачных тептярей и бобылей», так как значительная часть населения перешла в дд. Такмак и Усы Мензелинского уезда [8, л. 687-690 об.].

Не сами ранее названные «тептяри» д. Биксентеево, а их дети от Габбаса, Зайсана и Мрата зафиксированы в ревизской сказке 1834 г. д. Улуйментамак Якшиеево, которая брала на учет всего 25 душ муж. и 27 душ жен. пола. Тогда же во второй д. Якшиеево насчитывалось 16 душ муж. и 11 душ жен. пола татар тептярского сословия, в т.ч. 42-летний сын вышеуказанного муллы Галиаскар Муслюмов [9, л. 251-254, 278-280]. Получается, что обе деревни Якшиеево существовали с XVIII в., лишь к концу XIX в. д. Улуйментамак Якшиеево будет обозначена как Верхнее Якшиеево, а Якшиеево – как Нижнее Якшиеево. Кроме того, в одной даче с этими деревнями была Казгаляк, которая в данной главе упоминалась как д. Казгалик с её вотчинником Ирка Якшиевым в 1735 г.

Переходим к рассмотрению другого договора от 25 февраля 1794 г. «Башкирцы» д. Суякаево (ныне Суекеево Муслюмовского района РТ) сотник Курбангали Габдуллин, Кутлы Кушаев, Минли Ишлеев, Ихсан Исаев, Сатый Уразаев команды старшины Нигматуллы Емангулова и Фейзулла Бураев, Валиша Бураев с товарищами команды старшины Мусакая Муслюмова припустили татарина тептярского сословия Юзкея Надырова (из д. Карашай Саклов) команды сотника Алмекея Килмякова (д. Тегирменик), взяв 8 руб. и возложив обязанность исполнения повинностей вместе с ними («с нами наряду»). «В нашей деревне Суякаевой домашное економие обзавестись с

нами наряду старостой быть и по большей дороге мосты слать, для проезжающих подводки давать и прясла городить и во всем исправлять, пустили онаго Юзкей Надырова с нами обща в наших владенных дачах пахотной землей и санными покосами и хмелевым щипанием и рыбными ловлями во всем ему Надырову уволили, взяли денег восемь рублей за один дом, ежели из других деревень башкирцы и прочие люди будут притеснение чинить, то должны мы вышеписанные башкиры ево Надырова во всем очищать и не до каких убытков не доводить, при сторонних свидетелях сие договорное письмо дали». Свидетелями были Альмухаммет Ярмухамметов (из д. Сасыбурун), Забир Ишмурзин (д. «Бякабызово»), «по прошению вышеписанных башкирцов писал сие договорное пис[ь]мо одной же деревни Суякаевой указной мулла Хасян Салимов» [11, л. 72-72 об.].

Данный документ обращает внимание прежде всего тем, что «башкирцы» д. Суякаево состояли в двух командах. По другому источнику известно, что упомянутые Фейзулла Бураев, Валиша Бураев перешли из Енейской волости и нахождение их в другой команде можно объяснить только этим (в ревизском списке 1811 г. рассматриваемой деревни они учтены последними). Ревизская сказка 1795 г. д. Суякаево показывает, что раньше татар тептярского сословия здесь не было, а Юзкей (в данном источнике «Юзкей») Надыров (33 года) и Губей Мукаев (25) со своими семьями (всего 4 души муж. и 6 душ жен. пола) перешли в 1793 г. [8, л. 677-677 об.], получается, до оформления договора.

Летом того же 1794 г. ранее названные «башкирцы» д. Суякаево осуществили припуск ясачных татар Тимиркея Бухарметева (из д. Ямяково), Ишмухаммета Гайсина, Рахманкула Сеиткулова, Габидуллы Мансурова, Шарыпкула Мавлюгулова и Назира Ахмерова (д. Куяново «Мензелинской округи»). За припуск взяли «по три рубли, а потом по прошествии каждого года получают нам от оных с каждого ж двора по десять копеек». «По просьбе вышеписанных писал деревни Суекаевой мулла указом определенной Хасян Салимов и руку приложил» [11, л. 73-73 об.].

Таким образом, припуск малочисленных «тептярей» и ясачных татар в 1794 г. привел к тому, что д. Суекаево впервые стала трехсословной. Данная сословная структура сохранялась и в последующие годы. Несмотря на эти изменения в составе населения, в деревне по-прежнему преобладали припущенники башкирского сословия из Енейской волости, численность которых намного превышала вотчинников.

К концу XVIII в. вотчинники Булярской волости все еще имели огромные земельные угодья, которые они могли продать и извлечь немалую выгоду. По договору

от 26 октября 1793 г. вотчинники старшина Мусакай Муслюмов, сотник Курбангали Габдуллин, мулла Ибрагим Кадыргулов, Смаил Искендеров, Гадильша Айдагулов, Иштей Мратов, Тали Масыгутов, Салта[н]мрат Кульметев, Ямангул Якшигулов и Кузей Шакиров из «Бирской, Мензелинской и Белебеевской округ» «по поверенному от всех вотчинников одной же Булярской волости» письму продали секунд-майору Д.А. Чиркову земли по рр. Зай, Ирня и Ямаш, «состоящую в Мензелинской округе по следующим межам и урочищам, а имянно: первая межа с вершины речки Ирни, на которой состоит деревня Баткак, вниз по речке Ирне по левую сторону до деревни Бухараевой, а от Бухараевой на Танатмыш, а от Танатмышу до деревни Шунаковой до устья Ирни, и, перейдя оную, прямо до реки Заю, не захватывая гвардейской межи, вверх по Заю левую сторону до впадения речки Ямаша в Зай, по которой речки, поворотя вверх, по левую сторону до межи генерал-поручика Петра Соловаго, а оттоль обратно, не переходя речку Ямаш, вверх по большой дороге, лежащей из деревни Федоровой в деревню Ямашеву, и, не переходя оную дорогу, по левую сторону до межи графа Разумовскаго, а оттоль до деревни Федоровой а оттоль прямо речку Ирню до вышеписанной деревни Баткак, которая заселена в вершине одной Ирни, только не входя в графскую межу, все без остатку; а сверх той продаваемой нами земли состоящие на одной между рек Ирни, Заю медные рудники, отданные нами по договору заводчику Алексею Артемьеву сыну Малинкову, оставить ему, господину Чиркову, без всякова своего до тех рудников касательства, и оному заводчику Малинкову никакова притеснения не чинить и убытков не доводить. А взяли мы, поверенные башкирцы, и товарищи наши за тое землю с угодья с него, господина Чиркова, денег 500 руб.» [5, с. 332-333].

Ранее мы обратили внимание на обширность владений вотчинников. Названные в этом документе рр. Зай, Ирня и Ямаш также свидетельствуют, насколько далеко простирались земли Булярской волости. В то же время мы видели, как другие булярцы с XVIII в. активно мигрировали на дальние территории Уфимского уезда вплоть до Ногайской дороги включительно, где пользование землей и угодьями было дешевле и выгоднее, чем здесь.

Завершая данный раздел, обратим внимание на сведения ревизской сказки 1795 г. вотчинников д. Сафарово (ныне Старое Сафарово Актанышского района РБ). Она состоит из двух частей: в первой зафиксированы вотчинники, относящиеся к команде старшины Мусакай Муслюмова, во второй – к команде старшины Нигматуллы Емангулова.

Назовем имена вотчинников, состоящих в команде старшины Мусакай Муслюмова: Сагит Ишкватов (80 лет), Валит Ишкватов (50), Мунасып Бакиров (45), Зюл-

деин Ишдавлетов (70), Абдулгалим Абдикеев (30), азанчи Муса Кутлин (50), Сейфулмулюк Минлибаев (12), Киликей Сафаров (60), Рахматулла Каранов (35), Абдрашит Каликеев (40), Иксан Галиев (27), Габбяс Юзеев (45), Габдус Зюлаев (40), Хасан Галиев (50) и др. Всего в этом списке зафиксировано 56 душ муж. и 50 душ жен. пола [7, л. 27-28].

В команду старшины Нигматуллы Емангулова входили следующие вотчинники: Абдулзелил Юлаев (47 лет), Искак Ахмеров (27), Ибий Ишеев (73), Санзяп Ибеев (27) и др., всего 19 душ муж. и 16 душ жен. пола. Старшина Нигматулла Емангулов данную сказку «*по-татарски подписал ... руку приложил и волостную печать приложил*» [7, л. 29-29 об.].

Остальную часть «башкирцев» д. Сафарово составили выходцы из Енейской волости. Из документа от 25 мая 1795 г. видно, что енейцами были Сагындык Айдагулов (40; сыновья Асылкузя и Мраткузя), Адыльша Айдагулов (37), Сатый Байдалин (65; сыновья Файзулла, Хабибулла и Рахматулла) из команды старшины Гадыльши Араптанова, всего 9 душ муж. и 8 душ жен. пола [7, л. 31-31 об.]. Итак, по трем ревизским спискам в д. Сафарово насчитывалось 84 души муж. и 74 души жен. пола татар башкирского сословия с преобладанием вотчинников в составе.

В составе последних показан Киликей Сафаров, сын основателя деревни. Азанчи Муса Кутлин приходится ему племянником, его отец Кутлу Сафаров упоминается в документе от 4 мая 1747 г.

Значение рассматриваемой здесь ревизской сказки д. Сафарово заключается в том, что она является одним из немногих сохранившихся документов. Данный источник позволяет уверенно говорить, что перепись 1795 г. охватывала и население башкирского сословия. Однако по неизвестным причинам ее документы не сохранились.

Итак, мы рассмотрели основные события из жизни вотчинников Булярской поземельной волости за последнее тридцатилетие. Они по-прежнему осуществляли припуск «тептярей» и ясачных татар разных волостей, что отразилось в сословной структуре отдельных деревень. Продажа вотчинных земель графу А.К. Разумовскому, генерал-поручику А.Г. Петрово-Соловово, секунд-майору Д.А. Чиркову и заводчику А.С. Иноземцеву заметно сократили территорию поземельной волости, что в дальнейшем неизбежно сказалось на уровне обеспеченности угодьями как самих вотчинников, так и припущенников.

ЛИТЕРАТУРА

1. Башкирское войско в Польском походе (1771-1773). Сборник документов. Уфа, 2009.
2. Гвоздиков И.М. Польский поход 1771-73. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://bashenc.online/ru/articles/78275/> (дата обращения: 10.03.2023).
3. Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. Уфа, 1975.
4. МИБ. Т. 4. Ч. 1. М., 1956.
5. МИБ. Т. 5. М., 1960.
6. НА РБ. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 5678.
7. НА РБ. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 1546а.
8. НА РБ. Ф. И-138. Оп. 2. Д. 51.
9. НА РБ. Ф. И-138. Оп. 2. Д. 471.
10. НА РБ. Ф. И-138. Оп. 2. Д. 104а.
11. НА РБ. Ф. И-172. Оп. 1. Д. 20.
12. Таймасов С.У. Восстание 1773-1774 гг. в Башкортостане. Уфа, 2000.
13. Татары Уфимского уезда (материалы переписей населения 1722–1782 гг.): справочное издание. Казань, 2020.

© Каримов Тагир Тимергазимович (tkarimov@bk.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

БУЛЯРСКАЯ ТЮБА БУЛЯРСКОЙ ПОЗЕМЕЛЬНОЙ ВОЛОСТИ УФИМСКОГО УЕЗДА В XVII-НАЧАЛЕ XVIII ВЕКА

Каримов Тагир Тимергазимович,

Кандидат исторических наук, Институт истории
им. Ш. Марджани АН РТ (г. Казань)
tkarimov@bk.ru

BULYAR TYUBA OF THE BULYAR LAND VOLOST OF THE UFIMI DISTRICT IN THE 17TH-EARLY 18TH CENTURIES

T. Karimov

Summary: The article deals with topical issues of the history of the Bulyar tyuba as part of the volost of the same name. It is emphasized that the tube got its name from the village of Bulyar, and the design of another tube (Mushuginsky) landed volost occurred later. Particular attention is paid to the formation of estates and the emergence of settlements. On specific examples, it is shown that the formation of estates ("bashkirs") went through different mechanisms (the transition of "bobylys" to the salary yasak, etc.). Interesting details of the transition of the yasak tatar Saltanay Isanov to the "bashkirs" are revealed. The allowance of representatives of different classes contributed to an increase in the number of both votchinniks and the population of the Bulyarskaya tyuba as a whole. Analyzing the shezhere of the genus Barage and the genus Aitugan Subakov's, the author noted the reliability of genealogical information and their role in identifying the circumstances of the emergence of settlements in the region. The Bulyarskaya tyuba began to be considered a separate tyuba of the volost of the same name only when the Mushuginskaya tyuba, formerly called the volost, was included in the latter.

Keywords: Amikeevo village, Bulyar village, Byulyarskaya tyuba, "bashkirs", "bobylys", votchinniki, genealogical information, Kileyev village, Mushuginskaya tyuba, Saltanay Isanov, shezhere of the genus Aitugan Subakov's, shezhere of the genus Barage.

Аннотация: В статье рассматриваются актуальные вопросы истории Булярской тубы в составе одноименной волости. Подчеркивается, что туба получила название от д. Буляр, а оформление другой тубы (Мушугинской) поземельной волости произошло позднее. Особое внимание уделено вопросам формирования вотчинников и возникновения поселений. На конкретных примерах показано, что формирование вотчинников («башкирцев») шло через разные механизмы (переход «бобылей» на окладной ясак и др.). Выявлены интересные подробности перехода ясачного татарина Салтаная Исанова в «башкирцы». Припуск представителей разных сословий способствовал увеличению численности как вотчинников, так и в целом населения Булярской тубы. Анализируя шежере рода Бараж и рода Айтугана Субакова, автор отметил достоверность генеалогических сведений и их роль для выявления обстоятельств возникновения населенных пунктов края. Булярская туба стала считаться отдельной тубой одноименной волости только тогда, когда в состав последней была включена Мушугинская туба, прежде называвшаяся волостью.

Ключевые слова: д. Амикеevo, д. Буляр, Булярская туба, «башкирцы», «бобыли», вотчинники, генеалогические сведения, д. Килеево, Мушугинская туба, Салтанай Исанов, шежере рода Айтугана Субакова, шежере рода Бараж.

Необходимость тщательного изучения данной проблемы была вызвана тем, что имеющаяся литература не дает ответа на вопрос, как и когда сформировалась Булярская туба одноименной поземельной волости. Не менее интересен также вопрос о том, как шло формирование ее вотчинников и откуда они пришли.

Ответы на данные вопросы невозможно получить без соответствующей источниковой базы исследования. В опубликованных источниках Булярская волость упоминается в связи с аманатами в документах 1663 и 1664 гг. Другими источниками являются челобитная Байсара Козяшева от 5 марта 1653 г., документы о содержании башкирских аманатов в Уфе (1688 г.) и судебном деле о спорной вотчине между ясачными татарами д. Тынламас и вотчинниками Булярской волости (от 16 июня 1696 г.). Данные материалы никак не могут стать полноценной источниковой базой исследования, если мы ведем речь

о XVII в. Попыток исследовать древнюю историю поземельной волости на основе широкого круга неопубликованных источников не было, хотя сравнительно недавно появилась тенденциозная книга, посвященная «роду Буляр» [6]. Эта и другая литература не освещает вопросы формирования туб данной волости и башкирского сословия. Поэтому одной из наших задач стало выявление неизученных архивных документов.

Названием тубы и волости стала д. Буляр, которая впервые в источниках упоминается ближе ко второй четверти XVII в. Мы полагаем, что живущие в ней вотчинники до тех пор, пока не имели своей полноценной волости, платили ясак вместе с односословниками в основном Гарейской волости. «В тех же [ясачных] книгах написано, Гирейские волости деревни Буляр Баубеку Кудайбахтин[у] с товарищи збору свою платят 53 кунцы да в тот же оклад велено помогат[ь] гулящему баш-

кирцу деревни То[р]юшевы Айтуганку Собакову по 5 куниц на год по челобитью той же волости деревни Буляр башкирца Байсарка Козяшева» [18, л. 14], так говорится в одном документе.

Еще раз имя последнего вотчинника будет встречаться в другом документе, хотя там о названии деревни не сообщается, но четко сказано о Булярской волости (имеется в виду документ от 5 марта 1653 г., который мы далее рассмотрим отдельно). В документе от 19 сентября 1738 г. упоминается вотчинник д. Байсарово «Гарейской волости Буляры тож» Мряс Султанов [13, л. 80]. Даже в документе от 16 июля 1747 г. о вотчинниках старшине Чурагуле Касимове (из д. Агбесово), сотнике Альмете Аднагулове (д. Альметьево) и Ижбулде Сулееве (д. Килеево) сообщается как о жителях «Гарейской волости» [13, л. 32 об.].

Однако мы должны помнить, что не только в тот период, даже в начале XVIII в. любая сравнительно крупная деревня вотчинников могла называться волостью. Лишь десятилетия спустя после первого упоминания д. Буляр окончательно завершилось формирование волости под названием Булярской.

Подкрепим данное рассуждение с наблюдениями по возникновению Мушугинской тюбы Булярской волости. В документе от 18 марта 1728 г. говорится, что вотчинник д. Качкиново («Касканово») Мушугинской волости Акмет Кутуев продал татарину д. Исансупово Тохтару Темееву свою вотчину и по выткы сына Кусюма за 5 рублей [8, с. 251]. Как видим, прежде чем стать Мушугинской тюбой Булярской волости, первая по названию д. Мушуга называлась волостью.

Невозможно точно установить, когда деревни Мушугинской тюбы стали составной частью Булярской волости. Вотчинники-ясачные татары д. Мушуга Акеш Доскеев, Мурзакай Юкачеев, новокрещен Данил Иванов в земельном споре (1680 г.) с ирехтинцами во главе с Каракузем Аканаевым не упоминаются в составе Булярской волости [20, л. 3]. В начале XVIII в. вотчинник Мурзакай Юкачеев многократно назван татаринном, но Булярская волость опять-таки не встречается [22]. Данные наблюдения дают основание полагать, что оформление потомков Мурзакай Юкачеева в башкирском сословии, а их вотчинных земель – как Мушугинской тюбы в составе Булярской волости произошло намного позднее.

Таким образом, пример Булярской волости показывает, что процесс формирования поземельной волости может охватывать длительный период. Следует также помнить, что при создании той или иной волости во главу ставились интересы казны.

Переходим к вопросу формирования вотчинников Булярской волости. Этот вопрос был частично затронут

в исторической литературе, однако не стал предметом специального исследования. Хотя авторы одного труда посвятили данной теме раздел «Формирование башкирского служилого сословия», однако конкретных сведений по Булярской волости мы там не обнаружили [6, с. 172-178].

Первые сведения о вотчинниках Булярской волости содержатся в ясачных книгах. В [7]138 [1630] г. в ясачных окладных книгах зафиксирован платеж ясака Кудайбахты Сабанчиным из д. Буляр. «Плата же на всё волость показано» в размере 53 куницы. Такой же ясак булярцы платили и в [7]145 [1637] г., на этот раз назван Баубек Кудайбахтин. В [7]147 [1639] г. плательщиками ясака названы Баубек Кудайбахтин, Бузав Бикчаров, «Кудайбакта да Уразмет Ямашевы». В [7]158 [1650] г. платеж того же 53-х куничного ясака осуществляли Баубек Кудайбахтин и Черепан Нуралин. По документу от 31 декабря 1728 г., где содержатся данные сведения, видно, что названные вотчинники были родственниками Умера Токтарова («Кудайбакта Сабанчин да Базяв Бикчаров тебе Умер деды, а Баубек Кудайбахтин дядя», сообщает документ) и Масыгута Татимова («Уразмет да Кудайбакта Ямашевы тебе Мусыгута дядья»). Кроме 53-х куничного ясака, вотчинники платили еще 16 «батман меду» [11, л. 55-55 об., 58]. В документе 1739 г. подчеркивается, что земля (здесь же дается ее описание) была пожалована прадедам старшины Масыгута Татимова, сотника Альмета Аднагулова, а также Чуракай Касимова, Косяма Кучукова, Биккула Усенова с товарищами. Имена их прадедов названы так: Кудайбах[т]ы Сабанчеев, Шабан Кунакусин сын Илиманов, Кудаба[хты] Ямашев, Чурапан Нуразлин [11, л. 57]. Мы считаем, что Чурапан – точный вариант имени, хотя в других источниках оно неправильно указывается как «Черепан».

Баубек Кудайбахтин последний раз назван в документе [7]205 [1697] г. В нем также говорится о платеже 53 куницы на год [11, л. 59 об.].

И, что еще не менее важно, Токтар, Сабанчы и его сын Кодайбакты (Ходайбакты) упоминаются в исследовании по шежере рода Бараж [23, с. 107]. Здесь следует отметить достоверность генеалогических сведений и их роль для изучения истории освоения Восточного Закамья.

В связи с этим обратим внимание на следующие слова известного татарского исследователя М.А. Усманова: «Этноним «барадж» ... достоин внимания. Это почти единственное указание татарских источников на подобный болгарский этноним. <...> Этноним «барадж» мог принадлежать не крупному племени, а более маленькому, даже роду» [25, с. 174]. Мы полагаем, что часть представителей рода болгарского хана Бараж [3, с. 55] жила в Восточном Закамье еще до падения Казанского ханства. Так же, как и представители других местных татарских

родов этой территории, оформила при русских царях владенные права на свои земли и стала «башкирцами». Не случайно, вотчинники другого известного татарского рода Булярской волости утверждали, что владели вотчинами «до Казанского взятия, как в Казани был татарский царь» [10, л. 219-219 об.].

Архивные и генеалогические сведения позволяют определить, что представители рода Бараж причастны к возникновению некоторых деревень Булярской тюбы. Однако рост численности поселений обуславливали не только они, но и вотчинники других татарских родов и развитие института припуска.

Обратим внимание на то, что в документах первой половины XVII в. упоминается только д. Буляр. Это еще раз указывает на то, что данная деревня была центром одноименной волости. Поэтому ее название нужно связать с этой деревней, а не с каким-то отдельным малочисленным родом, пусть даже ханским. Также следует иметь в виду, что д. Буляр располагалась при одноименной речке («деревни Булярово, что на речке Иски Буляр» [16, л. 1192]). Поэтому на определенном историческом этапе именно данный гидроним вполне мог стать топонимом.

Вотчинники ханского рода Бараж относились к Булярской тюбе одноименной волости и платили только определенную часть ясака с данной территории. Еще часть вотчинников данной тюбы составляли представители других родов, в том числе из пришлых, об одном из них речь пойдет ниже.

В документе от 5 марта 7161 [1653] г. сообщается о ясачном «башкирце» Булярской волости Уфимского уезда Казанской дороги Байсаре Козяшеве, которого мы ранее назвали жителем д. Буляр. Ниже приводим полный текст документа.

«Семь тысящ сто шездесят[ь] перваго году [7161] марта пятого дня бил челом г[осу]д[а]рю ц[а]рю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Руси, а на Уфе в съезжей избе воеводе Ивану Андреевичю Фралзбекову (в других источниках Францбеков (Франзбеков); воеводствовал в Уфе 1653-1655 гг. – Т.К.) подал челобитную Уфинского уезду Казанской дороги д[е]р[е]вни Бюлярские волости ясашной башкирец Байсарко Козяшев, а в челобитно[й] ево написано: платить де он Байсарко г[осу]д[а]р[е]ва есаку в Казань по пяти батман меду да по две куницы да на Уфу по десяти куниц на год, тому де лет с восем[ь]десять. И ныне де он Байсарко стар и увечен и бездетен и в н[ы]нешнем де во 161-м году здал он Байсарка половину своего жеребья тое же Казанской дороги деревни Те[р]юшевы гулящему башкирцу Айтугану Сабакову и г[осу]д[а]рь бы пожаловал ево Байсарку велел записать в кн[и]ги половину ево жеребья, а то он Байсарка г[осу]д[а]ревы ясаку платить в Казань и на Уфу,

чтоб де ему Байсарке в том г[осу]д[а]реве в большем ясаке вконец не потинут и тот бы де г[осу]д[а]рев ясак на нем Байсарке в доимке не был и от того б де доимочного есаку ему Байсарке г[осу]д[а]ревы службы не отбыть и домишка своего не отстат[ь] и по г[осу]д[а]реву и великого князя Алексея Михайловича всеа Руси указу воевода Иван Андреевич Фралзбеков, слушав Байсаркин челобитной, велел платить ево Байсаркина жеребья половину в Казань по полутретьей батмана меду да по кунице да на Уфу по пяти куниц на год гулящему башкирцу Айтугану Сабакову и велел ево написать в Уфинские в есашные окладные кн[и]ги, что ему платить на Уфу г[осу]д[а]рева окладного ясаку по пяти куниц да в Казань по полутретьи батмана меду да по кунице на год и велел ему дать оберегал[ь]ную памет[ь] (память. – Т.К.), чтоб ему Байсарке в том, что он здал жеребья своего половину гулящему башкирцу Айтугану Сабакову. Уфинцы дворянские и дети боярские и подъячие и толмачи и приставы и стрельцы без суда и без сыску напрасные продаж и убытков не чинили, к сей оберегал[ь]ной памяти г[осу]д[а]реву цареву и великого князя Алексея Михайловича всеа Руси уфинского города печать приложил воевода Иван Андреевич Фралзбеков» [13, л. 17-17 об.].

Прежде чем перейти к анализу данного документа, отметим, что ранее он был в центре внимания других историков и опубликован в 2 книгах с существенными авторскими ошибками, пробелами и искажениями [1, с. 286-287; 6, с. 332]. В связи с этим возникла необходимость предложить исправленный текст документа.

Документ примечателен тем, что проливает свет на некоторые аспекты бытия вотчинника. Нужно сказать, что пример бездетного и дряхлого вотчинника, каким был Байсар Козяшев, наблюдается и по другим волостям и каждый раз вопрос решается через институт припуска. В данном случае вотчинник припустил «башкирца» Айтугана Сабакова и тем самым облегчил бремя содержания своей вотчины. С другой стороны, документ косвенно отвечает на вопрос о том, для чего нужна оберегальная (оберегательная) память. Оказывается, что она нужна прежде всего для того, чтобы многочисленная армия чиновничьего аппарата не причинила ущерба («убытков не чинила») и без того тяжелой жизни вотчинника.

Айтуган Сабаков пришел в Булярскую волость из д. Терюшево (Тюрюшово), но почему-то назван «гулящим башкирцем». А.З. Асфандияров трактует «гулящий» как «без места жительства» [1, с. 286], что совершенно не вносит ясность в данный вопрос. Если бы у Айтугана не было бы места жительства, то его деревня не называлась бы вообще. Мы полагаем, что «гулящий» (в XVII в. данное слово применяется и по отношению к представителям других сословий) в данном случае обозначает категорию «башкирца», который был озабочен поиском новой вотчины, так как прежняя по ряду причин его не

устанавливала и он сдал ее другому, имея от этой сделки определенную выгоду. Известно, что д. Тюрюшово Дуванейской поземельной волости Казанской дороги Уфимского уезда с XVII в. была заселена «мещеряками» [12, л. 178 об.-179], возможно, именно к ним перешла вотчина Айтугана Сабакова.

Нельзя оставить без замечания и следующее рассуждение вышеназванного историка, вызванное необходимостью обосновать происхождение названия д. Байсарово. Он пишет: *«Исходя из того, что в XVII в. названия деревень в основном исходили из этнонимов, названий тюб – аймаков и родов (волостей), как Тамьян, Табын, Буляр, Байляр, Еней, Киргиз, Сарайли, Мин, Юрмий, Ирэкте, то вполне уверенно можно сказать, что одна из 5-7 деревень под названием Буляр впоследствии называлась Байсарово. Поэтому Байсар Козяшев (Кузяшев) был основателем одноименного поселения»* [1, с. 287].

Мы принципиально не согласны с данным рассуждением. Во-первых, вышеперечисленные волости носили одноименные названия населенных пунктов, являвшихся административными центрами этих волостей. Названия последних нельзя объяснить вымышленными (мифическими, бездоказательными) этнонимами, ведь топонимы имеют разное происхождение: ими могут стать имена людей-первопоселенцев, названия рек, озер и других географических объектов. Еще один «уверенный» вывод о том, что «одна из 5-7 деревень под названием Буляр впоследствии называлась Байсарово», так же является бездоказательным. Была одна деревня Буляр, больше никакой, фактов, утверждающих обратное, у автора нет. Данное рассуждение могло быть вызвано желанием автора преподнести поземельные волости как родовые (об этом свидетельствуют его слова о «башкирских родах – волостях» [1, с. 18]), которые никогда таковыми не являлись.

Был ли Байсар Козяшев (Кузяшев) основателем одноименного поселения? Потому что не вотчинники д. Байсарово, а «Чуракаевой и Саперовой с разными деревнями» предъявили документ 1653 г. в качестве доказательства вотчинных прав. Доверие к этому документу было такое, что в связи рассмотрением земельного вопроса в начале XIX в. представитель власти назвал Байсара «ложным челобитчиком» [13, л. 33; 14, л. 61]. С последним мы не согласны, но должны признать, что вопрос о его возможной сопричастности к основанию д. Байсарово не должен отвергаться (хотя и не в XVII в., но в первой четверти XVIII в. эта деревня Булярской волости все-таки будет названа). Что касается топонима Байсарово, то в середине XVII в. он существовал и упоминается в такой форме: «деревни Байсарины подле Шабиз живал на озере Азби Савешайка Байбурын» [18, л. 5].

Еще раз обратим внимание на Айтугана Сабакова, ко-

торый приобрел права вотчинника через институт припуска. Известна родословная, составленная его потомками для подтверждения вотчинного (родового) права на землю. Согласно ей, к роду Айтугана Субакова (Сабакова) относилась часть жителей 3 деревень: Чалманарат (по 7-й ревизии 22 души, по 8-й ревизии – 35 душ), Курмашево (по 7-й ревизии 35 душ, в 8-й ревизии – 47 душ) и Сафарово (по 7-й ревизии 29 душ, по 8-й ревизии – 43 души) [4, с. 319]. Данные сведения показывают, что потомков Айтугана Субакова (Сабакова) в 1816 г. насчитывалось 86 душ муж. пола, в 1834 г. – 125 соответственно.

Как видим, Айтуган Субаков (Сабаков) не имел отношения к д. Байсарово, хотя был припущен ее вероятным основателем Байсаром Козяшевым (Хужашевым). Здесь также нужно особо отметить достоверность генеалогических сведений и их роль для выявления обстоятельств возникновения населенных пунктов края.

Чуть позже в источниках упоминается возможный основатель другой деревни (Тлянчино) Булярской волости. Вышеупомянутый автор пишет, что *«поскольку Тлянчино относится к Булярской волости, то смело можно предположить, что житель д. Буляр Тленчейко Байзигитов мог основать деревню своего имени, который был аманатом-заложником в г. Мензелинске до 1 марта 1664 г., когда его заменил другой башкир Сарт Мененев или БекКули Бекбодев, что видно в росписи аманатам («хто ныне в Мензелинске и кому на его место быть на Уфу в аманатах, и то писати в росписи»)* [1, с. 552]. Правильное имя последнего вотчинника Беккул. Он может являться отцом вотчинника д. Килеево Булярской волости Бекбулата Беккулова, больше всего известного по документу 1713 г.

Обратим внимание на фамилию аманата Тленчейки Байзигитова. По документу 1656 г. известен *«Биллярской волости деревни Байзигитовой Байзигит Емангулов с товарищи»* [15]. Мы полагаем, что именно Байзигит был отцом вышеназванного человека (Тлянче) и первоначально деревня называлась Байзигитово, а позже по имени его сына – Тлянчино (ныне с. Октябрь Муслюмовского района РТ).

В документе 1658 г. сообщается о «бобылях» разных деревень Казанской дороги Уфимского уезда, которые «переписаны» в окладной ясаке. *«Великого государя бобыльсково ясаку платят они по окладу по 2 куницы с человека на год и на [7]165 (1657) год те куницы платили они по окладу сполна, а с нынешнего со [7]166 (1658) года велено им платить на Уфу з братьями и з дет[ь]ми своими великого государя окладной ясак з Байлярскими башкирцы вместе по 3 куницы на год перед прежним ясаком с прибавкою, а хто имянем и которой деревни из бобыльсково ясаку в окладной ясак переписаны и их имена»* [19, л. 3]. Как видим, «бобыли» с 2-х куничного ясака перешли

на 3-х куничный оклад и стали платить вместе с байлярами башкирского сословия.

Далее названы деревни и имена «бобылей», перешедших в окладной ясак (т.е. ставших «башкирцами»). Обращает особое внимание одна строка документа, где говорится о д. «Сююндюково на речке Калмия». Из этой деревни Рузмамет Батраков с сыном Амекеем (в источнике «Амекейко») стали платить окладной ясак.

Д. Сююндуково на речке Калмия упоминается только в этом и еще в одном источнике [18, л. 3]. Имя Амекея, сына Рузмамета Батракова, наталкивает на мысль, что название д. Амекеево Булярской волости антропонимического характера. Но мы не можем однозначно утверждать, что именно этот Амекей основал одноименную деревню, которая впервые встречается в документе 1687 г. Последний документ мы рассмотрим позже, а теперь обратим внимание на другие имена.

После Рузмамета Батракова источник сообщает: *«Мурзагулка Танатмышев с сыном Шакуватком. В Великшиеве место Уразбахтина написан сын ево Услейка, потому что отец ево умер. В Кутюкейково место Исенбахтина написан зять ево Курмекейка Ногашев з братом с Байсечком, потому что Кутюкейка умер. Янгилдейка Байря[м]гозин с сыном Токузком. Сюндючка Янбахтин»* [19, л. 3-4]. Получается, что все названные люди имеют отношение к Сююндуково, а имя последнего (Сююндука Янбахтина) стало названием деревни.

В вышецитированном источнике мы намеренно выделили фразу «написан зять ево». Данный факт говорит о том, что зять и его родственники могли брать на себя платеж ясака умершего тестя и соответственно стать «башкирцами», независимо от прежнего сословного происхождения. В данном случае Курмекей Ногашев со своим братом Байсяком «переписаны» на ясак Кутюкея Исенбахтина.

В 1664 г. в источниках впервые упоминается д. Сынгрязно и одноименная волость. В связи с этим один автор пишет следующее: «В Росписи аманатам («кто ныне в Мензелинске и кому на их место быть на Уфу в аманатах») за 1664 г. по Казанской дороге среди Икских волостей была и «Саньринская волость», где располагалась одноименная «деревня Саньринская», житель которой Исенка Сарманов содержался аманатом (заложником) в Мензелинске. Его должны были заменить Алибай Иликпердеев или его брат Сарыбай. В конце XVIII в. еще была известна Саньренская волость. Затем земли Сынгрязной волости оказались в составе Булярской волости, точно также исчезли по р. Ик и другие волости, как-то: Сарыш-Кипчакская, Тамьянская, Тангаурская, Бурзянская, Кипчакская, Айская, Курпеч-Табынская, Табынская. Сынгрязцы стали булярцами-вотчинниками» [2, с. 270].

Как видим, в рост численности «башкирцев» Булярской волости внесли свою лепту еще сынгрязновцы (позднее часть их будет зафиксирована в двух деревнях). А перечисленные автором названия старых поземельных волостей периода Казанского ханства (Сарыш-Кипчакская, Тамьянская, Тангаурская, Бурзянская, Кипчакская, Айская, Курпеч-Табынская, Табынская и др.) с миграцией татар данной территории распространились по всему обширному Уфимскому уезду. Это подчеркивает роль татар Казанской дороги в формировании остальных поземельных волостей и косвенно указывает на их причастность к появлению названий последних.

Определенный интерес представляет документ от 3 июля 1674 г., где упоминается вотчинник «Билярской волости Тлекейка Байзитов» [21, л. 6]. Мы не сомневаемся, что здесь речь идет о Тлянче Байзигитове, который ранее был назван в связи с происхождением названия д. Тлянчино.

Одновременно с деревнями вотчинников и кое-где раньше их основываются поселения ясачных татар, именуемых впоследствии «тептярами». 27 ноября 1808 г. «деревни Курмашевой поверенный тептер Абдулбашир Мунасипов» заявил, что *«показанной деревни Курмашевой назат тому лет с двести и более жительство имеют на земле сказанной Булярской волости без всякого прежде платежа башкирцам оброка, по имевшимся у предков их оберегательным письмам, которое в бывшее неустройство утратились и за ту землю предки их вместе с башкирцами платили в казну куничный ясак и тою землями и всякими угодьями без всякого от кого либо спору по генеральное межевание владение имели»* [13, л. 38]. Курмашевцы были не согласны с тем, что при межевании земель землемером Лисициным они «владельцами не именованы, а показаны припущенниками». В качестве доказательства они представили квитанции «начиная с 1723 года декабря 21 дня по 747 год» о платеже куничного ясака. Они просили «при решении дела их тептерей именовать с башкирцами общими владельцами» [13, л. 38].

Требование курмашевцев можно назвать отчасти справедливым, однако при наделении землей главенствовал формальный (сословный) фактор, по которому тептяро-бобыльская сословная группа рассматривалась как припущенники вотчинников поземельных волостей (даже если заселение произошло без припуска). В период обмежевания земель «небашкирцам» кое-где удалось перейти в башкирское сословие, курмашевцы, похоже, об этом были наслышаны. Однако сам по себе факт платежа куничного ясака не имел особого значения, другое дело – «оберегальное письмо». Именно на это рассчитывали курмашевцы, говоря об этом несохранившемся документе.

Так же, как и «тептяри» д. Курмашево, одновременно

свои владельческие права доказывали и «тептяри» д. Карачево, «которые заселение свое возымели Енейской волости Канбарской тюбы на речке Шабизе по смежности Байлярской и Булярской волостей в коих, а более в последней землями владение имели и имеют во обще с башкирцами с платежем бобыльского в казну ясака» [13, л. 38 об.]. Из данной цитаты видно, что по земельным вопросам д. Карачево имела отношение преимущественно к Булярской волости. Они представили квитанции «начиная с [7]199 [1691] по 1745 год» о платеже куничного ясака вместе с «башкирцами». Карачевцы напрасно надеялись, что эти документы позволят им получить больше земли на ревизскую душу.

По владенной памяти от 14 января 1719 [1687] г. в д. Амикеево поселились татары тептярского сословия [13, л. 45 об.], которые первоначально именовались ясачными татарами-«бобылями». Этот же документ значится как основание для заселения «тептярей» других деревень. Так, в октябре 1808 г. «деревень Тлянчиной, Каскинеевой с деревнями поверенныя тептери Габидулла Мурсалимов и Сейфутдин Абдулкаримов» сообщили, что они жительствоуют «деревни Чуракаевой з деревнями пожалованной в 1719 году генваря 14-й день от Великих государей ... памяти и по данной от оной волости башкирцов в вечное владение 1727 года октября 30 дня записи» [13, л. 36 об.]. Кроме вышеназванных, на документ 1687 г. ссылались также татары тептяро-бобыльской сословной группы дд. Уразметево, Кубяково и Бекабызово [14, л. 73].

В документе 1687 г. говорится, что «велено Уфимского уезду Казанской дороги деревни Имякеевой (Амекеевой. – Т.К.) татарам Урайку Якееву, Темакки Камаеву платить окладной ясак с родственники их на речке Калмие с Уразметьком Батраковым с товарищи старого, что Урайка Якеев платил куницу, да за деньги две куницы да вновь куницу, всего по четыре куницы на год и ясачным сборщикам и иным пасы[ль]щикам, бобыльского ясаку и податей бобыльских на них Урайке и на Темее не спрашивать и ни в чем к ним не примешиваться и не убыточить» [13, л. 37; 14, л. 65 об.].

Итак, татары д. Амикеево (ныне село Муслюмовского района РТ) Урай Якеев, Темей Камаев с бобыльского ясака перешли на окладной куничный ясак и пополнили список новых «башкирцев» Булярской волости. Подробнее об амикеевцах башкирского сословия сообщается в документах первой половины XVIII в., один из них (Урусмет Тукушев) назван в документе 1742 г. в связи с переходом в Кыр-Иланскую волость.

В рассматриваемом документе также отметим Уразмета Батракова, который жил в деревне на речке Калмия. В 1658 г. он был назван жителем д. Суюндюково на речке Калмия под именем Рузмамет. Получается, что его правильное имя произносится как Уразмет (Уразмамет).

Обращаем внимание, что в связи с генеральным межеванием «тептяри и бобыли» многочисленных деревень Булярской волости назвали этот документ 1687 г. основанием для заселения их предков. Это говорит о том, что амикеевцы на протяжении длительного периода осуществляли припуск ясачных татар для облегчения бремени платежа ясака. Данное наблюдение показывает, что припуск осуществляли не только «вотчинники-башкирцы», но и ясачные татары-«бобыли», впоследствии зафиксированные в тептяро-бобыльской сословной группе. Тептяро-бобыльская сословная группа населения многих деревень Булярской волости вообще не говорит о том, что их заселение произошло по припуску «башкирцев» данной волости – таких фактов не было.

Историю заселения татар тептяро-бобыльской сословной группы д. Амикеево раскрывает еще один документ. В 1861 г. «поверенный от башкир из тептярей» Абдулхалик Баязитов сообщил, что «предки доверителей [его], проживавшие прежде в Байлярской волости Мензелинского уезда переселились назад тому более 200 лет ... Себе на право бесспорного владения землею [имели] оберегательную память 1719 [1687] года, на основании которой и жили несколько десятков лет спокойно и бесспорно до того времени, пока не перешло к нам самовольно 140 душ башкир-припущенников из Байлярской волости, которые вместе с живущими в нашей деревне вотчинниками в числе 18 душ стали делать нам стеснение в поземельном владении» [9, л. 32-32 об.].

Итак, изученные нами документы позволяют сделать вывод о том, что д. Амикеево основали татары бобыльского сословия, одна часть которых стала «башкирцами», а другая осталась «бобылями» и позднее именовалась «тептярами».

На поэтапность заселения татар д. Амикеево указывают документы 3-й ревизии. В 1762 г. татары тептяро-бобыльской сословной группы этой деревни (31 душа муж. пола) зафиксированы в команде Минея Бекбова Булярской волости, а ясачные татары (42 соответственно) – в команде старшины Масея Хасанова Байлярской волости [24, с. 90, 94]. А в 1782 г. они же двумя списками (в первом 42 рев. души, во втором – 37 рев. душ) учтены «тептярами» [24, с. 171, 174]. Это дает основание полагать, что первопоселенцы-«бобыли» припустили к себе на жительство ясачных татар Байлярской волости. О «башкирцах» этой деревни один автор пишет, что «в 1791 г. назначенный к ним муллою башкир-вотчинник Булярской поземельной волости «из личных интересов принимал припущенников из башкир. К 10-й ревизии (1859 г.) их стало 197 душ (муж. пола), потомков муллы – 18 душ. Им отведены особые наделы отдельно от земель тептярей» [1, с. 500]. Однако они были здесь не только с 1791 г., тот же автор в другой книге сообщает, что амикеевцы башкирского сословия в 1742 г. перешли в Кыр-Иланскую

волость и жили в д. Нарышево (ныне находится в составе г. Октябрьский РБ).

Отметим, что автор, явно противореча самому себе пишет о «Булярской поземельной волости», что является признанием волости как поземельной, а не родовой.

Переходим к рассмотрению других источников. По документу от 6 апреля 1706 [1698] г. известны имена некоторых жителей (Нагайбак Ногашев, его братья и товарищи) д. Сюндюково, плативших окладной ясак [13, л. 99 об.]. В документе от 20 января 1719 г. тот же Нагайбак Ногашев назван жителем д. Амекеево. Он и его товарищи (Якуп Баиков, Кармекей и Бик[к]иня Ногашевы и др.) с 7 дворов платили «тептерского ясаку на прошлой 718 год» («сверх старого ясаку за три куницы восемь денег») [13, л. 100]. Они же и другие лица (Мамет Курмакаев и др.) как плательщики тептярского ясака упоминаются также чуть позже (в 1723, 1725 гг.). Данные документы «припущенники башкирцы Байлярской волости» д. Амекеево предъявили стряпчому Скарятину в 1842 г. и при этом отметили, что они (т. е. документы) относятся и к «башкирцам» д. Сюекеево.

Итак, рассматриваемый источник свидетельствует, что термин «тептярский ясак» относится к «башкирцам». В данном случае этот вид ясака платили припущенники «башкирцы» Байлярской волости. Отметим, что случаев платежа данного ясака другими категориями не наблюдается. Ясачные татары, которые жили на вотчинной земле по припуску вотчинников с условием платежа им оброка и в XVIII в. получившие название «тептяри», «тептярский ясак» никогда не платили.

В документе 1700 г. сообщается о вотчине Касима Ба[и]кина, Аднагула Черепанова, Даира Уртекина и Бекбулата Беккулова, а также назван челобитчик «чювашенин» Ишкиня из д. Сюекеево «Булярской» волости, вступивший в спор с первыми («назвав своею» их владения). Обращает внимание следующая цитата: «Та вотчина подлинная деда ево ... Шабанка Коккозева, подарил де ево тою вотчину тое ж Казанские дороги Булярские волости башкирец ево Беккулов дед» [17, л. 1-2]. Данный текст доказывает, что имея обширные владения, вотчинник подарил часть своих угодий другому человеку. Не приходится сомневаться в том, что вместе с этим «подарком» он получил и башкирское звание (если не был «башкирцем»).

Наследники первого с фамилией «Касимов» в дальнейшем будут многократно встречаться в договорах Булярской волости. Данный документ свидетельствует, что «чювашское» звание вотчинников-татар (выходцев из Казанского уезда) продолжало существовать вплоть до начала XVIII в., прежде чем окончательно не было вытеснено «башкирским».

По июньскому договору 1701 г. вотчинник Булярской волости Ишкой Карманов припустил в свое повытье ясачного татарина д. Турачево Солтаная Исанова. Позднее, копия данного документа оказалась в руках татар тептярского сословия д. Исемметово и они представили ее «стряпчому по делам башкирцев и мещеряков» Сокурору в 1842 г. как доказательство своих земельных прав [14, л. 19; 7, л. 127]. Следует сразу оговориться, что вышеназванный договор с привлечением сведений источника позднего периода раскрывает механизм превращения припущенника-ясачного татарина в вотчинника. С учетом этого мы сочли необходимым привести текст документа.

«Се аз, Ишкой Карманов сын, Уфинского уезду Казанской дороги Булярской волости башкирец дал есми на Уфе сию на себя запись тое же Казанские дороги д[е]р[е]вни Турачевы ясашному татарину Солтаная Исанову в том, вотчина у меня, Ишкея, по той же Казанской дороге в вершинах Калмии да Саутлы речекъ да по Шибизу речке да Ситлю Саснягъ да подле Белые (?) реки две аремы Ирганиш да Ювъва да по Сюне речке по обе стороны всякие угодья мое повытье, что владел я, Ишка, тое же волости з башкирцы с родственники своими с Аднагулом Бекчурином да с Семенеем да Тлеумбетем з Гришиними да с Игием Иликеевым да с Бердышем Киикчиным с товарищи и свои аймаком. А в той же вотчине звериные, птичьи и рыбные ловли и хмелевое щипания, а ясаку в казну великого з[осу]д[а]ря с той вотчины своего повытье платил я Ишкой ясак по три безсыря меду на год и всякие службы служить и той своею вотчинною своим повытьем владеть и ходить за зверьми и за птицами (птицами. – Т. К.) и за рыбой и хмелью щипать и бортей делать не могу. И в н[ы]нешнем 1701-м году июня въ день тое свою вотчину со всякими угодья свое повытье и здал ему, Солтаная, и пустил я, Ишкой, в тое свою вотчину вместо себя ево, Солтаная. И ему, Солтаная, тою моею вотчиною, моим повытьемъ, всякими угодья владеть и служба служить и ходить в той вотчине вместо меня, Ишкея, с ними, Аднагулом и с Семенеем и с Ыгием и с Бердышем с товарищи и с моими аймаком вопче, где они стануть ходить и во вновь борти делать, и зверя всякого побивать, и птицу и рыбу ловить, и хмель щипать; а которые мои старые борти со пчелами и пустыя, до тех бортей ему, Солтаная, дела нет, владеть мне, Ишкею. И ясак в казну великого з[осу]д[а]ря с той вотчины вместо меня платить и служба служить ему, Солтаная, а ясаку платить по три безсыря меду на год по вся годы бездоимки. А которыя угодья впредь те родственники мои моево аймаку учнут в той вотчине отдавать на оброк и оброчные д[е]н[ь]ги имать и ему Солтаная с теми родственники с моими своим аймаком те оброчные д[е]н[ь]ги делить по жеребьям имать к себе. А мне, Ишкею, впредь до той моей вотчины до моего повытье дела нет и не вступатца, и у него, Солтаная, не отнимать, и с той вотчины ево не высылать и ис которыми дель и на-

сильства никакова ему в том ни чинить. А буде я, Ишкей, против сей записи во всех вышеписанных статьях хоца в малом в чем не устою, и ему Салтанаю в том какая насильство и утеснения учиню, и на мне, Ишкее, взять ему, Салтанаю, по сей записю за всякую неустойку сем[ь]десят рублев д[е]н[е]г» [14, л. 20-21].

Таким образом, Салтанай Исанов стал владельцем части вотчины (повытья), приходившейся на долю Ишкея Карманова. Позднее повыток Салтаная в вотчине Булярской волости унаследовал его сын Баик Салтанаев в статусе «башкирца». Об этом сообщает второй документ из книги от 10 сентября 1727 г., который начинается так: «Подал запись Уфинского уезду, Казанской дороги, Белярской волости башкирец Баик Салтанаев, в которой написано: Се аз Ишкей Карманов сын Уфинского уезду, Казанской дороги, Белярские волости башкирец дал еси на Уфе сию на себя запись тое ж Казанские дороги, деревни Тюрячевы ясашному татарину Салтанаю Исакову». Далее этот документ пересказывает текст вышеупомянутого июньского договора 1701 г., добавлены лишь следующие слова: «А ныне я, Ишкей, остарел и одрехлел, и бездетен» [8, с. 10-11], пропущенные в копии первого документа.

Как видим, старость и бездетность не позволяли вотчиннику вести хозяйство самостоятельно, поэтому он припустил в свое повытье ясачного татарина. От Салтаная вотчину унаследовал его сын Баик Салтанаев, который, как положено вотчиннику, именовался «башкирцем», т.е. стал татаринном башкирского сословия.

Таким образом, на примере ясачного татарина Салтаная Исанова мы рассмотрели один из механизмов формирования башкирского сословия. Обратим внимание на документ более позднего периода, который сообщает сведения о татарах тептярского сословия данной деревни, а также д. Турачево (оттуда был родом ясачный татарин Салтанай Исанов). Из переписи 1762 г. по дд. Исембетево и Турачево видно, что они в состояли в команде старшины Минея Бекбова Булярской волости, в первой деревне насчитывалось 17 душ муж. пола во главе с 71-летним Илишем Султанаевым, во второй – 57 (в т. ч. 73-летний Туйчи Икбаев, 31-летний Юлай Исемметов) [16, 746 об. и др.; 24, с. 94-95]. Мы считаем, что татарин тептярского сословия Илиш Султанаев – сын ранее упомянутого ясачного татарина Салтаная (Султаная) Исакова (Исанова). Получается, что тот сын (Баик), который унаследовал от Салтаная вотчину, стал «башкирцем», а другой (Илиш) – остался в тептярском сословии.

Еще одно значение июньского договора 1701 г. заключается в том, что он показывает, как шесть вотчинников (Ишкей, Аднагул, Семеней, Тлеумбет, Игый, Бердыш) в начале XVIII в. владели огромной территорией от рр. Калмия и Шабиз (ныне территории Актанышского и Мус-

люмовского районов РТ) до р. Белая (Агидель). Припуск других сородичей с выделением им доли в вотчине, как Салтанаю Исанову, позднее привел к многократному росту численности татар башкирского сословия.

В документе 1701 г. упоминается вотчинник «деревни Секия блиско Калмия» Темяк («Темячко») Камаев, который имел долг перед государством («два рубли двенадцать с полуденгою») [5, с. 129]. По другому документу того же года известно, что «деревни-де Секия блиско Калмия башкирцы Макарко Батраков з детьми владеют вотчиною по Самаре реке по обе стороны и бобры ловят. И с тех-де бобровых гон он, Макарко, з детьми своими платят они оброк в казну» [5, с. 131]. Источник также сообщает о деревне «Сагралей блиско Калмия» с «башкирцем» Уранбаком Ишкилдином. Четкарка Ембетев и его сын Облай раньше жили в Сынгрянской («Сенирянской») волости, а потом перешли «вверх по Ику реке на усть Секия речки» [5, с. 131].

Все эти сведения рассматриваемых документов 1701 г. достойны обширного комментирования. Однако здесь отметим лишь факт перехода жителей Сынгрянской волости в Булярскую. Между двумя волостями всегда существовала неразрывная связь, что мы не раз будем наблюдать при рассмотрении других источников. Переход вотчинников из одной волости в другую был обычным явлением, и это нужно иметь при рассмотрении вопроса о формировании башкирского сословия. Причем, переселенец мог стать равноправным членом нового коллектива – сообщества вотчинников и не считаться припущенником. Все это говорит о том, что в пределах любой волости башкирское сословие могло сформироваться из представителей разных территорий и семейно-родственных групп.

К началу XVIII в. и позднее доля вотчинников в общей численности населения оставалась небольшой, Булярская тюба росла главным образом за счет припущенников разных сословий, которые основывали здесь свои деревни еще в давние времена. Так, «из черемис тептяри» Минли Емангулов и Айдуван Таиров из д. Старый Буляр отозвались стряпчему Скарятину в 1842 г., что поселились «в числе прочих тептярских деревень более уже назад тому 200 лет; на что имеют данную им по указу великого государя и царя Петра Алексеевича в 24 день декабря 1701 года оберегательную память; которая в копии хранится у одновладельцев с ними Мушугинской тюбы деревни Шанчуриной тептярей» [13, л. 111]. Данный источник косвенно свидетельствует о том, что марийцы 200 лет назад (т. е. 1642 г.) относились к Мушугинской тюбе, а оттуда перешли в д. Старый Буляр Булярскую тюбу.

Итак, к 1701 г. мы наблюдаем значительное количество деревень вотчинников и населения других катего-

рий («Бобылей» и др.). «Бобыли» и припущенники сыграли немаловажную роль в формировании башкирского сословия. Булярская тюба стала считаться отдельной тю-

бой одноименной волости только тогда, когда в состав последней была включена Мушугинская тюба, прежде называвшаяся волостью.

ЛИТЕРАТУРА

1. Асфандияров А.З. Аулы мензелинских башкир. Уфа, 2009. 600 с.
2. Асфандияров А.З. История сел и деревень Башкортостана и сопредельных территорий. Уфа, 2009. 744 с.
3. Ахмеров Г.Н. Избранные труды. Казань, 1998. 237 с.
4. Башкирские родословные. Выпуск 1. Сост. Р.М. Булгакова, М.Х. Надергулова. Уфа, 2002. 480 с.
5. Башкирское общество конца XVI-XVII в. по документам Уфимской приказной избы. Уфа, 2005. 204 с.
6. История башкирских родов. Т. 36. Буляр. Уфа, 2020. 920 с.
7. Малоизученные источники по истории Башкирии. Уфа, 1986. 168 с.
8. Материалы по истории Башкирской АССР. Т. 3. М., 1949.
9. Национальный архив Республики Башкортостан (НА РБ). Ф. И-2. Оп. 1. Д. 9222.
10. НА РБ. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 1545.
11. НА РБ. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 1546а.
12. НА РБ. Ф. И-138. Оп. 2. Д. 431.
13. НА РБ. Ф. И-172. Оп. 1. Д. 20.
14. НА РБ. Ф. И-172. Оп. 1. Д. 21.
15. ОРКР КФУ. Д. 3156.
16. РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 3801.
17. РГАДА. Ф. 1173. Оп. 1. Д. 80.
18. РГАДА. Ф. 1173. Оп. 1. Д. 468.
19. РГАДА. Ф. 1173. Оп. 1. Д. 470.
20. РГАДА. Ф. 1173. Оп. 1. Д. 769.
21. РГАДА. Ф. 1173. Оп. 1. Д. 1217.
22. РГАДА. Ф. 1173. Оп. 1. Д. 1325.
23. Сәетов Р.С. Бүләр (Бараж) шәжәрәсе//Туган җир. 2018. № 4. С. 99-116.
24. Татары Уфимского уезда (материалы переписей населения 1722-1782 гг). Казань, 2020. 192 с.
25. Усманов М.А. Татарские исторические источники XVII-XVIII вв. Казань, 1972. 223 с.

© Каримов Тагир Тимергазимович (tkarimov@bk.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПРОБЛЕМА ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЛОШАДЬМИ НИЖЕГОРОДСКОГО РЕЗЕРВНОГО ОПОЛЧЕНИЯ 1812 Г.

THE PROBLEM OF PROVIDING THE NIZHNY NOVGOROD RESERVE MILITIA WITH HORSES IN 1812

**D. Nikolaev
V. Berendeev**

Summary: The article is devoted to the consideration of the features and nature of the process of providing horses to the warriors of the Nizhny Novgorod reserve militia of 1812, the analysis of the class-corporate features of the era identified in the process of equipment and provision. Based on the study of the materials of the Central Archive of the Nizhny Novgorod region and the analysis of historiographical works, the general and special features of the local militia corps in the process of providing it with the necessary number of horses are revealed

Keywords: Nizhny Novgorod province, Nizhny Novgorod militia of 1812, officer corps, Napoleonic Wars, military ranks, mobilization.

Николаев Дмитрий Андреевич

К.и.н., доцент, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
dmnikolaeff@mail.ru

Берендеев Вадим Анатольевич

К.и.н., доцент, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
weiss-tiger@yandex.ru

Аннотация: Статья посвящена рассмотрению особенностей и характера процесса обеспечения лошадьми ратников нижегородского резервного ополчения 1812 г., анализу сословно-корпоративных особенностей эпохи, выявленных в процессе снаряжения и обеспечения. На основе изучения материалов Центрального архива Нижегородской области и анализа историографических трудов выявлены общие и особенные черты местного ополченного корпуса в процессе его обеспечения нужным количеством лошадей.

Ключевые слова: Нижегородская губерния, нижегородское ополчение 1812 г., офицерский корпус, наполеоновские войны, военные чины, мобилизация.

После вторжения войск Наполеона на территорию Российской Империи, Александр I в официальном рескрипте сообщил о начале новой войны [2, с.129] и выразил мнение, что этот ее этап носит общий и всенародный характер [1, с.117]. Манифестом от 6 июля 1812 г., обращенном ко всем подданным и сословиям Империи, утверждалась необходимость создания по всей стране местных губернских ополчений, которые «составляли бы вторую ограду, в подкрепление первой (т.е. регулярных войск – авт.) и в защиту домов, жен и детей...»; несколько позднее территории, где должны быть созданы ополчения, ограничили 16-ю губерниями, ближе всего расположенных к местам боевых действий [6, с.39]. 1 сентября 1812, согласно формализованным положениям, начался сбор ополчения в Нижегородской губернии, которое действительно стало народным [4, с.95], поскольку состояло, в основной своей массе, из помещичьих крестьян, и дворянским [9, с.96], по своему начальствующему офицерскому составу [3, с.121]. Всего по губернии, с сентября по декабрь 1812 г., подлежало сбору 12 275 пеших и 653 конных воинов для формирования 5 пехотных и 1 кавалерийского полков под командованием полковников А.К. Шебуева [17, с.27], А.П. Ровинского, Я.И. Каратаева, Ф.Ф. Ралля и Ф.И. Звенигородского [18, с.98]. Конный полк ополчения возглавил действительный статский советник П.Ф. Козлов [19, с.115]. Среди полномочных структур [15, с.217], созданных специально для этой цели, особо выделялись, по своему значению и функциям, комитеты

пожертвований [5, с.95] и вооружения [13, с.58]. Обмундирование [14, с.58], снаряжение [12, с.39] и даже вооружение [10, с.75] ополчений той поры осуществлялось за счет «отдатчиков ратников», т.е. помещиков [11, с.345], либо мещанских сообществ [16, с.35]. Все полки нижегородского ополчения входили в состав так называемого III ополченного округа (вместе с ополчениями казанским, вятским, симбирским, пензенским и костромским) [7, с.368] под предводительством генерал-лейтенанта П.А. Толстого [8, с.67]; начальником же нижегородского ополчения являлся князь Г.А. Грузинский.

21 октября 1812 г. вышел императорский указ о формировании второго, уже резервного ополчения [20, с.204]. Всего организовывалось 3 пехотных ополченских полка, 3 артиллерийских роты (из 36 орудий), а также обеспечивалось снабжение лошадиным «парком» 3 других артиллерийских роты рекрутского набора [21, с.62]. Первоначальное руководство сбором ополчения (и командование им) осуществлял начальник первого ополчения (не отправившийся в поход вместе с вверенным ему подразделением) князь Г.А. Грузинский, затем эти функции (непродолжительное время) исполнял князь Ф.А. Звенигородский, а потом на должности командующего нижегородским резервным ополчением был утвержден (по избранию дворянства) генерал-майор П.Б. Григорьев [22, с.13]. Нижегородское резервное ополчение в организационном плане, так же, как и ополчение основное, структурно входило в III резервный ополчен-

ский округ, возглавляемый генерал-лейтенантом Д.А. Булыгиным. В боевых действиях это ополчение не участвовало и было распущено в 1813 г.

Изначально предполагалось, что в составе резервного ополчения, подобно тому, как это было в ополчении основном, будут действовать не только пешие (пехотные), но и конные подразделения. По-особому «Высочайшему повелению октября того же года в дополнение Нижегородского ополчения с тех же дворянских имений собрать (было – авт.) предположено» 330 т.н., «строевых» лошадей. Кроме того, требовались и лошади «подъемные» (т.е., для перевозки грузов), количество которых было утверждено в 132 головы, которые должны были перевозить полковое имущество и больных ратников на 66-ти телегах [23, л.155]. Несколько позднее была уточнена численность лошадиного «парка» (поскольку «из числа строевых лошадей, следующих к сбору от помещиков Нижегородской губернии по дополнительному ополчению назначено ... 242 лошади для трех сформированных к ополчению генерал-майором Ильиным артиллерийских рот, они немедленно должны будут выступить в поход ...») [24, л.2]. Формализованные требования по приему лошадей были следующими: «1-е, лошадей сих принимать по прежнему положению не ниже 1-го аршина 15 вершков и не старше 8 лет, но без седел и прочих принадлежностей; 2-е, при приеме быть одному чиновнику от дворянства и откомандированному от генерал-майора Ильина артиллерийскому штаб- или обер-офицеру, из коих первому делать сим лошадям описи и сдавать их с расписками ...» [24, л.2].

Вскоре после начала сбора лошадей генерал-майор Ильин уведомил руководство о том, что «отдача лошадей от нижегородского дворянства идет медленно и вместо забракованных им по теперешнее время 38 лошадей не доставлено...» [25, л.70]. Одной из вероятных причин медленного сбора лошадей стали противоречия в понимании сути и буквы выполнения «дворянского долга», что нашло свое отражение в пространной «записке» «О невозможности исполнения требуемого командующим III округом военного ополчения на обращение принадлежащих к ополчению лошадей в сформированные три артиллерийские роты генерал-майором Ильиным» нижегородского уездного предводителя дворянства Ленивцева на имя предводителя дворянства губернского. Содержание этой записки было следующим: «... Нижегородский гражданский губернатор в отношении своем ... объясняет мне, что ... Толстой назначил из числа строевых лошадей, следующих к сбору от помещиков Нижегородской губернии по дополнительному ополчению 242 лошади для ... 3-х артиллерийских рот, кои немедленно должны будут выступить в поход ... не могу я и приступить к исполнению такого дела, в коем не объяснено повеления, или желания Государя Императора, на сей новый предмет последовавшего, тем наипаче,

что и самой сбор дополнительного ополчения объявлен был дворянству от имени Его Величества, а потому и все расчисление строевых лошадей основывается на первоначальном распорядке необходимой надобности положенного к ополчению числа сих лошадей; каковое дополнительное положение не иначе последовать могло, как собранием предводителей с дворянством. Следовательно, и всякой сбор и действие к оному дворянства во всех предметах, к пожертвованию относящихся, происходит и утверждается единственно от Высочайшей воли. А как из сего распоряжения господина Командующего ... ясно видно, что определенное число дополнительного ... сбора строевых лошадей более уже не нужно, то и обращать таковой сбор в военное ведомство артиллерийских рот, сформированных не из ополчения, а из рекрут на счет государственный, не входит в число издержек и обязанностей дворянства ...» [26, лл.18-19]. Тем не менее, несмотря на подобные, и, во-многом, аргументированные, в духе своего времени, возражения дворянского предводителя, за которыми, без сомнения, стояли прямые материальные интересы нижегородского дворянства, и без того «претерпевшего» ввиду многочисленных «добровольных пожертвований», сбор лошадей, в итоге, был осуществлен и 1 марта 1813 г. Ильин доложил Григорьеву, о том, что «... 242 лошади приемом сего марта по 1 число окончены, все лошади, по свидетельству моему, найдены на службу годные и в тех летах, какие ... назначены, в чем от меня отдатчикам, гг. коллежскому советнику Запольскому и титулярному советнику Сколкову даны квитанции: первому на 133, а последнему на 109 (лошадей – авт.) даны» [24, л.7].

Действительно, учитывая численный состав резервного ополчения и масштабы его обеспечения, была реализована идея сбора «половинного количества и против того числа, что было собрано для первого ополчения (для которого было собрано 660 строевых лошадей – авт.), всего 330 с 3-х месячным на них фуражом» [27, л.231], но, ввиду конечного отказа от решения о формировании резервных кавалерийских подразделений, «напоследок оные лошади ... по распоряжению ... Толстого ... поступили на другую службу, а именно 242 в ведомство Артиллерийское в формировавшиеся в Нижнем ... (генерал-майором – авт.) Ильиным из рекрут Артиллерийские роты без предназначенного на них фуража». Вероятно, Григорьевым была допущена ошибка, заключающаяся в полной отмене им сбора средств «на продовольствие 330 лошадей», потому, «что якобы все они поступают для артиллерии на казенное продовольствие» [28, л.62]. Это вызвало в его адрес дополнительные разъяснения со стороны Булыгина: «на сие я должен Вам изъяснить, что из числа помянутых 330 лошадей, на казенное содержание поступает только 242. Сие доказывается сношением с Его Сиятельством господином гражданским губернатором, с коего сообщена мне ... копия, остальные же 88 лошадей, хотя и определяются для 3-х артиллерийских

рот при резервном ополчении формирующихся, но как сии роты составятся из воинов чиновников, служащих в ополчении, а господин артиллерии генерал-майор Ильин уведомил меня, что как сим, так и лошадям казенного содержания не назначено, то и должны они быть на счет дворянства, а потому и сделанная Вами отмена в сборе денег на фураж ... несоответственна» [28, л.62]. Поскольку «последние» 88 лошадей (из 330) поступали также для артиллерийских рот, но формировавшимся из воинов резервного ополчения подполковником Зимнинским, они доставлялись «с 3-х месячным фуражом и верховым конским прибором; почему в уравнении участков, долженствовавших поставить лошадей одни с фуражом и верховым конским прибором, а других без фуража и конского прибора ... определено: собрать для сих последних 88 лошадей на 3-х месячной фураж, седла с прибором и на подковку всего с 323 121 души 6462 рубли 42 копейки ...» [27, 231].

В мае 1813 г. в очередном распоряжении Булыгина «...относительно сбора и продовольствия подъемных лошадей», было приказано «подъемных лошадей собрать и осмотреть оных уездным предводителям и паки отдать их обратно владельцам до востребования, из каковых распоряжений видна выгода та, что на сих лошадей не выходит расхода денег на фураж ни от дворян, ни от казны ...» [29, л.185]. Т.е., фактически, собранные с уездов лошади не поступали на общее сборное место, а оставались, до особого распоряжения, на содержании своих владельцев, что экономило и казне, и военному ведомству существенные средства. Другим сообщением также подтверждалась информация о том, что «лошади собраны, находятся поныне в вотчинах, которые содержанием и бережением их терпят отягощения...» [29, л.192], пока, наконец, не было принято следующее решение: 28 сентября 1814 г. артиллерийский департамент Военного министерства в отношении к нижегородскому вице-губернатору Быховцу известил того, что «господин Инспектор артиллерии предложил оному департаменту ... всех заготовленных для артиллерии, но по изменившейся надобности оказавшихся излишними лошадей ... в течение 3-х недель продать за цены сколько можно выгодные для казны ... и о последующем департамент уведомить...» [30, л.44]. Но, поскольку недоимочных лошадей никто и не собирался «представлять налицо», и, тем более, продавать их, то «на местах» было принято «соломоново решение» о том, чтобы просто вычесть с положенных для поставок участков по 125 руб. за каждую лошадь (т.е., по «средне-минимальной» цене), и, умножив эту сумму на 7 (по количеству недоимочных ло-

шадей), доставить деньги Быховцу для передачи в казну [30, л.77].

Согласно данным итогового финансового отчета, который был представлен в ноябре 1814 государственному контролеру, барону Кампенгаузену, по резервному нижегородскому ополчению значилось: «242 лошади с недоуздками, поставленными к Ильину по 125 руб.-30250 руб.; К Зимнинскому: 81 лошадь по 125 руб.-10125 руб.; По подрядной цене: 88 хомутов по 16 руб. 50 коп.-1452 руб.; 44 седла с уздами и недоуздками и прочим прибором по 20 руб.-880 руб.; 44 щетки и таковое же число скребниц по 1 руб. 50 коп.-66 руб.; Итого: 1254 руб. 75 коп. Всего с Ильиным: 42796 руб. 75 коп. К Григорьеву: Цены полагаются как и 1-го ополчения: 125 лошадей по 100 руб.-12500 руб.; 63 повозки с цинковками и веревками по 85 руб.-5355 руб.; 63 пары хомутов, каждая пара по 25 руб.-1575 руб.; 63 топора и по такому же числу буравов и долот всех трех сортов по 2 руб.-126 руб.; Итого: 19556 руб. Всего с Григорьевым: 19656 руб. Недоимочные: По 2-му ополчению: 6 подъемных лошадей по 100 руб.-600 руб.; 3 повозки с прибором по 85 руб.-255 руб.; 6 хомутов за пару по 25 руб.-75 руб.; 3 топора и по такому же числу буравов и долот всех трех сортов по 2 руб.-6 руб. Итого: 936 руб. За 7 строевых (также недоимочных – авт.) лошадей по 125 руб.-875 руб.» [31, лл.21-22].

Таким образом, к началу 1813 г. были ликвидированы «задолженности» по поставкам лошадей и «верховых приборов» перед первым, выступившим в поход, ополчением и полные комплекты тех и других поступили в полном объеме в ополченский конный полк. Несколько замедленным темпом, но все же также были, в целом, «исполнены» обязательства по поставкам лошадей для ополчения резервного. В ходе этих поставок возникли определенные противоречия между руководством ополчения и предводителями дворянской корпоративной среды, заключавшиеся в различном толковании руководящих предписаний по сбору необходимых средств (лошадей и сопутствующего имущества) для обеспечения действий ополчения, и, в частности, различном понимании предметов ведения и пределов компетенций тех и других, поскольку большая часть лошадиного «парка» шла на обеспечение не ополченских подразделений, а подразделений регулярной армии рекрутского набора. Тем не менее, несмотря на определенные недоумения организационно-технического характера, к весне 1813 г. все обязательства по поставкам лошадей во все необходимые подразделения и ведомства были выполнены.

ЛИТЕРАТУРА

1. Грубов В.И., Николаев Д.А. Вопросы архивоведения и источниковедения в высшей школе//Отечественные архивы. 2018. №1. С.116-117
2. Грубов В.И., Николаев Д.А. Вопросы архивоведения и источниковедения в высшей школе//Отечественные архивы. 2019. №2. С.129-131

3. Дорофеев Ф.А., Николаев Д.А. Особенности формирования офицерского корпуса в нижегородском ополчении 1812 г.//Вопросы истории. 2020. №1. С.121-128
4. Дроздов Ф.Б., Николаев Д.А. Народное ополчение 1812 г. и общественный договор//Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2012. №6 (3). С.95-99
5. Егоров Г.В., Николаев Д.А. Формирование «подвижного магазейна» по снабжению армии в Нижегородской губернии в 1812 г.//Гуманитарные и социально-экономические науки. 2017. №5 (96). С.95-98
6. Кауркин Р.В., Дроздов Ф.Б., Николаев Д.А. Отечественная война 1812 г. Нижегородское ополчение и его участие в заграничных походах 1813-1814 гг. Н. Новгород: НО ИРИ, 2012. 158 с.
7. Народное ополчение в Отечественной войне 1812 года. Сборник документов /Под ред. Л. Г. Бескровного. М.: Изд-во АН СССР, 1962. 548 с.
8. Николаев Д.А. Добровольцы в нижегородском ополчении 1812 г.: исторические реалии и историографические мифы//Вестник Нижегородского университета им. Н.И.Лобачевского.2018. №2. С.67-77
9. Николаев Д.А. Заболеваемость офицеров нижегородского ополчения 1812 г. (по материалам официального делопроизводства начала XIX века)// Оборонно-промышленный комплекс России: исторический опыт и современные стратегии. Сборник материалов II Всероссийской научно-практической конференции. 2017. С.96-99
10. Николаев Д.А. Как и чем вооружалось нижегородское ополчение в 1812 году//Военно-исторический журнал. 2019. №2. С.75-79
11. Николаев Д.А. Комплекс документов по вопросам продовольственного и вещевого обеспечения нижегородского ополчения 1812 г.//Торговля, купечество и таможенное дело в России в XVI – XIX вв. Сборник материалов Четвертой международной научной конференции. Редактор-составитель А.И. Раздорский. Редколлегия: В.Н. Беляева [и др.]. 2018. С.345-349
12. Николаев Д.А. Материалы официального делопроизводства по вопросам продовольственного и вещевого обеспечения нижегородского ополчения 1812 г.//Вопросы архивоведения и источниковедения в высшей школе. Сборник статей участников XVI Региональной научно-практической конференции. Под редакцией В.И. Грубова, А.А. Исакова. 2019. С.39-43
13. Николаев Д.А. Некоторые аспекты развития военного производства Нижегородской губернии в начале XIX века (на примере вооружения нижегородского ополчения 1812 г.)//Оборонно-промышленный комплекс России: исторический опыт и современные стратегии. Сборник материалов II Всероссийской научно-практической конференции. 2017. С.58-62
14. Хвостова И.А., Николаев Д.А. Инспекторский смотр обмундирования и снаряжения нижегородского ополчения в 1812 г.//Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2017. №12. С.58-61
15. Хвостова И.А., Николаев Д.А. Логистические особенности обеспечения нижегородского ополчения 1812 г. на начальном этапе его формирования (сентябрь – октябрь 1812 г.)//Вопросы истории. 2020. №2. С.217-224
16. Хвостова И.А., Николаев Д.А. Страницы истории нижегородского ополчения 1812 г.: проблема «лишнего» оружия//Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2019. №9. С.35-37
17. Хвостова И.А., Николаев Д.А. «...Упражняются... в пьянстве и буйстве...»: формирование и девиантные особенности походного марша 3-го полка нижегородского ополчения (сентябрь 1812 – июнь 1813 гг.)//История: факты и символы. 2019. №4 (21). С.27-36
18. Хвостова И.А., Николаев Д.А. Формирование и походный марш 5-го полка нижегородского ополчения 1812 г. (сентябрь 1812 – апрель 1813 гг.)//Гуманитарные и социально-экономические науки. 2019. №3 (106). С.98-103
19. Хвостова И.А., Николаев Д.А. Формирование и походный марш конного полка нижегородского ополчения 1812 г. (сентябрь 1812 – февраль 1813 гг.)// Гуманитарные и социально-экономические науки. 2018. №2 (99). С.115-119
20. Хвостова И.А., Николаев Д.А. Процесс вооружения нижегородского резервного ополчения 1812 г на начальном этапе его формирования//Вопросы истории. 2022. № 7-1. С. 204-208
21. Хвостова И.А., Николаев Д.А. Добровольцы в нижегородском резервном ополчении 1812-1813 гг.//Вопросы истории. 2022. № 9-2. С. 62-67
22. Хвостова И.А., Николаев Д.А. Процесс вооружения нижегородского резервного ополчения 1812 г.//Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2022. № 4. С. 13-15
23. Центральный архив Нижегородской области (ЦАНО), Ф.1822, Оп.3, Д.10
24. ЦАНО, Ф.1822, Оп.1, Д.151
25. ЦАНО, Ф.1822, Оп.1, Д.182-г
26. ЦАНО, Ф.1822, Оп.1, Д.30
27. ЦАНО, Ф.1822, Оп.1, Д.235
28. ЦАНО, Ф.1822, Оп.1, Д.134
29. ЦАНО, Ф.1822, Оп.1, Д.160
30. ЦАНО, Ф.1822, Оп.1, Д.156
31. ЦАНО, Ф.1822, Оп.1, Д.192

© Николаев Дмитрий Андреевич (dmnikolaeff@mail.ru), Берендеев Вадим Анатольевич (weiss-tiger@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ГОРОДА ЮЖНОЙ ИТАЛИИ ПОД ВЛАСТЬЮ РОЖЕРА II (20-Е – 30-Е ГГ. XII В.)

Ртищева Галина Анатольевна

кандидат исторических наук, доцент, ИГН МГПУ

galina_rtischeva@inbox.ru

CITIZENS OF SOUTH ITALY UNDER THE GOVERNMENT OF ROGER II (1920S – 1930S)

G. Rtischeva

Summary: The article is devoted to the fate of southern Italian cities during the establishment of the power of Roger II of Sicily on the peninsula. In historiography this problem is usually considered from two sides: the socio-economic basis of the city or universitas (urban community and its representative munici) is studied. On this basis conclusions are made about the degree of proximity of the cities of Southern Italy to the Northern Italian communes. The author proposes to take into account in such studies the data of chronicles, which narrate the realities of the socio-political life of cities: Salerno, Naples, Troia and Bari, and make it possible to determine the degree of sustainability of their universitas.

Keywords: Southern Italy, Normans, universitas, military magistrate, Roger II of Sicily, commune.

Аннотация: Статья посвящена судьбам южноитальянских городов в эпоху установления на полуострове власти Рожера II Сицилийского. В историографии эта проблема рассматривается как правило с двух сторон: изучается социально-экономическая база города или universitas (городская общность и представлявшая ее муниципия). На основе этого делаются выводы о степени близости городов Южной Италии к североитальянским коммуна. Автор предлагает учитывать в таких исследований данные хроник, которые повествуют о реалиях социально-политической жизни городов: Салерно, Неаполя, Тройи и Бари, и позволяют определить степень устойчивости их universitas.

Ключевые слова: Южная Италия, норманны, universitas, военный магистрат, Рожер II Сицилийский, коммуна.

К концу XI в. по подсчетам Энрико Сестана, в Южной Италии существовало около 70 civitates. Почти половина из них были достаточно крупными, остальные оставались небольшими поселениями [1: 101]. Самыми значительными, наряду с Амальфи, были Бари, Тройя, Неаполь и Салерно. До 60-х годов XI в. большая часть городов Южной Италии оставались под властью Византии или лангобардских князей. Норманны (нормандцы), которые до 40-х гг. подвизались в этом районе в качестве наёмников, в конце этого десятилетия приступили к самостоятельным завоеваниям. Для контроля над городами они занимали уже возведенные цитадели или строили донжоны, а позднее замки, в черте города или рядом с ним. Например, такие как в Бари, Тройе и Лучере. Но окончательно южно-итальянские города перешли под контроль норманнов только в 70-е гг. XI в., когда юг полуострова окончательно перешел из-под власти лангобардов и византийцев норманнским баронам.

С этого времени и до первой трети XII в., то есть до присоединения Южной Италии к Сицилийским владениям Рожера II, города на юге полуострова сохраняли некоторую автономию. Местными могли быть не только городские судьи и нотариусы, но и высшая администрация [2: 76–79, 219–271; 3: 213]. Исследования Вито Лоре показали, что комиты, (comitis), которые упоминаются в городских документах бывших лангобардских городов,

это не норманнские сеньоры, а выходцы из городской аристократии, сложившейся еще при лангобардах [4: 65–71]. В городах, раньше принадлежавших Восточной Римской империи, норманны так же оставляли, на условиях лояльности, византийскую администрацию. Городские катепани взаимодействовали с норманнскими сеньорами как ранее с византийской администрацией, главным образом собирая и поставляя выплаты. При этом города находились под военным контролем норманнов и это позволяло курировать как их судебные, так и административные решения.

Похожим образом ситуация складывалась на Сицилии. На острове норманны использовали арабский и, отчасти, византийский бюрократический аппарат. Многие должности, их названия и полномочия здесь сохранились со времен арабской Сицилии, например, ammiratus (amir), или были заимствованы из византийской системы управления — protonotarius, logotheta [5: 654].

Наличие на острове развитой администрации, налоговых округов, земельных реестров представляло собой готовую систему контроля, которую при благоприятных условиях можно было распространить не только на сельские территории, но и на города. Однако до второй половины 20-х гг. XII века мы, даже на острове, не встречаем представителей норманнской городской администрации [6].

Эта относительная автономность южноитальянских, а первое время и сицилийских, городов позволила исследователям итальянского урбанизма поставить вопрос о характере их автономии в норманнском государстве Рожера II. Первым в начале XX в., его поднял Франческо Карабеллезе. Он писал о исторических судьбах средневековых городов севера и юга Италии и пришел к выводу, что при норманнах, в XI–XII вв. большие и малые южные города мало чем отличались от североитальянских коммун этого времени. В своих рассуждениях он опирался на тексты, в которых упоминалась городская *universitas* (общность, объединение, муниципия). Он трактовал её как юридически оформленный институт (или институты) самоуправления [7]. Эта трактовку в 80-е гг., хотя и осторожно, поддерживала советская исследовательница средневековой Южной Италии проф. М.Л. Абрамсон. В работе, посвященной судьбам крупных южноитальянских городов, она писала: «Экономический подъем городов имел своим следствием усиление горожан, объединенных военной организацией и, при отсутствии центральной власти, лежал в основе начавшегося в X–XI вв. во многих городах процесса образования коммуны (*universitas*).» [8: 26]. Но в те же годы большой материал о семантике понятия *universitas* в контексте городской жизни южных городов был собран Джинной Фазоли. В работе «Город и городские сословия в эпоху двух Вильгельмов» она настаивала, что в источниках второй половины XII в. «*universitas*» используется для обозначения людей, проживающих и действующих на общей территории, в то время как значение термина «*commune*» иное. Д. Фазоли определяла коммуну как сознательное объединение людей, при этом замечала, что в источниках под термином коммуна часто подразумевается объединение, имеющее некую общую собственность. А так как внятных свидетельств об общей собственности в городах юга нет, то она полагала, что мы не можем отождествить «*universitas*» и «*commune*» [9]. Таким образом вопрос о сходстве южных и северных городов Италии на время был снят. Возобновил эту дискуссию Джованни Витоло [10: 243–294, 256–275].

В 2007 году он предложил идентифицировать значение термина *universitas*, которое используется в документах или описаниях городов: Салерно, Амальфи, Бари, Тройя и др. в XII и XIII вв., с понятием *commune* или *communitas*. Он полагал, что, если в городских документах или при описании города он определяется как *universitas*, то это означает, что город имеет политическую и правовую автономию. Однако центральным аргументом в обосновании этой точки зрения стал документ не норманнского, а более позднего времени - договор 1214 г. *Pro reformatione pacis* (Об изменении мира) который оформил отношения Гаэты и Пизы. В нем действительно употребляются две формулировки: говорится о *commune civitatis Gaietae* (городской коммуне Гаэта) и собрании *tota universitate Gaietae* (всего объединения Гаэты) [11: 43–44]. Но, во-первых, существование ком-

мунальных магистратов Гаэты в более раннее, норманнское время, не подтверждается другими источниками и, во-вторых, естественно возникает следующее соображение: не является ли это отождествление терминов *universitas* и *commune* в договоре попыткой преодолеть политико-терминологическую дистанцию с северным союзником. В 2009 году с опровержением идей А. Витоло выступил видный итальянский историк, Джузеппе Галассо, повторив логику Джинны Фазоли. То есть долгая дискуссия о термине *universitas* не слишком приблизила нас к решению вопроса о том был ли южноитальянский город при норманнах коммуной.

Другим направлением исследований этого вопроса был поиск в экономической и социальной жизни этих городов основ, порождающих коммунальные институты. Частноправовые документы и хроники этого периода действительно позволяют обрисовать социальный и экономический облик города.

Социальный состав городов Юга Италии в целом близок социальному составу других итальянских городов XI–XII вв. При этом внешние по отношению к городу и внутригородские документы описывают его по-разному. В сеньориальных и королевских текстах общественная структура представлена как иерархическая, разделенная на три сословия: старшие, средние и остальной народ (*maiores, mediani e cuncto populo*) [12: 37; 6: 326–327]. Составители частноправовых актов в городе различают жителей не только по социальному статусу: *nobiles, proceres, optimates* (ряде документов упоминаются *milites*) но, главным образом, по занятиям. Часто упоминаются ремесленники - «*magistri*» При этом они определенно свободные люди. Иногда ремесленник называется в акте «*dominus*», а его жена или дочь — «*honesta femina*». Некоторые ремесленники владели значительным имуществом. [8: 23]. Фиксируются сделки людей, связанные с торговой и ссудной деятельностью. «*mercatores*», «*negotiatores*» и менялы («*cambiatores*»). Наряду со свободными в документах упоминаются слуги, сервы и те, кого источник называет «*hominii*», подразумевая какую-то степень их зависимости [13: 73]. При этом М.Л. Абрамсон удалось обнаружить чрезвычайно тесные родственные и имущественные связи между горожанами разных социальных групп: рыцарями, ремесленником, и, даже норманнским нобилитетом [14: 38–40, 49–50].

Развитие города безусловно связано с притоком населения. В документах южно-итальянских городов норманнской эпохи достаточно материала, который позволяет говорить о росте населения городов и их пригородов. Во многих грамотах этого периода упоминается об участнике сделки — горожанине, но при этом говорится, что он ранее жил в той или иной деревне или же, что он сын деревенского жителя [8: 18–19]. О росте городских предместий свидетельствует так же строи-

тельство церковей рядом с городами, особенно заметное с 1088 г. и продолжавшееся в течение всего XII столетия.

Если для XI века мы можем предполагать, что важную роль в этом притоке людей к городам играло стремление укрыться за стенами от войн и междоусобиц, то с шестидесятых годов XII века, когда междоусобицы и войны постепенно прекращаются, причины этого переселения надо искать скорее в экономических и, возможно, в социальных предпочтениях, которые давало человеку проживание в городском предместье.

В частнопроводных актах южноитальянских городов имеется немалое количество свидетельств о разнообразном ремесленном производстве [8: 17–25].

Жизнь многих южноитальянских городов, была связана с сельским хозяйством. При этом есть бесспорное свидетельство того, что в XII в. производство продуктов было необходимо городу не только для внутреннего потребления. Исследователи сельского хозяйства городской округи отмечают весьма интересную тенденцию в сфере хозяйствования. В конце XI-го и в XII-ом веках в пригородах заметно возрастает количество земель, отведенных под одну и ту же, общую для всего района, культуру. В каждом из районов эта монокультура была своя. В Тройе и других городах северной Апулии это – зерно. На центральном побережье Апулии, например в Бари, основные земли, отводили под оливы. Вокруг Трани, и в долине Карбонара дель Гаргано, в окрестностях Неаполя преобладали виноградники [15: 354–358].

Выращивание монокультуры является показателем достаточно развитого рынка сбыта. Южноитальянским городам его обеспечивала как межрегиональная, так и дальняя торговля. Свидетельств о такой торговой деятельности достаточно много. В первую очередь их можно найти в частнопроводных актах крупных приморских городов. Есть многочисленные упоминания тех, кто стоит корабли, о морях, владельцах парусных судов (*nauclerii*). Последние фигурируют в документах Бари, Солерно, Неаполя, и др. [16: 41]

На сегодняшний день изучены основные направления этой торговли и сам товарообмен. Это в первую очередь каботажное плавание между портами Южной Италии и Сицилии для торговли на местных рынках норманнского королевства [17; 19]. В это же время горожане Апулии и Калабрии освоили более дальние рынки в центральной Италии, куда везли масло, зерно и ткани [18]. Кроме того, жители южноитальянских городов принимали активное участие в посреднической торговле между Востоком и Западом. Важную роль в этой торговле наряду с Амальфи, играли и другие города, например Неаполь Солерно. [19; 20]. До конца норманнского периода «*mercatores*» или «*negotiatores*» норманнских городов будут выдерживать натиск североитальянских конкурентов Пизы и Генуи и

оставаться на рынках Леванта [21: 57].

Можно сказать, что исследования социально-экономической жизни городов Южной Италии рисуют образ преуспевающего городского мира. К сожалению, в контексте поиска зрелости их экономической базы для формирования коммуны, нам не достает конкретных статистических данных, которые позволили бы говорить об уровне их развития по отношению к североитальянским городским сообществам. Но в целом многие города Южной Италии XI–XII вв. представляется экономически и социально достаточно развитыми, чтобы породить коммунальные отношения.

Однако средневековый город не изолирован, он живет во враждебном ему по своей сути, окружении феодального мира и судьба даже самых экономически развитых городов во многом определялась этим окружением. Именно это окружение конституировало законность и определяло незаконность существования автономных городских институтов: финансовых, судебных, административных и военных.

Для того, чтобы сделать заключение о зрелости и устойчивости городских сообществ и коммунальных институтов в южноитальянских городах следует рассмотреть их судьбы в контексте взаимоотношений с окружающим феодальным обществом. В частности, выяснить в какой мере политический контекст, который мы можем восстановить по хроникам современников, позволял развиваться коммунальным магистратам южногородской «*universitas*».

В этой связи судьбоносной для южноитальянских городов представляется эпоха правления Рожера II Сицилийского (1105–1154 гг.) и особенно время присоединения им Южной Италии в 1129–1139 гг.

Граф Сицилии Рожер II сын сицилийского графа Рожера из нормандской династии Отвилей, начал самостоятельно править с 1112 г. Первые свидетельства о его преобразованиях в городском управлении относятся к родной ему Сицилии. На них обратил внимание Марио Каравале, обнаруживший, что в 1126 г. в ряде городов на острове появился представитель королевской администрации [6: 326–327] - *camerarius*. Ему поручались те функции, которыми ранее занимались местные власти: сборы денежных поступлений, и управление казенной собственностью с функцией контроля налогов и расходов [6: 333–334.]. Однако тогда, даже на острове, где мог быть обеспечен постоянный контроль над городами со стороны чрезвычайно развитой, по тем временам, королевской администрации, эта должность не стала повсеместной.

В начале компании для большинства городов Южной Италии внутренние – собственное и внешнее – норманнское управление, оставались разделенными.

Норманнские бароны контролировали города силами гарнизонов, размещенных в цитаделях. Переустройство южноитальянских городских институтов определенно не являлось основной задачей. Главными задачами были: расширение земель, покорение баронов Юга полуострова и создание собственной монархии.

Поводом для военных походов сицилийского правителя в Южную Италию послужила смерть племянника Рожера II, герцога Апулии и Калабрии Вильгельма II (1111–1127 гг.), который, будучи бездетным, признал Рожера II своим наследником, в обмен на финансовую и военную помощь. Рожер, тогда еще не имевший титула короля, заявил свои претензии на наследство племянника, но норманнские бароны, владения которых образовывались путем захвата земель еще до легитимации власти Отвилей, выступили против него. Города оказались втянуты в эту борьбу. В период постоянных военных действий, ослабления то одних, то других ее участников, в ряде городов начинается борьба за автономию городских магистратов.

Не слишком вдаваясь в ход военной компании Рожера, попытаемся рассмотреть, как хроники тех лет описывают действия горожан и судьбу их магистратов.

Самый ранний текст «Беневентская хроника» («Chronicon Beneventanum») принадлежит нотариусу и писцу папского двора в Беневенто, очевидцу событий и противнику Рожера II Фалько Беневентскому [22]. Второй написан бенедиктинским монахом, аббатом монастыря Сан-Сальваторе Александром Телезскомим. Он тоже был современником, событий, но, в отличие от Фалько, его труд «Деяния Рожера» («Gesta Rogeri» или «Istoria Rogerii regis Sicilie Calabrie atque Apulie») [23], исполненный по заказу сестры Рожера, обосновывал и прославлял деяния короля. Третий текст — это «Хроника» («Chronicon») архиепископа города Салерно Ромуальда Салернского, младшего современника двух первых хронистов [24]. Он служил при дворах сына и внука Рожера II. Его образование, связи и положение позволяли пользоваться библиотеками норманнского двора и монастырей. В частности, те события, которые относятся к завоеванию Южной Италии Рожером, были почерпнуты им из «Амальфитанской хроники».

О событиях, связанных с городами, в хрониках рассказывается кратко и фрагментарно, полной картины устройства магистратов нет нигде, но есть четыре города, которые доставили Рожеру больше всего проблем, это: Салерно, Неаполь, Тройя и Бари. Им в хрониках уделяется несколько большее внимание, нежели другим. Рассказы о них содержат прямые или косвенные сведения, по которым можно сделать вывод о том, сложилось ли в этих городах понимание собственных интересов, какими правами и магистратурами обладали или желали обладать города, что, соглашались и не соглашались

предоставить им сеньоры. Это, в свою очередь, позволит оценить перспективу превращения южноитальянских *universitas* в коммуны североитальянского типа и увидеть какой выбор сделает Рожер: будет традиционно, использовать ресурсы городов, через представителей городской администрации, или поставит под контроль их экономическую и социальную жизнь.

С самого начала войн против восставших баронов, Рожер столкнулся с тем, что для успешного исхода компании, ему было необходимо подчинить или привлечь города на свою сторону. Поход начался с прибытия в 1127 г. сицилийского флота к стенам Салерно, который в это время являлся важным торговым центром Тирренского моря и одновременно центром сопротивления апулийских сеньоров. Рожер не мог себе позволить сразу растратить силы на штурм города или увязнуть в осаде. Для победы над сеньорами ему необходимо было двигаться вглубь полуострова, поэтому он вступил в переговоры. Сначала горожане, которые в это время не имели собственной сколько-нибудь значительной военной структуры и полагались на отряды местных сеньоров, отказались признать власть сицилийского графа. Но во время переговоров с Рожером выяснилось, что у них есть собственные интересы, отличные от интересов баронов. Ценой за которую город был готов отказаться от своих союзников и признать власть нового господина, было предоставление права на самоуправление и собственный суд. Рожер согласился на условия горожан.

В этой ситуации сеньоры, оборонявшиеся в Салерно, были вынуждены признать Рожера своим сюзереном. Судя по тому, что в *Анналах Ромуальда Салернского*, который упоминает о событиях в городе, говорится, что в договоре речь шла о «старинных обычаях», дарованные привилегии не были новшеством. По-видимому, горожане пользовались ими еще при Вильгельме II Апулийском и желали их сохранить [24: 279]. Фалько Беневентский добавляет к этому, что Рожер пообещал не отнимать у Салерно донжон [22: 102]. Всю эту информацию можно было бы интерпретировать как свидетельства получения Салерно значительной городской автономии, если бы ниже, тот же автор, рассказывая о событиях в Салерно, произошедшие через семь лет, в 1137 году, не упомянул о некоем канцлере (*cancellarius*), который находился в городе в момент нападения на город германского императора Лотаря II.

Из текста становится ясно, что канцлер не являлся городским магистратом, а служил Рожеру в качестве его постоянного военного представителя в Салерно. Автор рассказывает, что, когда к городу подошли войска императора Лотаря, воевавшего против Рожера, горожане сдались императору, но при этом действовали они не самостоятельно, а по приказу (*vero eius*) представителя администрации Рожера канцлера Роберта. Чтобы сохранить город, горожане, повинувшись ему заключили

мир и, дав императору большую сумму денег, отправили четыреста солдат, находившихся в городе, к королю Рожеру со своим имуществом целыми и невредимыми. Сам же канцлер с баронами и несколькими солдатами удалился в большую башню («*Cives vero eius preceptis obtemperantes pacem cum imperatore fecerunt et data de suis imperatori magna pecunia. ... quadringentos milites qui in civitate fuerant, ad regem Rogerium cum rebus suis illesos abire fecerunt. Cancellarius autem cum baronibus et quibusdam militibus se in Turrim maiorem recepit*») [24: 223-224]. Канцлеру, рыцарям и с части, подчиненного ему гарнизона, горожане позволили забрать имущество и отсидеться в замке. После ухода императора Роберт вернулся к своим обязанностям. Из текста ясно, что канцлер в Солерно, в отличие от камерариев, вводимых Рожером в 20-е годы на Сицилии, имел более широкие полномочия и в компетенции представителя короля оставались внешнеполитические вопросы и военный магистрат. (У канцлера был отряд из 400 рыцарей).

Этот институт, при сохранении прав административной и судебной автономии в руках горожан, обеспечил Рожеру II лояльность Салерно на все время завоевания Южной Италии. Наличие постоянного представителя власти в Солерно этого периода определенно демонстрирует нам, что город не являлся свободной муниципией, и у нас нет причин для оптимистичного отождествления *universitates* Салерно с североитальянской коммуной.

Дальнейшее течение военной компании продемонстрировало, что для Рожера даже согласие на предоставление финансовой и юридической автономии, как это было в Салерно, представлялось слишком большими уступками. Его позиция вполне понятна: городская автономия в границах феодальных владений при постоянных войнах, могла поставить сеньора в сложное положение. Поэтому в дальнейшем мы не найдем примеров такой щедрости от сицилийского монарха. В этой связи показательна история покорения, точнее, многократных покорений апулийского города Тройи.

Перипетии этих событий подробно изложена в труде монаха-бенедиктинца, аббата монастыря Сан-Сальваторе Александра Телезского «Деяния Рожера». Он писал заказное сочинение и должен был выразить официальную позицию сицилийского двора. В этом тексте есть рассуждения о том, что происходит, если в городе нет власти сеньора. Он пишет, что после смерти Вильгельма II предоставленные сами себе, без герцогского управления, города Салерно, Тройя, Мельфи, Веноза и многие другие, оставленные без контроля, были незаконно захвачены теми, кто имел тиранические амбиции устремления («*absque regiminis ducalis habena (...) accidit ut et ipsarum ducalium urbium, scilicet Salerni, Troye, Melfie, Venusii, ceterarumque que sine domino et duce relicte fuerant, quedam istius, quedam illius tyrannica ambitione*

surriperentur») [23: 6]. Иными словами, самостоятельное существование города приводит к беспорядкам и тирании, города не могут быть самостоятельны, им необходим законный сеньор. Очевидным примером такого беспорядка для Александра Телезского как раз и были события в Тройе.

В 1127 году горожане Тройи получили более широкие права, чем жители Салерно. Они были дарованы городу другим сеньором, противником Рожера, - папой Гонорием II, который также считал себя наследником земель Апулии и искал союзников. Хартия папы избавляла город от налоговых выплат за недвижимость, за земли под рынки и, главное, она предоставляла горожанам право самостоятельного управления и право судиться в городском суде [25: 213]. Т.е. жители получили административные, финансовые и судебные права. Кроме того, известно, что во время войн с Рожером они выставляли собственные городские войска, а значит у них к этому времени сформировался военный магистрат. Фактически Тройя обрела права коммуны. Это сделало тройанцев непримиримыми и решительными в борьбе с Рожером II. Узнав о приближении войск сицилийского правителя, горожане разрушили норманнский замок, возведенный еще в 30-е гг., укрепили стены и начали строить ров [23: 15], что безусловно свидетельствует о консолидации городской общины и организационной роли магистратов.

Рожер постарался подойти к городу быстрее, до окончания фортификационных работ, но они были закончены вовремя. Однако он сумел взять город в осаду. Александр Телезский писал, что сопротивление горожан было всеобщим («*tamen ei a civibus omnino resistebatur*») [23: 18]. Город был действительно хорошо укреплен, и это внушало его жителям надежду на победу. Автор Истории даже утверждал, что горожане презирали осаждающих, так как они полагали, себя смелее их («*unde obsidentem, audacioses, parvipendebant*») [23: 19-20]. Если автор зафиксировал реальные настроения горожан Тройи, то перед нами, попытка определить отличительную черту своего характера и, в некотором роде, свидетельство самосознания горожан. Горожане продолжали сражаться даже тогда, когда сопротивление их союзников – южноитальянских баронов было сломлено и они признали графа Рожера герцогом Апулии (сентябрь 1129 г.). Рожеру пришлось даже снять осаду и вернуться за подкреплением на Сицилию. Тройю удалось захватить только в следующем 1130 г. Горожанам было приказано восстановить норманнский замок, который они разрушили. В нем разместился гарнизон Рожера, но на этом сопротивление тройанцев не прекратилось. Через год Тройя снова выступила против сицилийского правителя.

Этот год был очень насыщенным событиями. Несмотря на задержку отрядов у Тройи, военная компания в целом была удачной для Рожера. Сеньоров удалось

покорить. В военном отношении большинство южноитальянских городов зависели от помощи баронов, поэтому, когда осенью они лишились ее, им, как и Тройе, пришлось признать власть сицилийского правителя. Сдались даже такие крупные города как Неаполь, Бари и Салерно. Ни о каких уступках горожанам в это время мы не знаем. Оставленные в них гарнизоны сицилийских и местных лояльных сеньоров должны были гарантировать их покорность. В сентябре 1130 года папа Анаклет II, избранный одновременно с Иннокентием II, искал поддержку у сицилийского правителя. Результатом переговоров между ним и Анаклетом было издание буллы, провозглашавшей герцога Рожера королем Сицилии. На Рождество 1130 года он был коронован в Палермо [26]. Лидер восставших сеньоров граф Ранульф II Алифийский из итало-норманнской семьи Дренготов вместе с другими баронами и рыцарями принес Рожеру вассальную присягу. Однако наладить систему управления на новых землях и в городах королю не удалось. В 1131 году в Южной Италии началась новая череда восстаний, отчасти инспирированная союзом французского, английского и германского монархов. Короли Людовик VI Толстый, Генрих I Английский и император Лотарь III, объединились против Рожера. Это произошло во многом благодаря усилиям Бернара Клервоского, так как Рожер, которого Бернар называл «полуязыческим королем», поддерживал враждебного Иннокентия II папу Анаклета II. Надеясь на помощь от папы и монархов против Рожера, вместе с сеньорами выступили некоторые города и в их числе снова была Тройя. Несмотря на норманнский гарнизон размещившийся в восстановленном в замке, тройяны укрылись за городскими стенами и отказались сдать подошедшим войскам короля. Осаду в 1131–1133 гг. войнам Рожера пришлось снимать и начинать снова несколько раз. Измученный город видимо не располагал достаточными силами для сопротивления и обратился за помощью к графу Райнульфу. Но как только тот узнал, что войска короля могут напасть на его владения, он покинул Тройю и город «сдался через несколько дней». В этот раз с Тройей поступили очень жестоко. По приказу Рожера она была разрушена, а жителей заставили покинуть город; их расселили по двенадцати деревням округа [27: 64]. Позднее, пока Рожер будет сражаться с сеньорами, горожане вернуться и восстановят Тройю. Более того, они в это время обрели автономный военный магистрат. Об этом косвенно свидетельствуют тройянские отряды, которые до 1137 года будут вместе с мятежными сеньорами сражаться против войск Рожера, в том числе будут участвовать в битве при Риньяно-Горгано, которую Рожер проиграет. Но после признания баронами власти Рожера над Южной Италией в 1139 г. городской военный магистрат в Тройе будет упразднен и город потеряет возможность развиваться в свободную коммуну.

Когда в 1129 г. Роже II выселил жителей Тройи, его войска направились на юг и достигли главного города

Апулии Бари. Но в июне 1132 г. армия Рожера потерпела поражение при Сарно. Военная ситуация складывалась для Рожера не лучшим образом, возможность подчинение Бари в этой ситуации вызывала сомнение.

В связи с этим произошла интересная коллизия, о которой нам рассказывает Александр Телезский. Из-за угрозы враждебных действий со стороны графа Танкреда (родственника и союзника Райнульфа Алифанского) и других, король не желая раздражать жителей Бари, согласился на некоторые из их просьб, используя благоразумный план; до поры до времени он оставил их в покое («*Qui pro eo quod Tancredi seu ceterorum hostilitas immineret, barenssem ad presens nolens exacerbare populum, quibusdam eorum petitionibus, prudenti consilio usus, consensit; sicque eos pro tempore quietos dimisit*») [23: 31–32]. Из его текста Александра Телезского не ясно, в чем заключались просьбы жителей Бари, но из другого пассажа, описывающего события 1133 года, становится понятно, что Рожер был вынужден предоставить городу какие-то права. Но, то, что представлялось Рожеру разумным в отношении города в 1132 году, в следующем, более спокойном и удачном для него 1133 году было уже не приемлемым. Александр Телезский рассказывает, что король, придя через год в Бари, те права, которые дал раньше, против воли, отменил, начал восстанавливать замок, разрушив все укрепления («*[rex] veniens Barim quam civibus, sicut supra expressum est, pro velle ipsorum dimiserat, cunctis turribus eorum eversis, castrum etiam in ea, quod iam intermissum fuerat, reedificari istituit*») [23: 47]. Однако судя по дальнейшим событиям, описанным уже другим хронистом, Ромуальдом Салернским, в городе к концу 30-х гг. восстановился, или король по каким-то причинам не ликвидировал, военный магистрат Бари. Это становится проблемой для Рожера в 1139 году, когда Бари снова поддержал баронов. Тогда для того, чтобы покорить город, король подвел к его стенам тридцать осадных башен и катапульты. Горожане продержались два месяца. Они сдались только после того, как начался голод и стены были разрушены [24: 228].

Добровольной сдачей город избежал разграбления, и горожане сохранили жизни. Но исход военной кампании в целом был еще не ясен, чтобы в этот момент избежать недовольства горожан Рожер сохранил в этот раз (или снова) в Бари судебный и военные магистраты. Однако уже в следующем году он снова лишил его этого магистрата, как ранее это сделал в Тройе [25: 213].

О важности городского военного магистрата в качестве гаранта городских свобод свидетельствует история покорения Неаполя. Еще летом 1135 года Рожер II решил подчинить себе этот портовый город. Но встретил серьезное сопротивление. Военное противостояние затянулось на два года. Здесь, как и в предыдущих двух случаях, существовал собственный военный магистрат (*magister militum*), который появился в Бари после ухода Визан-

тийцев. Его возглавлял бариец Сергей VII. Сергей и его войны, как пишет Э. Куоццо, принадлежали к потомственной городской аристократии Бари, сложившейся еще при византийском господстве [28]. Неаполитанцы отчаянно сопротивлялись несмотря на тяжелую, почти годовую осаду. Как пишет лангобардский хронист, автор Беневентской хроники Фалько оборону горожане держали из последних сил, многие младенцы, дети, подростки, юноши и даже пожилые люди обоего пола испустили дух на улицах и в домах города («Interea ad tantam famis asperitatem civitas pervenit Neapolitana, tamen infantes multi, pueri, adolescentes, iuvenes, senes etiam utriusque sexus per civitatis plateas et domos spiritus exalabant») [22: 240].

Неаполитанцы, как и горожане Бари держали долгую оборону в надежде, что им помогут войска германского императора. Но в 1137 году Лотарь II покинул Италию, и Сергей сдал Неаполь Рожеру. Приняв у него клятвы верности, Рожер признал за Сергием право на военный магистрат в городе. Таким образом глава военного магистрата стал вассалом Рожера. После гибели Сергия при Риньяно-Гаргано (29 октября 1137 г.), проигравший эту битву Рожер, неожиданно для себя, сам стал сеньором Неаполя, как сюзерен Сергия. Только после этого город был лишен самостоятельного военного магистрата [29: 45].

В 1139 г., после того как сын Рожера II устроил засаду рядом с городком Галлуччио и взял в плен папу Иннокентия III, последние очаги сопротивления на полуострове были подавлены. Норманские владения на юге Италии стали частью единого государства Рожера II Сицилийского. Салерно, Бари, Троя и Неаполь потеряли военные магистраты.

Современники событий описывают взаимоотношения городов и монарха в лекалах сеньориального мира. Хронисты не упоминают о материальной заинтересованности короля в сохранении того или иного города. Разорение или уничтожение города не рассматривается как реальная или потенциальная потеря для монарха. Зафиксированные в текстах компромиссные решения, позволяющие городу сохранить тот или иной магистрат, связаны отнюдь не с силой сопротивления горожан и их давлением на короля. Для Рожера они обусловлены общей ситуацией в войне с сеньорами. Содержание договоров с городами, судя по материалам хроник, продиктовано, как и во взаимоотношениях с вассалами, в первую очередь, их верностью сюзерену, а не экономическими соображениями.

До завоевания южноитальянские города были развиты в ремесленном и торговом отношении, имели собственную администрацию, которая ведала финансами

города. Одни имели собственный суд и военный магистрат, другие боролись за право ими обладать. О зрелости городского *universitas* Южной Италии свидетельствует история о борьбе горожан Тройи и о выселении тройянцев в деревню, после которого этот южный город сумел, как позднее городское сообщество Милана, восстановиться и снова начать борьбу. Стремление городов расширить магистраты или узаконить их, убеждают, что все четыре города подошли к порогу формирования городской автономии.

В то же время, тексты хроник, позволяют увидеть, что, три из четырех рассмотренных городов (Салерно, Бари, Троя) находились все еще на этапе легитимизации городских магистратов и готовы были сотрудничать с разными сеньорами (папой, графом, королем), чтобы получить и сохранить их. Некоторые городские магистраты еще не стали постоянными. Менее чем за четверть века города могли несколько раз приобрести их и потерять. По южноитальянским хроникам XII века мы видим, что легитимация и потеря магистратов является результатом дарения, согласия, узаконенья со стороны сеньора. Другого пути для южноитальянского города пока не существует. Даже вооруженная многолетняя борьба горожан не приводит к городской автономии.

Приведенные сюжеты хроник свидетельствуют о чрезвычайной важности для города узаконенья его собственного военного магистрата. В сеньориальном мире он мог гарантировать городу автономию и самостоятельность в принятии экономических, судебных и административных решений. Не случайно именно там, где уже существовал или складывался такой институт, Рожер встретил наиболее активное сопротивление. Но судя по текстам хроник вне города городские военные отряды присутствовали на поле боя, только вместе с сеньорами. В хрониках нет свидетельств межгородских военных союзов. В борьбе против Рожера II города во многом зависели от помощи местных сеньоров, армий папы или императора. Без сеньориальной поддержки городам приходилось сдаваться и соглашаться с потерей военного магистрата.

Тексты хроник позволяют заключить, что предоставление свобод южноитальянским городам не входило в планы сицилийского монарха, и что главным средством подчинения городов было упразднение городского военного магистрата. Лишение их этой автономии, прервало движение южноитальянских городов от *universitas* к коммуне североитальянского типа. В целом коллизии, описанные хронистами, заставляют нас не преувеличивать экономических и социальных потенциалов южноитальянских городов, быть более осторожными в оценке уровня стабильности городских магистратур и городской автономии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Sestan E. *L'Italia Medievale*. — Firenze: Ed. scientifiche italiane, 1967. — 407 p.
2. Kehr P.F., *Papsturkunden in Benevent und der Capitanata/Papsturkunden in Italien*. Vol. I Latinum. — Berolini: Apvd Weidmannos. — 280 S.
3. Kehr P.F. *Italia Pontificia, IX: Samnium — Apulia — Lucania*. — Berlin: ed. W. Holtzmann, 1962. — 326 p.
4. Loré V. *L'aristocrazia salernitana nell'XI secolo. Salerno nel XII secolo. Istituzioni, società, cultura*. // Salerno nel XII secolo. Atti del convegno internazionale. Raito di Vietri sul mare, Auditorium di Villa Guariglia, 16/20 giugno 1999. — Salerno: Istituzioni, società, cultura. 2004. P. 61-102.
5. Houben H. *Sperimentazioni istituzionali nel regno normanno di Sicilia// Pensiero e sperimentazioni istituzionali nella societas Christiana (1046-1250)*. Atti della sedicesima Settimana internazionale di studio, Mendola, 26-31 agosto 2004. Andenna, Giancarlo [Publ.]. — Milano: 2007. P. 655-671.
6. Caravale M. *Il Regno normanno di Sicilia// Studi e testi pubblicati dall' Istituto di storia del Diritto italiano del Università di Roma*. — Milano: Giufre, 1966. — 480 p.
7. Carabellese F. *Il comune pugliese durante la monarchia normanno-sveva // Commissione provinciale di Archeologia e Storia Patria. Documenti e Monografie*. — Bari: Editrice Vecchi Trani, 1924. — 233 p.
8. М. Л. Абрамсон. *Характерные черты южноитальянского города в раннее средневековье (VI—XI вв.)// Средние века*. 1976. Вып. 40. С. 12–28.
9. Fasoli G. *Città e ceti urbani nell'età dei due Guglielmi // Potere, società e popolo nell'età dei due Guglielmi*. Atti delle quarte giornate normanno-sveve. Bari — Gioia del Colle, 8–10 ottobre 1979. — Bari. 1981. P. 147 -172
10. Vitolo G. «*In palatio communis*». Nuovi e vecchi temi della storiografia sulle città del Mezzogiorno medievale // *Città e territori nell'Italia del Medioevo*. Studi in onore di Gabriella Rossetti [Europa Mediterranea. Quaderni, 20]. — Napoli. 2007. 336 p.
11. Tancredi et Willelmi regum diplomata, in *Codex diplomaticus regni Siciliae, serie I, Diplomata regum et principum e gente Normannorum*. — Köln — Wien: Bohlau, 1982. — 193 p..
12. Galasso G. *Medioevo euro-mediterraneo e Mezzogiorno d'Italia*. — Napoli: Laterza, 2009. — 491 p.
13. Carabellese F. *Il comune pugliese durante la monarchia normanno-sveva*. — Trani: Editrice Vecchi. 1924. — 234 p.
14. Абрамсон М.Л. *К проблеме типологии южноитальянского города (XII—XIII вв.) // Средние века*. — М.: Наука 1988. — Вып. 51. С. 35–57
15. Jean-Marie Martin. *La Pouille du VIe au XIIe siècle*. Rome : École française de Rome, 1993. 968 P. P. 354–358.
16. Abulafia D. *The two Italies. Economics relations between the Norman Kingdom of Sicily and the Northern Communes*. — Cambridge: Cambridge University Press, 1977. — 310 p.
17. Amalfi, in *Itinerari e centri urbani nel Mezzogiorno normanno-svevo//Atti delle decime giornate normanno-sveve (Bari, 21-24 ottobre 1991)*. — Bari. 1993. 486 p.
18. Del Treppo M. *Alfonso Leone. Amalfi medioevale*. — Napoli: Giannini Editore, 1977. — 340 p.
19. Figliuolo B. *Amalfi e il Levante nel Medioevo. // I comuni italiani nel Regno Crociato di Gerusalemme*. Atti del Colloquio «The Italian Communes in the Crusading Kingdom of Jerusalem» (Jerusalem, May 24 — May 28, 1984). Genova. 1986. P. 571–664.
20. Ртищева Г.А. *Торговые связи норманнской Сицилии//Современная научная мысль*. 2021. № 2. С. 6–11.
21. Citarella A.O. *Il commercio di Amalfi nel Medioevo*. — Salerno: Centro « Raffaele Guariglia», 1977. — 340 p.
22. Falcone di Benevento. *Chronicon Beneventanum : città e feudi nell'Italia dei Normanni*. (Latin). — Firenze: SISMEL-Edizioni del Galluzzo, 1998. — 319 p.
23. Alexandri Telesini abbatiss *Ystoria Rogerii regis Sicilie, Calabrie atque Apulie* ed. L. De Nava, con commento di D. Clementi. Roma: Nella sede dell'Istituto, 1991. — 364 p.
24. Romualdi Salernitani. *Chronicon*, ed. C.A. Garufi. *Rerum Italicarum Scriptores*. Nuova Edizione. T. VII, 1. Città del Castello. — Bologna: 1935, —441 p.
25. *Regesta Pontificum Romanorum. Italia Pontificia. Vol.IX: : Samnium — Apulia — Lucania (in Latin)*, ed. Walter Holtzmann. — Berolini: Weidmannos, 1962, — 453p.
26. Andenna G. *Dalla legittimazione alla sacralizzazione della conquista (1042–1140) // I caratteri originari della conquista normanna. Diversità e identità nel Mezzogiorno (1030-1130)*. Atti delle sedicesime giornate normanno-sveve (Bari, 5-8 ottobre 2004). Bari. 2006. P. 371–405.
27. Michele Fuiano. *Economia rurale e società in Puglia nel medioevo*. — Naples: Liguori, 1978. — 161 p.
28. E. Cuozzo. *Napoli e la sua terra, Itinerari e centri urbani // Itinerari e centri urbani nel Mezzogiorno normanno-svevo*. Atti delle decime giornate normanno-sveve, Bari, 21-24 ottobre 1991. — Bari: Dedalo, 1993. P. 43-46.

© Ртищева Галина Анатольевна (galina_rtsheva@inbox.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОБ ОДНОЙ ОШИБКЕ В ВОЕННОМ ФОТОДОКУМЕНТЕ ЦГА РСО-АЛАНИЯ

Сохиев Ибрагим Витальевич

Аспирант, Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова
aliensvspreddator1997@mail.ru

ABOUT ONE MISTAKE IN THE MILITARY PHOTO DOCUMENT OF THE RSO-ALANIA CENTRAL STATE ADMINISTRATION

I. Sohiev

Summary: The article considers the error of the name of the photo document stored in the Central State Administration of RSO-Alania. During the Great Patriotic War, Soviet cameramen filmed a huge amount of documentary material, and many pictures became symbols of heroism and steadfastness of the soldiers of the Red Army. However, the cameraman is not a military specialist and not infrequently mistakenly signed the filmed material, or the soldiers themselves indicated erroneous signatures on the equipment they destroyed and then photographed it. This phenomenon has not bypassed North Ossetia, where the archive found a picture with the wrong name, which was taken in East Prussia, but is issued as if captured on the territory of the republic. Such errors then end up in books written by historians, who, sometimes, also not understanding this topic, do not double-check the discovered material, thus losing scientific objectivity, although a lot has been written about military equipment of the WWII period and almost everything is posted online, even archival documents.

In the USSR, almost no attention was paid to the study of military equipment during the war, limited only to a brief mention of some of the main samples when describing combat operations, but in the 1990s interest in the topic increased again, and then the first domestic books on tanks, self-propelled guns, armored personnel carriers, BREM, etc. Began to be published. Having studied a huge array of information, you can easily identify samples of armored vehicles and even the place where they could have been shot, and then, detect errors in military images, which determines the relevance of the topic.

Keywords: tank, ACS, APC, self-propelled gun, camouflage, version, screen, WWII.

Аннотация: В статье рассмотрена ошибка названия фотодокумента, хранящегося в ЦГА РСО-Алания. Во время Великой Отечественной войны советскими кинооператорами было заснято огромное количество документального материала, а многие снимки становились символами героизма и стойкости воинов Красной армии. Однако, кинооператор не военный специалист и не редко ошибочно подписывал снятый материал, либо сами солдаты указывали ошибочные подписи на уничтоженной ими технике и потом это фотографировали. Не обошло это явление и Северную Осетию, где в архиве нашелся снимок с неверным названием, который был снят в Восточной Пруссии, но выдается будто бы запечатлённый на территории республики. Подобные ошибки затем попадают в книги, написанные историками, которые, иногда, тоже не разбираясь в этой теме, не перепроверяют обнаруженный материал, хотя про военную технику периода ВОВ написано очень много и почти всё выложено в сеть даже архивные документы.

В СССР почти не уделяли внимание изучению военной техники периода войны, ограничиваясь лишь кратким упоминанием некоторых основных образцов, при описании боевых действий, но в 1990-е интерес к теме снова возрос, и тогда начали выходить в свет первые отечественные книги по танкам САУ, БТРам, БРЭм и т.п. Изучив огромный массив информации, можно с легкостью определить образцы бронетехники и даже место где они могли быть сняты, и затем, обнаружить ошибки в военных снимках, что и обуславливает актуальность темы.

Ключевые слова: танк, САУ, БТР, самоходка, камуфляж, версия, экран, ВОВ.

Введение

В статье рассмотрен фотодокумент с неверной подписью, опубликованный в сборнике, который посвящен Северо-Осетинской АССР в годы ВОВ, и в ходе проведенного исследования доказана ошибочность его названия. Со времен войны минуло уже почти 80 лет, но она не теряет своей актуальности, т.к. открываются ранее не исследованные её аспекты. Одним из таковых является незнание некоторых историков бронетехники того периода, из-за этого упущения возникают грубые ошибки, когда исследователи переносят в свои книги фотографии с неверными названиями, таким об-

разом теряя объективность своего исследования. Обнаружение и рассмотрение таких просчетов обуславливает актуальность темы.

Обзор литературы

История бронетехники периода ВОВ привлекала внимание как зарубежных, так и отечественных исследователей. В СССР этой теме уделялось мало внимания, в основном кратко указывали основные образцы при описании боевых действий начального этапа и коренного перелома войны. После развала и исчезновения идеологического давления, для историков открылся богатый

материал к исследованию этой темы. В ходе её изучения стали видны упущения советской военной истории и затем выявляются ошибочные сведения по бронетехнике в современных монографиях посвященных истории ВОВ.

Про историю этой боевой машины, написано довольно много как у российских исследователей, так и зарубежных. Кратко, история создания и описание конструкций написано в журнале L. Thomas «Panzer Tracts» No.8[2] и на сайте aviarmor.net [6]. Подробно эту самоходку исследовал в журнале Военно-техническая серия № 163.2000г. П.Н. Сергеев. Автор детально описывает историю создания, конструкцию, штатно-организационную структуру и боевое применение этой боевой машины, как на западе, так и на восточном фронте. [4] Однако, в работе не хватает подробностей про конструкцию САУ в различный период производства, которые мы можем найти в статье Пашолока Ю.И. [7] где более детально рассмотрен такой фактор как изменение системы защиты самоходок типа Stug, которая имеет важное значение для нашей темы.

Отдельным моментом является камуфляж, так как он непрерывно менялся в процессе войны и по его типу можно отличить на фотографиях период боевых действий. Мы не будем рассматривать это подробно, а остановимся на 1945 году, так как Stug IV из сборника был подбит именно в этот год и его камуфляж можно рассмотреть в работах

O. Dennis Firefly collection STUG assault gun unit in the east Bagration to Berlin. Vol.2[1] и J. Mig. Camouflage profile guide. 1945. German Color [3], где есть не только подробные цветные схемы, но и их описание.

Цель исследования

Рассмотреть и проанализировать ошибку в имени фотодокумента.

Задачи исследования:

- проанализировать создание самоходки Stug IV
- рассмотреть её модификации (версии)
- выявить и указать образцы бронетехники воевавшие в Северо-Осетинской АССР

Методы исследования

При работе над статьей использовался факторный анализ и проблемно-хронологический метод.

Результаты и дискуссия

В некоторых книгах, посвященных Великой Отечественной войне нередко, можно встретить ошибку, когда авторы неверно указывают участвовавшие в боях образцы военной техники: машина советская, но пишут,

что немецкая, или указывают боевую единицу в периоде войны, где она ещё даже не поступила на вооружение. К сожалению, это касается не только книг, но и самих фотографий снятых в годы ВОВ с неправильными подписями из-за незнаний авторами снимков бронетехники того периода. Например, на сайте waralbum есть фото подбитого танка - Pz.kmpf.V. ausf.D «Пантера» на броне которого, наши бойцы написали «Тигр», думая, что подбили его, а не «Пантеру» [5]. Этот снимок сделан в период Курской битвы, хотя на сайте есть правильная подпись к нему, но не специалист может легко перенести это в свою книгу или статью, указав ошибочное название, не прочитав материал с сайта.

В недавно опубликованном сборнике «Память о пережитом» издательство Харизма 2020г. есть подобная ошибка: подбитая САУ выпуска конца войны подписана как танк, уничтоженный в Северной Осетии. Это неверно, по нескольким причинам. Во-первых, на фото не танк, а САУ класса штурмовых орудий - Stug IV (Sturmgeschuetz), которое было создано и поступило в войска только в декабре 1943 [2], то есть, через год после освобождения Северо-Осетинской АССР, и через 2 месяца прошедших с момента окончания битвы за Кавказ.

Во-вторых, на фото снята поздняя версия машины, без циммерита и с дистанционным пулемётом, который, начали устанавливать на самоходки с лета 1944г. [6]

В-третьих, на самоходке установлены бортовые экраны, которые немцы устанавливали на технику только с весны 1943, но на снимке экраны внизу закругленные, что является большой редкостью, которая имела место лишь в самом конце войны и никак не могла быть на Кавказе, тем более в Осетии. [7]

В-четвертых, САУ имеет поздний трехцветный камуфляж, который начали наносить после перелома в войне и перехода гитлеровской армии к обороне. [3]

В-пятых, оригинальное фото есть в журнале под авторством Дэнниса и там стоит подпись, что поздняя САУ Stug IV, подбитая в январе 1945 г. советскими войсками в Восточной Пруссии. Это больше похоже на правду, так как совпадает с материалом, указанным выше [1].

Для предотвращения будущих ошибок, составим список бронетехники участвовавшей в боях на территории Северо-Осетинской АССР: (Таб 1.)

Это не окончательный список, его можно продолжить, воевавших образцов техники было гораздо больше, так как в немецкой армии их было много в рассматриваемый нами период, но мы ограничимся теми, которые были обнаружены в открытых источниках и в фотофонде ЦГА РСО Алания.

Таблица 1.

Бронетехника Германии, воевавшая
в Северо-Осетинской АССР в сентябре-декабре 1942г.

Средние танки:
Pz Kmpf IV ausf F1 (короткоствольный)
Pz Kmpf IV ausf F2 (длинноствольный)
Pz Kmpf III ausf L
Pz Kmpf III ausf J
Легкие танки:
Pz Kmpf II
Полугусеничные БТРы(бронетранспортеры):
Sd.kfz.250/3 (командирский)
Sd.kfz.250/1
Колесные БТРы(бронетранспортеры):
Sd.kfz.231
Sd.kfz.233 с короткоствольной 75мм пушкой KwK 37 L/24
ПТ САУ (противотанковые самоходные артиллерийские установки):
Marder II

Это не окончательный список, его можно продолжить, воевавших образцов техники было гораздо больше, так как в немецкой армии их было много в рассматриваемый нами период, но мы ограничимся теми, которые были обнаружены в открытых источниках и в фотофонде ЦГА РСО Алания.

Таким образом, история бронетехники периода ВОВ имеет большую актуальность для исследователя, который занимается военной темой. В наше время сохраняется ошибка переноса фотодокумента в научную работу, не проверяя подлинность снимка или его имя, опираясь исключительно на авторитет обнаруженного в архиве материала. Однако, благодаря огромной работе военных историков, исследовавших бронетехнику периода ВОВ, её производство, боевое применение и т.д. мы можем с легкостью представить картину той страшной войны через призму вооружений и обнаружить подобные упущения. Несмотря на расхожее мнение, что история боевой техники неинтересна и неактуальна, она, как показано выше, очень важна для исследователя, чтобы добиться большей объективности в своей научной работе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Dennis O. Firefly collection STUG assault gun unit in the east Bagration to Berlin. Vol.2. 2014.С.5
2. Thomas L. Jentz. Panzer Tracts Sturmgeschuetz –S. PAK to Sturmmoerser. No.8. С. 40
3. J. Mig. Camouflage profile guide. 1945. German Color. АК. С.38
4. Сергеев П.Н. StuG IV. Военно-техническая серия № 163.2000. 42.с.
5. Военный альбом. Фотографии Второй мировой и Великой Отечественной 1939-1945. [Электронный ресурс] / URL: <https://waralbum.ru/2647/>
6. StuG IV. Самоходная артиллерийская установка. [Электронный ресурс] / URL: <http://aviarmor.net/tww2/tanks/germany/stug4.htm>
7. Пашолок Ю.И. Бортовые экраны для немецкого штурмовика. [Электронный ресурс] / URL: <https://dzen.ru/media/yuripasholok/bortovye-ekrany-dlia-nemeckogo-shturmovika-6161ebf10c4ddd7b4d8fb86b>
8. Память о пережитом. Архивы Республики Северная Осетия-Алания – 75-летию Победы. Сборник документов и материалов. Владикавказ: Харизма, 2020.С. 276.

© Сохиев Ибрагим Витальевич (aliensvs predator1997@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

КОНЦЕПЦИЯ ВИЗУАЛЬНОГО ЯКОРЯ КАК ЭФФЕКТИВНОГО СПОСОБА УСВОЕНИЯ СЛОЖНЫХ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ И СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ПОНЯТИЙ

THE CONCEPT OF THE VISUAL ANCHOR AS AN EFFECTIVE WAY TO ASSIMILATE THE COMPLEX SOCIO-POLITICAL AND SOCIOLOGICAL TERMS

**D. Aliev
O. Zhadenov
A. Raduntseva**

Summary: The article is devoted to the justification of the authors' hypothesis that the visual anchor is indeed an effective way for students to remember information. The hypothesis suggests that the visual anchor-image simplifies the process of the assimilation of the complex socio-political and sociological concepts by the students regardless, if it relates to the topic of the lecture or not. The visual anchor-image also stimulates the work of the students' cognitive function by launching of the associative thinking and memory mechanisms. The visual anchor-image means in this piece a world-known masterpiece of art that has enough artistic power and expression to trigger those mechanisms on its own. In this article, authors have heavily relied on the results of the studies on the effectiveness of the information visualization in the learning process; however they have considered this phenomenon from a novel point of view. The hypothesis was substantiated by the results of the theoretical and practical studies. The initial assumption was confirmed during the lectures on the hybrid wars.

Keywords: image, anchor, clip-culture, visualization.

Алиев Джомарт Фазылович

Доктор философии в области бизнес-права (PhD), доктор делового администрирования в области финансов (DBA), кандидат экономических наук, Российский государственный социальный университет
AlievDF@rgsu.net

Жаденов Олег Михайлович

Российский государственный социальный университет
ZhadenovOM@rgsu.net

Радунцева Александра Александровна

Российский государственный социальный университет
RaduntsevaAA@rgsu.net

Аннотация: Статья посвящена обоснованию выдвинутой авторами гипотезы о важности визуального якоря как эффективного способа запоминания информации студентами. Гипотеза гласит, что визуальные образы-якоря вне зависимости от того, связаны ли они с темой лекции или нет, упрощают процесс усвоения сложных общественно-политических и социологических понятий обучающимися. Также такого рода якоря стимулируют работу когнитивной функции студентов за счет включения у них механизмов ассоциативного мышления и памяти. Под визуальными образами-якорями в данной статье имеются в виду шедевры мирового искусства, которые обладают достаточной художественной выразительностью и экспрессией, чтобы самостоятельно запустить механизмы ассоциативной памяти. В работе авторы опирались на результаты исследований, посвященных эффективности визуализации информации в процессе обучения, однако рассматривали эту концепцию с новой точки зрения. Гипотеза была обоснована результатами проведенных теоретических и практических исследований. Исходное предположение подтвердилось в рамках цикла лекций, посвященных гибридным войнам.

Ключевые слова: образ, якорь, клип-культура, визуализация.

Одной из важнейших тенденций в современных научных практиках является стремление к междисциплинарности исследования, то есть к сочетанию методов, подходов и понятий, традиционно используемых в разных, порой принципиально, дисциплинах. Именно такой подход в свое время способствовал становлению биохимии, психолингвистики, вычислительной биологии и прочих актуальных областей знаний, развивая нестандартные, творческие подходы к решению поставленных временем и прогрессом задач. Некоторые исследователи, например Г.Б. Клейнер, даже в некотором роде противопоставляют традиционную для науки Нового времени дисциплинарность характерной для новейшей истории междисциплинарность, характеризуя первую как «порядок», а вторую – как «свободу» [1, с. 26]. Отметим, однако, что неверно считать междисциплинарность универсальным основанием для

бездумного переноса методов и идей из одной дисциплины в другую: каждое подобного рода действие должно быть обосновано научной необходимостью.

Тем не менее подобного рода «свобода» способствует не только синергии дисциплин, но также позволяет по-новому интерпретировать конкретные понятия и формулировать гипотезы, то есть использовать междисциплинарный подход в конкретном случае. Именно так во время подготовки цикла лекций, посвященных гибридным войнам, возникло предположение, что сложные общественно-политические и социологические понятия будут усвоены студентами лучше, если они будут сопровождаться различными, не обязательно даже связанными с темой занятия визуальными образами, которые будут выполнять функцию «якоря» и одновременно запускать работу ассоциативного мыш-

ления и памяти. По сути, мы имеем дело с сочетанием культурологического понятия («визуальный образ») и психологического феномена («ассоциативная память»), перенесенным в общественно-политические и социологические дисциплины.

Отметим, что сама по себе идея о том, что любого рода визуальная информация воспринимается человеческим мозгом лучше, чем текстуальная, поддержана целым рядом научных исследований. Например, психологи считают, что люди могут усвоить и декодировать до 15% входящей информации, получаемой в речевой форме, и до 25% – в зрительной, при этом в случае аудиовизуальной передачи информации человек вполне способен воспринять вплоть до 65% содержания этой информации [2, с.112]. Данные медиаисследователей впечатляют еще больше: например, австралийский психолог и писатель Алан Пиз установил, что около 90% всей коммуникации – причем не важно, какой – составляет именно аудиовизуальный компонент и всего 10% – собственно текст или слова. Добавим также, что ни одна из перечисленных концепций не могла бы появиться, а тем более быть в достаточной мере обоснована без междисциплинарного подхода, что в очередной раз доказывает важность его применения в исследованиях.

Безусловно, все вышеперечисленные данные были впоследствии апробированы в педагогической практике, что важно в рамках нашей статьи. Особенный интерес в этой связи представляли подходы к составлению и последующему чтению именно лекций, так как они отличаются от семинарских занятий или, например, коллоквиумов большей объективностью и обезличенностью, что позволяет более аккуратно и непредвзято фиксировать наблюдения. Добавим, что Джон Медина, молекулярный биолог-эволюционист, предложил представлять лекции как дискретные модули длиной в десять минут, основой каждого из которого является одна основная мысль (на ее объяснение отводится минута). Это связано с тем, что у докладчика есть как раз десять минут, пока внимание слушателей сосредоточено на входящей информации – по истечении этого отрезка времени необходимо ввести какой-то эмоционально значимый стимул [3, с.75-76].

С этими же особенностями человеческой психики и мозга, а также, что немаловажно с условиями внешней среды и технического прогресса, связан феномен «клипового мышления», описанного Ф.И. Гиреноком в 1990-е годы на основе социологического понятия «клип-культуры» Элвина Тоффлера. Тоффлер писал, что в постиндустриальном обществе информация преподносится короткими модульными вспышками [4, с.119], что, в свою очередь, формирует особый способ мышления и восприятия информации. Несмотря на то, что термин «клиповое мышление» обычно имеет негативную коннотацию и противопоставляется мышлению системному, невозможно отрицать тот факт,

что оно является не просто признаком современности, но и, по всей видимости, особенностью человеческого мозга в принципе. Это, безусловно, спекулятивное заявление, но мы можем утверждать, что, вероятно, именно концептуальная формулировка понятия «клипового мышления» стала основанием для формирования понимания того, что, в том числе, современные студенты воспринимают входящую информацию лучше, если текст сопровождается разнообразной инфографикой и иллюстрациями. Об этом, в частности, свидетельствуют данные, собранные сотрудниками Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), которые доказывают, что визуализация упрощает именно восприятие, но не выводы [5]. Более того, изображения, которые поддерживают, объясняют или дополняют текст, способствуют включению механизма ассоциативного мышления, которое психологи описывают как основу памяти [6, с. 182]. Перед тем как перейти к описанию такого образа мышления и, как следствие, памяти, отметим следующее. При том, что клиповое мышление порой незаслуженно демонизируется, отрицать того, что оно является своего рода когнитивным упрощением, нельзя. Обычно в учебной презентации, например, иллюстрации не только раскрывают материал более доступными средствами и подчеркивают идею занятия, но и одновременно значительно облегчают процесс обучения, что не всегда положительно сказывается на учебе. Мозг привыкает меньше напрягаться и выстраивать взаимосвязи, если информация подается в слишком упрощенном виде, что, в свою очередь, провоцирует интеллектуальную лень [7, с.5]. В рамках нашего исследования этот аспект сыграл важную роль, так как, отталкиваясь именно от понимания, что, с одной стороны, сопровождение текстуальной информации разного рода изображениями способствует ее лучшему усвоению, а с другой – что визуализация упрощает когнитивную функцию студента, мы сформулировали собственную гипотезу. Итак, мы предположили, что визуальные образы-якоря способствуют лучшему усвоению студентами сложных общественно-политических понятий на лекционных занятиях, даже если они неоднозначно или совершенно не связаны с темой лекции, так как сильный визуальный образ способен самостоятельно задействовать механизм ассоциативного мышления, а значит и памяти, у студента. Опять же заметим, что формат лекционных занятий был выбран для обеспечения большей объективности во время сбора и анализа данных. Таким образом, мы предложили сопроводить текстуальную информацию изображениями, чтобы мозг студента начал работать в усиленном режиме, стараясь связать все воедино и усвоить информацию. Проверить гипотезу было предложено во время чтения лекций цикла «Гибридная война», среди авторов которого один из соавторов настоящей статьи.

Стоит пояснить некоторые терминологические понятия, введенными нами для формулировки гипотезы и ее дальнейшего ее подтверждения. Итак, визуальный образ (далее в статье мы будем использовать это понятие

как текстуальный синоним «визуального якоря») – это такое произведение изобразительного искусства, которое является общепризнанным шедевром и обладает ярко выраженной эмоциональной окрашенностью, то есть силой, и которое было выбрано для привлечения внимания студентов к тематике лекции и его удержания по отношению к вводимым сложным понятиям.

Также необходимо пояснить, что мы имеем в виду под «сложным понятием», так как термин на первый взгляд кажется оценочным. В данной статье под «сложным» мы подразумеваем такое понятие, которое, во-первых, не является общеупотребительным или вообще было введено лектором, то есть, по сути, авторским, во-вторых, состоит из греческих или латинских аффиксов и служит для нового словообразования, в-третьих, определение которого требует сложного предложения с многочисленными самостоятельными частями речи, что затрудняет восприятие информации на слух. Из примеров: «параконвенциональная война», «преэмптивная война», «мятеж-война» и прочие.

Еще одно важное понятие – это ассоциативное мышление, о котором было сказано ранее. Так как в рамках ассоциативной психологии традиционно выделяют несколько типов ассоциаций, отметим, что в данном исследовании мы сосредоточимся на связи по контрасту и по отношению (причинность, присущность). Вообще исследователи отмечают, что классификация и синтез информации через ассоциативные связи существенно облегчают работу памяти в процессе усвоения информации [8, с. 118]. Именно на эту особенность человеческой психики мы опирались, проводя исследование.

Также еще раз отметим, что в мы использовали междисциплинарный подход не только для формулировки изначальной гипотезы, но и для последующих исследований и анализа полученных данных. Культура и искусство как ее часть (подчеркнем, что среди исследователей и ученых пока нет однозначной позиции, тождественны ли «культура» и «искусство» или второе понятие включено в первое) взаимодействуют и обогащают общественно-политические и социологические науки. Таким образом, искусствоведческая концепция «визуального образа» с его силой воздействия переходит в парадигму социально-политических дисциплин, объективизирует понятия, повышая их «якорность», становится их существенным наполнением. Получается, что содержательный образ общественных наук, например, преподносится через образ искусства.

Для доказательства выдвинутой нами гипотезы были использованы общепринятые теоретические методы исследования: анализ (изучение основных принципов через характеристику частных положений), систематизация (упорядочивание знания), сравнение. Однако больший

упор был сделан на практические методы исследования, так как они представляются более информативными в данном случае, а именно на наблюдение и эксперимент, на основании которых мы также провели упомянутый уже выше анализ, который имел качественный характер.

Как мы уже упоминали, гипотезу было решено доказать или же опровергнуть, в рамках чтения лекций курса «Гибридная война» в Российском государственном социальном университете (РГСУ). Таким образом, наблюдение, то есть полевое исследование, не связанное с получением данных из вторичных источников [9, с.3], проводилось именно в рамках этих занятий, исходя из основных принципов данного метода исследования. Был выбран строго определенный отрезок времени и зафиксированы наиболее значимые условия, в которых осуществляется наблюдение (лекция у студентов, изучающих общественно-политические науки). Также мы определили помимо хромотопных характеристик предмет наблюдения (поведение и реакция студентов) и объект (группа студентов в рамках лекции). При этом отметим, что в данном случае наблюдение носило несистематический характер, то есть исследователь фокусировал свое внимание на более обобщенных паттернах поведения группы студентов, а не фиксировал причинно-следственные зависимости и не описывает конкретные явления.

Итак, во время подготовки к лекциям некоторые из субъективно отобранных сложных понятий, относящихся к понятию «гибридная война», были сопровождаемы визуальными образами – шедеврами мирового искусства, заключающих в себе достаточную силу эмоционального воздействия, которое могло бы запустить механизм ассоциативного мышления и впоследствии памяти, даже если они тематически почти или совсем не соотносятся с текстуальной информацией. Приведем некоторые примеры.

Одно из наиболее противоречивых произведений супрематизма «Черный квадрат» Каземира Малевича было соотнесено авторами лекций с подходом Карла фон Клаузевица к конвенциональному типу войны и к важнейшим принципам наступления. Шедевр реалистической живописи «Утро в сосновом лесу» Ивана Шишкина сопровождал отрывок про ведение подрывной деятельности и про организации медицинского страхования как объектов для потенциальных диверсий. Картина Ильи Репина «Запорожцы» использовалась в качестве иллюстрации к тому, как гибридные компоненты могут создать условия для добровольного или даже неосознанного стремления граждан реализовать цели агрессора. «Девятый вал» Ивана Айвазовского был использован в отрывке про большие группы субъектов, участвующих в гибридных войнах, а «Незнакомка» Ильи Глазунова – про историю создания Федеральной резервной системы 1913 году в Великобритании. «Спящая царевна» Виктора Васнецова была добавлена к описанию последствий для воюющих сторон в

арабо-израильской войне 1948-1949 годов, а «Девочка с персиками» Валентина Серова – многослойности гибридной войны. Это лишь некоторые примеры, всего было использовано более двухсот визуальных якорей. Как видно из перечисленных выше картин, которыми были сопровождаемы тексты лекций, все они лишь косвенно, а некоторые – вовсе, не соответствуют теме гибридных войн.

Важно также, что визуальные образы отбирались обдуманно. Упор был сознательно сделан на наиболее известные работы среди широкого круга лиц. Перед добавлением той или иной работы мы сверялись с данными опросов, чтобы избежать подмены объективных данных собственными умозаключениями. По данным ВЦИОМ (см.рис.1), тройку лидеров по известности среди граждан России составляют Шишкин (32%), Репин (29%) и Айвазовский (24%). Они же входят в десятку самых любимых авторов картин (см.рис.2).

Шишкин	32
Репин	29
Айвазовский	24
Васнецов	17
Глазунов	8
Серов	8

Рис. 1. Данные опроса: «Каких российских, русских живописцев и художников Вы знаете? Можете назвать до пяти имен (открытый вопрос, не более 5-ти ответов, %)».

Источник: ВЦИОМ

Айвазовский	27
Шишкин	26
Репин	16
Левитан	6
Васнецов	6
Серов	5
Глазунов	5
Суриков	4
Малевич	2
Саврасов	2

Рис. 2. Данные опроса: «Картины каких российских, русских живописцев и художников Вам нравятся? Можете назвать до пяти имен (открытый вопрос, не более 5-ти ответов, % от тех, кто знает какого-либо русского живописца)». Источник: ВЦИОМ

Итак, пока преподаватель читал лекции, сопровождая текстуальную информацию изображениями с шедеврами мирового искусства, тематически не связанными с темой занятия в целом или слайда в частности, наблюдатель фиксировал паттерны поведения студентов, то есть – их

реакцию на вводимые понятия без иллюстраций и, наоборот, в сопровождении визуального образа. Данные внесены в специально подготовленную таблицу, на основе которой далее был произведен качественный анализ данных и четко обозначена корреляция между тем, как студенты реагировали на сухой текст и на текст, связанный с каким-либо визуальным якорем. Поясним: как только речь заходила про сложное общественно-политическое понятие, аудитория постепенно теряла интерес, студенты начинали отвлекаться (разговоры с соседом по столу, переписка, думскроллинг, просмотр видео и пр.), однако переключение слайда на визуальный образ способствовало установлению тишины в зале и усердному фиксации информации. На каждой лекции наблюдатель записывал также экспрессию мимики (ее характер), движений, в том числе, свидетельствующие об отсутствии интереса и расфокусировки внимания. Среди некоторых из них: многочисленные микродвижения, постукивание ручкой по столу, постоянное просматривание на дверь или в потолок и другие. С другой стороны, интерес и вовлеченность демонстрировалась как раз отсутствием жестикуляции и движений у обучающихся, как правило, брови у большинства были немного приподняты, а глаза – расширены. Если говорить о процентном соотношении, то наблюдатели фиксировали повышение внимания аудитории в среднем на 60% во время демонстрации картины на экране.

Отметим тут, что в связи с тем, что наблюдение – довольно субъективный метод исследования, следовало особо следить за тем, чтобы избежать ошибок наблюдающего. Например, гало-эффекта (игнорирование мелких, но важных деталей и стремление все обобщить), эффекта снисхождения (тренд на то, чтобы все зафиксированные явления оценивать с положительной точки зрения) и ошибки корреляции (подмена оценивания одного явления другим, с ним не связанным, условно, когда заинтересованность в предмете оценивается пунктуальностью).

После того, как были собраны данные, наблюдатели произвели анализ, который подтвердил первоначальную гипотезу, что сильные визуальные образы способны «заякорить» в памяти у студента сложные общественно-политические понятия, даже если совсем или почти не связаны с ними. После каждого занятия студенты проходили тест, состоявший из списка вопросов, где из нескольких вариантов ответа нужно было выбрать один верный. В качестве заданий обучающимся предлагалось найти правильное определение конкретного понятия. Мы вводили в каждый тест разные типы вопросов. Первая группа предлагала студентам выбрать правильное определение понятие, которое было дословно озвучено в ходе лекций и было сопровождено каким-либо визуальным якорем. С такого рода заданиями справлялось в среднем 87% студентов. Вторая группа заданий была связана с определениями понятий, которые были дословно озвучены на занятии, но не были подкреплены каким-либо визуальным образом – здесь правильные от-

веты давали 65% обучающихся. Третья группа вопросов относилась к таким понятиям, который были проиллюстрированы, но само определение было переформулировано. Интересно, но с такими заданиями справлялось около 78% студентов. Самый слабый результат традиционно показывали задания, в рамках которых обучающимся нужно было верно отметить определение понятия, которое было сформулировано не так, как на лекции, и не было подкреплено никаким визуальным якорем (около 15% студентов).

Несмотря на то, что результаты наблюдения позволили убедиться в верности нашей изначальной гипотезы, было принято решение провести дополнительный эксперимент, чтобы выяснить, насколько эти визуальные якоря помогают усвоить и в дальнейшем воспроизвести материал обучающимся в долгосрочной перспективе. Во время промежуточной проверки знаний студентов экзаменаторы помимо прочего фиксировали, насколько визуальный образ способствовал усвоению информации. Когда студент явно не мог вспомнить какое-либо понятие, ему предлагалось взглянуть на картину, которую демонстрировали на лекции в момент объяснения этого понятия. Было зафиксировано, что студенты в среднем на 70% лучше вспоминали информацию, используя такую «подсказку». Эксперимент наглядно продемонстрировал, что студенты фиксируют в памяти сложные понятия лучше, если они могут установить ассоциатив-

ную связь с сильным визуальным образом, даже если он не связан тематически с вопросом в билете. Более того, мы также провели сравнительный анализ данных с похожим по тематике циклом лекций, который был зачитан студентам другого курса. Результаты были впечатляющими: 73% студентов смогли успешно сдать зачет по похожей дисциплине, в рамках которой визуальные якоря не применялись, в нашем случае их было около 89%.

Таким образом, подведем итоги. Междисциплинарность подхода к научному исследованию позволила нам по-новому взглянуть на данные о том, что визуальные образы значительно упрощают процесс усвоения сложных понятий человеческим мозгом. Во время подготовки цикла лекций по гибридным войнам была сформулирована гипотеза, что визуальные якоря, совсем или практически не связанные с темой лекции, но обладающие достаточной экспрессией помогут, с одной стороны, обучающимся лучше понять и в дальнейшем воспроизвести полученные знания, а с другой – простимулируют работу их когнитивной функции за счет включения работы ассоциативного мышления и памяти. Гипотеза была убедительно обоснована при помощи теоретических методов исследования: анализа качественных данных, их систематизации и сравнении. Также были применены практические методы исследования: наблюдение и эксперимент, результаты которых были приведены в данной статье.

ЛИТЕРАТУРА

1. Клейнер Г.Б. Междисциплинарность, системность, гармония – ориентиры развития социально-экономических исследований // Перспективы развития междисциплинарных социально-экономических и гуманитарных исследований (24 июня 2015, Ростов-на-Дону). — Ростов-на-Дону, 2015. — 12-32 с.
2. Гаряев Л.В. Психолого-физиологические особенности визуального восприятия информации и их учет при создании учебных презентаций / Л.В. Гаряев, Т.П. Гаряева // Вестник Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Серия: Информационные компьютерные технологии в образовании. — 2008. — №4. — 106-113 с.
3. Медина, Дж. Правила мозга. Что стоит знать о мозге вам и вашим детям/ Дж. Медина. — М.: МИФ, 2018. — 290 с., ил.
4. Тоффлер Э. Третья волна / Э. Тоффлер. — М.: АСТ, 2004. — 261 с.
5. Международный социологический марафон: [Электронный ресурс] // Всероссийский центр изучения общественного мнения. URL: https://profi.wciom.ru/obrazovanie/sociologicheskii_marafon/vopros-otvet/ (дата обращения: 08.03.2023).
6. Немов Р.С. Психология: Учебник для студентов высших педагогических учебных заведений: В 3 книгах / Р.С. Немов. — 4-е изд. — М.: ВЛАДОС, 2003. — Книга 2.
7. Семеновских Т.В. Психолого-педагогические детерминанты академического мошенничества в исследовательских работах студентов / Т.В. Семеновских // Вестник евразийской науки. — 2013. — №4(17). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologo-pedagogicheskie-determinanty-akademicheskogo-moshennichstva-v-issledovatel'skih-rabotah-studentov> (дата обращения: 08.03.2023).
8. Грановская Р.М. Элементы практической психологии / Р.М. Грановская — Л.: Издательство Ленинградского университета, 1988. — 564 с.
9. Метод наблюдения в исследованиях / Лымаренко В.М. — СПб, 2018. — URL: https://www.miep.edu.ru/upload/science/limarenko_work_32.pdf(дата обращения: 08.03.2023).
10. Айвазовский – к 200-летию!: [Электронный ресурс] // Всероссийский центр изучения общественного мнения. URL: <https://old.wciom.ru/index.php?id=236&uid=3294>(дата обращения: 08.03.2023).
11. Гиренок Ф.И. Клиповое сознание / Ф.И. Гиренок. — М.: Академический проект, 2014. — 249 с.
12. Пиз А., Пиз Б. Новый язык телодвижений. Расширенная версия. — М.: Изд-во Эксмо, 2006. — 416 с., ил.
13. Методология научных исследований. / Пономарев А.Б., Пикулева Э.А. — Пермь, Издательство Пермского национального исследовательского политехнического университета, 2014. — 169 с.

© Алиев Джомарт Фазылович (AliievDF@rgsu.net), Жаденов Олег Михайлович (ZhadenovOM@rgsu.net), Радунцева Александра Александровна (RaduntsevaAA@rgsu.net).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

О ПОДГОТОВКЕ КАДРОВ РОССИЙСКО-КИТАЙСКОЙ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ В ЭПОХУ СМАРТ-МЕДИА¹

Бао Сюэминь

Старший преподаватель, Хэйхэский университет

bxm_0216@163.com

Хэ Бэй

Доцент, Хэйхэский университет

285191710@qq.com

Чан Вэньшуо

Старший преподаватель, Хэйхэский университет

363456433@qq.com

ABOUT TRAINING OF RUSSIAN-CHINESE INTERCULTURAL COMMUNICATION IN THE ERA OF SMART MEDIA

**Bao Xuemin
He Bei
Chang Wenshuo**

Summary: As China and Russia continue to promote a new era of comprehensive strategic partnership, both countries are developing exchange and cooperation in various aspects such as economy, trade and culture. With the advent of the intellectual era, there was a deepening of the dialogue between the media of the two countries. Against this background, the demand for high-quality, comprehensive Chinese and Russian personnel in the field of intercultural communication has increased dramatically. This article explores the model of university training of Russian-Chinese intercultural communication through three aspects: ideological, intellectual and practical training, as well as through the development of empathic and convergent communication skills among students.

Keywords: era of smart media, intellectual era, media technologies, intercultural communication, personnel training, empathy.

Аннотация: По мере того, как Китай и Россия продолжают продвигать новую эру всестороннего стратегического партнерства, обе страны развивают обмен и сотрудничество в различных аспектах, таких как экономика, торговля и культура. С наступлением интеллектуальной эры произошло углубление диалога между СМИ двух стран. На этом фоне резко возрос спрос на высококачественные, комплексные китайские и российские кадры в области межкультурной коммуникации. В настоящей статье исследуется модель университетской подготовки кадров российско-китайской межкультурной коммуникации через три аспекта: идеологическая, интеллектуальная и практическая подготовка, а также через развитие у студентов навыков эмпатической и конвергентной коммуникации.

Ключевые слова: эпоха смарт-медиа, интеллектуальная эра, медиа-технологии, межкультурная коммуникация, подготовка кадров, эмпатия.

Введение

Цель исследования: наступление интеллектуальной эпохи способствовало новому витку диалога между СМИ Китая и России. В связи с этим резко возрос спрос на высококачественные, сложные китайско-российские кадры в области межкультурной коммуникации. Цель данного исследования - изучить способ подготовки российско-китайских кадров в области межкультурной коммуникации в эпоху смарт-медиа и внести новый вклад в развитие обменов и контактов между людьми в области гуманитарных наук между Россией и Китаем.

Задачи исследования: изучить модель подготовки

российско-китайских кадров межкультурной коммуникации в университетах.

Гипотеза исследования: с одной стороны, рассмотреть на высшем уровне проект подготовки высококвалифицированных кадров в китайско-российской межкультурной коммуникации, включая теоретическое обучение и установку практических связей; с другой стороны, на основе этого решить проблему повышения компетентности кадров китайско-российской межкультурной коммуникации в современную эпоху смарт-медиа.

Методология исследования: метод изучения литературы, метод обобщения опыта.

¹ Результаты фондовых проектов: Результаты проекта реформы преподавания в провинции Хэйлунцзян «Изучение пути и построения структуры системы образования инновационного предпринимательства журналистов при региональной прикладной высшей школе» (№ SJGY20210606); Результаты основного научно-образовательного проекта «Изучение пути и построения структуры системы образования инновационного предпринимательства журналистов при региональной прикладной высшей школе» провинции Хэйлунцзян за 2020 год, осуществляемого в рамках «Тринадцатой пятилетки» (№ GJB1320217); Результаты проекта реформы высшего образования Хэйхэского университета в 2020-ом году под названием «исследования системы образования и практики в области инноваций и предпринимательства для специалистов по медийке в университетах» (№ XJGY202003); Результаты реформационного проекта высшего образования провинции Хэйлунцзян «Реформа и инновации в подготовке режиссеров телерадиовещания в контексте «нового гуманитария» (№ SJGY20210600).

Результаты исследования: во-первых, это подготовка кадров высокого уровня в китайско-российской межкультурной коммуникации. Университет ведет идейную подготовку, воспитывая у студентов международное видение и чувство патриотизма; прививает знания, через совместное создание китайско-российской программы для преподавателей, уделяя особое внимание техническому культурному обучению в преподавании русского языка; производит практическую подготовку, при которой изучаются возможные платформы обмена для будущего сотрудничества, поощряется стремление студентов участвовать в практической деятельности по китайско-российской коммуникации. Во-вторых, помимо работы над культурой, университеты должны учитывать наступление эры смарт-медиа, необходимость совершенствования навыков эмпатической и конвергентной коммуникации у российских и китайских кадров по межкультурной коммуникации, а также укреплять обмен преподавательским и исследовательским опытом между двумя странами в рыночно-ориентированном ключе.

Теоретические основы: «молчаливый язык» является основополагающей работой в области межкультурной коммуникации. Диссертация в основном основывается на теории межкультурной коммуникации и использует для анализа межкультурную теорию Эдварда Холла, что позволяет предположить, что для качественной подготовки российских и китайских кадров в области межкультурной коммуникации необходимо достичь трех уровней культурного обучения.

Практическое значение: в эпоху новых медиа и больших данных развитие навыков межкультурной коммуникации у медиа-кадров должно идти в ногу со временем. В диссертации предлагаются современные пути воспитания российских и китайских кадров межкультурной коммуникации и способы повышения коммуникативной компетентности, предлагаются идеи для университетов по воспитанию кадров межкультурной коммуникации.

Научная новизна: основываясь на межкультурной теории Эдварда Холла, исследование является инновационным, предлагает конкретные решения для подготовки китайско-российских кадров по межкультурной коммуникации с точки зрения теории и практики. Кроме того, идея о необходимости укрепления навыков эмпатической и конвергентной коммуникации, как российским, так и китайским кадрам по межкультурной коммуникации в свете изменений ввиду развития средств массовой информации, также является в некоторой степени передовой.

В последние годы инициатива «Один пояс – один путь» создала новую структуру китайско-российско-

го сотрудничества, расширив широту и глубину не только политического, экономического, военного, научно-технического обмена, но и культурного обмена. Учащение привело к новому прогрессу в сотрудничестве в области гуманитарных наук. С 2006 года Китай и Россия успешно провели ряд мероприятий, включая «Год нации», «Год языков», «Год туризма», «Год дружбы и молодежных обменов» и «Год обмена между СМИ». «В 2019 году исполняется 70 лет со дня установления дипломатических отношений между Китаем и Россией, частые визиты на высоком уровне и потепление отношений между двумя странами способствуют дальнейшему развитию всеобъемлющего стратегического сотрудничества и партнерства в новую российско-китайскую эпоху. Когда в 2020 году внезапная вспышка эпидемии новой коронавирусной инфекции охватила весь мир, Китай и Россия объединили усилия, чтобы помочь друг другу, и борьба с эпидемией стала новой областью сотрудничества между двумя странами. Нарастание китайско-российских отношений требует подготовки большого числа высококвалифицированных китайских и российских кадров по межкультурной коммуникации.

Быстрое развитие Интернета позволило обмениваться глобальными ресурсами, что изменило способ производства и жизни людей и повысило качество их жизни, но вместе с тем, такая особенность Интернета, как открытость и инклюзивность привела к смешанности информации. Некоторые западные СМИ используют Интернет для распространения недостоверных сообщений и новостей, серьезно влияя на восприятие иностранной общественностью национального имиджа Китая и пытаются разделить и саботировать дружеские и партнерские отношения между Китаем и Россией. Поэтому особенно важно донести голос Китая до России, сформировать хороший образ, укрепить новые средства массовой коммуникации и создать коммуникационную платформу между Китаем и Россией. Необходимо не только подготовить большое количество китайско-российских кадров в области межкультурной коммуникации, но и продолжать совершенствовать их навыки и развивать новые медиатехнологии, а также пересмотреть модель подготовки кадров, чтобы способствовать развитию обмена между двумя странами.

Стратегический курс (миндао): пути поиска высококвалифицированных кадров в русско-китайской межкультурной коммуникации

Эдвард Холл, известный как «отец-основатель межкультурной коммуникации», в книге «Молчаливый язык» назвал теорию культуры в триаде уровней: технической, формальной и неформальной. Автор предполагает, что для того, чтобы хорошо общаться между представителями разных культур, необходимо достичь

трех уровней культурного обучения. Формальные культурные мероприятия преподаются в основном через правила и заповеди. Взрослый учитель формирует молодых в соответствии с моделью, в которую он сам твердо верит. Обучение неформальной культуре отличается от технического обучения, основным посредником которого является способ подражания. Техническая культура близка к уличной с односторонним движением, обычно преподается преподавателем ученику, прямым языком в устной и письменной форме [1]. В соответствии с подготовкой кадров российско-китайской межкультурной коммуникации, помимо прочего, формальная культура может быть достигнута путем изучения российских обычаев, привычек и истории страны. Изучение неформальной культуры требует углубления в другую культуру, поиска скрытых моделей поведения культурной адаптации в их повседневной жизни и понимания культурного смысла, стоящего за языком, что всегда востребовано в межкультурной коммуникации в лучшем ее проявлении. Техническое обучение, с другой стороны, является наиболее простым и достигается в основном за счет изучения русского языка. Согласно этой теории, университеты должны исследовать способы подготовки кадров высокой квалификации в китайско-российской межкультурной коммуникации на основе предварительного сотрудничества в идеологическом, интеллектуальном и практическом образовании.

Идейная подготовка и расширение международного кругозора

Целью подготовки российских и китайских кадров в области межкультурной коммуникации является содействие международному распространению китайской культуры, укрепление экономического и торгового сотрудничества между Россией и Китаем, расширение взаимных культурных обменов, а также защита интересов обеих стран с помощью общественной концепции подготовки специалистов по медиакоммуникациям. Поэтому важно подготовить группу кадров в области межкультурной коммуникации с сильной политической позицией, патриотов с глобальным кругозором [2].

Обучение русской национальной культуре. Система знаний по формальному обучению межкультурной коммуникации требует исследования истории, патриотической культуры, системы коммуникаций. России, культивации у студентов глобального кругозора и совершенной структуры знаний. Глобальный кругозор – это глобальная перспектива, основанная на настоящем и мире, сознание целостных интересов, которое устраняет столкновение культур и стремление к взаимной выгоде, это открытый ум, отвечающий времени и уважающий реальность, а также всестороннее качество симбиоза

знаний, способностей и ценностей. С одной стороны, университеты должны разрушить барьеры дисциплин и профессий, эффективно использовать внутренние университетские ресурсы и формировать междисциплинарное интеграционное обучение. Делать акцент на общем образовании, овладении международными знаниями и знакомстве с международными правилами. Несмотря на то, что в последние годы большинство университетов включили в свои учебные программы гуманитарные дисциплины, такие как литература и культура, мало внимания уделяется экономике, праву и социологии. С другой стороны, российское образование в сфере масс-медиа требует от студентов пройти четыре межфакультетских курса до окончания учебы. Учебная программа Московского университета, например, охватывает социальные, политические, судебные и медиа-экономические аспекты [3]. С другой стороны, университеты должны проделать основательную работу по включению истории русской литературы и России. Студенты должны познакомиться с политической культурой и системой коммуникации российских регионов, уважать их культурные обычаи, понимать манеру их поведения, вести диалог на одном языке, понимать различия между культурами через «межкультурную» призму.

Основное внимание уделяется обучению эмоциональной грамотности. Целью также является подготовка специалиста межкультурной коммуникации патриота и распространителя голоса Китая. В этом смысле специалисты по международной коммуникации несут историческую ответственность за то, чтобы рассказать китайскую историю китайскому народу и всему миру. Поэтому они должны быть основаны на патриотических чувствах, национальных корнях и духе времени, созвучны голосу страны, резонировать со временем и сопереживать народу [4].

Повышение эрудированности и обмен образовательными ресурсами

31 мая 2021 года генеральный секретарь Си Цзиньпин в важной речи во время председательства на 30-м коллективном совещании Политбюро ЦК КПК подчеркнул необходимость всестороннего повышения эффективности международной коммуникации и создания сильной команды специализированных кадров для удовлетворения потребностей международной коммуникации в новую эпоху. Мы должны способствовать глобальному, региональному и ориентированному на аудиторию донесению истории и голоса Китая, а также повышать привлекательность и эффективность международной коммуникации. Это указывает путь для обучения кадров по межкультурной коммуникации. По мере потепления международных отношений между Россией и Китаем и углубления сотрудничества в области журналистики возникает необходимость в подготовке специ-

алистов по коммуникациям для российского региона. Самым основным и необходимым аспектом модели обучения является изучение русского языка для журналистов, которое, согласно теории культурной иерархии Эдварда Холла, относится в основном к технической культурной иерархии.

Повышение эрудированности фокусируется на техническом обучении в межкультурной коммуникации. Технический уровень требует языка в качестве ядра. Язык является носителем культуры, и выдающиеся специалисты российско-китайской межкультурной коммуникации нуждаются в уверенном русском языке в качестве базового навыка. Что в свою очередь требует хорошего планирования преподавания русского языка в университетах, ориентированного на одновременное культивирование профессиональных знаний и навыков владения иностранным языком. С одной стороны, университеты должны внедрять инновации в процесс подготовки кадров, вводить преподавателей русского языка для обучения и улучшения русского языка у студентов-журналистов с помощью различных учебных программ и систематического обучения. С другой стороны, привлекать российских педагогов или профессоров по массовым коммуникациям для взаимодействия с преподавателями и студентами в форме лекций или семинаров в рамках программы совместного преподавания. При углубленном сотрудничестве мы можем и дальше использовать СМИ в качестве посредника, чтобы совершать обмен онлайн-ресурсами для российско-китайского журналистского образования и способствовать созданию открытой платформы обмена учебными программами для повышения эффективности преподавания с целью подготовки междисциплинарных и многопрофильных российско-китайских кадров по межкультурной коммуникации, владеющих целым рядом профессиональных знаний.

Практическая подготовка и изучение платформ обмена

Усилить практическую соревновательную деятельность. При подготовке китайско-российских кадров в области межкультурной коммуникации важно не только уделять внимание теоретическим целям высокоуровневого планирования, но и дать больший акцент на практические аспекты студентов, используя конкурсы в качестве инструмента, программное сотрудничество, обучение, ориентированное на задачи, модели подготовки специалистов через взаимодействие с практикой и изучение платформ обмена между Китаем и Россией. 2016 и 2017 годы были годами китайско-российского обмена между СМИ, в эти годы СМИ и школы обеих стран осуществляли различные формы сотрудничества. Среди них географически выгодно расположенный Хэйхэский университет с бакалавриатом и Благовещенский госу-

дарственный педагогический университет России совместно провели конкурс «Креативный конкурс люди будущего медиа». Студенты из обеих стран работали над темой «Человек с фотоаппаратом» и добились взаимного прогресса благодаря взаимодействию и обмену, рассказывая историю дружбы между Россией и Китаем в виде изображений. В ходе конкурса, во-первых, студенты применили свои знания в области журналистики и коммуникации на практике, способствуя развитию основного канала обучения и основной области практики одновременно. Во-вторых, создавая платформу для обмена между Китаем и Россией, студенты двух стран реализуют обмен и общение во многих аспектах, включая культуру и уровень коммуникационных технологий, и проверяют результаты обучения и преподавания с помощью больших турниров, тем самым повышая уровень преподавания во всех аспектах. В-третьих, организация международных турниров между Китаем и Россией, способствует знакомству большого количества людей с богатой китайской традиционной культурой и красочными региональными особенностями, что усилит влияние и распространение китайской культуры.

Предоставление платформы для практического обмена. Поощрение студентов к участию в практических мероприятиях по русско-китайскому общению и совершенствованию их практических навыков. В городе Хэйхэ провинции Хэйлунцзян уже 12 лет подряд проводится «Китайско-российская культурная ярмарка», которая благодаря ряду мероприятий не только способствует развитию культурного обмена и торговли между двумя странами, но и дает возможность подготовить специалистов по коммуникациям для России. Во время мероприятия образовательные учреждения могут изучить проекты трансграничного журналистского сотрудничества, представляя российским и китайским студентам различные точки зрения на одну и ту же тему новостей «Китайско-российской культурной ярмарки», а также проводя тематические семинары по обучению журналистике с помощью онлайн и офлайн методов, для эффективного улучшения практических навыков интервьюирования российских и китайских специалистов межкультурной коммуникации. В дополнение к этому можно изучить многогранное пространство для практических обменов между Китаем и Россией. Например, студентам может быть предоставлена возможность посещать российские медиаорганизации вместе с сотрудниками китайских СМИ для ознакомления с их механизмами отчетности и работы, а также для улучшения коммуникации между ними.

Способы непрерывного совершенствования (юшу): пути подготовки российских и китайских специалистов в области межкультурной коммуникации для расширения их возможностей

В 2013 году Министерство образования и Мини-

стерство пропаганды совместно выпустили: «Рекомендации об усилении создания преподавательского состава на факультетах журналистики и коммуникации в университетах и подготовки передовых журналистских и коммуникационных кадров», в которых особое внимание уделяется подготовке международных журналистских и коммуникационных кадров с международным видением и межкультурной компетентностью. Подготовка китайско-российских межкультурных журналистских и коммуникационных кадров требует не только теоретической грамотности, практического опыта и владения русским языком, но и знания культурной эмпатии и усиления навыков конвергентной коммуникации с грамотностью в области данных, интернет-мышления и новых медиа-технологий в качестве основных элементов.

Повышение навыков эмпатического общения

Неформальный культурный уровень обучения, предложенный Эдвардом Холлом, является своего рода кодировкой, скрытой внутри культур, то есть эффективная коммуникация и обмен, могут быть достигнуты только путем понимания генеративных механизмов, лежащих в основе различных моделей поведения культурной адаптации. Несмотря на сложность решения данной проблемы, ее можно разрешить шаг за шагом, повышая способность студентов к общению с помощью культурной эмпатии. Будучи изначально эстетическим понятием, эмпатия постепенно стала применяться в различных дисциплинах, а исследования в области журналистики и коммуникации только начинаются, поэтому концепция эмпатической коммуникации подвержена диверсификации мнений. Эмпатическая коммуникация – это буквально резонанс общих или схожих эмоций и чувств в процессе передачи и распространения информации. Это также способность людей сознательно связываться с оппонентом, понимать эмоции других и реагировать на них. По мнению ученого в области коммуникации Ву Фэя, если сначала создать концепцию эмпатии к другому и работать над развитием эмпатической заботы, люди смогут решить коммуникационную дилемму «разговора с пустотой» в глобальной коммуникации. Очевидно, что эмпатические навыки могут быть использованы в межкультурной коммуникации для развития взаимопонимания и доверия между двумя сторонами.

В условиях сложной международной обстановки в сфере общественного мнения и распространения эпидемии новой коронавирусной инфекции по всему миру особенно важно совершенствовать эмпатические навыки для подготовки китайских и российских специалистов по межкультурной коммуникации. Университеты могут активно изучать аспекты исследований и преподавания, совершенствовать свою исследовательскую

работу и методы преподавания, при этом совершенствование навыков коммуникативного общения является основным направлением. Во-первых, необходимо наладить обмен научными исследованиями с российскими университетами, играть роль аналитических центров в китайско-российских культурных обменах, укреплять взаимное общение посредством академических обменов и сокращать скидки на культурные особенности. Осуществлять углубленные дискуссии по таким темам, как журналистское образование в нынешнюю пост эпидемическую эпоху, межкультурное эмпатическое общение и медиа-грамотность. Во-вторых, укрепить навыки коммуникации и понимания для общения с Россией; Tik Tok – самая быстрорастущая социальная сеть в России по количеству пользователей, и будущим журналистским кадрам важно научиться думать в интернете, понимать механизм работы платформы и быть знакомыми с тем, как налаживать межкультурное взаимодействие в культурно нелокализованном контексте. Уметь ставить себя на место другого человека, уметь думать и выражать свои мысли, рассказывать истории в соответствии с дискурсивными проявлениями и образом мышления российских пользователей, тем самым создавая эмоциональный резонанс и формируя коммуникацию в пространстве эмпатического дискурса. В-третьих, с точки зрения методологии, может быть использовано обучение по сценарию. Определяется круг вопросов по установленной теме, чтобы создать ситуацию межкультурной коммуникации и мотивировать студентов к участию. Кроме того, посредством обмена ролями, разыгрывания сценок, рефлексии и подведения итогов, а также ряда методов обучения, студенты получают возможность поставить себя на место другой стороны используя эмпатическую коммуникацию в действительности, почувствовать то, что они чувствуют, и думать, как думают они, действительно понимать потребности другой стороны с самого начала, а также воспринимать и переживать весь процесс межкультурной коммуникации. Студентов также учат заниматься самоанализом и рефлексией на основе межкультурного диалога, задавать вопросы и вести дискуссию на основе принципа вникания, помогая им постепенно преодолевать стереотипы родного языка, что будет способствовать улучшению навыков межкультурной коммуникации.

Укрепление навыков конвергентной коммуникации

В последние годы информационные технологии нового поколения, такие как большие данные (Big Data), облачное программирование, искусственный интеллект и технологии искусственного интеллекта, все чаще применяются в сфере СМИ, что также привело к глубоким изменениям в медиаландшафте современного мира, указывая на то, что мы вступили в эру омнимедиа и этап развития интеграции медиа. С одной стороны, наступле-

ние эры омнимедиа изменило подходы к производству новостных сообщений, трансформировало способы распространения новостей и изменило привычки аудитории в потреблении информации, сделав их более субъективными и превратив в активных участников, распространителей и даже создателей новостного контента. С другой стороны, дух времени предъявляет новые требования к подготовке кадров в области межкультурной коммуникации, делая акцент на повышении их навыков конвергентной коммуникации. Важно не только овладеть теоретическими знаниями в области журналистики и коммуникации, но и идти в ногу со временем и совершенствовать применение новых интернет-технологий, представленных короткими видео, микроблогами и другими социальными медиа. Помимо этого, следует также уделять особое внимание развитию инновационного мышления и грамотности в области данных в интегрированных медиа.

Подготовка российских и китайских кадров в области межкультурной коммуникации не может быть выражена простой комбинацией «журналистика + иностранный язык», а должна руководствоваться коммерциализированной профессиональной ориентацией и обоюдно приемлемой концепцией подготовки кадров. Важно изучить передовой опыт и разработать совместную модель обучения, подходящую как для Китая, так и для России, чтобы российские и китайские кадры по межкультурной коммуникации могли эффективно содействовать гуманитарному обмену между двумя странами. При рыночной ориентированности, подготавливаются прикладные и сложные кадры – являются путем будущего российско-китайского сотрудничества по журналистским кадрам.

Концепция подготовки журналистов в эру омнимедиа больше не сводится к обслуживанию традиционных СМИ, таких как радио и телевидение, газеты и журналы, а к тому, чтобы идти в ногу со временем и быть ориентированными на потребности рынка и, исходя из них, трансформировать мышление для повышения навыков конвергентной коммуникации медиаспециалистов. Профессор Ольга, заместитель декана факультета журналистики МГУ, упомянула в интервью, что для того, чтобы адаптироваться к изменениям на рынке, университет не только предлагает в учебном плане внутриотраслевые экспериментальные курсы и творческие мастерские, но и создает экспертную комиссию, состоящую из более чем 50 представителей крупнейших медиакомпаний России, которая регулярно собирается для обсуждения изменений и проблем в медиаиндустрии, и таким образом университет будет обращаться к ее рекомендациям для периодических встреч с целью обсуждения изменений и проблем медиасферы. Институт учтет их рекомендации и скорректирует свои программы обучения журналистов. Модель сотрудничества «универси-

тет + медиа» лежит в основе современной совместной подготовки. Ключ к улучшению навыков конвергентной коммуникации студентов заключается в методах двустороннего изучения подготовки журналистов. Перестройка системы знаний и интеграция сильных сторон учебных программ обеих сторон. Помимо добавления в учебную программу новых материалов по медиабизнесу и повышения грамотности в области данных, проводятся различные практические занятия и стажировки в медиаподразделениях как в России, так и в Китае. Это обеспечивает получение студентами практического опыта работы в отрасли, а также позволяет им познакомиться с различными культурами и понять различные механизмы работы СМИ в условиях межкультурной жизни, что еще больше повышает их способность к интеграции и творческому мышлению, тем самым углубляя коммуникацию и взаимодействие между двумя странами. Например, в 2016 году был создан «Союз журналистского образования вузов Китая и России», в котором приняли участие более 200 студентов и преподавателей из 35 университетов Китая и России, а также многие представители политических и медийных кругов Китая и России, что послужило хорошим началом для будущей совместной подготовки отличных китайских и российских межкультурных медийных кадров.

Заключение

Подготовка высококвалифицированных кадров в области китайско-российской межкультурной коммуникации должно сыграть роль моста между Китаем и Россией, улучшить понимание, общение и наладить диалог между двумя странами во всех аспектах, а также способствовать дальнейшему развитию сотрудничества между двумя странами во многих **областях**. Для этого университеты должны проводить среди студентов идейную подготовку, производя междисциплинарную интеграцию в университетах, укрепляя базовые гуманитарные знания и т.д., чтобы развивать у студентов международный кругозор и патриотизм; **повышать эрудированность студентов**, создавать совместную российско-китайскую программу для преподавателей, уделять особое внимание техническому культурному обучению через преподавание русского языка; осуществлять практическую подготовку, поощрять студентов к участию в практической деятельности в российско-китайской коммуникации и изучать возможные платформы обмена для будущего сотрудничества. Кроме того, с наступлением смарт-медиа эры университетам необходимо развивать навыки эмпатической и конвергентной коммуникации у российских и китайских специалистов по межкультурной коммуникации, расширять возможности для преподавания и научного сотрудничества между двумя странами в рыночно-ориентированном ключе, а также по-настоящему взять на себя ответственность за подготовку специалистов по межкультурной коммуникации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Холл, Э. Молчаливый язык / Э. Холл; пер. Хэ Даокуань. – Пекин: Издательство Пекинского университета, 2010. – С. 54–56.
2. Цзян, Фэй. Размышления о воспитании будущих международных журналистских и коммуникационных кадров в новую эпоху / Ф. Цзян. Журналистика и писательство. – 2020. – С. 37–42.
3. У, Юаньюань. Изменения в подготовке журналистских и коммуникационных кадров в контексте трансформации российского высшего образования – интервью с профессором Ольгой, заместителем декана факультета журналистики МГУ / Юаньюань У. // Энтузиаст журналистики. – 2019. – С. 68–70.
4. Ляо, Сянчжун. Три основных вопроса, которые необходимо решить при подготовке международных коммуникационных кадров в эпоху медиа- и социального изоморфизма / С. Ляо // Современные коммуникации. – 2021. – № 43(01). – С. 1–6.

© Бао Сюэминь (bxtm_0216@163.com), Хэ Бэй (285191710@qq.com),
Чан Вэньшуо (363456433@qq.com)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Хэйхэский университет

АНАЛИЗ ТИПИЧНЫХ ОШИБОК, СОВЕРШАЕМЫХ СТУДЕНТАМИ ПРИ ИЗУЧЕНИИ ТЕОРИИ ВЕРОЯТНОСТИ

ANALYSIS OF TYPICAL MISTAKES MADE BY STUDENTS IN THE STUDY OF PROBABILITY THEORY

I. Bessarabskaya

Summary: The article analyzes the most typical mistakes made by students studying the course in probability theory. It considers practical examples of avoiding mistakes in such sections as applying the traditional definition of probability and elements of combinatorics, using formulae of full probability and Bayes, in theorems Bernoulli, Poisson, Moivre-Laplace, as well as problems in which probability multiplication and addition theorems are applied. It is concluded that if to focus students' attention on these aspects, you can help them to overcome a lot of errors.

Keywords: students, typical errors, probability theory, events.

Бессарабская Ирина Эдуардовна

кандидат технических наук, доцент, МИРЭА - Российский
Технологический Университет, Россия, Москва
irina.bessarabskaya@gmail.com

Аннотация: В статье проводится анализ самых типичных ошибок, которые допускают студенты, изучающие курс теории вероятности. Возникающие типичные ошибки проанализированы на примере конкретных задач в таких разделах как применение традиционной дефиниции вероятности и элементов комбинаторики, использование формул полной вероятности и Байеса, а также задачи, в которых применяются теоремы умножения и сложения вероятностей, теоремы Бернулли, Пуассона, Муавра-Лапласа. В статье делается вывод, что если заострить внимание студентов на указанных в статье аспектах, то можно помочь им в преодолении многих ошибок.

Ключевые слова: студенты, типичные ошибки, теория вероятности, события.

При анализе наиболее распространенных ошибок целесообразно рассматривать конкретные задачи с правильными решениями.

Как отмечал Карл Пирсон, в математике существует единственная область, в которой очень велика возможность ошибки: это теория вероятностей. Вероятно, это связано с тем, что некоторые рассуждения, основанные не на математическом подходе, а на так называемом здравом смысле, кажутся логичными и очевидными на первый взгляд. Нужно быть весьма самоуверенным, чтобы, к примеру, при решении дифференциальных уравнений руководствоваться догадками, а не теорией и предусмотренными правилами. И наоборот, когда студенты решают задачи по теории вероятностей, у них появляются многочисленные предположения и допущения, которые, как им кажется, позволяют им решить ту или иную задачу. Как нам представляется, эта активность должна стимулироваться, подавлять ее не стоит.

Как указано в литературе [2; 6], некоторые ошибки бывают очень ценными и важными. Но при этом следует анализировать заблуждения и ошибки, которые являются наиболее характерными. Подчеркнем, что их могут допустить не только начинающие неопытные студенты – даже такие математические гении, как Лейбниц и Даламбер, допускали ошибки, решая некоторые задачи теории вероятностей.

Рассмотрим методологические ошибки, понимая при этом, что студенты, разумеется, допускают многочислен-

ные ошибки других видов – при составлении формул, при произведении расчетов и пр.

В основе данного исследования лежит накопленный педагогический опыт в преподавании теории вероятностей учащимся различных специальностей, включая экономические, технические, физико-математические и пр.

1. Применение традиционной дефиниции вероятности и элементов комбинаторики

Классическая дефиниция вероятности является основополагающим теоретическим положением, которое является основанием для построения решения самых разнообразных задач. Самый большой вклад в формирование данной дефиниции был внесен Я. Бернулли, который однажды высказал гениальную идею о том, что «вероятность есть степень достоверности и отличается от неё, как часть от целого». Пусть в совокупности существует n равновероятных элементарных исходов определенного эксперимента; из их числа m приводят к событию A (иными словами, благоприятствуют его наступлению). В таком случае коэффициент вероятности события A вычисляется по формуле:

$$P(A) = \frac{m}{n}$$

Конечно, указанная формула является элементарной, и запомнить ее несложно. Сложность заключается в том, что следует понимать под понятием «элементарные исходы», решая конкретную задачу, и каким образом мож-

но произвести их подсчет.

В различных источниках [3; 5 и др.] отмечается, что традиционная дефиниция вероятности может применяться лишь в случаях, если разные исходы эксперимента имеют симметрию и являются равновероятными. Подчеркнем, что Бернулли, а впоследствии Муавр не указывали на этот факт; такое требование, как равновероятность исходов, стало частью классической дефиниции вероятности намного позднее, и сделал это Лаплас. Так как до него это требование не принималось во внимание, при решении задач теории вероятностей допускались многочисленные ошибки.

В 1754 г. Даламбером была издана энциклопедическая статья "Герб и решка". Ученый говорил о том, что если монету подбросить два раза, то она как минимум единожды упадет гербом кверху с вероятностью $2/3$, так как существует 3 вероятных исхода (герб-герб, герб-решка и решка-решка). Из этих исходов первые два - благоприятные. Конечно, если подобная ошибка была допущена Даламбером, то обычным ученикам или студентам при решении таких задач впервые ошибиться тем более несложно. В действительности же имеется ещё одна вероятность: решка-герб. Этот факт может привести в недоумение, так как может показаться, что это совершенно то же самое, что и герб-решка. Но это непонимание студента проходит, если объяснить ему следующее. Допустим, что человек подбросил монеты не одновременно, а поочередно, или, к примеру, эти монеты являются разными - например, 5 рублей и 10 рублей. В этом случае будет очевидно, что герб-решка и решка-герб будут двумя разными элементарными исходами.

Таким образом, в сумме количество исходов составляет 4, а искомая вероятность будет составлять $3/4$, а не $2/3$. Это можно выразить и иными словами: исход "один герб и одна решка, если не указан порядок" не будет носить элементарный характер и не будет равновероятным к исходам "два герба" и "две решки". Поняв важность равновероятности элементарных исходов при использовании традиционной дефиниции вероятности, студент не допустит ошибку, решая аналогичные и более трудные задачи. К примеру, необходимо дать ответ на следующий вопрос: почему практика свидетельствует о том, что, побрасывая два кубика, в сумме выпадает 9 чаще, чем 10. Казалось бы, оба результата можно достичь при помощи двух способов - соответственно $9 = 3 + 6 = 4 + 5$ и $10 = 4 + 6 = 5 + 5$? Ответ очевиден: в действительности первое событие подразумевает возможность четырех благоприятных элементарных исходов ($3 + 6, 6 + 3, 4 + 5, 5 + 4$), а второе - лишь трех ($4 + 6, 6 + 4, 5 + 5$), а суммарное количество этих исходов равно 36.

В рассмотренных примерах исходы можно подсчитать легко и быстро. Но есть и более сложные случаи, в

которых используется традиционная дефиниция вероятности, но и необходимо использовать элементы комбинаторики. Тут главная сложность, а значит, и риск допущения ошибки, заключается, как правило, в том, чтобы выбрать вид соединений - размещение, сочетание, перестановку. Разумеется, студенту можно сказать, что перестановки подразумевают необходимость определить порядок в элементах конкретного множества, сочетания подразумевают необходимость выбрать определенное подмножество элементов из всей совокупности (не учитывая порядок), размещение же подразумевает и выбор, и определение порядка избранных элементов. Однако увязать условия определенной задачи с приемами комбинаторики, как правило, бывает достаточно сложно. Основная проблема при этом опять заключается в том, чтобы описать равновероятные элементарные исходы. Как правило, множество элементарных исходов может быть введено разными способами. Этому соответствует выбор тех или иных типов соединений.

Чтобы проиллюстрировать сказанное, рассмотрим задачу. В шестизначном номере телефона имеется две цифры 1 и четыре цифры 5. Но человек забыл, в каком порядке они располагаются. Необходимо определить, с какой вероятностью человек сможет набрать правильное сочетание указанных цифр с первой попытки.

Какие элементы комбинаторики необходимо использовать в данном случае? Дать однозначный ответ на этот вопрос невозможно, так как все зависит от способа введения множества равновероятных элементарных исходов. На некоторое время оставим номера телефонов. Допустим, перед нами лежат шесть листов бумаги, на каждом из которых написаны цифры: 5, 5, 5, 5, 1, 1.

Эти листки, даже с одинаковыми цифрами, следует отличать друг друга - к примеру, пусть они будут разных цветов. При изменении порядка листов будут получаться разные перестановки, в которых общее число $n = 6! = 720$. Это число и является общим числом исходов. Для определения количества благоприятных исходов в данном случае рассматриваются такие комбинации, которые не нарушат корректность условия перестановки листов с цифрой 1 и цифрой 5: $m = 4!2! = 48$. В соответствии с традиционной дефиницией вероятности, мы получим $P(A) = 48/720 = 1/15$. (Подчеркнем, что в данном случае мы не используем понятие перестановок с дублированием элементов).

Теперь наши рассуждения будут принципиально противоположными. Назвать определенный номер телефона подразумевает указание номеров двух позиций, которые занимают единицы (пятерки расположатся на оставшихся позициях). Число возможностей этого выбора представляет собой суммарное количество равновероятных исходов, которое будет равно количеству

комбинаций сочетаний из 6 по 2:

$$n = C_6^2 = \frac{6!}{2!4!}$$

В данном случае речь может идти лишь об одном благоприятном исходе ($m = 1$). В соответствии с традиционной дефиницией вероятности, мы вновь получаем результат $P(A) = 1/15$.

Приведенный пример свидетельствует о том, что достаточно сложно использовать комбинаторику, решая задачи классической дефиниции вероятности. А может быть, и не нужно определять теми или иными правилами. Решая задачу, следует в первую очередь не выбирать тип соединений (особенно учитывая, что нередко можно решить задачи, не используя комбинаторику), а составить правильную схему, отражающую все равно возможные элементарные исходы. Это может помочь решающему выяснить, следует ли при решении пользоваться элементами комбинаторики, и если да, то какими конкретно.

2. Задачи, в которых применяются теоремы умножения и сложения вероятностей

Эти теоремы были разработаны и окончательно сформулированы Муавром и Байесом. Первое, что следует отметить - это определение вероятности суммы событий, являющихся совместными. Самая распространенная ошибка в данном случае состоит в том, что, стремясь определить вероятность возникновения как минимум одного из двух возможных событий, студенты суммируют эти вероятности [4]. Они не принимают во внимание факт их совместности.

В качестве примера рассмотрим задачу, попытку решения которой предпринимал в свое время Я. Бернулли до того, как появились основные теоремы теории вероятностей. Двум осужденным предлагают подкинуть по одному кубику. Тот, кому выпадет меньше очков, будет подвергнут смертной казни, второму даруют жизнь. При выпадении одинакового количества очков каждый сможет остаться в живых. Существует в совокупности 36 равно возможных исходов. Среди них 6 исходов с "ничьей", подходящих каждому осужденному. Таким образом, для каждого из них предусмотрено $15 + 6 = 21$ благоприятный исход, то есть вероятность спасения равна составляет $7/12$. Какова вероятность спасения как минимум одного осужденного? Ответ является очевидным: вероятность равна 1, но простое суммирование вероятностей показывает результат $7/12 + 7/12 > 1$.

Сейчас известно, что коэффициент вероятности суммы событий меньше, чем сумма их вероятностей, на величину вероятности их произведения:

$$P(A + B) = P(A) + P(B) - P(AB).$$

В связи с этим данная задача должна быть решена следующим образом:

$$P(A + B) = 7/12 + 7/12 - 6/36 = 1.$$

Следует разъяснить обучающемуся важность проведения четкой границы между формулировками "хотя бы одно событие" (то есть 1 и больше) и "одно из событий" (только одно, неважно, какое именно). Если студент этой разницы не понимает, он будет допускать ошибки.

Помимо совместности событий существует еще одно основополагающее свойство, которое необходимо понять при усвоении главных теорем о вероятности. Речь идет о зависимости событий.

Зависимость событий, как правило, связывается с таким понятием, как условная вероятность [1]. Отметим, что условная вероятность $P(A/B)$ - это вероятность наступления события А, определяемая при условии наступления события В. Событие А зависимо от события В при условии, что $P(A/B) \neq P(A)$.

Для определения вероятности произведения двух событий используется формула:

$$P(AB) = P(B)P(A/B) = P(A)P(B/A).$$

Если $P(A/B) = P(A)$ (А не находится в зависимости от В), то и $P(B/A) = P(B)$, т.е. В также не находится в зависимости от А.

Итак, и независимость, и зависимость событий является взаимной. Для определения вероятности произведения событий, являющихся независимыми, используется формула:

$$P(AB) = P(A)P(B).$$

С определенной долей условности можно утверждать, что математическое вычисление зависимости и независимости отражает обычные, повседневные, представления о данном понятии. В частности, практически все согласны с тем, что не находятся в зависимости друг от друга результаты подбрасывания двух монеток, кубиков, даты рождения двух людей, не являющихся родственниками, и пр. При этом у некоторых все-таки имеются неправильные представления о том, что существуют определенные зависимости событий, например, они основываются на принципе «в одну воронку снаряд дважды не попадает».

Нередко трудности возникают при решении задач на последовательный выбор элементов разного типа, в которых требуется найти вероятность, с которой элементы будут выбраны в определенной последовательности. Это задача на теорему умножения для зависимых событий, в которой необходимо учесть последовательность

наступления событий. Ошибкой является то, что последовательность наступления событий не учитывается. Например, рассмотрим стандартный пример, в котором в коробке лежат 20 деталей, из которых 4 бракованные, остальные хорошие. Из коробки наугад последовательно без возвращения вынимаются 3 детали. Какова вероятность того, что первой будет вынута хорошая деталь, второй бракованная, а третьей опять хорошая? Для структуризации данной задачи можно ввести следующие события: $A=\{\text{первая вынутая деталь хорошая}\}$, $B=\{\text{вторая вынутая деталь бракованная}\}$, $C=\{\text{третья вынутая деталь хорошая}\}$, $D=\{\text{вынуты последовательно хорошая, бракованная, хорошая детали}\}$. Очевидно, что событие D можно представить в виде: $D=A*B*C$, где события A , B и C – зависимые, поэтому по теореме умножения: $P(D)=P(ABC)=P(A)*P(B/A)*P(C/AB)$.

В начальный момент в ящике находится 20 деталей, из которых 16 хороших. Вероятность события A определяется из первоначального условия и равна $16/20=4/5$. Рассмотрим далее вероятность события B/A . Это вероятность вынуть 1 бракованную деталь при исходных условиях: всего деталей 19, а бракованных 4. Тогда вероятность события B/A равна: $P(B/A)=4/19$. Аналогично, вероятность события C/AB – это вероятность вынуть 1 хорошую деталь при исходных условиях: всего деталей 18, а хороших 15. Тогда вероятность события C/AB равна: $P(C/AB)=15/18=5/6$.

Итак, $P(D)=(4/5)*(4/19)*(5/6)=8/57\approx 0,14$

3. Использование формул полной вероятности и Байеса

На самом деле теоремы, рассматриваемые в статье, разработал не Байес, а Лаплас. Если событие A может случиться одновременно с любым другим событием из числа событий, которые являются несовместными (H_1, H_2, \dots, H_n) и которыми образуется полная группа (сейчас их принято называть понятием “гипотезы”, тогда как название Лапласа было “причины”), то верна формула, которая называется формулой полной вероятности:

$$P(A)=P(H_1)P(A/H_1) + P(H_2)P(A/H_2) + \dots + P(H_n)P(A/H_n)$$

Если при аналогичных условиях известно, что эксперимент привел к наступлению события A , то вероятность одновременного наступления гипотезы H_i устанавливается при помощи формулы Байеса:

$$P(H_i/A)=\frac{P(H_i) \times P(A/H_i)}{P(A)}$$

Когда студенты решают задачи, применяя формулы полной вероятности и Байеса, они, как правило, допускают две типичных ошибки. Во-первых, они неверно

выделяют гипотезы и, во-вторых, неверно определяют их вероятности. Относительно первого типа ошибок надо отметить, что нельзя включать в гипотезы само событие A , наступление которого произошло. Гипотезы касаются только тех событий, которые влияют на вероятность наступления события A .

Например: в группе из 25 школьников 5 отличников и 7 троечников. Вероятность сдачи экзамена для отличника составляет 0,95, для троечников равна 0,7, для всех других – 0,4. Случайным образом выбирается один школьник. Он сдал экзамен. Какова вероятность того, что он троечник?

Вероятные гипотезы в этой задаче не касаются того факта, что школьник сдал экзамен, поэтому $H_1=\{\text{выбранный школьник является отличником}\}$, $H_2=\{\text{выбранный школьник является троечиком}\}$, $H_3=\{\text{выбранный школьник не является отличником и не является троечиком}\}$.

Выбран один школьник, а значит, исходов, которые будут благоприятствовать событию H_1 5 единиц, то есть $m=5$. Суммарное число исходов, $n=25$. Вероятность гипотезы H_1 : $P(H_1)=5/25$. Таким же образом производится вычисление вероятностей гипотез H_2 и H_3 . $P(H_2)=7/25, P(H_3)=13/25$.

Пусть событие $A=\{\text{школьник сдал экзамен}\}$. Все три необходимых условных вероятности данного события содержит условие задачи:

$$\begin{aligned} P(A/H_1) &= 0,95 \\ P(A/H_2) &= 0,7 \\ P(A/H_3) &= 0,4 \end{aligned}$$

Используя формулу полной вероятности, определяем вероятность наступления A :

$$P(A)=P(H_1)*P(A/H_1)+P(H_2)*P(A/H_2)+P(H_3)*P(A/H_3)=5*0,95/25+7*0,7/25+13*0,4/25=0,594$$

Для определения вероятности того, что данный школьник окажется троечиком, следует произвести пересчет вероятности второй гипотезы H_2 , используя формулу Байеса.

$$P(H_2/A)=\frac{P(H_2)*P(A/H_2)}{P(A)}=\frac{7*0,7/25}{0,594}=0,33$$

Самое большое количество ошибок студенты допускают, определяя вероятности гипотез. Рассмотрим другой пример: в первой коробке 6 качественных инструментов и 17 некачественных. Во второй коробке 5 качественных и 22 некачественных. Из первой коробки во вторую переместили 2 инструмента. Необходимо определить вероятность того, что инструмент, который после этого достали из второй коробки, будет некаче-

ственным. В этой задаче применяется формула полной вероятности. Гипотезы должны быть сформулированы следующим образом:

$H_1 = \{\text{оба перемещенных инструмента некачественные}\},$

$H_2 = \{\text{оба перемещенных инструмента качественные}\},$

$H_3 = \{\text{один перемещенный инструмент некачественный, один - качественный}\}.$

Так как инструменты были переложены из первой коробки, то вероятности гипотез таковы: $P(H_1) = (6/23) * (5/22), P(H_2) = (17/23) * (16/22),$

$$P(H_3) = (6/23) * (17/22) + (17/23) * (6/22)$$

Следует обратить внимание, что при вычислении вероятности третьей гипотезы нередко учитывается только один вариант: или сначала вынули некачественный инструмент, а потом качественный, или наоборот, в то время, когда учесть надо оба случая. Для проверки правильности определения вероятностей гипотез следует сложить полученные вероятности, поскольку в сумме они должны быть равны 1. В данной задаче $P(H_1) + P(H_2) + P(H_3) = 1.$ Теперь следует произвести подсчет условных вероятностей события $A = \{\text{инструмент, который был извлечен из первой коробки после перемещения - некачественный}\}.$ Так как после перемещения во второй коробке будет находиться 29 инструментов, а инструмент достается один, то суммарное число исходов $n = 29.$ Если реализуется первая гипотеза, некачественных инструментов во второй коробке будет 7, и условная вероятность $P(A/H_1) = 7/29.$ При реализации гипотезы $H_2,$ некачественных инструментов будет 5, и в этом случае $P(A/H_2) = 5/29.$ При осуществлении гипотезы H_3 некачественных инструментов будет 6, в таком случае $P(A/H_3) = 6/29.$ Затем, используя формулу полной вероятности, определяем:

$$P(A) = P(H_1)P(A/H_1) + P(H_2)P(A/H_2) + P(H_3)P(A/H_3) = (6/23) * (5/22) * (7/29) + (17/23) * (16/22) * (5/29) + [(6/23) * (17/22) + (17/23) * (6/22)] * (6/29) = 1397/7337 = 0,19$$

4. Схема последовательных независимых испытаний

Для решения задач в условиях схемы последовательных независимых испытаний применяется формула Бернулли, а также теоремы Пуассона и Муавра-Лапласа. При этом наибольшая сложность заключается в правильном выборе применяемой для решения данной конкретной задачи теоремы. Формула Бернулли дает точный ответ и в этом смысле предпочтительнее, но она может быть применена только при небольшом количестве испытаний. Если же число испытаний велико, можно найти вероятность приближенно, используя теоремы Пуассона или Муавра-Лапласа. При выборе нужной теоремы необходимо руководствоваться следующими правилами: теорема Пуассона неприменима если вероятность наступления события в одном испытании, p близка к $1/2.$ Она

применяется только при малых $p.$ Локальная теорема Муавра-Лапласа, наоборот, дает результат тем точнее, чем ближе p к $1/2$ и не применяется при малых $p.$ Интегральная теорема Муавра-Лапласа применяется в случае, когда необходимо найти вероятность наступления события A не один раз, а несколько, то есть когда количество m наступлений события A находится в некотором интервале.

Например, рассмотрим следующую задачу. Телефонная станция обслуживает 5000 абонентов. Для каждого абонента вероятность того, что он позвонит в течение часа, равна 0,0004. Найти вероятность того, что в течение часа позвонят три абонента.

Для решения данной задачи введем событие $B = \{\text{абонент позвонил на станцию в течение часа}\}.$ Вероятность этого события постоянна и мала: $p = 0,0004,$ поэтому следует использовать теорему Пуассона, параметр $\lambda = 2, m = 3.$

Обозначим через событие $\{m = 3\}.$ По теореме Пуассона находим:

$$P(A_3) = [8 \exp(-2)] / 3! = 0,1805.$$

В следующей задаче предположим, что вероятность появления события A в каждом из 100 независимых испытаний постоянна и равна 0,8. Надо найти вероятность того, что событие A в 100 испытаниях появится 70 раз. Поскольку вероятность появления события A постоянна и не является малой, то теорема Пуассона неприменима. Решение находится с помощью локальной теоремы Муавра-Лапласа:

$$P = \left(\frac{1}{\sqrt{npq}} \right) * \varphi(X),$$

$$\text{где } x = (m - np) / \sqrt{npq}$$

$\varphi(x)$ – табличная функция, называемая малой функцией Лапласа.

$$\text{Имеем } p = 0,8, q = 1 - p = 0,2, n = 100, m = 70, npq = 16, np = 80, \sqrt{npq} = 4, x = (70 - 80) / 4 = -2,5$$

Так как малая функция Лапласа $\varphi(x)$ четна, то $\varphi(-2,5) = \varphi(2,5)$

Окончательно имеем:

$$P(A) = 0,25 * \varphi(2,5) = 0,25 * 0,0175 = 0,004375$$

5. Случайные величины, способы задания законов распределения

В этом разделе студенты допускают большое количество одинаковых ошибок. Данная тема может быть разделена на две части: дискретные случайные величины (СВ) и непрерывные случайные величины. В заданиях на тему дискретных СВ в основном необходимо бывает вычислить закон распределения СВ,

принимая во внимание условия задачи, установить функцию распределения вероятностей этой СВ - $F(x)$ и составить ее график.

Одной из наиболее распространенных является ошибка, когда, выстраивая закон распределения дискретной СВ, вероятности, которые получают студенты, в сумме бывают больше или меньше 1.

Например: 3 биатлониста по очереди стреляют по цели. Вероятность попадания в цель для первого составляет 0,8; для второго – 0,7; для третьего – 0,6. Необходимо составить закон распределения СВ X ={количество попаданий после трех выстрелов}.

СВ X может иметь значения 0,1,2,3. Введем события A_1 ={попадание в цель первого биатлониста}, A_2 ={попадание в цель второго биатлониста}, A_3 ={попадание в цель третьего биатлониста}. При этом событие $\{X=0\}$ - означает одновременное ненаступление всех 3 указанных событий. Данные события являются независимыми, а значит, воспользовавшись теоремой умножения для независимых событий, мы получим, что вероятность, с которой СВ X примет значение 0, составляет:

$$P(X=0)=(1-0,8)(1-0,7)(1-0,6)=0,2*0,3*0,4=0,024.$$

Событие $\{X=3\}$ - это одновременное наступление всех 3 событий. Рассуждая аналогично, получаем вероятность, $P(X=3)=0,8*0,7*0,6=0,336$.

Событие $\{X=1\}$ подразумевает, что наступает лишь одно из 3 событий A_i при условии, что два остальных события не наступят. Можно выделить три подобных варианта, которые являются несовместимыми. Используя теорему сложения для несовместимых событий и умножения для независимых событий, а также применяя вероятности событий, мы можем определить вероятность события $\{X=1\}$ так:

$$P(X=1)=0,8*(1-0,7)*(1-0,6)+(1-0,8)*(1-0,7)*0,6+(1-0,8)*0,7*(1-0,6)=0,188.$$

Событие $\{X=2\}$ означает, что могут наступить только два из трех событий A_i . Вероятность события $\{X=2\}$ составляет:

$$P(X=1)=0,8*0,7*(1-0,6)+0,8*(1-0,7)*0,6+(1-0,8)*0,7*0,6=0,452$$

Таким образом, мы получим следующий закон распределения:

X	0	1	2	3
p	0,024	0,188	0,452	0,336

Для проверки удостоверимся, что сумма вероятностей $P(x_1)+P(x_2)+P(x_3)+P(x_4)$ составляет 1.

Совершенно исключить ошибки студентов, которые они допускают, решая задачи по теории вероятностей, не представляется возможным, но можно помочь им, если, изучая раздел, посвященный случайным событиям, заострить их внимание на следующих аспектах:

1. следует проводить учебные обсуждения, которые представляют собой весьма эффективную форму обучения, в отличие от классических занятий, где основная роль отводится педагогу, а учащимся нужно лишь производить расчеты, пользуясь предложенными формулами;
2. необходимо одновременно применять формулы Бернулли и Пуассона, что позволит определить условия и сферу их использования;
3. важно понять связь и отличия в задачах, в которых необходимо использовать формулы полной вероятности и Байеса. При этом обязательно следует проверять, имеет ли место полная группа событий, являющихся несовместными, т.е. гипотезы;
4. необходимо проработать понятия "совместность" и "независимость" событий, чтобы можно было обоснованно использовать теоремы сложения и умножения вероятностей;
5. 5) необходимо составлять правильную схему, отражающую равновозможные элементарные исходы. Это поможет решающему понять, нужно ли при решении воспользоваться элементами комбинаторики, и если нужно, то какими конкретно;
6. требование равновозможного характера элементарных исходов в традиционной дефиниции вероятности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гусак А.А., Бричицова Е.А. Теория вероятностей. Минск: ТетраСистемс, 2006.
2. Бирюкова Л.Г. и др. Теория вероятностей и математическая статистика. М.: ИНФРА – М, 2004.
3. Колемаев В.А., Калинина В.Н. Теория вероятностей и математическая статистика. М.: ЮНИТИ, 2003г.
4. Семенчин Е.А. Теория вероятностей в примерах и задачах СПб.: ООО Лань, 2007.
5. Крупин В.Г., Тугунбаев А.А. Теория вероятностей М.: Факториал Премм, 2006.
6. Белько И., Свирид Г. Теория вероятностей и математическая статистика. Минск: Новое Знание, 2004.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ «ТИКТОК» В ОБУЧЕНИИ МОНОЛОГУ

Иванова Елена Александровна

канд. пед. наук, доцент, Сургутский государственный университет
eljohnson86@mail.ru

Король Елена Витальевна

канд. филол. наук, доцент, Сургутский государственный университет
korol_ev@surgu.ru

SOCIAL NETWORK "TIKTOK" IN TEACHING MONOLOGUE

**E. Ivanova
E. Korol**

Summary: This article is devoted to the study of the social network's potentials in teaching foreign languages. The article also presents an analysis of popular Internet accounts that can offer numerous ways to teach English phonetics, grammar and lexis. The study presents methods for teaching foreign language mono speech using the TIKTOK. We offer various types of exercises and interactive forms while teaching online session in social networks, as well as methods to create educational videos.

Keywords: social network, monologue, interactive work, educational video, Internet account.

Аннотация: Данная статья посвящена изучению возможностей социальных сетей в обучении иностранным языкам, где также представлен анализ существующих популярных интернет-аккаунтов, предлагающих разнообразные формы изучения фонетического, грамматического и лексического англоязычного материала. В частности, в исследовании представлены приемы обучения иноязычной монологической речи с использованием социальной сети «ТИКТОК», предложены упражнения и формы взаимодействия с учащимися в процессе обучения с в формате онлайн контакта в социальных сетях, а также приемы работы с учащимися в процессе создания учебного видеоролика.

Ключевые слова: социальная сеть, монологическая речь, формы учебной работы, учебный видеоролик, интернет-аккаунт.

Введение

Такой эффективный инструмент обучения как видео уже давно закрепился в преподавании иностранных языков. Согласно психологическим исследованиям, сочетание аудио- и визуальных представлений обеспечивает более продуктивное усвоение изучаемого материала и является эффективным средством восприятия информации, а яркие образы надолго запечатлеваются в сознании и памяти. Однако, со временем образы стираются и исчезают, следовательно, требуется «подкрепление». В свою очередь, процесс создания, редактирования, обмена и комментирования учебных видео не только стимулирует активную мыслительную деятельность, он создаёт условия для творчества и является личностно-ориентированным, что способствует вовлечению и поддержанию интереса и повышению мотивации учащихся. Использование видеоряда в процессе обучения способствует стимулированию положительных эмоций и, как следствие, меняет атмосферу урока.

В современном мире социальные сети используются ежеминутно миллионами людей, в том числе учениками и студентами. Благодаря своей многофункциональности, социальные сети обладают большими возможностями их применения в различных сферах и для различных целей. Большое разнообразие социальных сетей дает возможность выбора. Многие интернет-приложения (которые также имеют функции социальных сетей) мо-

гут использоваться на мобильных устройствах, планшетах или стационарных компьютерах, разработанные отдельно для каждой операционной системы (Android, iOS, Windows). У каждой социальной сети есть своё собственное приложение, которое помогает обеспечивать персональный доступ к ней. Онлайн-платформы могут использоваться для общения, поиска друзей по интересам, обмена информацией и способ свободного времяпрепровождения. Следовательно, она может быть использована в учебных целях в качестве учебной.

Социальные сети, обладают таким форматом как видеоролик, где создатель обращается к большой аудитории в форме короткого информативного монолога.

С точки зрения лингвистической характеристики монологу присущи полнота, развернутость и информативность, основой выступает повествовательный стиль предложений, приближенный к книжно-письменному. Экстралингвистическая характеристика играет меньшую роль в монологической речи, однако, большинство видеороликов из социальных сетей сопровождаются жестами, мимикой и другими невербальными средствами. Монолог, как правило записывается либо в интерьере, либо на фоне каких-либо объектов, что придает самому высказыванию большую экстралингвистическую значимость, так как окружающие объекты могут быть целью высказывания или использованы как вспомогательные средства.

С точки зрения психологических характеристик, монолог обладает обращенностью, мотивированностью, контекстуальностью, последовательностью, логичностью и непрерывностью. Ограниченные временные рамки, заложенные самим приложением, требуют от автора определенных умений монологической речи, так как монолог должен иметь вступление, кульминацию и вывод. Следовательно, непрерывность, последовательность и логичность высказывания – это навыки, которые следует формировать при подготовке к подобного рода деятельности.

Известно, что существует три вида монолога: монолог-повествование, монолог-описание и монолог-рассуждение. Все три вида могут быть использованы для создания монолога в формате видеоролика в социальной сети. Согласно последним маркетинговым исследованиям, использование видео роликов увеличивает трафик, а 81% клиентов проводят на страничках больше времени, просматривая видео. Видеоролик дает возможность не только высказаться об интересующей его теме, но и сопровождать свой монолог визуальным контентом, получать обратную связь и рефлексировать.

Обзор литературы

Понятие «социальная сеть» впервые ввел американский социолог Джеймс Барнс в 1954 году. Он считал, что социальная сеть – это разветвление взаимосвязи отдельного человека с другими людьми. В 2005 году Тим О’Рейли впервые использовал понятие «социальная сеть» применительно к интернет коммуникации.

Исследования отечественных ученых (А.Г. Васильева, Е.Е. Васильева, Е.В. Горобцов, И.И. Епишкин, Е.Б. Исакова, Н.В. Карева, О.И. Коваль, Д.Х. Кокова, А.А. Лаврик, Р.Д. Лопатин, Е.В. Майорова, П.Д. Митчелл, А. Прокопенко, П.В. Сысоев, Е.А. Федорова и другие) отмечают большой потенциал социальных сетей в отношении развития учебной коммуникации.

В частности, Е.В. Горобцов, Р.Д. Лопатин и П.Д. Митчелл пишут, что «в педагогической практике социальные платформы раскрывают свой потенциал как пространства для использования новейших образовательных технологий» [3: С.27].

Как показывает опыт, социальные сети имеют достаточно большой потенциал в обучении в целом и иностранным языкам, в частности, П.В. Сысоев предлагает описание «дидактических свойств и методических функций блог-технологии, вики-технологии, сервиса подкастов и электронного корпуса тестов» [8: С.125].

Васильева Е.Е. указывает, что использование образовательных онлайн-платформ будет способствовать не только формированию качеств личности и развитию интеллекту-

альных навыков, но и «развитию творческого подхода, креативности, коммуникабельности, оперативности, умению воспринимать, перерабатывать большой объем информации, делать выводы и применять полученные знания на практике, что так необходимо для будущего успешного высококвалифицированного специалиста» [2: С. 16].

О развитии у учащихся автономности в обучении и укреплении мотивации говорит Е.В. Майорова. По ее словам, «совокупность этих двух факторов гарантирует стабильный интерес к занятиям и, следовательно, прогресс; дает возможность развивать языковые и социокультурные компетенции, практиковать навыки общения, «ломать» языковой барьер; работа над аудированием, чтением, письмом, а также расширение активного и пассивного словарного запаса получают дополнительное развитие за счет погружения в искусственную языковую среду и регулярного взаимодействия студентов с аутентичным языковым материалом» [7: С. 161].

Опираясь на данные исследования, мы можем отметить, что эффективность процесса обучения с применением социальных сетей проявляется в том, что аудиовизуальный формат предоставления информации помогает распознаванию смысла звукоряда в момент восприятия иностранной речи, а также визуального контекста, следовательно, данный формат обоснованно является лидирующим. Просмотр видеоряда, его анализ и изучение языкового содержания позволяют учащимся обратить внимание, а артикуляционные особенности говорящего, на фоновую звуковую и визуальную информацию.

Описание работы

В социальных сетях существует множество видеороликов, которые помогут учителю спланировать оригинальный и интересный урок, тем самым повысив мотивацию к обучению. Такое задание как, создание собственного видеоролика на английском языке и размещение его в учебной группе может мотивировать учащихся мыслить творчески, сохранить интерес к изучаемому языку.

При использовании социальной сети в организации процесса обучения иностранному языку, важной особенностью является взаимодействие. В учебном процессе мы использовали социальную сеть «TikTok», так как в ней существует множество аккаунтов, которые публикуют образовательный контент. Нами был проведен анализ 20 аккаунтов англоязычных пользователей, которые предлагают учебный контент для изучающих английский язык. Все аккаунты принадлежат либо учителям английского языка, либо практикующим преподавателям английского языка. Авторы аккаунтов делают упор на различные аспекты английского языка. Так, если один аккаунт может быть посвящён одному аспекту (например, грамматика), другой охватывает разные аспекты (например, произношение и изучение лексики).

Учитель может использовать эти видеоролики в качестве дополнительного видеоматериала в учебном процессе в качестве опоры для работы при подготовке к монологу. Учащиеся, просматривая видеоролики могут практиковать навыки устной диалогической речи, разделившись на пары и составляя короткие диалоги с одной из предложенных в видеоролике фраз. Просмотрев видеоролик, учащиеся могут написать свой собственный монолог по образцу, а затем представить его в классе. Учитель также может предложить посмотреть видеоролик, предварительно выписав слова, использующиеся в нем, а затем учащиеся проговаривают и запоминают произношение, тренируя произносительный навык.

Также в сети можно найти веселые и шуточные видеоролики (они так же содержат обучающий контент), которые помогут внести релаксирующий момент в учебный процесс и мотивировать учащихся, так как процесс обучения должен быть не только эффективным, но и интересным. Например, после изучения лексики по теме «My kitchen», просмотрев видеоролики с предлагаемыми лексическими единицами, учащиеся могут написать небольшой рассказ о том, что и каким образом они могут приготовить на кухне, используя данный лексический материал.

Изучая устойчивые лексические единицы и их использование в повседневной речи на примере кадров из различных фильмов (такой аккаунт тоже есть в сети), учащийся должен придумать как можно больше предложений, используя данную лексическую единицу в соответствующем контексте.

Главная особенность, и в то же время преимущество данного контента в социальных сетях заключается в наглядности предложенного материала, который сопровождается ярким, запоминающимся текстом и наглядными примерами. Используя готовые видеоролики из социальных сетей возможно создавать разнообразные традиционные задания, однако, они не будут выглядеть скучными или привычными, так как основаны на «живом» и нетрадиционном материале. Например:

- Просмотрите видеоролик и выпишите слова, предложенные автором. Затранскрибируйте слова.
- Просмотрите ролик и напишите скрипт услышанного текста.
- предложения, используя глаголы из видеоролика.
- Игра-соревнование: придумайте как можно больше предложений, используя фразу, данную в видеоролике.
- Задайте вопросы по содержанию видеоролика.
- Ответьте на вопросы по прослушанному монологу.
- Составьте диалог (5-6 фраз), используя предложенные видеоролики, слова и выражения.
- Придумайте рассказ по изучаемой теме. Запишите себя на видео.

Следует отметить, что подобным образом осуществляется закрепление полученных знаний, отрабатываются практические навыки. При создании видеоролика развиваются умения самостоятельной учебной деятельности учащихся, а также развиваются такие виды речевой деятельности как говорение, письмо, аудирование и чтение.

Создание и запись видеоролика – это создание и демонстрация монологического высказывания. Запись монолога в видеоформате не представит особых трудностей для учащихся, поскольку нет необходимости владеть навыками видеомонтажа, но при этом есть множество других способов проявить креативность. Однако, создание самого монологического высказывания потребует проработки языковых навыков – лексических, грамматических и фонетических. Кроме того, создание собственного видеоролика учащийся не только развивает навыки говорения, но также способствует развитию навыков аудирования, так как остальные участники группы просматривают этот видеоматериал.

Для демонстрации своих уникальных видеороликов учащиеся могут использовать ту же социальную сеть, в которой размещены ролики носителей.

Учащиеся могут создать личные аккаунты с открытым (или закрытым) доступом для одноклассников и учителя, либо создается закрытая группа для класса или учебной группы. Подобная учебная группа может быть создана в мессенджере, в которой учащиеся добавляют созданный контент. В данной группе можно прикреплять свои видеоролики, обсуждать их в комментариях, задавать вопросы. Комментирование записей делается исключительно на английском языке, с целью выразить своё мнение, согласиться или не согласиться с автором видеоролика, обсудить удачные и неудачные моменты в видеоролике. Прямая иноязычная коммуникация может произойти в момент, когда автор видеоролика отвечает на комментарии под своими видео. Учащиеся могут поставить отметку «мне нравится», если контент им понравился. Учитель принимает участие в обсуждении каждой записи и отмечает ее языковую сторону (грамматику, лексику, соответствие теме).

Также иноязычная коммуникация между учащимися в группе может произойти на прямом эфире, когда один учащийся запускает собственную трансляцию в реальном времени. Демонстрация видеороликов на экране способствует организации группового участия учащихся в обсуждении и интерпретировании информации.

Трудностью при общении на иностранном языке является восприятие иноязычной информации на слух. Однако, поскольку все участники группы имеют одинаковое задание, воспроизводимая речь не должна вызывать затруднений. Учитель, выбирая данный формат монолога, определяет тему для видео-монолога и его

максимальную продолжительность. Темы могут быть разнообразными – создание собственной рекламы, описание местонахождения автора или какого-либо объекта или продукта. В зависимости от задания видеоролики могут быть в форме монолога, диалога, разыгрывания определенной жизненной ситуации (например, социальные видеоролики), обращение к аудитории с выступлением о глобальных проблемах.

Критериями оценивая данного монологического высказывания будут: соответствие коммуникативной ситуации, смысловая ценность и связность, логика высказывания, беглость, лексико-грамматическая и фонетическая корректность и разнообразие, объем.

Если в обучении применяются видеоматериалы, учитель играет главную роль в организационном процессе и берет на себя основную ответственность в отборе видео, отвечающего основным требованиям программы обучения и стандартам, а также особенностям планируемого урока.

Выводы

При использовании социальных сетей в процессе обучения иностранному языку необходимо уделять особое внимание такому фактору как межкультурное взаимодействие. Данный опыт является весьма полезным, так как способствует сформированности творчески ориентированной личности и реализации языкового, социального и коммуникативного потенциала учащихся.

Нельзя не отметить, что социальные сети также способствуют успешной организации самостоятельной работы. Так, с их помощью можно организовать следующие виды деятельности:

- самостоятельное изучение лексики;
- отбор видеоматериала на определенную тему для просмотра в классе;
- написание творческих работ с применением самостоятельно изученной лексики;
- выражение собственного мнения на иностранном языке по теме видеоролика;
- создание собственных видеороликов на английском языке.

Видеоролик не только обладает большим потенциалом для моделирования речевых ситуаций, поскольку позволяет создать условия для более успешного овладения учащимися умениями изъясняться на иностранном языке, но и даёт возможность оптимизировать процесс обучения, приблизив его к реальной действительности. При этом творческие задания способствуют развитию креативных способностей учащихся и помогают раскрыть их индивидуальные и личностные качества.

Эффективность процесса обучения проявляется в том, что аудиовизуальный формат предоставления информации помогает достичь понимания смысла звукового ряда не только в процессе восприятия аудио и видео ряда, тем самым данный формат обоснованно является лидирующим.

ЛИТЕРАТУРА

1. Васильева А.Г. Особенности использования видео материалов на занятиях по иностранному языку // Гуманитарный вестник. 2013. №7 (9). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-ispolzovaniya-video-materialov-na-zanyatiyah-po-inostrannomu-yazyku> (дата обращения: 12.05.2022).
2. Васильева Е.Е. Образовательные онлайн-платформы в культурных практиках современного студенчества // Вестник СПбГИК. 2021. №3 (48). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obrazovatelnye-onlayn-platfomy-v-kulturnyh-praktikah-sovremennogo-studenchestva> (дата обращения: 03.07.2022).
3. Горобцов Е.В., Лопатин Р.Д., Митчелл П. Дж. Короткие видео на платформе “tiktok” как средство формирования социокультурных навыков у обучающихся английскому языку // Вестник ТГУ. 2021. №194. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/korotkie-video-na-platfome-tiktok-kak-sredstvo-formirovaniya-sotsiokulturnyh-navykov-u-obuchayushchisya-angliyskomu-yazyku> (дата обращения: 03.07.2022).
4. Епишкин И.И., Исакова Е.Б., Лаврик А.А. Анализ интересов и предпочтений российской аудитории социальной сети Tik Tok // Вестник Московского гуманитарно-экономического института. – 2019. – № 4. – С. 62-67.
5. Карева Н.В. Использование аутентичных аудио и видео материалов для повышения мотивации изучения иностранного языка // Вестник евразийской науки. 2014. №3 (22). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-autentichnyh-audio-i-video-materialov-dlya-povysheniya-motivatsii-izucheniya-inostrannogo-yazyka> (дата обращения: 13.05.2022).
6. Кокова Д.Х., Подсвинова В.Е., Малышкина Е.В. Обучение иностранному языку с использованием видео материалов // Символ науки. 2021. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obuchenie-inostrannomu-yazyku-s-ispolzovaniem-video-materialov> (дата обращения: 12.07.2022).
7. Майорова Е.В. Практика применения социальной сети instagram при обучении иностранным языкам // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 6, Языкознание: Реферативный журнал. 2022. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/praktika-primeniya-sotsialnoy-seti-instagram-pri-obuchanii-inostrannym-yazykam> (дата обращения: 03.07.2022).
8. Сысоев П.В. Блог-технология в обучении иностранному языку // Язык и культура. 2012. № 4 (20). С. 115-127.
9. Сысоев П.В. Вики-технология в обучении иностранному языку // Язык и культура. 2013. № 3 (23). С. 140-152

© Иванова Елена Александровна (eljohnson86@mail.ru), Король Елена Витальевна (korol_ev@surgu.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

РАЗРАБОТКА ВЕБ-ПРИЛОЖЕНИЯ ДЛЯ ТЕСТИРОВАНИЯ ШКОЛЬНИКОВ ПО ПРЕДМЕТУ «МАТЕМАТИКА»

DEVELOPMENT OF A WEB APPLICATION FOR TESTING SCHOOLCHILDREN ON THE SUBJECT "MATHEMATICS"

O. Kamoziina
O. Okhlupina
D. Anishchenko
N. Ryabtsev

Summary: The aim of the work was to create an effective web application model for conducting an online Olympiad in the subject area "Mathematics" and its software implementation. The article presents the features of creating an appropriate web service for testing the knowledge of schoolchildren. The description of the applied technologies is given based on the analysis of existing approaches to the development of similar products. A model of user interaction with a web application is built. The technical stack used and the implementation of the system are described. As a result, a fully functional web application was obtained, focused on working with schoolchildren and applicants.

Keywords: web application, development, user, testing, mathematics.

Камозина Олеся Владимировна

К. ф.-м. наук, доцент, Брянский государственный инженерно-технологический университет
 ovkatozina@yandex.ru

Охлупина Ольга Валентиновна

К. ф.-м. наук, доцент, Брянский государственный инженерно-технологический университет
 helga131081@yandex.ru

Анищенко Даниил Сергеевич

Брянский государственный инженерно-технологический университет
 flyskyfall@mail.ru

Рябцев Николай Павлович

Брянский государственный инженерно-технологический университет
 Lolofmeistahz@gmail.com

Аннотация: Целью работы явилось создание эффективной модели веб-приложения для проведения онлайн-олимпиады по предметной области «Математика» и её программная реализация. В статье представлены особенности создания соответствующего веб-сервиса для тестирования знаний школьников. Приводится описание применяемых технологий на основе анализа существующих подходов к разработке аналогичных продуктов. Построена модель взаимодействия пользователей с веб-приложением. Описан используемый технический стек и ход реализации системы. В итоге получено полноценное работоспособное веб-приложение, ориентированное на работу со школьниками и абитуриентами.

Ключевые слова: веб-приложение, разработка, пользователь, тестирование, математика.

Введение

Цель исследования – разработка веб-приложения системы тестирования предметной области «Математика».

Система была реализована при помощи следующего *технического стека:*

1. HTML5+CSS+JavaScript – обычный набор для верстки, который включает в себя язык разметки страницы, язык стилизации страницы, язык программирования, позволяющий управлять HTML-разметкой;
2. Python – язык программирования высокого уровня и общего назначения, который используется в различных областях, является мультифункциональным, т.к. на нём можно написать любое приложение;
3. Flask – микрофреймворк для разработчиков веб-приложений, который обеспечивает основные

возможности маршрутизации URL-адресов и визуализации страниц;

4. SQLAlchemy – фреймворк для работы с реляционными базами данных (БД) в Python, основная функция которого заключается в описании БД и запросов к ней без использования языка SQL.

Для достижения данной цели необходимо было решить следующие *задачи:*

1. Анализ и изучение аналогов разрабатываемого веб-приложения, требований к минимально необходимой функциональной составляющей.
2. Построение модели взаимодействия пользователей с веб-приложением.
3. Создание БД для реализации необходимого функционала.
4. Разработка веб-приложения и реализация графического дизайна.

Основные функции веб-приложения:

- *Профорентация учащихся.* На главной странице, куда попадает ученик при запуске сайта, расположена информация профессионально ориентационного характера.
- *Авторизация.* Модуль, который позволяет ученику создать учетную запись, а также авторизоваться в системе тестирования. Необходимый шаг для прохождения теста.
- *Тестирование.* Модуль, где ученик проходит тестирование, время и количество попыток которого ограничено (1,5 часа; 1 тест – 1 попытка);
- *Личный кабинет* – место просмотра результатов прохождения испытания.

Реализация

Ход реализации программного продукта, исходя из поставленных задач:

1. Анализ сайтов-аналогов, в ходе которого стали понятны основные аспекты в области интерфейса и функционала.
 - В области интерфейса. Стоит подчеркнуть, что сайт не следует перенасыщать информацией, его необходимо представить в минималистичном стиле, цветовая гамма не должна отвлекать внимание тестируемого от самого теста и нагружать зрение. Размещаемый текст, как в самом тесте, так и в других разделах сайта должен быть легко читаемым, а также, в зави-

- симости от своего функционального назначения, иметь определенные свойства (например, в случае, если это ссылка, стоит её обозначить).
- В области функционала. Здесь, помимо самого теста, стоит задать ограничение по времени, сделать проверку на заполненность полей, не допускать к тестированию неавторизованных пользователей, т.к. в нашем случае важна отправка данных о тестируемом для анализа результатов.

2. *Построение модели взаимодействия пользователей с веб-приложением.* Здесь необходимо четко определить и зафиксировать требования к разрабатываемому сервису, а также его функционал. В ходе разработки данной модели были учтены знания, полученные на первом этапе, и адаптированы под требования к разрабатываемому проекту. Таким образом, помимо самого тестирования, было принято решение о добавлении личного кабинета тестируемого, где будут храниться результаты, а также информация об ограничении попыток прохождения теста до одной для исключения улучшения результата случайным способом. Кроме того, было введено разграничение пользователей по типу учетной записи таким образом, чтобы преподаватель с учётной записью соответствующего типа мог просматривать результаты всех тестируемых пользователей. (Рис 1.)

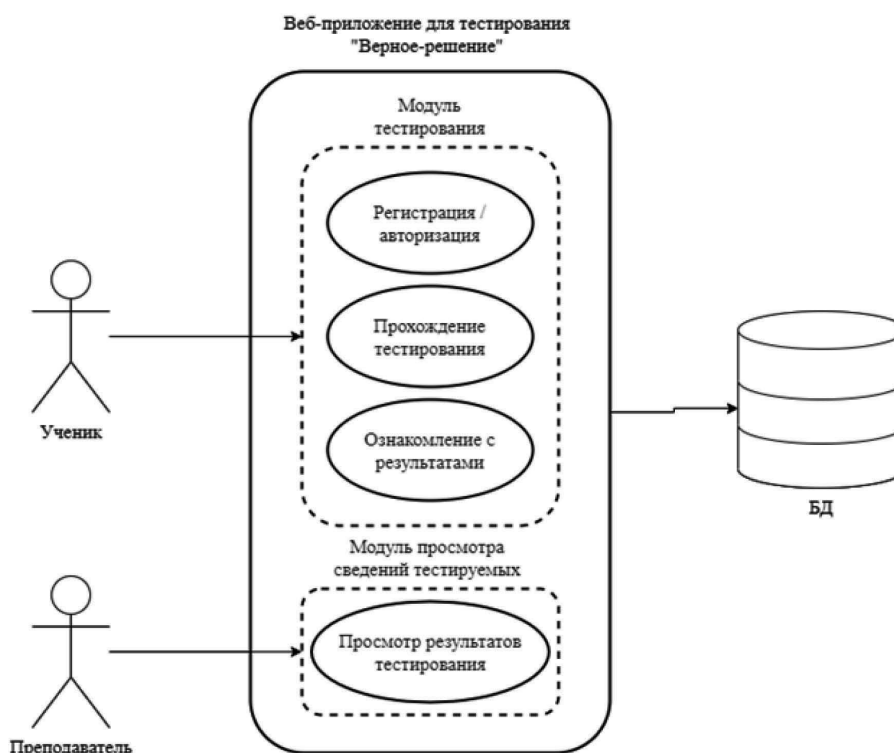

Рис. 1. UML Use-Case диаграмма разрабатываемого веб-приложения

3. Создание базы данных, которая является фундаментом для реализации вышеописанного функционала.

— Для реализации модуля авторизации / регистрации была создана сущность "User", которая имеет необходимый для функционирования набор атрибутов, таких как Ф.И.О. тестируемого, школа, класс, преподаватель, логин и пароль.

— Для реализации модуля тестирования была создана сущность "Test_result", которая содержит в себе информацию о вопросах и ответах теста для того, чтобы при отправке ответа пользователем происходило сравнение записанных в форму ответов с хранимыми в БД.

— Для реализации личного кабинета была создана сущность "Test_result", которая хранит в себе информацию о тестируемом посредством связи с сущностью "User", а также имеет такие атрибуты, как "grade" – оценка за тест, "date_time" – дата и время прохождения теста. (Рис 2.)

4. Реализация будущего веб-сервиса. Исходя из вышеописанного материала, на данном этапе уже имелось четкое представление о функциях разрабатываемого продукта, а также была создана база данных, к которой можно обращаться для реализации того или иного запроса. Создание сервиса

началось с верстки главной страницы, на которой было решено отобразить профориентационную информацию.

Для реализации данной страницы не требовалось взаимодействие с БД и написание функциональных запросов. В ходе верстки, опираясь на анализ аналогичных сайтов, было принято решение ограничить ширину области с контентом, в нашем случае это 1100px, выбрать легко читаемые шрифты и гармоничную цветовую палитру.

При выборе цвета была использована таблица совместимости цветов. Таким образом, изначально цветовая палитра была представлена в зелёно-белых тонах. Но позже, цветовая палитра изменилась, поскольку, в зависимости от используемого монитора, предыдущая цветовая гамма могла выглядеть слишком ярко. Исходя из этого, новыми цветами стали тёмно-синий, белый, светло-серый.

Данная страница служит для профориентации. Было решено, что вся информация должна быть передана в минималистичном стиле и содержать слайдер, агитационный блок, видеоролик. (Рис 3., Рис 4.)

Также стоит отметить, что на каждой странице имеется навигационное меню для быстрого перемещения

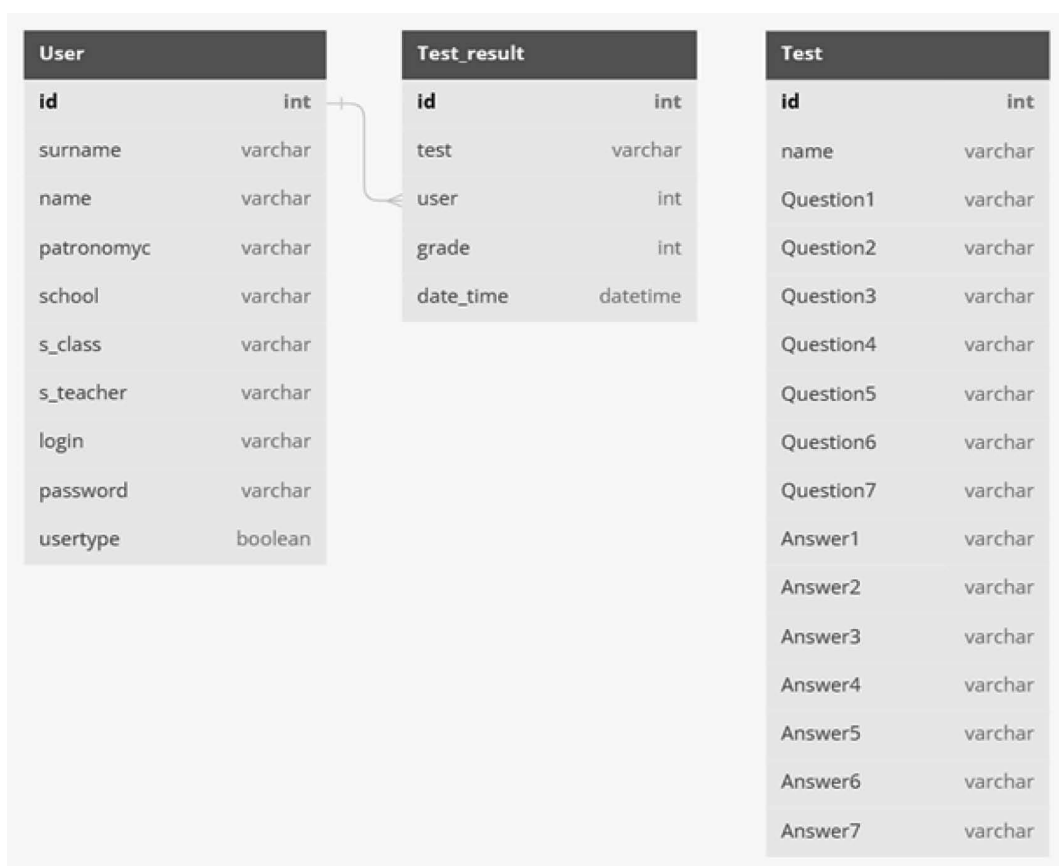

Рис. 2. Графическая модель базы данных

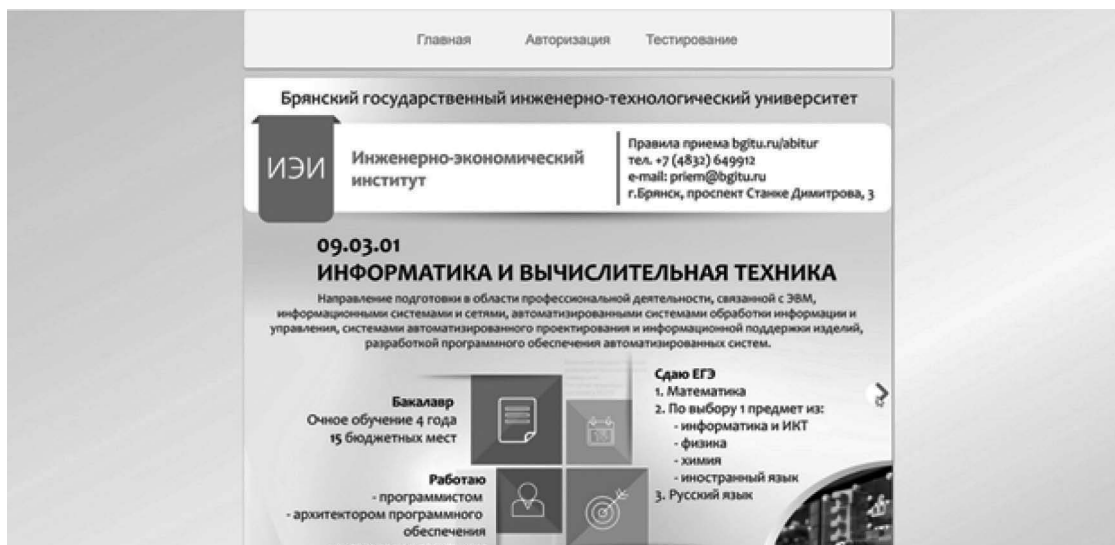

Рис. 3. Секция главной страницы с слайдером

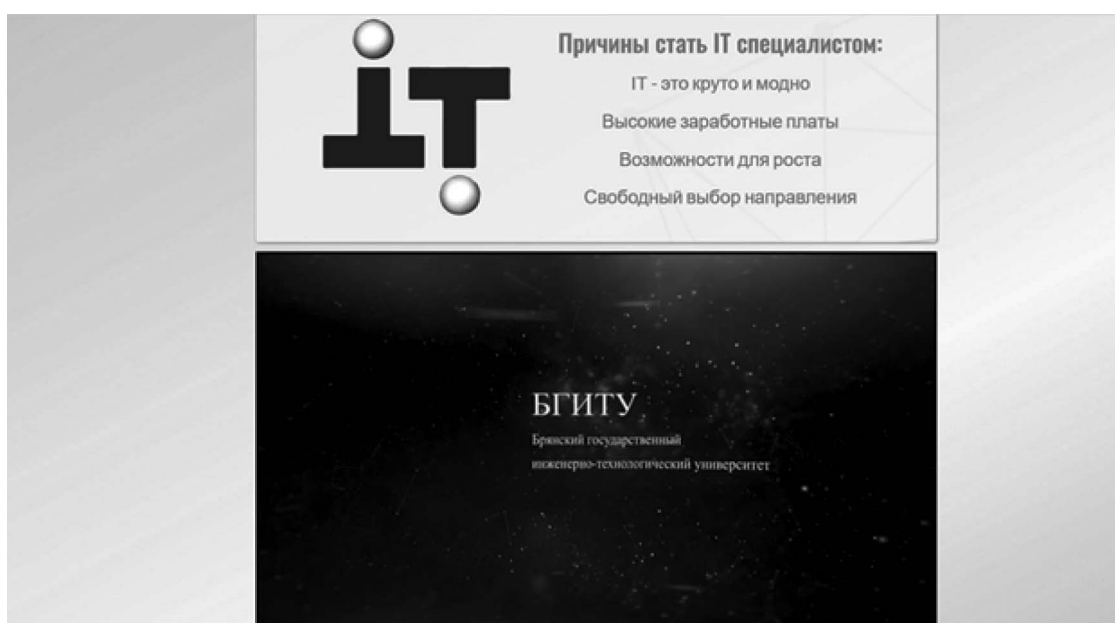

Рис. 4. Агитационный блок и видеоролик

по страницам, а также подвал, который содержит в себе ссылки на соцсети. (Рис 5., Рис 6.)

После окончания вёрстки главной страницы необходимо было написать модуль авторизации / регистрации.

Для этого сверстана и стилизована форма, на которой пользователю необходимо заполнить соответствующие данные. Далее нажимается кнопка, производящая определенное действие (в нашем случае, это обращение к базе данных с целью записи в неё данных при регистрации или проверке данных на их наличие в базе при авторизации). (Рис 7., Рис 8.)

Далее необходимо было написать модуль тестирова-

ния. Сам по себе этот модуль представляет собой форму, куда пользователь заносит ответы. При нажатии на кнопку отправки происходит запрос, который сравнивает значения, введённые пользователем, со значениями, хранимыми в базе. После этого происходит подсчёт количества правильных ответов и передача всех данных в соответствующую таблицу.

Также, для ограничения времени прохождения теста на данном этапе создан таймер. Через полтора часа прохождения теста он перенаправит пользователя на главную страницу, если тот не вложился в отведённое время. (Рис 9.)

Теперь осталось реализовать личный кабинет тестируемого, в котором аккумулируются и визуализируются

Рис. 5. Навигационное меню веб-приложения

Рис. 6. Подвал веб-приложения

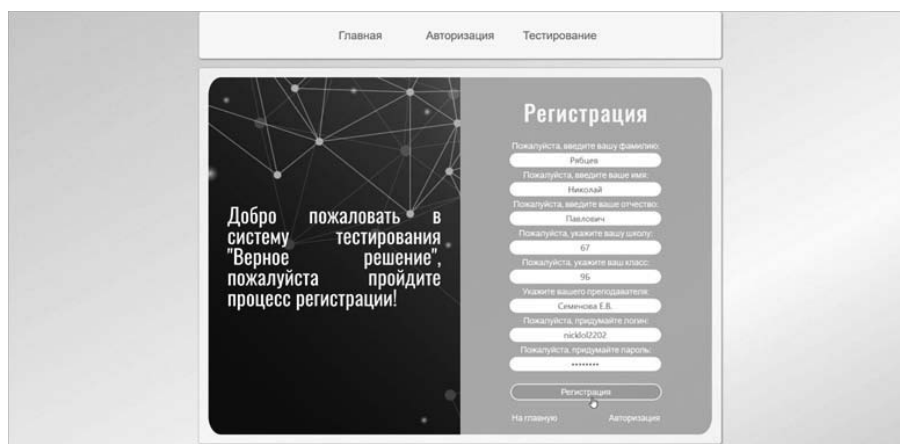

Рис. 7. Страница регистрации веб-приложения

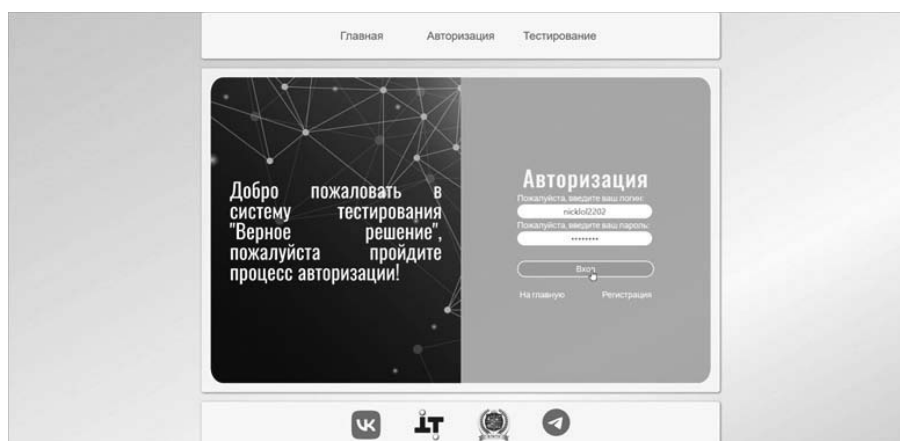

Рис. 8. Страница авторизации веб-приложения

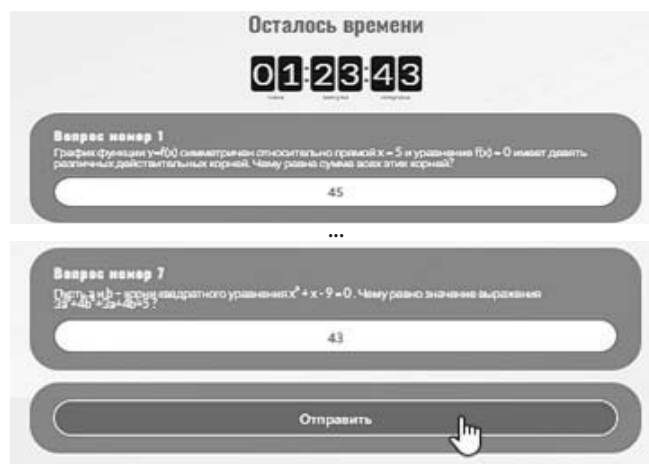

Рис. 9. Форма тестирования веб-приложения

Рис. 10. Личный кабинет тестируемого

Рис. 11. Просмотр сведений о результатах теста

данные о результате теста (Рис 10.); а также модуль просмотра результатов тестирования – для преподавателей. Т.к. большая часть функционала уже была написана, то для реализации этой задачи потребовалось взять готовый модуль личного кабинета и изменить запрос, который будет выводить данные, а также немного изменить шаблон страницы. Для комфортного отображения данных была использована постраничная пагинация, т.е. вывод не более 5 результатов за раз на одной странице с возможностью перемещения на другую. (Рис 11.)

Заключение

Результатом работы явилось создание веб-приложения для проведения онлайн-тестирования школьников, опубликованное по адресу mathtest.bgitu.ru.

В ходе разработки были выбраны следующие инструменты: HTML5+CSS+JavaScript, Python, Flask и SQLAlchemy.

Для реализации проекта была спроектирована модель системы тестирования «Верное решение». Именно она легла в основу формирования требований к веб-приложению.

В ходе разработки веб-приложения сформированы такие компоненты как: профорентация, авторизация участников, тестовая часть, формирование отчётов в личном кабинете.

Для обеспечения работы с сервисом создана подробная инструкция.

В итоге создано функциональное веб-приложение, ориентированное на работу со школьниками и абитуриентами, выполняющее для пользователей как информационную, так и обучающую функцию.

Веб-приложение успешно апробировано и внедрено в деятельность сотрудников кафедры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кириченко А.В., Хрусталева А.А. Html5+css3, основы современного web-дизайна. СПб.: Наука и Техника, 2018.
2. Miguel Grinberg. Flask Web Development. O'Reilly Media, Inc., 1005 Gravenstein Highway North, Sebastopol, CA 95472, 2018.
3. Мэтиз Эрик. Изучаем Python: программирование игр, визуализация данных, веб-приложения. 3-е изд. СПб.: Питер, 2021.
4. Документация Flask. URL: <https://flask.palletsprojects.com/en/latest/>

© Камозина Олеся Владимировна (ovkamosina@yandex.ru), Охлупина Ольга Валентиновна (helga131081@yandex.ru), Анищенко Даниил Сергеевич (flyskyfall@mail.ru), Рябцев Николай Павлович (Lolofmeistahhz@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Брянский государственный инженерно-технологический университет

ФОРМИРОВАНИЕ АНАЛИТИЧЕСКИХ НАВЫКОВ В НЕПРОФИЛЬНОМ ВУЗЕ СРЕДСТВАМИ МАТЕМАТИКИ

FORMATION OF ANALYTICAL SKILLS IN A NON-CORE UNIVERSITY BY MEANS OF MATHEMATICS

**O. Kishkinova
Yu. Mindlin**

Summary: The main problem in the formation of analytical skills among students of the humanities is the activation of cognitive processes that contribute to the motivation to study exact science. Meanwhile, the trends of the modern world determine the need for the formation of the foundation-forming components of all key skills of students, regardless of the direction of potential professional activity (both humanitarian aspects for students of technical and natural sciences specialties, and basic knowledge of mathematics among the audience of non-core universities). This condition allows the brain to work more productively and effectively perform its functions at the interdisciplinary level due to the fact that the development of additional subjects contributes to the development of the prefrontal cortex of the brain responsible for higher-order cognitive functions: analytical skills, abstract thinking, the ability to independently make relevant decisions and adaptive behavior. As a result, it is important for students of the humanities cycle to master mathematics, since it allows not only to perform direct tasks (to do statistical and other calculations), but also ensures the formation of personal intelligence due to the fact that the formation of logical thinking through the prism of mastering quantitative relations and spatial forms correlates with the activation of levers of conscious learning and working memory, important to fulfill current professional tasks and develop all competencies.

Keywords: analytical skills, analytical thinking, humanities, mathematics, education, higher education, students, analytical abilities.

Кишкинова Ольга Алексеевна

старший преподаватель, ФГБОУ ВО «Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии имени К.И. Скрябина»

Миндлин Юрий Борисович

*К.э.н., доцент, ФГБОУ ВО «Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии имени К.И. Скрябина»
mindliny@mail.ru*

Аннотация: Основная проблематика при формировании аналитических навыков у студентов гуманитарного профиля заключается в активизации познавательных процессов, способствующих мотивации изучать точную науку. Между тем тенденции современного мира детерминируют необходимость формирования фундаментообразующих компонентов всех ключевых навыков обучающихся, независимо от направления потенциальной профессиональной деятельности (как гуманитарных аспектов у студентов технических и естественнонаучных специальностей, так и базовых знаний о математике у аудитории непрофильных вузов). Данное условие позволяет работать мозгу более продуктивно и эффективно выполнять свои функции на междисциплинарном уровне благодаря тому, что освоение дополнительных предметов способствует развитию префронтальной коры головного мозга, отвечающей за когнитивные функции высшего порядка: аналитические навыки, абстрактное мышление, способности самостоятельно принимать релевантные решения и адаптивное поведение. Как следствие, слушателям гуманитарного цикла важно осваивать математику, так как она позволяет не только выполнять прямые задачи (делать статистические и другие расчеты), но и обеспечивает становление интеллекта личности за счет того, что формирование логического мышления сквозь призму освоения количественных отношений и пространственных форм взаимокоррелирует с активизацией рычагов сознательного обучения и рабочей памяти, важных для выполнения текущих профессиональных задач и развития всех компетенций.

Ключевые слова: аналитические навыки, аналитическое мышление, гуманитарий, математика, обучение, высшее образование, студенты, аналитические способности.

В современную действительность существует множество доказательств того, что человека важно развивать всестороннее, тогда овладение компетенциями в рамках его специальности станет максимально эффективным. Если в цикл гуманитарных дисциплин включать математику, то развиваются такие функции мозга, которые будут способствовать совершенствованию и углублению знаний по профильным предметам. Данный фактор обусловлен тем, что, как подчеркивают в своих исследованиях Э.К. Мюллер и Дж.Д. Коэн (2001), префронтальная кора головного мозга, развиваемая средствами точных и неточных наук, (ПКГМ) играет важную роль в когнитивном контроле, в способности организовывать мысли и действия в соответствии с вну-

тренними целями. А именно, когнитивный контроль проистекает из активного поддержания паттернов активности в префронтальной коре, которые представляют цели и средства для их достижения [9, р. 167]. В частности, ПКГМ обеспечивает исполнительный контроль «сверху вниз», когда поведение должно определяться внутренними состояниями (например, голодом, усталостью) или целями. В этом контексте ПКГМ участвует в таких когнитивных способностях высшего порядка, как внимание, распознавание паттернов, рабочая память, аналитическое мышление, переключение и оптимизирование стратегий и ингибирующий контроль, при этом все перечисленные процессы позволяют адаптироваться к различным условиям [8, р. 1020].

Таблица 1.

Формирование аналитических навыков у студентов гуманитарных профессий средствами математики¹

Аналитические навыки	Примеры гуманитарных дисциплин				Универсальные математические средства	Примеры заданий на формирование аналитических умений средствами математики на факультете истории
	Психология	Педагогика	Переводоведение	Социология		
Определение проблематики сквозь призму сформированных критериев мастерства того или иного специалиста	Логическое, аналитическое мышление, математическая формализация психологических закономерностей, определение математических метрик психических процессов и т.д.	Обобщенное умение педагогически мыслить; навыки теоретического анализа устойчивых, повторяющихся зависимостей, тенденций, процессов и результатов педагогических исследований и т.д.	Анализ и раскрытие базовых общелингвистических концептов перевода, т.е. определение специфики языковых систем и закономерностей функционирования языков, заложенных в основе переводческой деятельности; разработка формального аппарата для описания естественных и некоторых искусственных языков и т.д.	Выборочные исследования социальных факторов; социальной структуры общества, процессов его изменений и развития; определение потенциальных вариантов коллизий изучаемых явлений и социально обусловленных факторов и т.д.	Обеспечение эффективности и достоверности эмпирических исследований; информационные проекты (сбор, оформление, представление информации о каком-либо объекте или явлении); составление сюжетных математических задач; кейс-методы; поисковые, исследовательские задачи и т.д.	Изучение историографии становления математических открытий, идей, теорий, биографий ученых-математиков, движущих сил их творчества [2, с. 16]; историко-математические парадигмы, раскрывающие историю и значение для становления общества возникновения математических терминов, понятий, теорем, формул, теорий, идей и т.д. [2, с. 10]
Качественные и количественные методы исследований; определение адекватности использования качественных и количественных данных	Сопоставление предметов и явлений, их свойств, взаимоотношений, выявление их сходств и отличий и т.д.	извлечение знаний из практики: дифференцирование педагогических явлений на составляющие компоненты (условия, причины, мотивы, стимулы, средства, формы и т.д.)	Классификация видов переводческой деятельности, математическая формализация языков и т.д.	Непараметрическая статистика (основанная на коэффициентах ранговой корреляции); распределение результатов наблюдений); выявление различий в уровне признака, оценка достоверности сдвига значений, задания на дисперсию, многофункциональные критерии и т.д.	Практико-ориентированные проекты (цель – совершенствование умения решать практические задачи) и т.д.	Использование задач исторического содержания, т.е. задачи на исторические темы. Например: «Известно, что Александр Невский разбил немецких рыцарей Ливонского Ордена на льду Чудского озера и остановил их движение на восток. В каком году произошла битва на льду Чудского озера?» Решение: 1. $69 : 3 = 23$ 2. $18 : 2 = 9$ 3. $9 * 3 = 27$ 4. $23 * 2 = 46$ 5. $27 * 46 = 1242$ Ответ: 1242 г.

1 Таблица автора.

Аналитические навыки	Примеры гуманитарных дисциплин				Универсальные математические средства	Примеры заданий на формирование аналитических умений средствами математики на факультете истории
	Психология	Педагогика	Переводоведение	Социология		
Умение классифицировать, выделять существенную и несущественную информацию, дифференцировать и сравнивать количественные и иные показатели, актуальные для исследуемой проблематики	Количественные методы психологических исследований (сбор числовых данных с их последующим статистическим анализом): классификация, систематизация, категоризация, квантификация качественного материала, синтез полученных данных; изменение психологических переменных и т.д.	Количественные методы педагогических исследований (сбор числовых данных с их последующим статистическим анализом);	Компаративистика (сравнительное языкознание); статистический анализ текстов и т.д.	Статистика (числовых) случайных величин; многомерный статистический анализ; статистика временных рядов и случайных процессов; статистика объектов нечисловой природы; дискриминантный анализ и т.д.	Исследовательские проекты (выдвижение, доказательство или опровержение гипотез); экспериментирование (проведение измерений, испытаний, проб и т.д.) с целью получения фактического материала; систематизация и анализ полученных фактических данных и т.д.	Задачи, в сюжете которых содержатся исторически значимый сравнительный аспект. Задача: «Часовая стрелка кремлевских курантов на 0,31 м короче минутной. Вычислите длину стрелок, если известно, что они вместе имеют длину 6,25 м». Решение: $x + x + 0,31 = 6,25$ $2x = 5,94$ $x = 2,97$ 1) $2,97 + 0,31 = 3,28(м)$ – длина минутной стрелки. Ответ: 2,97м, 3,28м.
Идентификация релевантных источников информации / определение способов решения проблемы	Абстрагирование – отвлечение от несущественных признаков, предметов и явлений, выделение из них основных, главных факторов и т.д.	Формирование системы знаний обучающихся на основе релевантных методик; определение и сочетание методов обучения; актуальной информации и ее представления; предметного содержания учебно-методической информации, актуальной для организации системы уроков и внеклассной деятельности и т.д.	Определение общих принципов и особенностей построения частных и специальных теорий перевода для различных комбинаций языков и т.д.	Анализ и обобщение опыта и прогнозирования социальных ситуаций, изучение противоречий и выработка рекомендаций по их преодолению и т.д.	Игровые и творческие проекты (развивающиеся цепочки задач); софизмы как эффективное средство развития критичности мышления; кейс-методы и т.д.	Проекты, предполагающие изучение истории развития математики; ознакомление с необычными фактами и явлениями. Например: в Древнем Риме не использовали число 0, а в китайской культуре избегают числа 4, т.к. оно произносится также, как и слово «смерть». Отрицательные числа существовали с древних времен в Индии и Китае, однако, использовались очень редко. Актуальность использования отрицательных чисел в математике в европейском образовании впервые смог обосновать итальянский математик Джироламо Кардано (1501 – 1576 гг.)

Аналитические навыки	Примеры гуманитарных дисциплин				Универсальные математические средства	Примеры заданий на формирование аналитических умений средствами математики на факультете истории
	Психология	Педагогика	Переводоведение	Социология		
Оценка полноты и достоверности сравнительных данных, а также пробелов в информационных показателях	Обобщение – объединение ряда факторов или явлений по какому-либо признаку, на основании которых можно сделать соответствующие статистические, коррелятивные и др. выводы, вывести закономерности и т.д.	Тестирование, оценка уровня знаний обучающихся, сравнение полученных результатов учебной деятельности и т.д.	Определение «норм перевода» и разработка принципов оценки качества перевода и т.д.	Проверка статистической гипотезы; оценивание параметров генеральной совокупности, обеспечение действенного социологического контроля и т.д.	Элементы математического анализа; тождественные преобразования; уравнения и неравенства; функциональные; вероятностно-статистические задания и т.д.	Задачи, в сюжете которых задействованы сведения из истории, ориентированные на оценку релевантности тех или иных событий в ретроспективном контексте.

Таким образом, современная действительность и последние исследования ученых диктуют необходимость обучения студентов гуманитарного профиля математическим навыкам, которые способствуют в каждой профессии указанного цикла лучшему освоению и углублению знаний по основной специальности. Например, согласно исследованиям А.В. Дорофеева (2011), в то время как гуманитарные науки изучают человеческое общество, математика ориентирована на «абстракции и модели реального мира» [4, с. 10], чем последняя близка к философии, в особенности, различными теоретическим представлениями «об онтологическом статусе абстрактных математических объектов: концептуализме, номинализме и реализме (платонизме)» [7, с. 13]. Также взаимокоррелятивный аспект изучения математики студентами непрофильных вузов заключается в том, что данная точная наука способствует развитию «не только аналитического мышления и познавательной самостоятельности, но и творческих способностей» [4, с. 11], учит критически мыслить и развивает навыки решения проблем. Помимо вышеперечисленных факторов, «при обучении математике обучающиеся осваивают навыки математического моделирования реальных психолого-педагогических процессов, которые описываются на математическом языке» [1, с. 58], так как точная наука позволяет давать обоснованные интерпретации своих взглядов и выводов, используя числовые и вычислительные данные [10, р. 295 – 296]. Как следствие, слушатели, владеющие математическим языком, «способны глубже проникать в суть реальных психологических и педагогических процессов, лучше ориентироваться в окружающем пространстве» [1, с. 58]. Итак, согласно контент-анализу научной литературы по обозначенной проблематике, очевидно, что формирование компетенций гуманитарной направленности тесно взаимосвязано с развитием математических

навыков, которые способствуют становлению аналитического мышления.

Исходя из исследований Л.А. Саенко и Г.Н. Соломатиной (2021), под дефиницией «аналитические умения» следует понимать «систему специальных мыслительных операций, направленных на поиск (получение) оценки, систематизацию и обобщение знаний» [5, с. 69]. При этом «в период школьного обучения аналитические умения развиваются более активно, путем включения в учебный процесс таких предметов, как математика, физика» [6, с. 91], тогда как в высшем учебном заведении данным предметам уделяется гораздо меньше времени, ведь уменьшается значение точных наук в повышении уровня знаний гуманитариев.

Среди наиболее востребованных аналитических навыков, которые можно формировать средствами математики у студентов непрофильных вузов, следует выделить следующие (см. табл. 1).

Итак, наиболее продуктивным способом привлечения студентов гуманитарного профиля к изучению математики является использование взаимокоррелирующих с их основной профессией тем, которые следует интегрировать в курс лекций и семинаров по исследуемой точной дисциплине. Как подчеркивает Н.М. Дмитриева: «Использование примеров прикладного характера, связанных с будущей профессией студентов, способствует повышению их интереса к предмету» [3, с. 100].

Выводы

Надзорная система внимания, расположенная в префронтальной коре головного мозга каждого человека, активно развивается посредством изучения всего спек-

тра дисциплин у слушателей каждого направления осваиваемого курса (речь идет о гуманитарных, технических и естественнонаучных специальностях, требующих овладения предметами разной направленности). Именно по этой причине студентам гуманитарного цикла релевантно осваивать математику, которая способствует формированию когнитивных функций высшего порядка, прежде всего, аналитических навыков, отвечающих не только за такие базовые умения, как подсчет статистических данных психологом, определение лингвистических закономерностей языковедом или выведение гистограммы потенциального развития общества при том или

ином раскладе событий социологом, но и за самостоятельное принятие аргументированных решений, эффективное распределение временных ресурсов, планирование, грамотное ведение социально-поведенческой линии в социуме и развитие абстрактного мышления.

При формировании аналитических навыков средствами математики важно конгломерировать задания по точной дисциплине с основным вектором изучаемой профессии слушателей непрофильного вуза, что стимулирует мотивационный потенциал и активизирует познавательную деятельность реципиентов к обозначенному предмету.

ЛИТЕРАТУРА

1. Воронцова, И.А. Роль математического образования в профессиональном становлении студентов гуманитарных направлений подготовки / И.А. Воронцова // АНИ: педагогика и психология. – 2018. – №2 (23). – С. 56 – 59.
2. Гусева Н.В., Менькова С.В., Баранова Е.В. Гуманитарный потенциал школьного курса математики и его реализация в обучении. Учебно-методическое пособие к дисциплине по выбору. – Арзамас: Арзамасский филиал ННГУ, 2014. – 46 с.
3. Дмитриева, Н.М. Интенсификация лекционной работы и практических занятий по математике на гуманитарных факультетах вузов / Н.М. Дмитриева // Вестн. Моск. Ун-та. Сер. 20. Педагогическое образование. – 2009. – №4. – С. 97 – 104. DOI:10.51314/2073-2635-2009-4-97-104.
4. Дорофеев, А.В. Компетентностная модель математической подготовки будущего педагога [Текст]: монография / А.В. Дорофеев. – 2-е изд., стер. – Москва: Флинта: Наука, 2011. – 240 с.
5. Саенко, Л.А. Аналитические умения студентов: сущностные характеристики, уровни развития, факторы влияния / Л.А. Саенко, Г.Н. Соломатина // Ped.Rev. – 2021. – №4 (38). – С. 68 – 75.
6. Саенко, Л.А. Педагогические условия формирования аналитических умений у студентов вузов / Л.А. Саенко, К.В. Корольков // МНКО. – 2022. – №3 (94). – С. 90 – 92.
7. Суровцев, В.А. Философия и наука. Проблемы онтологии и эпистемологии [Текст]: учебное пособие / В.А. Суровцев, В.А. Ладов; Национальный исследовательский Томский государственный университет, Юридический институт. – Томск: Издательский Дом Томского гос. ун-та, 2018. – 190 с.
8. Hanganu-Opatz, I.L., Klausberger, T., Sigurdsson, T., Diester, I. (2023) Resolving the prefrontal mechanisms of adaptive cognitive behaviors: A cross-species perspective. *Neuron* 111(7):1020-1036. DOI:10.1016/j.neuron.2023.03.017.
9. Miller, E.K., Cohen, J.D. (2001) An Integrative Theory of Prefrontal Cortex Function. *Annual Review of Neuroscience* 24 (1): 167-202. DOI:10.1146/annurev.neuro.24.1.167.
10. Yadav, S. (2019) Role of Mathematics in the Development of Society. *SSRN Electronic Journal* 6(4).

© Кишкинова Ольга Алексеевна, Миндлин Юрий Борисович (mindliny@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

МЕТОДЫ ПРЕПОДАВАНИЯ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА В СФЕРЕ ЮРИСПРУДЕНЦИИ

Колесник Екатерина Сергеевна

старший преподаватель, Крымский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры, г. Симферополь
ekaterinakolesnik258@gmail.com

METHODS OF TEACHING A FOREIGN LANGUAGE IN THE FIELD OF JURISPRUDENCE

E. Kolesnik

Summary: Teaching a foreign language to law students is a complex and rather multidimensional process. The article provides an overview of the features of the legal English language. It should be noted that methods of active learning and critical thinking should be used to form high-quality professionally-oriented foreign language communication. The article is dedicated to the study of the peculiarities of the application of these methods in foreign language classes in the field of jurisprudence.

Keywords: method, professional training, law students, approach of learning a foreign language, foreign language communication, legal English.

Аннотация: Обучение студентов юридического направления иностранному языку представляет собой сложный и довольно многоаспектный процесс. В статье дается обзор особенностей юридического английского языка. Отмечается, что для формирования качественной профессионально-ориентированной иноязычной коммуникации следует использовать методы активного обучения и критического мышления. Статья посвящена изучению особенностей применения указанных методов на занятиях по иностранному языку в сфере юриспруденции.

Ключевые слова: метод, профессиональная подготовка, студенты юридических вузов, подходы изучения иностранного языка, иноязычная коммуникация, английский юридический язык.

В связи с расширением внешнеэкономических связей, преобразованиями экономической инфраструктуры России, меняются и становятся все более разнообразными все виды профессиональной деятельности дипломированных российских юристов. Владение иностранным языком является показателем уровня квалификации выпускника и составляет неотъемлемую часть его профессиональной подготовки. Следовательно, повышается значимость изучения иностранного языка, что приводит к появлению новых подходов и методов обучения.

Основой обучения иностранным языкам признаются деятельностный и личностно-ориентированный подходы.

Мотивы и цели студента являются сутью деятельностного подхода, который предполагает, что сам студент находится в центре обучения. Организация учебного материала, использование определенных приемов, методик, упражнений должны быть направлены на потребности, мотивы, навыки, активность, интеллект и другие индивидуально-психологические характеристики студентов.

Личностно-ориентированный подход фокусируется в первую очередь на познавательную активность, на развитие индивидуальных способностей, творческих и рефлексивных способностей студентов. Приоритет отдается независимому процессу изучения и использования иностранного языка в различных ситуациях, которые требуют от студента активности, независимости и умения

работать с информацией. Совместное обучение и обучение на основе проектов позволяют вовлечь студента в активный познавательный и коммуникативный процесс, а также продемонстрировать реальные ситуации использования иностранного языка в области права.

Обучение английскому языку студентов-юристов представляет собой сложный и довольно многоаспектный процесс, который выступает одной из приоритетных задач образовательного процесса, ведь владение английским языком может расширить возможности деятельности юриста в разных сферах.

Например, представитель Генеральной прокуратуры Российской Федерации, в рамках осуществления международного сотрудничества, может войти в состав российских делегаций и участвовать в работе сессий групп органов и международных профильных структур, а также принимать участие в разработке международных договоров, а «нотариус вправе самостоятельно сделать перевод, если владеет языком оригинала» (в соответствии со ст. 81 закона «Основы законодательства Российской Федерации о нотариате»).

Студенты юридических вузов сталкиваются с множеством трудностей при изучении иностранного языка, поэтому, для того чтобы английский юридический язык стал более эффективным средством коммуникации, прежде всего необходимо определить аспекты, которые в наибольшей степени затрудняют понимание:

• недостаток четко сформулированных грамматических правил. Длинные и сложные предложения часто имеют своеобразную структуру, множество отрицаний и нетипичное использование модальных глаголов. Также, знаки препинания используются в недостаточной мере:

The Communications Committee shall meet at its own discretion but at least once per season. – Комитет по коммуникациям собирается по своему усмотрению, но не реже одного раза в год. Кроме того, в предложениях могут употребляться иностранные фразы (например, *inter alia* вместо *among others*) и необычные местоимения (*the aforesaid, thereof, therein, wherein* etc):

In keeping with the law of procedure of the Russian Federation Prosecutors shall take part in the hearing of cases by courts, arbitration courts (hereinafter referred to as «courts»), lodge protests against court decisions, sentences, rulings and judgments that contradict the law. – В соответствии с процессуальным законодательством Российской Федерации прокуроры принимают участие в рассмотрении дел судами, арбитражными судами (далее именуемыми «суды»), подают протесты на судебные решения, приговоры, определения и постановления, которые противоречат закону [1].

• богатый словарный запас: например, когда имеется в виду что-то законное, т.е. допустимое с юридической точки зрения, мы можем употребить как слово «lawful», так и «legitimate».

Стоит обратить внимание на то, что юридические значения слов могут отличаться от общего значения. Рассмотрим на примерах:

Redemption – 1) искупление грехов; 2) (юр.) погашение долга, выкуп [2]:

1. *Her punishment will be my redemption.* – Ее наказание будет моим искуплением грехов.
2. *Loan debt repayment includes prescheduled repayment of credit, planned redemption of principal and interest, repayment of past-due debt.* - Погашение задолженности по кредиту включает досрочное погашение кредита, плановое погашение основной суммы долга и процентов, погашение просроченной задолженности.

Tender – 1) нежный, добрый; 2) уязвимый, хрупкий; 3) мягкий, легкий; 4) (юр.) тендер; официальное предложение (уплатить долг, выплатить обязательства) [2]:

1. *Receive, however, with more indulgence, the homage of the most tender and respectful passion.* – Примите же с большей, хотя бы, снисходительностью уверения в нежнейшей и почтительнейшей любви.
2. *A second tender, for the purchase of gas, is still running.* – Второй тендер, на закупку газа, все еще проводится.

• употребление фразовых глаголов: *to enter into a contract* – заключить договор, *to put down a deposit* – внести депозит. Например:

I had to put down a deposit on the purchase of the property. – Мне пришлось внести задаток на покупку недвижимости.

The parties entered into an agreement relating to a share sale. – Стороны заключили соглашение, касающееся продажи акций.

• употребление идиом. В официальном юридическом английском они встречаются реже, но используются в юридическом жаргоне. «Например, выражение «*on all fours*» означает ссылку на судебный процесс, в котором все юридические вопросы настолько близки к другому делу, что не имеют никакого значения и влияния особенно на апелляционное решение, которое является прецедентом при рассмотрении иска в суде» [6, с.16]:

Thus, an attorney will argue that the prior case of Steele v. Merritt is «on all fours» with the case before the court, and so the court must reach the same conclusion. – Таким образом, адвокат будет утверждать, что предыдущее дело Стил против Мерритта находится «в точном соответствии» с делом, находящимся на рассмотрении суда, и поэтому суд должен прийти к такому же выводу.

Студенты должны иметь представление о правовой системе своей страны, изучать особенности англо-американской правовой системы и формулировать речь об их общих и различных чертах, развивать и поддерживать дискуссию на широкий круг иных правовых тем с использованием специфической терминологии.

Преподавание английского языка требует, чтобы преподаватель вовлекал студентов во многие виды деятельности, направленные на улучшение навыков чтения, письма, аудирования и разговорной речи на юридическом английском языке.

Для достижения этих целей, эффективность педагогической деятельности преподавателя во многом зависит от применения современных методов и технологий.

Рассмотрим те методы, которые наиболее мотивируют студентов к повышению компетентности в иноязычной коммуникации и вызывают у них большой интерес:

Перекрестная дискуссия

Метод представляет собой столкновение противоположных точек зрения. Такой вид дискуссии учит студентов концентрироваться на сути проблемы, внимательно выслушивать оппонента, выдвигать и формулировать аргументы в защиту своей позиции, отбирать наиболее сильные доводы, развивать ораторские умения (аспект, который вызывает трудности при изучении иностранного языка).

Например, студенты, участвуя в перекрестной дискуссии по теме «Смертная казнь» должны не только изучить лексико-грамматический материал, но и тщательно проработать информацию о применении смертной казни и ее аналогах как в зарубежных странах, так и в правовой системе своей страны, выразить свое отношение к данному виду наказания и определить виды преступлений, за которые может быть вынесена высшая мера наказания. Например:

- *I don't agree with application of death penalty, because «capital punishment doesn't deter criminals from committing serious offences and criminals after release can commit new more serious crime»s. – Я не согласен(а) с применением смертной казни, потому что высшая мера наказания не устрашает преступников от совершения серьезных правонарушений и после освобождения преступники могут совершить новые более тяжкие преступления [3, с.64].*
- *I strongly support the legal infliction of death penalty, because «violent criminals seem to be heroic figures, glorified in Mass Media and usually they expect and receive VIP treatment»s. – Я решительно поддерживаю законное применение смертной казни, потому что жестокие преступники кажутся героическими фигурами, прославляемыми в средствах массовой информации, и обычно они ожидают и получают VIP-обслуживание [3, с.64].*

Инсерт

Само название приема представляет собой аббревиатуру:

I — interactive (интерактивная), N — noting (познавательная), S — system for (система), E — effective (для эффективного), R — reading (чтения), T — thinking (и мышления).

Применение этого метода заключается в том, что учащиеся читают текст, маркируя его специальными значками:

- V — я это знаю;
- + — это новая информация для меня;
- — я думал по-другому, это противоречит тому, что я знал;
- ? — это мне непонятно, нужны объяснения, уточнения.

По окончании прочтения студенты устраивают обсуждение прочитанного с преподавателем или в малых группах. Такой метод позволяет студентам систематизировать полученные знания и закрепить уже изученный ранее материал.

Групповой пазл

В ходе применения этого метода преподаватель разделяет определенную историю на четыре равные части и каждая деталь нумеруется и размещается в разных

углах комнаты. Затем преподаватель просит студентов занять угол, соответствующий их номеру, и молча прочитать там часть рассказа. Затем они возвращаются на свои места и записывают по памяти то, что помнят из этой истории. После того, как они заканчивают писать, в числовом порядке каждый студент рассказывает другим членам группы свою часть истории. Цель данного метода – заинтересовать всех историей, развивать навыки аудирования и мотивировать принять активное участие в выполнении задания.

Кластер

«Способ графической организации материала, позволяющий сделать наглядными те мыслительные процессы, которые происходят при погружении в ту или иную тему. Кластер является отражением нелинейной формы мышления. Иногда такой способ называют «наглядным мозговым штурмом». Этот гибкий и многофункциональный метод может применяться как для изучения новой темы, так и для закрепления материала и контроля» [5].

Приведу пример составленного мной кластера по правоохранительным органам в Российской Федерации, в котором очень кратко отображены их полномочия и особенности: (Рис 1.)

Применение перечисленных методов развивает у студентов юридического направления умение мыслить критически, что способствует повышению уровня культуры работы с информацией и умения решения проблем в сотрудничестве с другими.

Также, на занятиях по иностранному языку уместно применять следующие методы активного обучения и контроля знаний студентов:

Клоузз-тест

Под клоузз-тестом понимается особым образом организованная работа с деформированным текстом, в котором опущены некоторые слова, важные для понимания смысла. Вставленные слова не должны противоречить трем уровням организации текста: грамматический уровень (соседнее слово, словосочетание); логико-лексический уровень (соседние предложения); концептуально-смысловой уровень (текст целиком).

Например:

Case law

British law is based on the principle of (1)....., meaning that if a court has already ruled on a given legal issue and another case arises with the same legal issue, the holding in the previous case will be applied to the new (2)..... The use of precedents helps to promote stability in the (3), as all parties are given notice as to the current state of the law.

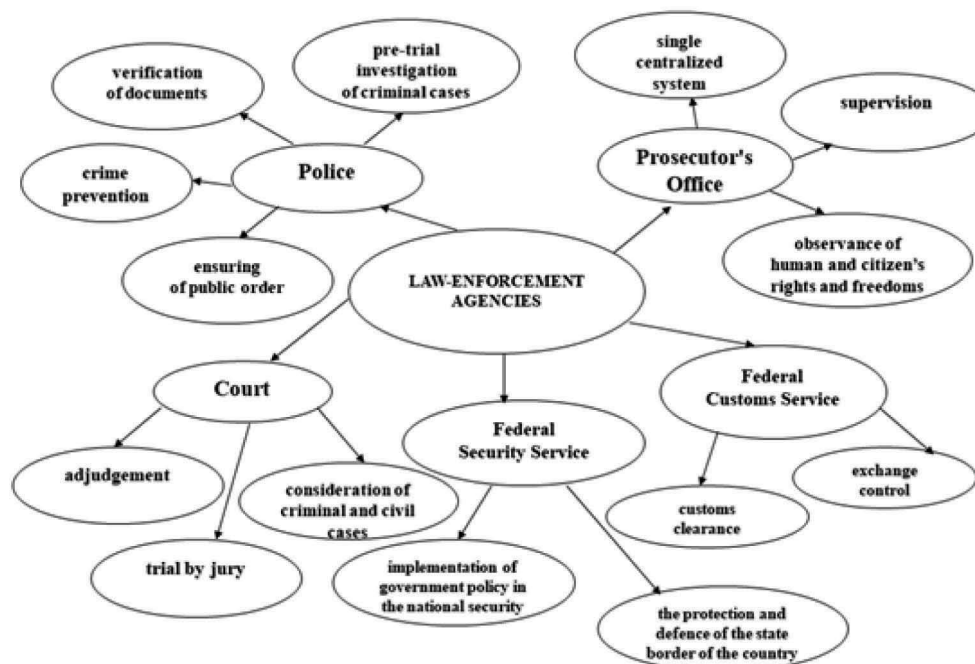

Рис. 1. Кластер «Правоохранительные органы Российской Федерации»

British law is based on the principle of **common law**, meaning that if a court has already ruled on a given legal issue and another case arises with the same legal issue, the holding in the previous case will be applied to the new **precedents**. The use of precedents helps to promote stability in the **legal issues**, as all parties are given notice as to the current state of the law.

Этот метод может применяться не только при совершенствовании навыков чтения, но и для тренировки умения воспринимать иностранную речь на слух. Например, студентам дан текст с пропущенными словами, они должны прослушать аудиозапись, в которой прозвучит текст целиком, идентифицировать пропущенное слово и правильно записать его.

Технология кейс-стади

Представляет собой «анализ конкретных профессионально-значимых случаев, выделенных на основе фактического материала в целях предъявления их студентам для самостоятельного изучения и последующего обсуждения» [4, с.83]. Источником кейсов могут быть иноязычные статьи, фрагменты документов, аудио- и видеоматериалы юридической тематики.

Работа с кейсами межкультурной направленности

должна быть направлена на осознание студентами лингвокультурных особенностей деятельности юристов разных стран. Например, Case-study «Types of crimes» разработан в целях сравнительного изучения деления преступлений на категории преступлений в Российской Федерации и англо-американской правовой системе.

В заключение необходимо подчеркнуть, что знание иностранного языка в системе высшего образования приобретает все большую актуальность в последние годы, так как одной из основных задач высших учебных заведений сегодня заключается не только в том, чтобы сформировать личность будущего специалиста, развивать его профессиональные способности и мышление, подготовить его на творческом уровне к решению профессиональных задач, но и вооружить опытом и способами научного познания и саморазвития. Современный специалист должен уметь пополнять свои знания для того, чтобы в будущем уметь их применить в своей профессиональной деятельности.

Таким образом, можно сделать вывод, что новые методики и подходы изучения иностранного языка должны разрабатываться и активно применяться, так как их внедрение в образовательный процесс значительно улучшает качество профессиональной подготовки студентов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Федеральный закон от 17.01.1992 N 2202-1 (ред. от 29.12.2022) «О прокуратуре Федерации» // правовая «Консультант Плюс» [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_262/.

2. Англо-русский юридический словарь [Электронный ресурс]. URL: <https://eng-rus-law-dict.slovaronline.com/> (дата обращения: 20.01.2023)
3. Гуманова Ю.Л., Королева-МакАри В.А., Свешникова М.Л., Тихомирова Е.В. Just English. Английский для юристов. Базовый курс. Учебное пособие для юридических вузов под редакцией Т.Н. Шишкиной. М., 2010. – 246 с.
4. Дубинина Г.А. Технология применения кейс-анализа в процессе обучения иностранному языку // Вестник Моск. гос. лингв. ун-та. 2010. Вып. 12 (591): Педагогические науки. С. 81–90.
5. Памятка «Как составить кластер» [Электронный ресурс]. URL: https://pandia.ru/user/publ/77258-Pamyatka_Kak_sostavitmz_klaster (дата обращения: 14.02.2023)
6. Haigh R. Legal English. New York: Routledge-Cavendish, 2009. – 343 p.

© Колесник Екатерина Сергеевна (ekaterinakolesnik258@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Крымский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ИНТЕГРАЦИИ МИГРАНТОВ В ПОЛИКУЛЬТУРНУЮ ОБРАЗОВАТЕЛЬНУЮ СРЕДУ

Коренева Вера Викторовна

старший преподаватель, Сибирский федеральный
университет
2517191@mail.ru

PEDAGOGICAL CONDITIONS FOR THE INTEGRATION OF MIGRANTS INTO A POLY CULTURAL EDUCATIONAL ENVIRONMENT

V. Koreneva

Summary: The article discusses the pedagogical conditions for the adaptation of migrants and the formation of a positive ethnic identity of students in the multicultural environment of a particular region. Currently, the pedagogical conditions proposed by the authors have been partially tested, but the process is ongoing and the final results will be presented in the form of publications in the near future. The article is of a theoretical nature and is intended for employees of the education system, teachers working in a multicultural educational environment.

Keywords: migrants, pedagogical conditions, multicultural environment, identity, ethnic identity, adolescents.

Аннотация: В статье рассматриваются педагогические условия адаптации мигрантов и формирование позитивной этнической идентичности обучающихся в поликультурной среде конкретного региона. В настоящее время предложенные авторами педагогические условия частично апробированы, но процесс продолжается и окончательные результаты будут представлены в виде публикаций в ближайшее время. Статья носит теоретический характер и предназначена для работников системы образования, педагогов, работающих в поликультурной образовательной среде.

Ключевые слова: мигранты, педагогические условия, поликультурная среда, идентичность, этническая идентичность, обучающиеся.

Актуальность обращения к теме исследования обусловлена тем, что, проблема адаптации и интеграции мигрантов одна из самых актуальных проблем уже на протяжении двух десятилетий для многих развитых стран мира, включая Россию. Решение указанных проблем затрудняется отсутствием четко сформулированной государственной политики, способствующей адаптации и интеграции мигрантов в принимающую общественную среду, а также неурегулированностью правового статуса большого количества мигрантов. Таким образом, интерес к данной теме существует уже давно - различные ее аспекты исследуются как отечественными, так и зарубежными антропологами, этнологами, культурологами, социологами, демографами, политологами, психологами и педагогами, такими как: Берри Дж., Бим-Бад Б.М., Лебедева Н.М., Павленко В.Н., Пивовар Е.И., Солдатова Г.У., Стефаненко Т.Г., Столин В.В., Хотинец В.Ю., Шайгерова Л.А. и др. Одна из главных проблем, с которой сталкиваются мигранты на новом месте жительства, - это проблема социокультурной адаптации, представляющая собой сложный, многоаспектный и часто длительный процесс, связанный с переживанием мигрантами перемен, культурных различий, изоляции и депривации, а также сохранения своей этнической идентичности.

В современном обществе изменился заказ потребителя (государства) к системе образования: нашему обществу нужны люди, приезжающие к нам и способные жить и продуктивно взаимодействовать в поликультурном

обществе. Поэтому, чтобы отвечать данному заказу, школа должна развиваться, приобретать новые качества, изменять свою структуру, создавая особую полиэтническую образовательную среду.

Под полиэтнической образовательной средой следует понимать часть образовательной среды какого-либо образовательного учреждения, представляющую собой совокупность условий, влияющих на формирование личности, готовой к эффективному межэтническому взаимодействию, сохраняющей свою этническую идентичность, стремящейся к пониманию других этнокультур, т.е. адаптированной к современным условиям проживания.

В Красноярском крае с каждым годом растет число школьников из семей мигрантов и, как следствие, растет количество поликультурных школ, в которых обучающиеся вообще не говорят по-русски. Красноярский край входит в состав Енисейской Сибири — это три региона, расположенные по берегам реки Енисей: Хакасия, Республика Тыва и собственно Красноярский край. Регионы объединяет не только географическая близость, но и общность истории, культуры, традиций проживающих здесь народов. Изначально данный регион многокультурный, многонациональный. Кроме того, с каждым годом в центр Енисейской Сибири город Красноярск в поисках работы прибывает большое количество мигрантов из стран ближнего зарубежья. Приезжают семьями, остаются надолго. Самая многонациональная

школа г. Красноярска — это МАОУ «Средняя школа № 16 имени Героя Советского Союза Цукановой М.Н.» Школа находится в окраинном районе города, где расположены ТЭЦ, продовольственные и вещевые рынки, на которых в основном и работают мигранты. В окрестностях много недорогого арендного жилья. Эта школа и стала местом по апробации педагогических условий успешной адаптации мигрантов и формирования позитивной этнической идентичности у обучающихся. Необходимость строить модель адаптации возникла еще в 2005 году, когда в школе набрали первый класс, полностью состоящий из лиц киргизской национальности, при этом никто из них не говорил по-русски. Тогда было принято решение создать «Центр языковой подготовки» для детей-инофонов, расположенный в отдельном здании от основного здания школы. Центр полностью себя оправдал, так как с каждым годом число детей-инофонов только увеличивалось и сейчас в нем обучаются выходцы из ближнего зарубежья: Киргизии, Азербайджана, Таджикистана, Узбекистана. В школе примерно 1300 учеников, 80% — это дети-инофоны, для которых русский язык не является родным.

Таким образом, нами была выстроена модель, которая предполагает, что ребенок-инофон, не владеющий русским языком, сначала зачисляется в центр языковой подготовки, где он интенсивно обучается русскому языку. По нашим наблюдениям у всех детей уходит на это разное количество времени — от полугода до одного года. После этого ребенок переводится в обычный класс, в основное здание школы. Но при этом у таких детей дополнительно присутствуют от трех до шести уроков русского языка в неделю.

Попадая в общие классы с другими обучающимися, дети-инофоны вступают во второй этап адаптации. На этом этапе начинается формирование позитивной этнической идентичности путем создания определенных педагогических условий. Под позитивной этнической идентичностью в данном исследовании будет пониматься личностное образование, характеризующееся следующими критериями: положительное восприятие себя как члена определенной этнической группы; готовность личности к межэтническим контактам; позитивный образ не только своего сообщества, но и учет ценностных установок иных этнических групп (данное определение было сформулировано нами в период проведения исследований и апробации педагогических условий на основе определений позитивной этнической идентичности Г.У. Стефаненко) [1]. Все это становится возможным при создании особых педагогических условий. Педагогическое условие (а точнее – система условий) специально создается, конструируется педагогом или педагогическим сообществом с целью повлиять на протекание образовательного процесса. Однако оно не предполагает жесткой причинной детерминированности результа-

та, так как создает среду, обстановку, в которой возникают, существуют и развиваются желаемые явления или процессы, а не порождает их. Таким образом, педагогическое условие — это внешнее обстоятельство, фактор, оказывающий существенное влияние на протекание педагогического процесса, в той или иной мере сознательно сконструированный педагогом, предполагающий, но не гарантирующий определенный результат.

Исходя из анализа проблем адаптации детей из семей мигрантов, мы определили педагогические условия, которые будут способствовать формированию позитивной этнической идентичности обучающихся в поликультурной образовательной среде:

1. включение детей в реальную деятельность по освоению окружающего пространства и активное включение семей мигрантов в жизнедеятельность образовательного учреждения;
2. формирование позитивного образа всех этносов, представленных в школе;
3. развитие поликультурной компетентности педагогов для формирования позитивной этнической идентичности обучающихся.

В заданной нами теоретической модели структуры образовательной системы рассматриваются социально-педагогические условия, способствующие эффективной адаптации детей из семей мигрантов, а так же возможные способы их реализации во всех школьных образовательных пространствах (учебном, внеучебном и «скрытом») и во взаимодействии со всеми основными субъектами образования (ученики, родители, учителя).

И первое условие, о котором сказано выше, — это включение детей в реальную деятельность по освоению окружающего пространства. За счет чего это достигается. Во-первых, за счет включения самих ребят-инофонов в деятельностное преобразование среды, социального пространства. Именно в преобразующей деятельности и происходит формирование идентичности – идентичности своему делу [5]. Для включения детей в реальную деятельность по освоению окружающего пространства в школе организованы различные места практики, которые позволяют исследовать, преобразовывать как пространство внутри школы, так и за его пределами. В школе организован «Школьный Социально-Досуговый центр». Ежегодно в рамках действующего центра реализуется до 50 добровольческих акций разного уровня. В школе введено положение о школьной форме. В школе стараются унифицировать внешний вид обучающихся. В школе разработана специальная форма, которая формирует позицию ученика, способствует принятию этой позиции. Проводится разъяснительная работа совместно с родителями, детьми и педагогическим составом по поводу ношения девочками-мусульманками головных уборов. Дети-мигранты вместе с детьми, проживаю-

щими в регионе с момента рождения, осваивают пространство города, знакомятся с достопримечательностями, культурой и предоставляемыми возможностями для реализации каждого человека, что позволяет всем выбрать дальнейший путь обучения и деятельности. Необходимо выстраивать деятельность на принципах уважения к точке зрения каждого учащегося, родителя, педагога, что позволяет и детям инофонам активно участвовать в делах школы. Для этого в каждом «обычном» деле – конкурс чтецов, день семьи, научно-практическая конференция и т.д. – необходимо удерживать фокус национальных особенностей всех представленных в школе ребят, например чтение стихов на родном языке с переводом на русский, сравнительный анализ традиций жителей разных стран. С этого года запущен проект под названием «Игры нашего двора». Цель проекта – рассказать, показать и обучить национальным играм, в которые любим играть. Как итог – проведения «фестиваля национальных народных игр», который планируем провести в мае и очень надеемся, что он станет ежегодным и регулярным. По итогам фестиваля планируется издать сборник на русском языке, а в дальнейшем и на языках всех обучающихся. Среду школы, условиях для интеграции в общество задаёт и такой важный фактор, как её «человеческое наполнение», личные качества педагогов, учеников, родителей, их совокупный социальный и культурный капитал. Во-вторых, невысокий социально-экономический статус родителей большинства учащихся в школе создаёт более благоприятные условия для вхождения в общество, самореализацию детей-мигрантов. Во-первых, родители-мигранты, как правило, более ответственно относятся к воспитанию своих детей, демонстрируют более уважительное отношение к школе. Для них образование детей имеет важное значение, как средство продвинуться по социальной лестнице. Предоставляется выбор изучения дополнительных предметов, а личностно-ориентированный подход, который курирует методическая служба школы, позволяет в рамках обычных предметов варьировать задания, темпы обучения, виды и способы учебной деятельности, исходя из социокультурных особенностей каждого ребёнка. На дискуссионных площадках и тренингах особое внимание уделяется мотивации учебной и внеучебной деятельности.

Реализация второго педагогического условия связана с тем, что на протяжении 18 лет ведётся активная работа по формированию позитивного образа всех этносов, представленных в школе. За это время после проведённой экспертизы учебников на поликультурную составляющую внесены изменения в содержание учебных курсов и внеучебных занятий, которые отражают этнокультурное своеобразие региона. Психолого-социальная служба школы совместно с родителями проводит классные часы о психологических и других особенностях человека, реализуется программа «Здоровье

и социальные навыки», где учат детей понимать себя и других, принимать решения. Традиционно ежегодно на «Неделе Толерантности» представляются варианты толерантного взаимодействия в школе. Профилактическую работу по эффективному разрешению конфликтов проводит школьная служба примирения. Особое внимание уделяется самоопределению детей, работе по прояснению образа будущего, выстраиванию собственных жизненных траекторий. Кроме упомянутых выше Форумов старшеклассников и практикумов самоопределения реализуется интернет-курс «Выбери свой путь», где выполненные дома задания по профориентации, планированию, ценностям и т.д. можно обсудить с психологами школы. Ежегодно проходят конференции «Моя будущая профессия». Заметим, что родители не всегда принимают активное участие в деятельности по предъявлению успешных образцов различных профессий, выручают выпускники, в том числе из семей мигрантов, и студенты СФУ, традиционно выступающие на конференции «Встреча с будущим», где на примере личных историй обсуждаются возможные стратегии профессионального выбора, продолжения учёбы, развития личности. Ещё одной проблемой, требующей решения с помощью родителей, становится организация профессиональных проб учеников, эта задача стоит перед педагогами школы на следующий учебный год. В школе реализуется принцип поликультурности каждого мероприятия. Так во время проведения конкурсов чтецов особым шиком стало прочитать стихотворение на своём родном или другом, тобой ещё только изучаемом, языке. Предметные декадни обязательно включают знакомство с интересными людьми разных национальностей. Большая интеллектуальная игра «Герои России» в апреле 2014 года познакомила ребят не только с известными «русскими» но и героями национального эпоса. В этом же году стартовал поликультурный праздник «Встреча весны», в рамках которого были организованы станции, демонстрирующие культуру каждого народа, связанную со встречей весны и проводами зимы. Совместно с родителями были подготовлены танцы, приготовлены национальные блюда, проведены спортивные эстафеты.

И наконец, реализация третьего педагогического условия. Для того чтобы создавать условия для становления этнической и личностной идентичности, интеграции детей мигрантов в культурную среду региона, педагоги сами должны обладать позитивной этнической идентичностью. Принятие другого, иного человека с его особенностями – будь то инофон, человек другой религии, ребёнок-инвалид – это трудная обязанность педагога-человека, здесь ему необходима особая поддержка и помощь. Для повышения педагогической культуры преподавателей, формирования их готовности к помощи детям-мигрантам в интеграции в общество, необходимо информировать преподавателей о проблемах миграции в современном обществе, о вариантах технологий вы-

страивания взаимодействия между всеми участниками ее формирования. Это создало условия для анализа собственных отношений с другими, в том числе с детьми разных национальностей и их родителями, внутреннего осмысления и усвоения идей толерантности как ценности, признания необходимости проведения в школе системы мероприятий в этом направлении. Кроме того, это позволило вооружить педагогов методами и приёмами построения взаимоотношений на гуманных, ненасильственных, толерантных началах. Нами была разработана программа проблемно-аналитического семинара «Развитие профессиональной готовности педагогов к формированию позитивной этнической идентичности обучающихся». Активное освоение деятельности по формированию позитивной этнической идентичности обучающихся целесообразно осуществить в рамках проблемно-аналитических семинаров. В профессиональной деятельности педагогов различных специализаций все более необходимыми становятся осознанное использование практических знаний и навыков работы, основанных на кросскультурной психологии, позволяющих выстроить работу поликультурного коллектива на основе понимания этнокультурных особенностей детей разных национальностей. Результатами активного участия педагогов в проблемно-аналитических семинарах станет актуализация и осознание проблем и особенностей профессиональной деятельности в поликультурной образовательной среде, сформированность способности

педагога не только видеть этническую картину мира представителя другой культуры, но и способности к ведению диалога с представителями иной национальности на основе толерантного отношения к ним и формирования толерантности обучающихся восприятию других культур с осознанием собственной идентичности. Умение использовать возникающие события и ситуации под конкретные воспитательные задачи формирования у обучающихся позитивной этнической идентичности поможет педагогам и педагогам-психологам в дальнейшем уверенно осуществлять практическую работу в тех сферах, где требуется осуществлять толерантное межкультурное взаимодействие, повышение этнокультурной компетентности и толерантности.

Мы предполагаем, что организация полиэтнической образовательной среды путем создания в структуре школы предложенных социально-педагогических условий: включение детей в реальную деятельность по освоению окружающего пространства; активное включение семей детей-мигрантов в жизнедеятельность образовательного учреждения и социума; формирование позитивного образа всех этносов, представленных в школе; развитие поликультурной компетентности педагогов будет способствовать эффективной социокультурной адаптации детей из семей мигрантов и формированию позитивной этнической идентичности обучающихся в поликультурной образовательной среде.

ЛИТЕРАТУРА

1. Берри Дж. Аккультурация и психологическая адаптация: обзор проблемы / пер. с англ. И. Шолохова // Развитие личности, 2001. №№3, 4, [Электронный ресурс]. – Режим доступа http://rl-online.ru/articles/3_4-01/198.html / Берри Дж. и др. Кросс-культурная психология. — Харьков, 2007.
2. Бим-Бад Б.М. Педагогическая антропология. М., УРАО, 1998, С.281
3. Лебедева Н.М. Теоретические подходы к исследованию взаимных установок и стратегий межкультурного взаимодействия мигрантов и населения России // Стратегии межкультурного взаимодействия мигрантов и населения России // Сб. статей под ред. Н.М. Лебедевой, А.Н. Татарко. — М.: Изд-во РУДН, 2009. С.10-64.
4. Лукина А.К. Дивакова О.Ю. Габдулина Д.С. Роль школы в становлении межэтнической толерантности в поликультурном городе: монография – Красноярск: ИПК СФУ, 2008. -139с.
5. Солдатова Г.У., Черкасов П.А., Шайгерова Л.А. Проблемы адаптации вынужденных мигрантов в России // Психологи о мигрантах и миграции в России. Информационно-аналитический бюллетень № 1. М., 2000. С. 9-25.
6. Стефаненко Т.Г. Этнопсихология: учеб. для вузов / Т.Г. Стефаненко. – 4-е изд., испр. и доп. – М.: Аспект Пресс, 2009. – 368
7. Хотинец В.Ю. О содержании и соотношении понятий этническая самоидентификация и этническое самосознание / В.Ю. Хотинец. – Режим доступа: www.ecsocman.hse.ru/data/368/389/1217/011_hotinets.pdf.
8. Столин В.В. Самосознание личности / В.В. Столин Издательство Московского университета, 2013 г.

© Коренева Вера Викторовна (2517191@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

КИБЕРСПОРТ КАК ИНСТРУМЕНТ РАЗВИТИЯ САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ ВОСПИТАННИКОВ КАДЕТСКОГО ВОЕННОГО КОРПУСА

Марковская Елена Александровна

кандидат педагогических наук, профессор РАЕ, ФГКОУ
«Санкт-Петербургский кадетский военный корпус имени
князя Александра Невского Министерства обороны
Российской Федерации»
marc.06@bk.ru

Довгошея Дмитрий Павлович

Преподаватель, ФГКОУ «Санкт-Петербургский кадетский
военный корпус имени князя Александра Невского
Министерства обороны Российской Федерации»

ESPORTS AS A TOOL FOR DEVELOPING THE INDEPENDENCE OF CADET MILITARY CORPS STUDENTS

**E. Markovskaya
D. Dovgosheya**

Summary: The article reveals the technologies of the gamification process. The stages of the emergence and formation of esports, namely the historical cyber tournament "Steel Wall" in the cadet educational space, are described in detail. There is a strong motivational, educating component of esports competitions, as well as their influence on the formation of the team and the independence of pupils.

Keywords: gamification, esports, historical cyber tournament, cadet military corps, cadet, pupil.

Аннотация: В статье раскрываются технологии процесса геймификации. Подробно описываются этапы возникновения и становления киберспорта, а именно исторического кибертурнира «Стальная стена» в кадетском образовательном пространстве. Отмечается сильная мотивационная, воспитывающая составляющая киберспортивных состязаний, а также их влияние на становление коллектива и самостоятельности воспитанников.

Ключевые слова: геймификация, киберспорт, исторический кибертурнир, кадетский военный корпус, кадет, воспитанник.

В настоящее время компьютерные технологии оказывают значительное влияние на сферу образования, предоставляя возможности улучшения процесса коммуникации и использования новейших информационно-коммуникационных систем в обучении [2], уходят в прошлое традиционные подходы, основанные на трансляции знания и появляются новые, основанные на совместном использовании компьютерных и игровых технологий [4] в образовании, таких как, например, «геймификация» (от англ. gamification – использование игровых механик и элементов в неигровом контексте), Они позволяют учитывать особенности восприятия и обработки информации обучающихся (быстрый доступ, вариативность использования, интерактивность, визуальная подача информации), их интересы (адаптивные, индивидуальные образовательные), эффективно выстраивать процессы коммуникации (обратная связь и внутригрупповое общение), повышать уровень мотивации обучающихся [4].

Геймификация сегодня активно применяется для повышения уровня мотивации вовлеченности обучающихся в образовательный процесс, который за счет этого становится более увлекательным и интересным [1]. Как утверждают Г. Зикерманн и К. Каннингем, игры становятся влиятельной силой для всего человечества, так как в их основе лежат - удовольствие, награды и время [3]. Успешность геймификации и заключается в игре. Как от-

мечают К. Вербх и Д. Хантер, «наш мозг требует решения задач, обратной связи и много другого – того, что дают нам игры. Исследование за исследованием показывают, что игры активируют дофаминовую систему мозга, которая связана с удовольствием» [5]. Геймификация — это искусство извлекать из игр элементы, которые делают их увлекательными, и применять их к реальной жизни [8].

К разновидности геймификации можно отнести и киберспорт. Киберспорт — это соревнования в виртуальном пространстве, где игра представляет собой взаимодействие объектов управления, обеспечивая равные условия состязаний человека с человеком или команды с командой [6]. Киберспорт – это игровые соревнования (умственные и физические) с использованием современных компьютерных технологий, где компьютер моделирует виртуальное пространство (игру), внутри которого происходит состязание. Другими словами, это не просто развлечение путем проведения времени за компьютерными играми, а использование виртуального пространства игры как средства развития различных умений и навыков. «Если речь идёт об организации подобных соревнований в школах, давайте и над этим тоже подумаем, лучше не запрещать, вредно запрещать и невозможно», — отметил В.В. Путин [7]. В киберспорте существует несколько видов дисциплин: Action-игры, Гонки, Симуляторы, Стратегии, Шутеры. В зависимости от дисциплины соревнования могут быть как индивидуальными, так и групповыми.

С развитием компьютерных технологий, события реального мира стали переноситься и в мир виртуальный. В целях воспитания патриотизма и улучшения кругозора воспитанников, среди кадет довузовских образовательных учреждений МО РФ, был разработан проект, позволяющий совместить образовательный процесс в кадетских и нахимовских корпусах, а также суворовских училищах, с компьютерной игрой «Мир танков». Причина выбора именно этой игры в ее популярности у современных подростков и в ее исторической составляющей. Игра позволяет заинтересовать ребенка и подтолкнуть к изучению истории возникновения и развития бронетанковой техники. В игре представлена военная техника различных стран в период с 1915 по 1970 гг.

Сама идея исторического кибертурнира «Стальная стена» родилась в стенах Санкт-Петербургского кадетского военного корпуса в 2012 году. Воспитатели одного из учебных курсов и сотрудники лаборатории инновационных образовательных технологий придумали провести турнир, с целью гражданско-патриотического воспитания через использование инновационных интерактивных форм воспитания (кибертурнир), с использованием технологии игрового моделирования и компьютерных технологий, направленных на формирование здоровой, физически и духовно совершенной, морально-стойкой личности. Задачами, которые были поставлены при подготовке и проведении турнира были:

- изучение истории Мировых войн, особенностей применения бронетанковой техники;
- подготовка и представление участниками индивидуальных проектов;
- проведение турнира среди участников в формате игры «Мир танков»;
- воспитание и развитие навыков командного взаимодействия.

Кибертурнир – это игровые соревнования с использованием компьютерных технологий, где компьютер моделирует виртуальное пространство, внутри которого происходит состязание, позволяет развивать такие качества, как способность работы в команде, навыки руководства и взаимодействия, способность к быстрому анализу ситуации и принятию решения, развитию логического и тактического мышления.

Идея проведения исторического турнира прорабатывалась на протяжении двух лет, и в 2014 году был проведен пробный турнир между кадетами одного подразделения. Он имел ярко выраженную историческую военную тематику и был ориентирован на командную игру. Состязания позволили кадетам в игровой форме изучить основы танкостроения, особенности бронетехники, основы баллистики, исторические боевые события, тактику применения различной военной техники. Исторический кибертурнир понравился как де-

тям, так и взрослым и в 2015 году, состоялся первый региональный исторический кибертурнир «Стальная стена - 2015» среди воспитанников довузовских образовательных организаций Министерства обороны Российской Федерации, посвященный памяти Победы в Великой Отечественной войне. В нем приняли участие Санкт-Петербургский кадетский военный корпус, Санкт-Петербургское суворовское военное и Нахимовское военно-морское училища, Кронштадтский морской кадетский военный корпус. Исторический кибертурнир «Стальная стена» имел положительные отзывы от участников и руководителей учебных заведений, и было принято решение провести его уже для довузовских образовательных организаций Министерства обороны Российской Федерации по всей стране. Это был полноценный исторический кибертурнир с двухмесячными online-отборочными играми и финалом среди восьми сильнейших команд, который состоялся на базе Санкт-Петербургского кадетского военного корпуса.

Дальнейшие кибертурниры расширяли географию участников и уровень проведения, менялся формат и состав этапов. Отборочный этап конкурса проходил в период с января по март. Нахимовцы, суворовцы и кадеты сражались в виртуальном пространстве компьютерной игры «Мир Танков». Им предстояло продемонстрировать навыки командной слаженности и взаимодействия, а также индивидуальное мастерство. В кибертурнире «Стальная стена – 19» принимала участие 21 команда и среди них впервые команда воспитанников Самарского кадетского корпуса Министерства Внутренних Дел Российской Федерации. Финал турнира состоялся в мае 2019 года на территории Военно-патриотического парка культуры и отдыха Вооруженных Сил Российской Федерации «Патриот». Организаторами выступили администрация Санкт-Петербургского кадетского военного корпуса и сотрудники Главного управления развития информационных и телекоммуникационных технологий Министерства обороны Российской Федерации.

Отличительной особенностью турнира в дальнейшем стало участие, наряду с командами довузовских образовательных учреждений Министерства обороны, команд других силовых ведомств России: Министерства внутренних дел, Следственного комитета, Федеральной службы войск национальной гвардии, Министерства чрезвычайных ситуаций, Федеральной службы исполнения наказаний. В феврале 2021 г. в дистанционном формате стартовал Всероссийский межведомственный киберспортивный турнир «Стальная стена - 21». В состязаниях приняли участие команды из 32 учебных заведений. Организаторами турнира выступили администрация Санкт-Петербургского кадетского военного корпуса, Департамент информационных систем Минобороны России, Главный вычислительный центр ВС РФ, а также Ассоциация компьютерного спорта.

Развитие исторического кибертурнира привело к освоению еще одной компьютерной игры – «Мир кораблей». В 2022 г. впервые был организован и проведен исторический кибертурнир «Стальная волна» среди воспитанников довузовских образовательных организаций Министерства обороны Российской Федерации, посвященный 325-летию со дня создания Российского Регулярного Флота. Турнир состоял из отборочного online – сезона, вышедшие в финал команды приняли участие в викторине по истории Российского флота и серии матчей в игре «Мир кораблей».

Направленные занятия киберспортом в индивидуальных дисциплинах способствуют развитию у подростков реакции, логического мышления, быстрого анализа ситуации, усидчивости, воли к победе, нацеленности на результат. Понимая ответственность всех действий на протяжении игровой партии, воспитанник развивает в себе самостоятельность, решительность и уверенность в принятых решениях. Помимо этого, анализ результатов обучения участников сборных команд кадетского военного корпуса показывает, что киберспортивные занятия являются мощным мотиватором, который побуждает кадет всесторонне развиваться.

Участвуя в командных соревнованиях, воспитанники развивают такие качества как работа в коллективе, навыки руководства и взаимодействия. Занятия киберспортом имеют и общевоспитательную функцию – усвоение норм и правил поведения, воспитание нравственных и волевых качеств, способности к сопереживанию, оказанию помощи, к коллективизму и дружбе. Как итог – члены сборных команд по кибердисциплинам назначаются на должности младших командиров в своих подразделениях.

Конечно, в киберспорте есть недостатки. При не правильном подходе к занятиям и чрезмерной увлеченности долгое нахождение за компьютером может оказывать негативное влияние на зрение, осанку, а также при бесконтрольном участии у воспитанников может развиваться игровая зависимость. Поэтому, как и в любом деле, нужно знать методики правильного подхода применения тех или иных игр.

В Санкт-Петербургском кадетском военном корпусе имени князя Александра Невского киберспортивное направление существует уже одиннадцать лет. За это время проводились различные турниры по киберспортивным дисциплинам, участие в которых стало дополнительным путем к самореализации и достижения успешности у воспитанников. В настоящее время занятия киберспортом входят в состав дополнительного образования.

Начавшийся как эксперимент, на данный момент киберспорт в кадетском корпусе представлен двумя кибертурнирами среди воспитанников довузовских образовательных организаций МО РФ – «Стальная стена» и «Стальная волна». В будущем планируется расширение занятий, развитие и популяризация киберспортивного направления, создание киберспортивной лиги довузовских образовательных организаций.

Все вышеизложенное позволяет с уверенностью сказать, что занятия киберспортом оказывают положительный эффект на развитие личности воспитанника, его самостоятельности и позволяет не только успешно соревноваться в кибердисциплинах, но и совершенствовать качества, необходимые для достижения более высоких результатов в обучении.

ЛИТЕРАТУРА

1. Putera Surya pranata L.K. Analysis of Gamification Models in Education Using MDA Framework / G.P. Kusuma, E.K. Wigati, Y. Utomo, L.K. Putera Surya pranata // Procedia Computer Science. 2018. V. 135. P. 385–392. DOI: 10.1016/j.procs.2018.08.187.
2. The Model for Introduction of Gamification into E-learning in Higher Education / M. Urh, G. Vukovic, E. Jereb, R. Pintar // Procedia – Social and Behavioral Sciences. 2015. V. 197. P. 388–397. DOI: 10.1016/j.sbspro.2015.07.154.
3. Zichermann G., Cunningham C. Gamification by Design: Implementing Game Mechanics in Web and Mobile Apps / Ed. by M. Treseler. – Sebastopol: O'Reilly Media, 2011. 182 p.
4. Акчелов, Е.О. Новый подход к геймификации в образовании / Е.О. Акчелов, Е.В. Галанина // Векторы благополучия: экономика и социум. 2019. № 1(32). С. 117-132.
5. Вербак К., Хантер Д. Вовлекай и властвуй. Игровое мышление на службе бизнеса – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2015. 224 с.
6. Киберспорт — это спорт будущего или развлечение? Подробнее в ПФ: – URL: <https://www.pnp.ru/economics/kibersport-eto-sport-budushhego-ili-razvlechenie.html> (дата обращения: 04.04.2023).
7. Путин допустил проведение в школах соревнований по киберспорту Подробнее в ПФ – URL: <https://www.pnp.ru/social/putin-dopustil-provedenie-v-shkolakh-sorevnovaniy-po-kibersportu.html> (дата обращения: 01.04.2023).
8. Чоу Ю. Геймифицируй это: как стимулировать клиентов к покупке, а сотрудников — к работе. М.: Эксмо, 2022. 400 с.

© Марковская Елена Александровна (marc.06@bk.ru), Довгошея Дмитрий Павлович.

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СОВРЕМЕННЫЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ СТУДЕНТОВ НЕЛИНГВИСТИЧЕСКИХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ В ВУЗЕ

MODERN EDUCATIONAL TECHNOLOGIES IN FOREIGN LANGUAGE TEACHING TO NON-LINGUISTIC STUDENTS AT THE HIGHER EDUCATION INSTITUTIONS

E. Tarlakovskaya

Summary: The article tackles the main issues of modern foreign language teaching non-linguistic students at higher education institutions, the difficulties faced by professors in teaching a foreign language to students of non-linguistic specialties. The author analyzes three main educational technologies in teaching a foreign language: project technologies, information and communication technologies and CLIL technology.

Keywords: professionally-oriented education, project technologies, information and communication technologies, CLIL technology.

Тарлаковская Елена Александровна

кандидат педагогических наук, доцент, Нижегородский
государственный технический университет
им. П.Е. Алексеева
e.tarlakovskaya@yandex.ru

Аннотация: В статье рассматриваются основные вопросы современного обучения иностранному языку в нелингвистическом вузе, трудности, с которыми сталкиваются преподаватели в обучении иностранному языку студентов нелингвистических специальностей. Автор выделяет три основные образовательные технологии в обучении иностранному языку: проектные технологии, информационно-коммуникационные технологии и технологию CLIL.

Ключевые слова: профессионально-ориентированное обучение, проектные технологии, информационно-коммуникационные технологии, технология CLIL

*"If we teach today's students as we taught yesterday's,
we rob them of tomorrow"*

John Dewey

"Chalk doesn't cut it anymore"

В системе высшего образования России в настоящее время происходят глубокие перемены, тесно связанные с изменениями в экономической, социальной, политической и культурной сферах общества. В обществе возникает потребность в специалистах, владеющих иностранным языком на высоком уровне в целях решения коммуникативных задач. Следовательно, возрастает роль устного иноязычного общения в разных сферах деятельности.

В национальном проекте «Образование» на период с 2019 по 2024 годы ставятся достаточно высокие требования к образовательному процессу в целом. Обновление содержания учебных дисциплин и внедрение новых технологий обучения и инновационных методов обучения повысят мотивацию обучающихся к учебному процессу и обеспечат совершенствование профессиональных навыков обучающихся [2].

Современная профессиональная подготовка специалистов нелингвистического профиля по иностранному языку должна отражать общие тенденции развития системы российского образования. При обучении иностранному языку студентов нелингвистических специ-

альностей в вузе следует учитывать следующие факторы российского образования:

- ориентация на вхождение в мировое образовательное пространство;
- комплексная модернизация;
- усиление личносно направленного и активизирующего характера обучающей деятельности;
- ориентация на будущую профессию;
- усиление внимания к педагогическим инновациям;
- внедрение инновационных технологий и методов обучения иностранному языку.

Следовательно, обучение иностранному языку студентов в вузе должно учитывать компетентностный подход в образовательном процессе, а также иметь коммуникативную направленность.

Конечной целью иноязычного образования является иноязычная профессиональная компетентность выпускника нелингвистической специальности, которая представляет собой совокупность отдельных компетенций и позволяет осуществлять свою профессиональную деятельность, повышая ее эффективность и тем самым создавая предпосылки для профессионального и карьерного роста личности.

В образовательных программах для бакалавров нелингвистических специальностей по дисциплине «Иностранный язык» в качестве индикаторов достижения

компетенции приводятся следующие: «Выполняет для личных целей перевод официальных и профессиональных текстов с иностранного языка на русский, с русского языка на иностранный. Представляет результаты своей деятельности на иностранном языке в устной форме, может поддержать разговор в ходе их обсуждения» [5, с. 6].

Несомненно, что новые образовательные программы ставят перед преподавателем высокую планку по качественной подготовке к иноязычному обучению студентов нелингвистических специальностей. С другой стороны, при обучении иностранному языку студентов нелингвистических специальностей в вузе у преподавателя возникают значительные трудности.

Во-первых, в нелингвистических вузах образовательными стандартами отводится недостаточное количество часов на изучение иностранного языка для профессиональных целей. Так, например, в НГТУ на дисциплину «Иностранный язык» выделяется всего два часа в неделю.

Во-вторых, студентам необходимо освоить достаточно большой объем лексических единиц общего и терминологического характера в сжатые сроки. Дисциплина «Иностранный язык», как правило, изучается на 1 и 2 курсах бакалавриата в нелингвистических вузах.

В-третьих, как показывает опыт преподавания в нелингвистическом вузе, уровень владения иностранным языком студентами младших курсов достаточно низкий, что затрудняет формирование иноязычной профессионально ориентированной компетенции у обучающихся.

В-четвертых, студенты не владеют профессиональной лексикой на родном языке. Это также вызывает определенные трудности при работе с иноязычными текстами по специальности.

Реализация требований, предъявляемых ФГОС к качеству образования, а также преодоление вышперечисленных трудностей, с которыми сталкиваются преподаватели иностранного языка при обучении студентов нелингвистических специальностей, невозможны без применения инновационных образовательных технологий.

Термин «технология» связан с периодом становления промышленности. Данный термин обозначал процесс изготовления продукции наиболее эффективным и экономичным образом [7].

Под технологией обучения подразумевается «определенный способ обучения, в котором основную нагрузку по реализации функции обучения выполняет средство обучения под управлением человека». [3, с. 138].

Меняются реалии жизни, меняются и технологии в обучении иностранному языку студентов в вузе.

Внедрение инновационных образовательных технологий в обучении иностранному языку способствует познавательному и творческому развитию личности студентов, повышает качество иноязычного образования и позволяет использовать учебное время (в аудиторной и самостоятельной работе) более эффективно. Студенты могут самостоятельно совершенствовать свои успехи и достижения.

В настоящее время преподавателю приходится более тщательно подходить к выбору образовательных технологий в иноязычном обучении и соблюдать принципы, которые позволяют внедрить данные технологии наиболее эффективно. Например, к одним из видов инновационных технологий можно отнести проектные технологии.

Так, презентации PowerPoint, часто используемые на занятиях преподавателями и студентами, не всегда являются эффективными, если не принимать во внимания принципы М. Милер, способствующие увеличению эффективности обучения за счет использования технологий:

1. Сигнальный принцип (Signaling Principle), согласно которому необходимо визуально выделять только наиболее важные аспекты предъявляемого материала.
2. Принцип пространственной близости (Spatial Contiguity Principle), который заключается в том, что для более эффективного усвоения материала студентами текст и изображение следует помещать как можно ближе друг к другу, а при использовании графиков помещать текст там, где находятся их наиболее значимые части.
3. Принцип временной близости (Temporal Contiguity Principle), согласно которому описания и объяснения вводятся одновременно с демонстрацией графиков и изображений.
4. Сегментный принцип (Segmenting Principle), заключающийся в том, чтобы разбивать сложный материал на более короткие фрагменты, если необходимо объяснить сложный материал или если студенты недостаточно хорошо знают материал.
5. Принцип предварительной тренировки (Pretraining Principle) заключается в том, что создается специальный модуль, целью которого является детальное объяснение незнакомого материала или материала, вызывающего сложности у студентов.
6. Модальный принцип (Modality Principle), при котором графические изображения сопровождаются аудио для более эффективного запоминания материала студентами [10, с. 155].

Проектные технологии должны применяться на каждом занятии по иностранному языку, или рекомендовано их использование в виде творческого задания один раз в неделю. При оценивании проектов особое

внимание уделяется теме проекта, которая должна быть сформулирована не в виде одного слова или словосочетания, а в виде утверждения или вопроса. Например, при подготовке проекта по теме «Д.И. Менделеев», рекомендуется формулировать темы проектов в виде вопросов с «Why?» или «What?»: Why is the Periodic Table so Important? Why is Mendeleev credited with the discovery of the periodic table much more often than Meyer? What are the major contributions of D.I. Mendeleev? Why is Mendeleev considered pride of Russian science?

При подготовке презентаций студенты не знают тем других студентов группы. Это безусловно создает эффект неожиданности и стимулирует интерес к восприятию речи на слух на занятии. Преподаватель может формулировать темы проектов самостоятельно, сталкивая разные точки зрения, тем самым вызывая обсуждения темы с разных сторон. Так, тема The Internet может быть представлена следующим образом: The Internet deprives us of personal experience. Или How has the Internet transformed our lives?

Формулировка темы должна вызывать интерес у слушающих. Из опыта преподавания в нелингвистическом вузе хотелось отметить бы, что студенты быстро теряют интерес к занятию, если на занятии представлены, например, три темы проекта, сформулированные идентично. С какой целью студентам слушать три проекта про Д.И. Менделеева, если все три проекта сформулированы одинаково?

Студентам также предлагается включать в свои проекты аудио и видео фрагменты аутентичной речи с небольшим заданием или вопросом для слушающих. Визуализация и использование аудио или видео материала в проектах студентов способствуют повышению мотивации студентов к занятиям, расширяют их кругозор и развивают аудитивные навыки.

Использование на слайдах презентации статистических данных в виде графиков или диаграмм, с одной стороны, развивает воображение студентов, а с другой стороны, погружает в реальный мир статистики.

В конце каждого учебного семестра студенты получают поощрительные баллы к балльно-рейтинговой системе оценивания студентов за портфолио собственных проектных работ.

Кроме проектных технологий, которые, безусловно, способствуют развитию иноязычной коммуникативной компетенции, следует отметить также информационно-коммуникационные технологии, которые позволяют студентам погрузиться в языковую среду. Следовательно, этот вид современных информационных технологий также необходимо использовать чаще в иноязычном

обучении. Доступ к Интернету в вузе позволяет применять данные технологии на каждом занятии. Виртуальные путешествия, экскурсии по музеям и галереям мира, видеоролики студентов об обучении на сайте того или иного университета мира оживляют занятия и создают ауру аутентичного общения. В качестве рекомендованных обучающих сайтов, предлагающих различные видео с заданиями, которые можно использовать на занятиях со студентами, следует предложить Academicearth.org и British Council_LearnEnglish. Перед просмотром видео студентам предлагаются задания, снимающие трудности в понимании видеофрагмента.

Приведем пример использования видеоролика на занятии со студентами. Перед просмотром видеоролика на тему «Imagining a world without fossil fuels» студентам предлагается ответить на вопрос «Can you imagine a world without fossil fuels?»

Предварительное задание включает задание на соемещение. Необходимо соединить дефиниции слов/выражений непосредственно со словами/выражениями.

После просмотра видеоролика предлагается разделить студентов на 2 группы, где группа 1 подбирает идеи к утверждению The world now with fossil fuels _____, группа 2 подбирает идеи к утверждению The imagining world without fossil fuels _____.

Печатный вариант текста того видеоролика, который предлагается, можно использовать уже как дополнительный материал к проектам студентов.

В качестве аудиоматериалов на занятиях также можно использовать ресурс Британский национальный корпус <http://info.ox.ac.uk/bnc> БНК.

Современные студенты постоянно используют разные социальные сети и мессенджеры, поэтому преподаватель может создать группы по определенной специальности (Химическая технология, Технологические машины и оборудование и т.д.), например, в Вайбер, где студенты смогут читать сообщения, смотреть видео и делиться своими мыслями на иностранном языке. Это позволяет совершенствовать профессиональные навыки студентов нелингвистических специальностей на иностранном языке.

Среди современных образовательных технологий в иноязычном обучении студентов нелингвистических специальностей следует выделить еще одну образовательную технологию, используемую в иноязычном обучении для совершенствования иноязычной профессиональной компетенции студентов, а именно технологию предметно-языкового интегрированного обучения CLIL (Content Language Integrated Learning).

Данная технология подразумевает параллельное изучение иностранного языка и дисциплины специализации, где иностранный язык является своего рода «инструментом» получения новых знаний, способствующих развитию профессиональных компетенций. Многие образовательные учреждения за рубежом и в России применяют эту технологию. Исследованиями CLIL в России занимаются такие ученые, как Е.Ю. Мальцева, Ю.М. Шемчук и Н.Д. Махно, П.В. Сысоев и др.

Технология CLIL в последнее время все чаще применяется в процессе обучения студентов неязыковых специальностей, так как не только способствует изучению иностранного языка на более высоком уровне, но и расширяет сферы знаний, определяемых специализацией студентов, позволяет им усвоить терминологическую базу соответствующей профессии на иностранном языке, овладеть навыками перевода и т.п. Одним из до-

стоинств данной технологии является ее адаптивность к различным областям научного знания, однако требует от преподавателя иностранного языка умения разбираться в тонкостях нелингвистических направлений подготовки, что предполагает более тщательный подбор материала, который должен быть актуальным и отвечать поставленным профессиональным задачам.

Таким образом, использование проектных, информационно-коммуникационных технологий, а также технологии CLIL значительно повышает мотивацию студентов нелингвистических вузов к изучению иностранных языков и способствует профессиональному саморазвитию студентов. Данные технологии позволяют одновременно обучать специальности через язык и обучать языку через специальность, что приводит к успеху студента, как в учебной, так и профессиональной деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мальцева Е.Ю. Content Language Integrated Learning (Интегрированное обучение иностранному языку): учебное пособие / Е.Ю. Мальцева. – Самара: Издательство Самарского университета, 2020. – 80 с.
2. Онлайн-приемная нацпроекта «Образование». URL: <https://edu.gov.ru/national-project/>
3. Педагогика: педагогические теории, системы, технологии: Учеб. для студ. высш. и сред. пед. учеб. заведений / С.А. Смирнов, И.Б. Котова, Е.Н. Шиянов и др.; Под ред. С.А. Смирнова. – 4-е изд., испр. – М.: Издательский центр «Академия», 2000. – 512 с.
4. Полат Е.С., Бухаркина М.Ю. Современные педагогические и информационные технологии в системе образования: учебное пособие. 2-е изд., стер. М.: Академия, 2018. – 368 с.
5. Рабочая программа дисциплины Б.1 Б.2 «Иностранный язык»: Направление подготовки 15.03.02 Технологические машины и оборудование, Направленность: Технологическое оборудование химических и нефтехимических производств. Дзержинск: ДПИ НГТУ, 2021. – 49с.
6. Сысоев П.И. Информационные и коммуникационные технологии в лингвистическом образовании: учеб. пособие. – М.: Либроком, 2013. – 264 с.
7. Технология // Словари.ру [Электронный ресурс]. URL: <http://slovari.yandex.ru>
8. Шемчук Ю.М., Махно Н.Д. Особенности преподавания второго иностранного языка студентам-психологам на основе технологии CLIL // Иностранный язык в сфере профессиональной коммуникации: инновации, проблемы и перспективы. Сборник материалов Межвузовской научно-практической конференции. – М: МГЛУ, 2019. – С. 223-230.
9. Coyle D. CLIL: Content and Language Integrated Learning / D. Coyle, Ph. Hood, D. Marsch. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. – 182 p
10. Miller M.D. Minds online: Teaching effectively with technology. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 2014. – 279p.

© Тарлаковская Елена Александровна (e.tarlakovskaya@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА ДЛЯ ОБЩЕГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ В XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Тилинина Маргарита Николаевна

Аспирант, РГПУ им. А.И. Герцена

tilininama@inbox.ru

EDUCATIONAL LITERATURE FOR GENERAL ART EDUCATION IN RUSSIA IN THE XIX – EARLY XX CENTURY

M. Tilinina

Summary: The article examines the main historical stages of the development of educational literature on art education in Russia in the XIX – early XX century. The analysis of sources devoted to the study of trends in the formation of the textbook is carried out. Views on the essence of the textbook, its influence on the content and methodology of teaching and how they changed in the process of social development are presented. Thanks to these textbooks, students were able to get acquainted with the basics of the laws of fine art. The article examines the historical circumstances of the appearance of textbooks on fine art; their subject matter and content; their place in the education of this period. The interpretations of the textbook and the textbook, their specific features are determined.

This material aims to comprehend the problem of a school textbook on fine arts from the perspective of a new understanding of the goals of education. Opportunities for spiritual and moral development of the individual, education of aesthetic and patriotic feelings and the right life orientation.

The article is structured chronologically.

Keywords: educational literature, textbook, textbook, educational process at school, art education, art.

Аннотация: В статье рассматриваются основные исторические этапы развития учебной литературы по художественному образованию в России в XIX – начале XX века. Проведен анализ источников, посвященных изучению тенденций становления учебной книги. Представлены взгляды на сущность учебника, его влияние на содержание и методику обучения и как они менялись в процессе общественного развития. Благодаря этим учебникам ученики смогли познакомиться с основами законами изобразительного искусства. В статье рассматриваются исторические обстоятельства появления учебников по изобразительному искусству; их тематика и содержание; их место в образовании данного периода.

Определяются трактовки учебника и учебного пособия, их специфические признаки.

Данный материал преследует цель осмыслить проблему школьного учебника по изобразительному искусству с позиций нового понимания целей образования. Возможности для духовно-нравственного развития личности, воспитания эстетических и патриотических чувств и правильной жизненной направленности.

Статья структурирована по хронологическому принципу.

Ключевые слова: учебная литература, учебное пособие, учебник, образовательный процесс в школе, художественное образование, искусство.

Образование в области культуры и искусства, как основного процесса передачи, освоения и сохранения поколениями наследия мировой и отечественной художественной культуры, рассматривается сегодня в качестве основы для сбалансированного, творческого, когнитивного, эмоционального, эстетического и социального развития детей и молодежи. В общем образовании этот процесс реализуется через учебную дисциплину «Изобразительное искусство», имеющую интегративный характер, включающую основы разных видов визуально-пространственных искусств. Возрастание роли визуального образа как средства познания, коммуникации и профессиональной деятельности в условиях современности обуславливает требование к качеству общего художественного образования, которое не может быть реализовано без учебников и учебных пособий, отвечающих духу времени.

Из истории создания учебников видно, что они отражают постоянно меняющиеся концепции и принципы

обучения. Представления об учебнике, его влияние на содержание и методику обучения менялись в процессе общественного развития. На каждом этапе становления народного образования происходило взаимно-однозначное соответствие: какова психолого-педагогическая наука – таковы оказывались и учебники, и наоборот. Как показал анализ источников, проблема школьного учебника занимала и продолжает занимать важное место в педагогической теории и практике.

Первые обучающие тексты появились в древнем Шумере, а школьные учебники появились после того, как Иоганн Гутенберг в XV веке создал способ книгопечатания подвижными литерами. Долгое время учебники были печатными, но сейчас школы и вузы постепенно переходят на электронные версии, снабженные интерактивными материалами: анимированными иллюстрациями, видео, аудиозаписями, картами и играми. Новые учебники просматривают на планшетах или электронных книгах.

Современный образовательный процесс строится на основе федерального и региональных стандартов с включением школьного компонента. Видоизменение целевых установок в образовательной системе привело к перестройке и модернизации содержания образования. В результате появилось множество новых школьных учебников и учебных пособий разного уровня (федерального и регионального (локального) и различного качества. В настоящее время можно говорить об изобилии научно-методических пособий для школы. Такое явление породило ряд определенных противоречий внутри образовательного процесса:

- между проектируемым уровнем образованности выпускников средней школы и фактическим его освоением на содержательной основе многочисленно издаваемых учебников и учебной литературы;
- в отношении соответствия местных (локальных) учебников требованиям региональных стандартов образования.

Стремясь глубже разобраться в причинах существующих противоречий, важно осуществить ретроспективное изучение и анализ возникновения и развития как общероссийских, так и местных (региональных) школьных учебников и учебных пособий. Это определило тему данного научного поиска.

Вопросы развития историко-педагогического процесса создания школьной учебной литературы в России получили многоплановое освещение в исследованиях М.И. Анисова, Ш.И. Ганелина, М.Н. Колмаковой, Т.Д. Корнейчука, Г.Б. Корнетова, Ф.Ф. Королева, Н.П. Кузина, Ф.Г. Паначина, А.И. Пискунова, З.И. Равкина; М.Ф. Шабасовой и других.

Цель данной статьи - выявление влияния принципов обучения на создание учебной литературы в XIX – начале XX века для общего художественного образования.

Учебник всегда считался одним из основных средств обучения. Известны различные определения учебника. Так, В.С. Цетлин приводит следующее определение понятия «учебная книга»: «Учебная книга – средство обучения, которое предоставляется для преподавания и учения в общеобразовательных школах в виде книги или брошюры. Учебные книги отвечают требованиям программ, содержат дидактически и методически обработанный материал (как правило) одного учебного предмета для одного учебного года. В большей мере, чем другие средства обучения, учебные книги служат для развития духовных способностей, прививают умения учиться по книгам. Они служат основой для самообразования и непрерывного образования. Учебные книги необходимы учителю и ученику, как на уроке, так и дома».

К учебной литературе относятся учебники, учебные пособия, тексты лекций, учебно-методические пособия, задачки, справочники и другие печатные материалы, используемые на учебных занятиях. Учебная литература является важнейшим элементом методического обеспечения учебного процесса [5, 149].

В письме Минобразования Российской Федерации от 23.09.2002 г. Об определении терминов «учебник» и «учебное пособие» отмечено, что учебник – это основная учебная книга по конкретной дисциплине. В нем излагается система базовых знаний, обязательных для усвоения обучающимися. Содержание учебника должно удовлетворять требованиям государственного образовательного стандарта и полностью раскрывать примерную программу по конкретной дисциплине.

В работах других исследователей учебник определяется как:

1. Массовая учебная книга, излагающая предметное содержание образования и определяющая виды деятельности, предназначенные школьной программой для обязательного усвоения учащимися с учетом их возрастных или иных особенностей [2, 330].
2. Учебное издание, содержащее систематическое изложение учебной дисциплины или ее раздела, части, соответствующее государственному стандарту и учебной программе и официально утвержденное в качестве данного вида издания [1, 10].
3. Совокупность редуцированных и систематизированных знаний в области определенной науки (учебно-научной дисциплины) или сферы деятельности и аппарата организации их усвоения; важнейший источник учебной информации, основное дидактическое средство, обеспечивающее деятельность учения и преподавания [7].
4. Книга или другой носитель информации, в которой содержится систематический учебный материал, необходимый для организации образования по определенному учебному курсу [4, 214].
5. Для учебника характерно систематическое изложение учебного материала в соответствии с учебной программой. Кроме того, учебник должен содержать не менее 75% объема учебного материала, предусмотренного программой [5, 150].

Если обобщить указанные определения термина «учебник», то можно сделать вывод, что учебник — это источник систематически изложенного знания, необходимо для изучения определенной предметной области.

Учебное пособие, наряду с учебником, является разновидностью учебной литературы. В письме Минобразования Российской Федерации от 23.09.2002 г. «Об определении терминов «учебник» и «учебное пособие»» отмечено, что «Учебное пособие рассматривается как

дополнение к учебнику. Учебное пособие может охватывать не всю дисциплину, а лишь часть (несколько разделов) примерной программы. В отличие от учебника, пособие может включать не только апробированные, общепризнанные знания и положения, но и разные мнения по той или иной проблеме. В случае, когда в учебный план вводится новая дисциплина или в учебную программу, вводятся новые темы, то первоначально организуется выпуск учебного пособия. Учебник, как правило, создается на базе апробированного пособия».

Для того чтобы выделить признаки учебного пособия, рассмотрим ряд определений понятия «учебное пособие».

1. Пособиями называют те книги, которые помогают более быстрому и более плодотворному пользованию учебниками [3, 320].
2. Учебное пособие – это вид учебной книги, решающий отдельные задачи, важные для развития самостоятельности учащихся и их духовных сил. К учебным пособиям относятся справочники, библиографии, повторительные книги [8, 280].
3. Учебное пособие является дополнением к учебнику, если он (учебник) не охватывает всех вопросов учебной программы или не отражает последних достижений науки и практики по отдельным вопросам [5, 150].
4. Учебные пособия (хрестоматии, сборники задач и упражнений, словари, справочники, книги для внеклассного чтения и др.) являются значительным дополнением к учебнику. Отличительной особенностью учебных пособий является то, что в них учебный материал дается в более расширенном плане, в значительной степени дополняет и расширяет материал учебника новейшими сведениями, сведениями справочного характера [6, 254].
5. Учебное пособие следует рассматривать как источник учебной информации и средство обучения, которое дополняет учебник и способствует расширению, углублению и лучшему усвоению знаний [7].
6. Учебное пособие – это издание, частично или полностью заменяющее, или дополняющее учебник, официально утвержденное в качестве данного вида издания [1, 10].

Нельзя не отметить, что последнее из рассмотренных определений, вносит неопределенность в трактовку понятия «учебное пособие», приводит к смешению понятий «учебник» и «учебное пособие» за счет введения в определение признака «частично (полностью) заменяющее учебник».

Обобщив приведенные определения термина «учебное пособие», можно сделать вывод, что учебное пособие – это:

- средство обучения;
- источник учебной информации;
- вид учебной литературы, дополняющий учебник.

С учетом разнообразных подходов к определению термина «учебное пособие» предложено следующее: «Учебное пособие – это учебная книга, дополняющая или расширяющая учебник по отдельным вопросам или темам учебной программы».

Таблица 1.

Общие и специфические признаки учебника и учебного пособия.

Учебник		Учебное пособие
Специфические признаки:	Общие признаки:	Специфические признаки:
– учебная книга, предназначенная для получения основных, фундаментальных знаний по учебному предмету; – систематическое изложение учебного материала	– средство обучения; – источник информации; – вид учебной литературы	– учебная книга, предназначенная для дополнения, конкретизации учебного материала, изложенного в учебнике или для более глубокого изучения учебной дисциплины; – частичный охват учебной программы

Таким образом, при данном рассмотрении учебное пособие имеет ряд принципиальных различий с учебником: в отличие от учебника, который характеризуется систематическим фундаментальным изложением учебной дисциплины, учебное пособие предназначено для получения дополнительных знаний по представленным в учебнике темам с целью более глубокого самостоятельного изучения предмета конкретной учебной дисциплины. В учебном пособии содержится больший объем учебного текста и учебных заданий, позволяющий глубже изучить и усвоить конкретную тему, по сравнению с учебником.

На сегодняшний день, изобразительное искусство как школьная дисциплина имеет комплексный характер, она включает в себя основы разных видов визуально-пространственных искусств – живописи, графики, скульптуры, дизайна, архитектуры, народного и декоративно-прикладного искусства, изображения в зрелищных и экранных искусствах. Содержание курса учитывает возрастание роли визуального образа как средства познания, коммуникации и профессиональной деятельности в условиях современности. Предметом изобразительного искусства является эстетическое отношение школьника к действительности, его задача – художественное освоение мира. Пространственное мышление способствует развитию самосознания ребенка, его места и роли в системе общего развития человеческой культуры, дает тем самым знания в единстве мировоззрения. История

изобразительного искусства раскрывает обучающимся множество миров, созданных художниками. Это система ценностей, подаваемая через образцы изобразительного искусства. На ней основывается эстетическое воспитание. В школьном образовании беседы об искусстве связаны с тематикой художественно-творческой деятельности. Профессиональная образовательная деятельность в области изобразительного искусства характеризуется сложным комплексом решаемых задач. Степень сложности задач во многом зависит от уровня образования. Правильная постановка задач позволяет получать результат на любом уровне образования. Художественно-образовательная деятельность без постановки задач, без планирования, основанная только на самостоятельной работе учеников, исключительно на их самовыражении, не имеет никакого смысла.

Создание учебников для общеобразовательной дисциплины «Изобразительное искусство» не всегда ставило перед собой постановку подобных задач. Оно имеет свою историю.

Предмет рисование впервые появился в 1715 г. в Морской академии для развития образного представления и умений, которые применимы в любой профессии. С 1732 г. рисование вводится в некоторых учебных заведениях как общеобразовательный предмет.

Впервые учебник по рисованию И.Д. Прейслера был издан в 1735 г. на немецком и русском языках. Он назывался «Основательные правила, или Краткое руководство к рисовальному художеству». В то время это было лучшее руководство по рисованию. Книгу И.Д. Прейслера почти сто лет использовали для преподавания в общеобразовательных и специальных художественных школах России. В таблицах из учебного пособия И.Д. Прейслера представлена последовательность обучения, характерная для академической системы художественного образования. В качестве основы для обучения рисованию Прейслер использует геометрию, но предупреждает, что использование такого метода следует сочетать со знанием законов и правил перспективы и пластической анатомии. Знания, которые учащийся получил на основе изучения курса Прейслера, помогали ему в будущем рисовать с натуры и по памяти.

В 1834 г. был выпущен «Полный курс рисования» А.П. Сапожникова. Это был первый учебник, составленный русским художником для общеобразовательных учреждений, который переиздавался несколько раз. В книге также описана академическая система обучения. Методика обучения рисованию, предложенная А.П. Сапожниковым, получила название «геометрический метод». Суть геометрического метода в том, что в его основе лежало упрощение сложных изобразительных задач, установление методической последовательности, построение образа от простого к сложному. Также в посо-

бии представлены таблицы — характерные наглядные пособия, созданные А. П. Сапожниковым. Грамотно используемый геометрический метод всегда давал положительные результаты в овладении основами реалистического рисунка и был основой академической системы художественного образования.

К концу XVIII – началу XIX вв. рисование как общеобразовательный предмет получило распространение. Появляется ряд теоретических работ, в которых обосновывается потребность овладения графическими навыками, отмечаются важность рисунка как общеобразовательного предмета. Например, в 1900 году, издание Императорского общества поощрения художеств выпускает учебник академика, директора рисовальной школы общества Е.А. Сабанеева «Курс начального рисования». В основе заложен геометрический метод рисования, но в нём изображения загружены расчетами. Геометрический метод выстроен в определённую механическую работу, не дающую никаких рефлексий и творчества.

Начало XX в. открывает новую страницу в истории развития методики обучения рисованию. В этот период существуют разные взгляды на искусство, на школу, на формы и методы обучения. Отвергнув геометрический метод, сторонники противоположного направления – «натурального метода» не увидели в нем никакой пользы. Наряду с рисунком добавляется живописное творчество. Натуральный метод получает распространение. Рывок в развитии этого направления дало искусство XIX в. Уход от академизма учебного рисунка и методов его обучения начался под влиянием импрессионизма. В следствии чего меняется система обучения, специфика учебно-методических задач. В рисунках стала приветствоваться живая линия, сочный мазок, эмоциональный характер, завершенность и проработка деталей живописно, выразительно выделены в работе.

В начале XX в. вопрос о преимуществах геометрических и натуральных методов обучения вызывал дискуссии. В основе геометрического метода лежит принцип построения от простого к сложному. Естественный метод обучения заключается в том, что учащийся должен рисовать предметы такими, какими он их видит, без упрощений и обобщений формы. Обучение по натуральному методу направлено на быстрое изображение, на чувственное восприятие.

Начальный курс Луи Пранга «Преподавание искусства в начальных школах» сыграл ключевую роль в национальной американской истории художественного образования. В этой книге впервые рассматривается многообразие художественной деятельности в работе с детьми. Составителем книги была Мэри Гикс, иллюстратором - Эдитта Чандвик. Книга была опубликована в России в 1911 г.

В 1912 г. в России была разработана программа «Рисование на начальном этапе обучения в связи с лепкой и рисованием», авторами которой были В.И. Бейер, А.К. Воскресенский и другие. Программа включала четыре вида занятий:

1. Рисование с натуры;
2. Иллюстрированный рисунок, декоративный рисунок («изготовление украшений»);
3. Анализ произведений искусства, разговоры об искусстве;
4. Скульптура.

Основные принципы этой программы получили развитие в учебнике рисования 1957 г. для начальной школы Н. Н. Ростовцева. Он изложил методику обучения, последовательность и способ получения изображения. Обучение началось с развития навыков, которыми должен овладеть ребенок, затем - уроки рисования с натуры, перспективные изображения, тематические рисунки, работа с цветом, знакомство с репродукциями работ художников, и др. В учебниках использован геометрический метод, наглядные пособия, разработанные А.П. Сапожниковым.

С 1959 г. развивается сеть художественно-графических факультетов при педагогических институтах. В этих институтах, в Академии художеств, в Академии педагогических наук СССР, в институтах усовершенствования учителей была разработана своя методика преподавания рисования.

В 1970 г. перерабатываются и утверждаются новые

учебные программы, в которых сформулированы цели и задачи преподавания изобразительного искусства, определено содержание учебного материала. Увеличение задач эстетического воспитания, знакомство с творчеством великих художников привело к тому, что вместо предмета «рисование» возник новый учебный предмет – «Изобразительное искусство».

В настоящее время методика преподавания изобразительного искусства в общеобразовательных организациях развивается очень интенсивно.

В образовательном пространстве (как в целостной системе) правильная выстроенная организация обучения, его синергетичность, открытость, гибкость, ориентированность на конечный результат, при серьезном отношении к предмету «изобразительное искусство», при интеграции сил и средств дошкольного, начального, основного и дополнительного образования, как синтеза общеобразовательной теории и практико-ориентированной продуктивно-полезной деятельности, дает неограниченные возможности. Возможности для духовно-нравственного развития личности, воспитания эстетических и патриотических чувств и правильной жизненной направленности. Конечно, для обучения могут быть использованы различные программные материалы и учебные материальные и электронные ресурсы, но все-таки приоритет следует отдавать таким технологиям, в которых воспитывается дух человека, стремление видеть в реальной жизни прекрасное, то, что в дальнейшем, будущий художник будет утверждать своим творчеством и нести людям.

ЛИТЕРАТУРА

1. Авдеева, И.Л. Анализ системы дошкольного образования в России / И.Л. Авдеева // Вектор экономики. 2018. № 10 (16). С. 47.
2. Алдакимов, А.Н. Тенденции развития современной системы образования в России: историко – педагогический и социальный аспекты / А.Н. Алдакимов // Проблемы современного педагогического образования. 2017. № 57-3. С. 3-9.
3. Аманацкий, Ю.В. Современное отечественное образование в системе национальной безопасности России / Ю.В. Аманацкий // Юридическая наука: история и современность. 2017. № 3. С. 88-95.
4. Андреева Т.А. Модернизация системы образования в России / Т.А. Андреева // Вестник факультета управления СПбГЭУ. 2017. № 1-2. С. 438-444.
5. Гончаров Михаил Анатольевич. Влияние педагогического наследия Я.А. Коменского на учебно-методическое обеспечение в деле подготовки педагогических кадров в России. История и современность // Преподаватель XXI век. 2018. №2-1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-pedagogicheskogo-naslediya-ya-a-komenskogo-na-uchebno-metodicheskoe-obespechenie-v-dele-podgotovki-pedagogicheskikh-kadrov-v> (дата обращения: 27.02.2022).
6. Современное состояние книгоиздания: учеб. пособие / Т.Ю. Демцова. - Самара: Изд-во Самар, гос. аэрокосм, ун-та, 201Е - 68 с.
7. Филимонова Ольга Сергеевна Основные тенденции исторического развития учебной литературы в России // Russian Journal of Education and Psychology. 2015. №10 (54). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-tendentsii-istoricheskogo-razvitiya-uchebnoy-literatury-v-rossii> (дата обращения: 27.02.2022).

© Тилинина Маргарита Николаевна (tilininama@inbox.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ГЛУБОКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ РЕСУРСОВ ТРАДИЦИОННОГО ДЕКОРАТИВНО-ПРИКЛАДНОГО ИСКУССТВА И УНИВЕРСИТЕТСКОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Цзо Юйпу

Аспирант, Российский государственный педагогический
университет
zuoyupu@gmail.com

DEEP INTEGRATION OF THE RESOURCES OF TRADITIONAL DECORATIVE AND APPLIED ARTS AND UNIVERSITY ART EDUCATION

Zuo Yupu

Summary: University is an important stage for a person's education. In order to better inherit and continue the beautiful traditional culture, college art education should fully utilize the resources of traditional arts and crafts, enhance students' interest in learning traditional culture, encourage students to inherit and continue traditional culture to realize the innovative creation of new cultural content and forms in an organic combination, deep integration and mutual collision of traditional culture and modern culture. This article mainly analyzes and discusses the deep integration of traditional arts and crafts resources with art education in colleges and universities.

Keywords: traditional craftsmanship, art education, middle school, in-depth integration, educational sciences, innovation.

Аннотация: Университет является важным этапом для получения человеком образования. Чтобы лучше унаследовать и продолжить прекрасную традиционную культуру, художественное образование в колледже должно в полной мере использовать ресурсы традиционного искусства и ремесел, повышать интерес студентов к изучению традиционной культуры, побуждать студентов к наследованию и продолжению традиционной культуры, чтобы реализовать инновационное создание нового культурного содержания и форм в органическом сочетании, глубокой интеграции и взаимном столкновении традиционной культуры и современной культуры. В данной статье в основном анализируется и обсуждается глубокая интеграция ресурсов традиционного искусства и ремесел с художественным образованием в колледжах и университетах.

Ключевые слова: традиционное мастерство, художественное образование, средняя школа, углубленная интеграция, образовательные науки, инновации.

Под традиционными видами декоративно-прикладного искусства понимаются в основном те изысканные ремесла и виды ремесел, история которых насчитывает сотни или тысячи лет. Традиционные виды декоративно-прикладного искусства изготавливаются и производятся с использованием чистого и натурального сырья, имеют плавный и полный процесс поставки и отличительные национальные особенности и региональные стили, которые получили широкое признание и высокую оценку как в стране, так и за рубежом. [1] В традиционной культуре ресурсы традиционного декоративно-прикладного искусства являются незаменимыми и важными, они содержат большое количество культурного и художественного содержания и богатое нематериальное техническое содержание. Как правило, традиционное искусство и ремесла в основном передаются по наследству от мастера к ученику и по семейной преемственности, национальный стиль и региональные особенности чрезвычайно очевидны, а время наследования относительно длительное. Впечатление современных людей о традиционном декоративно-прикладном искусстве - это изысканная технология мастерства и полная технологическая система ремесла. Поэтому традиционное декоративно-прикладное искусство имеет региональные, практические и эстетические характе-

ристики, подчеркивая исторические, гуманистические и культурные особенности.

В эстетике творчества декоративно-прикладное искусство является одним из образных выражений, способных реализовать художественную обработку живых объектов и жизненной среды. с 1980-х годов широко ведутся исследования, раскопки и разработка традиционных ресурсов декоративно-прикладного искусства. Некоторые ученые считают, что декоративно-прикладное искусство является конкретным, непосредственным, трехмерным и художественным выражением человеческого развития, основанным на творчестве, а его художественно-эстетическое значение и ценность трудно измерить, и оно является ценным духовным богатством, оставленным нам нашими предками.[2] Поэтому в контексте реформы и развития художественного образования в колледжах и университетах мы должны полностью изучить педагогическую ценность традиционных ресурсов искусства и ремесел, влить в них жизненную силу времени и развитие науки и техники, предоставить научные идеи и методы для развития художественного образования в колледжах и университетах, стимулировать и вести великое открытие традиционных ресурсов искусства и ремесел и великий прорыв в преподавании

художественного образования.

Во-вторых, прикладное значение ресурсов традиционных искусств и ремесел

(1) Вклад в наследование и продвижение традиционной культуры

Традиционные ремесла часто тесно связаны с производственной жизнью людей. В процессе становления и развития традиционные ремесла испытывают влияние культуры, экономики и других факторов времени, и часто имеют ярко выраженные характеристики времени, национальностей и регионов, которые являются важными проявлениями культурных форм. В новой ситуации эстетика и ценности людей постоянно меняются, что, несомненно, повышает требования к традиционному искусству и ремеслам, которые они должны изучать, заимствовать, наследовать и нести вперед. Под влиянием и в зависимости от уровня культуры и информационных каналов, досуг и развлечения древних людей часто зависели от работы художников и ремесленников с изысканными навыками. Это часто становилось важным воплощением традиционных ремесел той эпохи, а также вносило красочные элементы в повседневную жизнь людей.[3] После промышленной революции традиционные искусства и ремесла постепенно не смогли удовлетворить потребности общественного развития, поэтому развитие и влияние многих традиционных искусств и ремесел столкнулись с ситуацией постепенной утраты и исчезновения. Органичная интеграция традиционных искусств и ремесел с искусством и дизайном колледжа может эффективно продвигать и наследовать отличную историческую культуру. Интеграция и проникновение ресурсов традиционных искусств и ремесел в курсы по искусству и дизайну колледжа может способствовать полному раскрытию ресурсов традиционных искусств и ремесел обществом и осуществить обобщение и уточнение культурной сущности.[4] Этот процесс требует от студентов глубокого понимания и освоения элементов дизайна и систематических теорий, особенно для того, чтобы ощутить и воспринять региональные особенности и местную атмосферу, чтобы глубже понять и познать ценность декоративно-прикладного искусства. В процессе художественного творчества колледжи и университеты должны укреплять органическую интеграцию местной культуры с традиционными ремеслами и современным искусством. В настоящее время в художественных курсах колледжей существуют проблемы академического, но не технического, теоретического, но не практического, художественного, но не искусного характера, студенты овладевают только основными теориями культуры, но их практические способности относительно слабы. Комплексная интеграция традиционных искусств и ремесел с художественными курсами колледжа может не только лучше унаследовать и защи-

тить прекрасную традиционную культуру, но и улучшить практические навыки студентов, обогатить и расширить сферу преподавания искусства.

(2) Способствовать интеграции традиционного искусства и современного искусства.

Внедрение ресурсов традиционного декоративно-прикладного искусства в художественных классах колледжей может не только способствовать прорыву и инновациям в художественном образовании, но и осуществить более глубокую реформу образования, помочь и направить студентов эффективно общаться и взаимодействовать с современным искусством и дизайном и традиционным декоративно-прикладным искусством, достичь более глубокой интеграции, расширить видение знаний и улучшить способность к дизайну.[5] В то же время, интеграция традиционных искусств и ремесел в преподавании искусства в колледже может стимулировать глубокую мотивацию студентов к обучению с помощью новых учебных ресурсов, которые также могут стимулировать желание студентов учиться в определенной степени, подсознательно культивировать чувства студентов и повышать их эстетическое восприятие и способность художественного мышления. Этот процесс не только позволяет студентам лучше понять историю традиционных ремесел, но и вдохновляет и направляет мыслительные способности, инновационный дух и техническое сознание студентов, вливая новую энергию и жизненную силу в развитие современного художественного образования и обеспечивая более идеологическую мотивацию и духовную поддержку художественного дизайна, полного «духа ремесленника».

Три, стратегия глубинной интеграции ресурсов традиционного декоративно-прикладного искусства и художественного образования в колледже.

(1) Точный выбор средств обучения

Традиционное декоративно-прикладное искусство имеет богатый подтекст и разнообразные виды, а некоторые относительно сложные методы создания и производства искусства с длительным временем производства не подходят для объяснения и интерпретации на занятиях по искусству в колледже. Это требует от преподавателей уделять внимание поиску и отбору ресурсов традиционного декоративно-прикладного искусства, полностью учитывать уместность и типичность ресурсов традиционного декоративно-прикладного искусства, а также следить за тем, чтобы ресурсы традиционного декоративно-прикладного искусства были тесно связаны с профессиональным обучением и были умеренно сложными. В то же время в процессе добычи ресурсов традиционного декоративно-прикладного искусства преподаватели должны полностью учитывать психо-

логические особенности учащихся. Ресурсы традиционного народного искусства содержат разнообразные культуры и идеи, включая традиционные добродетели и прекрасные виды искусства, а также некоторые суеверные идеи и феодальное сознание.[6] Студенты колледжа находятся на критическом этапе формирования и оформления своего мировоззрения, взглядов на жизнь и ценностей, и хотя они становятся более зрелыми, они все еще обладают сильной пластичностью. Это требует от преподавателей полной идентификации, извлечения сути и удаления отбросов, выбора позитивных и богатых коннотацией художественных произведений, а также рационализированных и точных художественных форм для осуществления воспитания и обучения.

(2) Научное применение практики преподавания

Интеграция традиционных ресурсов декоративно-прикладного искусства в художественное образование колледжа и их проникновение в инновационные рамки всей системы обучения может не только обеспечить идейное лидерство в художественном образовании колледжа, но и предоставить богатые образовательные и учебные ресурсы. Традиционные ресурсы декоративно-прикладного искусства имеют не только сильные материальные и явные ценности, но и нематериальные и неявные ценности. Благодаря глубокому культурному подтексту традиционных ресурсов декоративно-прикладного искусства, культурная ценность может быть полностью преобразована в образовательную ценность обучения, что может обеспечить эффективную поддержку ключевому прорыву в художественном образовании. С точки зрения конкретной практики, качественное образование не только сосредоточено на культивировании всеобъемлющего качества, оно также требует от студентов культивирования и улучшения нефункциональных и неинтеллектуальных факторов в процессе обучения. Применение традиционных ресурсов декоративно-прикладного искусства может точно подтолкнуть учащихся к спонтанному обучению, способствовать развитию субъективной инициативы учащихся и обеспечить необходимый источник энергии для творческого и вдохновляющего художественного проектирования учащихся.

Четвертый. Эффективное расширение методов преподавания

Начиная с 21 века, колледжи и университеты в процессе развития ориентируются на фон времени, подчеркивая ведущую роль инновационного и творческого мышления,

и в то же время уделяют особое внимание изучению и освоению зарубежных идей и опыта в области образования и преподавания. В художественном образовании колледжей и университетов применение традиционных ресурсов преподавания декоративно-прикладного искусства может обогатить формы преподавания, помочь и направить студентов на реализацию двухмерного повышения уровня усвоения знаний и овладения навыками, максимально соответствовать и адаптироваться к фону образования национальной культуры, повысить научность и эффективность образования и преподавания. Важно обратить внимание на то, что образование и обучение - это не просто приобретение студентами знаний и навыков, которые они должны знать, но, что более важно, приобретение студентами методов обучения, укрепление конкретного сочетания обучения и практического опыта, всестороннее улучшение рационализации, знаний, систематизации, преподавания и научного дизайна курсов искусства в колледже, усиление проникновения традиционных ресурсов искусства и ремесел в преподавание искусства в колледже, а также более эффективное содействие образованию и обучению. В то же время, преподаватели должны изучать и обновлять традиционные ресурсы искусства и ремесел, чтобы улучшить характеристики и ценности художественного образования в колледжах и университетах. В то же время, преподаватели должны изучать и обновлять традиционный и единственный режим обучения, прилагать усилия для обогащения и расширения методов и средств обучения, брать на себя инициативу в понимании истории и ресурсов традиционного искусства и ремесел, сортировать и анализировать художественную ценность и наследственное значение ресурсов традиционного искусства и ремесел с перспективой профессионального развития, и предоставлять студентам больше очаровательных и ценных произведений традиционного искусства и ремесел, чтобы привлечь внимание студентов и эффективно достичь цели образования и обучения.

Пятый. Заключение

В новой ситуации реформирования и развития образования и обучения, колледжи и преподаватели должны обратить внимание на глубокую интеграцию ресурсов традиционного искусства и ремесел и художественного образования в колледже, точно выбирать ресурсы обучения, научно применять практику обучения и эффективно расширять методы обучения, чтобы стимулировать и вести творческое развитие художественного образования в колледже на основе наследования и продвижения навыков традиционного искусства и ремесел.

ЛИТЕРАТУРА

1. Каштан Н.И. Народное декоративно-прикладное искусство Крайнего Севера и Дальнего Востока, М.: Просвещение, 2014. - 124 с.
2. Карабаев Т.П. Работа кружков прикладного искусства. // Школа и производство. 2017. № 1. С. 72-73.

3. Zhang Peng. Анализ интеграции традиционных искусств и ремесел и современного искусства и дизайна на художественное образование в колледжах и университетах [J]. Влияние традиционных искусств и ремесел и современного искусства и дизайна на художественное образование в колледжах [J]. Популярная литература и искусство, 2018(13):208.
4. Zhang Gao Feng. Эффективное использование художественных ресурсов нематериального культурного наследия в художественном образовании в колледжах и университетах [J]. Artists, 2017(6):68-69.
5. Соколов М.В. Профессиональная направленность будущих учителей на занятиях по декоративно-прикладному искусству: теория и практика формирования: Монография. М.: Прометей, 2002.
6. Формирование готовности будущего учителя технологии к обучению учащихся народным ремеслам и декоративно-прикладному творчеству Автор научной работы Рахимов, Саидмухамадхон Ученая степень кандидата педагогических наук Место защиты Худжанд Год защиты 2010 Специальность ВАК РФ 13.00.01

© Цзо Юйпу (zuoyupu@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Российский государственный педагогический университет

ЗАИМСТВОВАНИЯ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ: СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ПРИВЫЧНОГО ЯВЛЕНИЯ

BORROWINGS IN ENGLISH: MODERN TRENDS OF A FAMILIAR PHENOMENON

*M. Agoeva
N. Klimova*

Summary: This article is devoted to the analysis of modern trends in the process of borrowing foreign words in modern English. The authors postulate the idea that despite the increased social demand for English terminology and the associated self-sufficiency of the English lexical system, the common digital environment, close contacts between states and ethnic groups inevitably lead to the assimilation of foreign language elements and their lexicalization in the English language itself.

Keywords: borrowings, vocabulary, globalization, Internet language, hybridization.

Агоева Марианна Муссаевна

кандидат исторических наук, доцент, Пятигорский институт (филиал ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет») *marianna_agoeva@mail.ru*

Климова Наталья Юрьевна

кандидат исторических наук, доцент, Пятигорский институт (филиал ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет») *nazar11081@mail.ru*

Аннотация: Данная статья посвящена анализу современных тенденций в процессе заимствования иноязычных слов в современном английском языке. Авторы постулируют идею, что несмотря на повышенный социальный запрос на английскую терминологию и связанную с ним самодостаточность англоязычной лексической системы, общая цифровая среда, тесные контакты между государствами и этносами неизбежно приводят к усвоению иноязычных элементов и их лексикализации в самом английском языке.

Ключевые слова: заимствования, лексика, глобализация, язык Интернета, гибридизация.

Процессы глобализации в современном мире способствуют трансформационным изменениям в сфере коммуникации. Активное вовлечение субъектов общения в глобальный диалог, другими словами, в “мировое взаимодействие” (global talk) ведут к глобализации информационно-коммуникационного дискурса и, как следствие, – к языковой ассимиляции и гибридизации. Общая цифровая среда способствует тесным межкультурным и языковым контактам – даже сегодня, несмотря на политическую и медийную конфронтацию, языковые системы находятся в более активном состоянии диалога, чем, к примеру, в прошлом веке. Это вызывает большое количество изменений в лексике, ведет к постепенному перекраиванию понятийной модели мира и даже структуры национальных языков.

Английский язык на протяжении всей своей истории перманентно расширялся за счет многочисленных заимствований. Как известно, сегодня из “принимающего” языка, языка-реципиента, он превратился в язык “дающий”, в язык-донор. Это, очевидно, связано с приоритетной ролью современного английского языка как “lingua franca” (язык общения) мирового информационного и коммуникационного сообщества эпохи глобализации. Однако вовлеченность в общее коммуникативное пространство представителей различных языков и культур ведет также к более активному проникновению в английский язык лексических единиц и речевых обо-

ротов, характерных для представителей иноязычных обществ.

Вопрос экспансии англоязычных слов в других языках и культурах неоднократно становился предметом лингвистических исследований. В то же время роль современных заимствований в самом английском языке, масштабы их распространения и степень интеграции требуют изучения и оценки, поскольку могут привести к изменению облика английского языка.

Несмотря на повышенный социальный запрос на английскую терминологию и связанную с ним относительную самодостаточность англоязычной лексической системы, тесные контакты между государствами и этносами неизбежно приводят к усвоению иноязычных элементов и их лексикализации в самом английском языке. В настоящее время продолжают процессы заимствования из японского, китайского, польского, французского, португальского, немецкого и других языков. Так, помимо привычных японских слов *sudoku*, *sushi*, *bento*, *hibachi*, *tempura*, в последние годы английский язык пополнился рядом других заимствований, как, например, *kawaii* (японский эквивалент английского *cute* – классный, прикольный); *otaku*~ (*Oh-ta-ku* – единица из японского сленга, изначально означающая поклонника аниме, но сегодня используемая по отношению к слишком увлеченным фанатам – *overly obsessed fans*).

Из немецкого языка было заимствовано слово *uber* (*Über*), часто используемое в значении “слишком, в высшей степени, наилучший” (*above or over, ultimate, the best, to the extreme*). Приведем примеры: 1) *This is uber lame!* = (*This is really lame!*) [17]; 2) *One of our guests shared this uber cute leadership diagram with us* [17].

Распространение также получили глагол *uberize* (сочетание заимствования *uber* с типичным для образования глаголов суффиксом *-ize*), который используется в значении “встряхнуть”, “реконструировать” отрасль или сектор экономики (особенно связанный с использованием мобильных технологий), и существительное *uberization* (процесс изменения рынка услуг).

Из шведского языка было заимствовано существительное *lagom*, означающее некое постоянство, скромный образ жизни, без излишеств. Испанская по происхождению единица *pabebe*, означающая “способ махать рукой сжатыми в кулак пальцами”, в английском языке получила преимущественное значение “взрослый, который ведет себя как ребенок”. Другими примерами неологизмов-заимствований могут послужить единицы *Muay thai* – вид боевого искусства в стиле кикбоксинга, используемый в Таиланде, *kama* – вид оружия в восточных боевых искусствах, особенно в карате. Например: *I performed a demo routine using kamas at my karate tournament* [17]. *Schmooze* – слово из идиш, означающее “говорить с кем-то на светском мероприятии о неважных вещах в дружеской манере как способ завладеть выгодными знакомствами и преимуществами”. Например: *I went to that networking event to schmooze with some potential clients* [17].

Многие из заимствованных слов входят в семантическую группу “еда”, “кухня”: *robata* (метод приготовления пищи, в котором продукты готовят на вертеле или на горячем древесном угле); *matcha* (сорт японского зеленого чая, популярный среди любителей здорового питания); *kukicha* (японский чай из стеблей и веток чайных растений), название распространенного в Средней Азии блюда *knafeh*, состоящего из слоев мягкого сыра и теста, пропитанного сахарным сиропом. В настоящее время подобные заимствования проникают в английский язык преимущественно из социальных сетей и кулинарных блогов. Новой тенденцией, таким образом, является не сам факт заимствования, а путь вхождения новой единицы в язык, характер и сроки ее ассимиляции: процесс лексикализации заимствований ускоряется под влиянием новых коммуникативных условий.

Заимствования с кулинарной семантикой зачастую являются проявлением такого современного феномена, как *fusion cuisine* – сочетание ингредиентов и вкусов, присущих разным культурам: *itameshi* (комбинирование итальянской и японской кухонь, название происходит от топонима “Италия” и японского слова, обозначающего

еду), *yōshoku* (стиль японской кухни с западным влиянием, состоящий из адаптированных в Японии форм европейских блюд), *chifa* (китайско-перуанская кулинарная традиция, основанная на кантонских элементах, смешанных с перуанскими ингредиентами). Распространение данных словоформ в английском языке произошло благодаря популярным в Интернете видеороликам с оригинальными рецептами, что также привело к открытию в англоязычных странах ресторанов, специализирующихся на “смешанных” блюдах.

Глобальная сеть является основным источником пополнения заимствованной лексики и своеобразным “полигоном” для ее тестирования. В социальных медиа происходит активный обмен “модными” словами между представителями различных этнических групп – их использование ассоциируется с новизной, свежестью словоупотребления, с разрывом традиции. Так, примером языковых инноваций-заимствований является популярное слово-мем “*ontas*”, появившееся в Интернете в апреле 2018 года и озадачившее многих его пользователей. *Ontas* – единица испанского сленга, дословно означающая “где ты?” “¿Dónde estás?” (*Where are you?*), однако значение Интернет-мема сводится не к дословному пониманию фразы, а интерпретируется как приглашение на свидание. Тысячи поклонников отправляли сообщения *Ontas* знаменитостям, озадачив даже тех, кто знаком с испанским языком. Таким образом, единица *Ontas*, заимствованная из популярного мексиканского мема, оперативно была “подхвачена” англоязычными пользователями и стала так называемым “модным словечком” (buzzword) Интернет-жаргона.

Динамичность коммуникации, экспансия телеграфного стиля общения актуализируют еще одну тенденцию в английском языке: заимствование иноязычных сокращений и акронимов. Сокращение из португальского – *SQN* (*só que não*) в переводе на английский означает “just no” и в электронной коммуникации используется для обозначения настроения, при котором “ничего не хочется делать” (*not in the mood to do anything*). Другой португальский акроним *BBB* (*Bom, Bonito, Barato – good, pretty, cheap*) употребляется в значении, близком английскому “*a good deal*” (удачная сделка). Заимствованный из немецкого акроним *ggg* (*ganz großes Grinsen*) в английском языке означает “*a very big grin*” (очень широкая ухмылка). Похожее значение демонстрирует заимствование из шведского языка *asg* (*Asgarv*), семантика которого близка английскому “*intense laughter*” (сильный смех). Из франкоязычной электронной коммуникации были заимствованы акронимы *JTM* (*je t’aime – I love you*), *MDR* (*mort de rire – dying of laughter*), *DSL* (*désolé – sorry*) и др. Любопытен в этом контексте и другой пример: вместо привычного в сетевой коммуникации акронима *LOL* (*Laughing Out Loud*) нередко используется заимствованное сочетание “555”, этимология которого ведет к

тайскому Интернет-жargonу. Так, произношение цифры 5 в тайском языке звучит как “*ha*”, поэтому три пятерки аналогичны английскому “*hahaha*”.

В процессе заимствования исконная лексема может утратить первоначальный смысл, расширить или сузить семантическое значение. Примером развития “инновативного” значения в заимствованном слове может послужить название блюда мексиканской кухни *guacamole* (исп. *guacamole*), от аст. *Āhuacamōlli* (<*āhuacatl* (авокадо) + *mōlli* (сальса или соус)) – холодная закуска из пюрированной мякоти авокадо с добавлением овощей и приправ, имеющая консистенцию густого соуса). В современном англоязычном сленге *guacamole* имеет значение “*to be extremely shocked; surprized*” (испытывать сильный шок, удивление) и используется как восклицание, близкое значению “*Oh My God!*”:

V: I just became famous!!!

J: Holy guacamole!! Can i go on tour with you?

V: -No

J: -Holy guacamole!!! Why not? [19]

В функциональном аспекте модные слова из числа заимствованных могут выступать как стимул для реализации новых смыслов, идей и замыслов.

Нередки случаи, когда английские слова, будучи заимствованными в другие языки, преобразуются согласно орфоэпическим правилам языка-преемника, а затем возвращаются в язык-донор в измененном виде. Так, например, единица *impossible*, трансформированная в японское *impossibru*, в электронной коммуникации употребляется вместо мотивировавшей ее единицы. В этом просматривается еще одна глобальная тенденция в современном английском языке: его гибридизация под влиянием локальных этнических вариантов английского языка. Гибридные версии английского языка – особый лингвокультурный феномен, который способствует сближению английского языка с родным национальным языком. По мнению некоторых ученых, такие разновидности английского языка в глобальном мире скорее затрудняют, чем способствуют межкультурной коммуникации: «Возможно, решение заключается в том, чтобы отделить английский язык от его культурной основы, тем самым сделав из него настоящий международный язык. Но будет ли это английский?» [8, с.74].

Процесс заимствования слов в языке не является односторонним и зависит от происходящих в мире изменений,

в частности, от того, какие события на мировой арене являются в данный момент актуальными и формируют социально-культурную повестку. Так, наблюдаемые сегодня миграционные процессы в США, связанные с бездействием администрации президента Джо Байдена, привели к значительному увеличению доли латиноамериканского населения в крупных городах США и, как результат, – к еще более активной гибридизации английского языка под воздействием испанских слов и углублению так называемого языка *Spanglish*: “*Wachale!*” вместо “*Watch out!*” (осторожно!), “*rufo*” вместо “*roof*” (крыша) и др.

В целом, за последние 25 лет в английском языке значительно уменьшилось количество заимствований из скандинавских стран, в то время как число культурно-языковых заимствований из стран африканского континента, государств Азии и Южной Америки, наоборот, возросло и сегодня является актуальной лингвистической тенденцией. Это может быть связано с ослаблением роли скандинавских стран в мировых политических событиях и с развитием африканских и азиатских стран, притоком беженцев с латиноамериканского континента. Основными центрами аттракции для новых заимствований являются общественно-политическая жизнь и культура, а также повседневная жизнь (напитки, пища, одежда, спорт).

Итак, взаимодействие и взаимовлияние народов и культур, традиционно происходящее на протяжении всей истории человечества, в настоящее время форсируется доступностью Интернета и участием в глобальной коммуникации носителей самых разных языков. Одновременное существование в сети множества когнитивных моделей и языковых идентичностей, разнообразие дискурсивных практик и речевых форматов культивируют новые способы языковой репрезентации. Становится все сложнее определить границы между социальными и языковыми группами.

Повсеместное использование английского языка для широкого спектра целей ведет к изменениям не только на уровне национальных языков, но и к трансформациям в самом английском языке. Речь идет о языковых заимствованиях, о прагматизации английского языка, появлению разнообразных языков-гибридов, закреплению новых, ранее не типичных, речевых стандартов и паттернов. Можно сказать, чем больше английский язык используется как общий, разделяемый по всему миру, тем более фрагментированным он становится.

ЛИТЕРАТУРА

1. Голик Н.А. Вербализация в английском языке: современные тенденции привычного явления / Материалы V международной научно-практической конференции «Язык и культура в эпоху интеграции научного знания и профессионализации образования». Т.1. №2-1. ПГУ, Пятигорск, 2021. С.253-259.

2. Голик Н.А. Конверсия в жанре англоязычного микроблога / Материалы научно-практической конференции «Университетские чтения-2020». Пятигорск, 2020. – С.82-87.
3. Голик Н.А. Усечения в современных англоязычных СМИ / Монография. Пятигорск. 2018. 203 с.
4. Голик Н.А., Аванесян Н.К. Когнитивно-прагматические параметры персональных дейктиков английского языка в дискурсе современной блогосферы / Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2021. Том 14. Выпуск 8. С. 2463-2467.
5. Голик Н.А., Котенева Д.В. Продуктивные способы образования языковых инноваций в современном английском языке / Материалы научно-практической конференции «Университетские чтения – 2019». Пятигорск: ПГУ, 2019. – С. 104-106.
6. Голик Н.А., Магомадов Х.У. К вопросу о взаимосвязанном изучении языка и культуры в условиях глобализации/ Сборник трудов XIII Всероссийской с международным участием научно-практической конференции «Русскоязычие и би(поли)лингвизм в международной коммуникации XXI века: когнитивно-концептуальные аспекты». Пятигорск, ПГУ.2022. С.36-40.
7. Гюрджян Н.С., Джгарян М.В., Карацева Н.В. Когнитивное пространство речевого взаимодействия и речевая трансакция / Университетские чтения – 2020. Материалы научно-методических чтений ПГУ. 2020. С. 87-90.
8. Митчелл П.Д., Зарубин А.Н. Чинглиш – культурный феномен. Вестник Томского государственного университета // Культурология и искусство–ведение. - 2013. - № 1 (9). - С. 69-80.
9. Нейман С.Ю., Дальке С.Г. Современные тенденции в процессе заимствования и унификации англоязычных слов в новых глобальных коммуникативных условиях //Гуманитарные исследования.2019. № 2 (23). С. 67-71.
10. Петренко С.А., Петренко А.Ф., Кузнецова М.С. Лингвистическая амбигуентность в шуточных афоризмах английского языка // Гуманитарные исследования. 2019. № 2 (70). С. 48-54.
11. Яковенко С.А. Влияние иностранных языков и территориальных диалектов на развитие английского языка/ Общие вопросы языкознания//Язык и культура. №16. 2015. С.64-67.
12. Durkin, P. Borrowed Words: A History of Loanwords in English. Oxford, United Kingdom: Oxford UP, E-book.2015.
13. Kaplan, A.M., Haenlein, M. «Users of the world, unite! The challenges and opportunities of social media.» Business horizons 53.1, 2010, 59-68.
14. Merriam Webster Dictionary. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/>
15. [www.http://ru.urbandictionary.com/](http://ru.urbandictionary.com/)
16. [www.http://www.wordspy.com/](http://www.wordspy.com/)
17. [www.https://www.Reddit.com/](https://www.Reddit.com/)
18. www.Fuzzster.com
19. www.Gusto.com.
20. www.wikipedia.org

© Агоева Марианна Муссаевна (marianna_agoeva@mail.ru), Климова Наталья Юрьевна (nazar11081@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОСНОВНАЯ ТОПИКА В ПОЭЗИИ БАДРУТДИНА МАГОМЕДОВА – САКРАМЕНТАЛЬНАЯ И НЕПРЕХОДЯЩАЯ

Алхлавова Инна Хумкерхановна

к.ф.н., научный сотрудник, ИЯЛИ ДФИЦ РАН

inna.atavova@bk.ru

THE MAIN TOPIC IN THE POETRY OF BADRUTDIN MAGOMEDOV IS SACRAMENTAL AND ENDURING

I. Alkhlovova

Summary: The article examines and characterizes the «holy» images of father and mother embodied in the lyrics of the famous modern Kumyk poet Badrutdin Magomedov. The article analyzes the artistic features of poems dedicated to the topic of kinship and parents. It is noted that family, social and social issues are the core of the author's poetic texts.

Keywords: B. Magomedov, Kumyk literature, problems, images of father and mother, family, artistic and stylistic features.

Аннотация: В статье рассматриваются и характеризуются «святые» образы отца и матери, воплощенные в лирике известного современного кумыкского поэта Бадрутдина Магомедова. Анализируются художественные особенности стихотворений, посвященных теме родства и родителей. Отмечается, что семейная, социальная общественная проблематика является ядром поэтических текстов автора.

Ключевые слова: Б. Магомедов, кумыкская литература, проблематика, образы отца и матери, семья, художественно-стилевые особенности.

Наряду с известными кумыкскими поэтами (Магомед Атабаев, Ахмед Джачаев, Шейит-Ханум Алишева, Джаминат Керимова, Атав Атаев, Абдул-Керим Залимханов, Багаутдин Аджиев и др.), современную кумыкскую сокровищницу творческим наследием обогатил и Бадрутдин Магомедов. Кумыкская литература развивается, появляются новые имена. Так, свою лепту внесли и молодые авторы – Муса Шихавов, Супиянат Мамаева, Казим Казимов, Гебек Конакбиев, Набиюлла Магомедов, Зулейха Атагишиева, Хамисат Хизриева и др.

Бадрутдин Магомедов – поэт, переводчик, автор более 20 поэтических сборников. Лауреат Государственной премии РД, заслуженный работник культуры, член Союза писателей СССР с 1977 года. Член правления Союза писателей РД. Стихи на кумыкском языке публикуются с 1963 года на страницах республиканских периодических изданий. В 1968 году выходит в свет первый поэтический сборник на родном языке «Доля» («Талигь»).

Топика поэтических текстов Б. Магомедова весьма разнообразна: тема Родины, родителей, Великой Отечественной войны, любви, природы, дружбы, гостеприимства, дороги, одиночества, религиозно-философская тематика и др. Им написано не мало и сатирических произведений, где он поднимает проблемы коррупции, высмеивает людские пороки (подлость, ложь, гордыня, лицемерие и т. д.).

Вопросы семьи, положение родителей занимают особое место в творчестве поэта, ибо он являлся одним из продолжателей рода и для него очень важно было сохранить и передать детям, внукам, правнукам историю,

традиции и обычаи своей родословной:

Кумыки мы, те самые кумыки.
– Чьи восковые светильники
Горят в этот поздний час?
Кто вы, отдавшие неимуществу
От трудов десятую часть?
Балчары вы? Эй, вы кто?..
– Не прервался наш род могучий,
Во времени не зачах,
Мы потомки великого нарта
По имени Карткожак,
Мы дети былинной женщины
По имени Максуман,
Светлой ее красотой
Наш древний род осиян,
Чисты наши мирные души,
Как отстоянный в корыте мед,
По законам добра и правды
Каждый из нас живет.
Гуляют теплые ветры
По тучным нашим полям,
Души сокровенные помыслы
Доверили мы небесам...
Балчары мы, те самые балчары [1].

Выразительной подробностью, несущей значительную смысловую и идейно-эмоциональную нагрузку, в стихотворении является «балчары». Стоит отметить, что «балчары» – это один из кумыкских тухумов, откуда родом автор. Название тухума произошло от слияния двух кумыкских слов «бал» (мед) и «чара» (корыто). Обозначим, что у Б. Магомедова есть поэтический сборник, который так и называется – «Медовые корыта» («Балча-

ралар»), вышедший в свет в 1981 году.

«Мир отца и мир матери... Звезда на папаше и конь с окровавленной грудью – вот, что значит, наверное, сегодня для поэта Отец, на коленях которого ему так и не посчастливилось посидеть. Бадрутдин Магомедов как поэт и сын, судя по его поэзии, пребывает в состоянии постоянного беспокойства, душевного бдения, неусыпно находясь как бы на страже всего сущего, что завещано отцом» [4], – отметила Насив Мугутдинова.

Судьба распорядилась так, что Б. Магомедов рос без отца. Он погиб в Великой Отечественной войне, защищая Родину. Однако поэт нашел отцовскую поддержку у классика кумыкской литературы Йырчи Казака. Для Б. Магомедова он «живой человек, у которого в любое время можно спросить совета, который в трудную минуту может помочь, выручить из беды <...>. Автор пишет, что, когда он устаёт от тяжелого пути, он обращается за поддержкой к «песенносердому» («йыр юрекли») Казаку. И вот однажды тот «выходит из своих песен» и приходит к поэту, и он приглашает его сесть на самое почетное место в доме, туда, где сидел бы его отец, если бы он вернулся с войны» [6]. В стихотворении «Йырчи Казак» есть строки, где соседи говорят автору, что:

Бир атайынг гелмесе де,
Йыр атайынг гелген, – дей! [2]

Хотя родной отец твой не вернулся,
К тебе пришел твой песенный отец!
(подстрочный перевод здесь и далее автора статьи. – И. А.)

Поэт просит своего «песенного отца» быть всегда рядом, ибо его родной отец ушел и не вернулся. Медитируя, автор обращается к Й. Казаку за наставлениями: как быть в тех или иных ситуациях, как найти выход из затруднительного положения... На наш взгляд, образ отца, погибшего на полях сражения, является сквозным образом лирики Б. Магомедова. Тематика сиротства, незащищенности, вдов, оставшихся после кончины мужей, участников войны, вернувшихся покалеченными и на всю жизнь оставшимися инвалидами, тема трагических последствий войны – все это занимает особое место в его поэзии. Как и у большинства других поэтов, стихи Б. Магомедова выстраданы горьким опытом жизни. Автор желает быть услышанным и понятым, когда воскрешает тяжелое и непосильное военное время. Рефлексирующая его поэзия никого не оставляет равнодушным. Он апеллирует к пережитому и ко всему тому, что было пропущено через сердце и душу. Отсюда – глубина чувств, эмоциональная наполненность его мысли:

Бабушка мне меду приносила,
Дед – впервые посадил в седло.
Нас война с отцом разъединила,
По фронтам письмо за ним ходило
С вестью обо мне... но не дошло [1].

Разверзлась земля, и, объятый туманом, ко мне
Отец окровавленный вышел:
– Мой мальчик, когда умирал я в чужой стороне,
Ты боли моей не услышал [1].

Къаны къатгъан байлавлары
Чечилип де битгинче,
Къувун етип, къайтып давгъа
Гетген атам бир гече [3].

Еще не сняв перевязочные бинты,
Засохшие кровью,
Усмирив тревогу, вновь мой отец
Ушел на войну в одну ночь.

В стихотворении «Письмо отцу» поднимается тема преемственности добрых начал, связи времен и поколений. «Письмо» – не просто монолог, а исповедь сына перед отцом, который вручил ему эстафету жизни, отдав свою жизнь, сражаясь за светлое будущее младшего поколения. В каждой строфе читатель ощущает силу эмоционального звучания: здесь переплелись ноты грусти и радости, любви и ненависти, утраты и приобретения:

Гъар гечем – сагъа кагъыз,
Гъар гюнюм – сагъа кагъыз,
Гъар пикрум – сагъа кагъыз,
Гъар шиърум – сагъа кагъыз.

Мен бир яшыл отуман
Сен ябушгъан майданны [2].

Каждая моя ночь – письмо тебе,
Каждый мой день – письмо тебе,
Каждая моя мысль – письмо тебе,
Каждое мое стихотворение – письмо тебе.

Я – зеленая травинка поля,
На котором ты сражался.

Строки пронзительны до душевной боли... Насколько сильна тоска сына по отцу, говорит рефрен – «письмо тебе», а анафора («каждая») и эпифора («тебе») акцентирует на чувствах лирического героя. Заметим, совершенна, уникальна, глубинна по вложенному смыслу контекстуальная метафора («зеленая травинка поля»).

Для Бадрутдина необходимо было утвердиться в мысли, что жизнь отца не просто оборвалась: сын его – достойная смена, который, преодолев все, сумел rispetабельно выйти на собственную тропу жизни. И это ему удалось: он прошел ее независимо, самобытно, не запятнав чести. В поисках смысла существования Магомедов старается затронуть различные аспекты национального бытия: понять и философски передать все то, что касается его предков (как они жили, какие ценности оставили потомкам и т.д.).

С особым трепетным чувством Б. Магомедов говорит о маме как о самом светлом в своей жизни. В стихах автора поведано о традиционном почитании матери, положившей начало роду, а также о старости, требующей особого внимания, почтения и уважения. Отметим, что в цикле «Дыханье Венеры» «образ матери и образ любви – как небесное и земное – неразделимы и неслиянны: белый – цвет матери, синий – цвет любимой» [5]:

Белит комнату мама,
Белизна потолка
И белее тумана,
И белей молока.

Мне бы синее с белым
Породнить, но боюсь,
Что немислимым делом
Я сегодня займусь.

Но нет белее
Материнского молока,
А цвет любви –
Он синий [1] ...

Нежность облака, твердость алмаза
В каждом сердце, наверно, найду.
Перед первым рассветным намазом
Мать вдохнула в него красоту.

Материнское благословенье,
Породнившее небо с землей,
Нескончаемо и неизменно
Да пребудет навеки с тобой [1].

Лаконизм, лапидарность не только вышеприведен-

ных стихотворений, но и многих других поэтических текстов, обусловлены чутьем художника, определенностью замысла, уникальной способностью не отклоняться от самого главного, заветного. От лирических строк веет воздушностью (может быть в этом кроется некий философский оттенок). Изобразительные и лиро-эпические эпитеты придают легкость: включение их уместно, красиво и завораживает...

Как известно, материнская любовь не знает границ. Стихи о маме звучат мягко, нежно, трогательно. Мать для Бадрутдина является собирательным образом всего ценного и дорогого, что было у него в жизни. В его поэтических текстах изображен трогательный портрет доброй и кроткой женщины с печальным взглядом и слезами на глазах. Читая их, невольно оказываешься окутанным в различные эмоциональные состояния. Превалируют грусть, тоска, печаль, но встречаются и нотки радости, умиления и восхищения.

Таким образом, проанализировав произведения на тему родителей, мы пришли к выводу, что стихи Б. Магомедова пронизаны любовью и преклонением перед святыми образами – отца и матери. Каждому стихотворению свойственны те или иные художественно-стилевые особенности, эмоциональный фон. В поэтических текстах, где доминирует тоска по отцу, горечь и уныние, вызванных болью утраты, прослеживается мотив одиночества. В текстах же, где господствуют оптимистичные и бравурные ноты, фигурирует мотив любви и неподдельной радости. Образы отца и матери являются национальным культурным символом, сохранившим сущность и существенность с античных времен до наших дней, поэтому данная тема не теряет своей актуальности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Магомедов Б. Меж двух миров: Поэзия, проза, публицистика. Махачкала: ГАУ РД «Дагестанское книжное издательство», 2013. – 480 с.
2. Магомедов Б. Полуденная молитва. Махачкала: Даг. кн. изд-во, 1993. – 432 с.
3. Магомедов Б. Медовые корыта. Стихи, поэма. Махачкала: Даг. кн. изд-во, 1981. – 108 с.
4. Мугутдинова Н. Своеобразие лирики Бадрутдина Магомедова // Дагестанская правда. 2016. 1 дек.
5. Муслимова М. Творчество есть, по сути, молитва // Дагестанская правда 2011. 16 мар.
6. Ханмурзаева Н.К. Ирчи Казак и современная кумыкская поэзия. Махачкала: Даг. кн. изд-во, 1997. – 152 с.

© Алхлавова Инна Хумкерхановна (inna.atavova@bk.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

АКЦИОНАЛЬНЫЕ КЛАССЫ ГЛАГОЛОВ В СОСТАВЕ ГЕРУНДИАЛЬНЫХ ПЕРИФРАЗ: ИССЛЕДОВАНИЕ НА ОСНОВЕ КОРПУСА СОВРЕМЕННОГО ИСПАНСКОГО ЯЗЫКА

Алыпova Светлана Алексеевна

Аспирант, Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова
alypova_sveta@mail.ru

ASPECTUAL CLASSES OF VERBS IN VERBAL PERIPHRASES WITH THE GERUND: A STUDY BASED ON THE CORPUS OF THE MODERN SPANISH LANGUAGE

S. Alypova

Summary: The article's purpose is to conduct a statistical analysis of the frequency of use of verbs belonging to four aspectual classes as part of the verbal periphrases with the gerund. The study was based on contexts taken from the corpus RAE CORPES XXI; 8215 contexts were analyzed. The results of the analysis, in general, confirm the theoretical hypotheses. The gerundial periphrases are most often combined with the aspectual class «accomplishments», since this class has the characteristics of durativity and dynamism. Nevertheless, it was concluded that the theoretical statement about a more frequent combination of the periphrasis "estar + gerund" with the class "activities" is not always adequate.

Keywords: aspectual classes of verbs, Vendler's classification, gerundial periphrases in Spanish, corpus research, the Corpus of the Spanish language of the XXI century.

Аннотация: В данной статье осуществляется систематизация подходов американской и испанской лингвистических школ к акциональной классификации предикатов. Цель данной статьи – на основе корпуса современного испанского языка RAE CORPES XXI провести статистический анализ частоты использования глаголов, относящихся к четырём акциональным классам, в составе исследуемых герундиальных перифраз. В данном исследовании было проанализировано 8215 контекстов. В результате анализа было выявлено, что герундиальные перифразы чаще всего сочетаются с акциональным классом «совершения», так как данный класс обладает необходимой для перифраз с герундием дуративностью и динамичностью, а также был сделан вывод о том, что утверждение о более частотном сочетании перифразы «estar + герундий» с классом «деятельности» не всегда справедливо.

Ключевые слова: акциональные классы глаголов, классификация Вендлера, герундиальные перифразы в испанском языке, корпусное исследование, Корпус испанского языка XXI века.

Глагольные перифразы в испанском языке занимают особое положение. Они представляют собой морфосинтаксические единства вспомогательного или полувспомогательного глагола, выражающего весь спектр грамматических значений (время, лицо, число, наклонение, залог), и полнозначного глагола, несущего основную лексико-семантическую нагрузку и стоящего в неличной форме (инфинитива, причастия или герундия). Все перифразы с герундием объединяются основным отличительным признаком — действие, обозначенное полнозначным глаголом, предстаёт в развитии, приобретает семантику продолжительности. В данной статье рассматриваются только четыре перифразы с герундием: «estar + герундий», «ir + герундий», «andar + герундий» и «venir + герундий». Данный выбор обусловлен семантически.

Согласно испанской исследовательнице Алисии Ильера, автору раздела о перифразах в «Gramática descriptiva de la lengua española» [3, с. 3392-3424], определение герундиальных перифраз в испанском языке во многом зависит от того, какие критерии были для этого применены.

Одни лингвисты определяют герундиальные перифразы на основе семантического критерия – потери вспомогательным глаголом своего основного семантического значения, другие – на основе синтаксического критерия, то есть отсутствия автономности компонентов перифразы (в таком случае список значительно расширяется за счёт перифраз с глаголами, частично сохраняющими своё основное значение: например, *acabar, terminar* [заканчивать]; *seguir, continuar* [продолжать]; *empezar, comenzar* [начинать]). Мы придерживаемся первой точки зрения. В этом случае к перифразам следует отнести только сочетания с герундием глаголов *estar, ir, andar, venir* и *llevar*. В данной работе будут рассмотрены только первые четыре перифразы.

Одной из важнейших теоретических основ нашего исследования стала акциональная классификация американского исследователя Зено Вендлера [8], разделяющая все глаголы на четыре акциональных («аспектуальных» — aspectual — в его терминологии) класса на основе следующих оппозиций, определяющих базовую семантику предиката: 1) «точечные события» vs. «дли-

тельные события»: характеристики «пунктивности» vs. «дуративности» — способность сочетаться с обстоятельствами длительности; 2) «предельные события» vs. «непредельные события»: присутствие или отсутствие в глаголе так называемого «телического» компонента — способность сочетаться с обстоятельствами срока завершения; 3) «статические события» vs. «динамические события». На основе данных оппозиций и строится классификация Вендлера, в которой выделяются так называемые «activities» (динамические и длительные события, не обладающие пределом), «accomplishments» (динамические, длительные и предельные события), «achievements» (динамические, предельные, но точечные события) и «states» (состояния, то есть события длительные, но не обладающие динамизмом и предельностью) (Таблица 1). Данная классификация основывается на английской терминологии, однако, поскольку сама теория претендовала на универсальность, испанские и русские термины сформировались в процессе её применения к материалу соответствующих языков, поэтому они также представлены в таблице. В работах Е.В. Падучевой [1], С.Г. Татовосова [2] звучат следующие варианты русскоязычных терминов, их мы будем использовать и в нашей работе: «деятельности», «совершения» и «достижения» и «стативы».

Важно отметить тот факт, что в таком основополагающем труде, посвященном грамматике испанского языка, как «Nueva gramática de la lengua española» 2009 года, в главе о лексическом аспекте или акциональности (aspecto léxico o modo de acción) [6, с. 1692-1709], классификация Вендлера без каких-либо изменений рассматривается применительно к испанскому языку, в том числе на с. 1694 [6] представлена таблица, идентичная Таблице 1, термины калькированы. До этого издания в другом авторитетном источнике — «Gramática descriptiva de la lengua española» 1999 года, в части, также посвященной лексическому аспекту [3, с. 2977-3060], данная классификация претерпевает лишь незначительное изменение. Автор главы Елены де Мигель разделяет класс «logros» на две категории: первая группа представляет собой события, достигшие точечной кульминации, но продолжающие длиться после этого — например, глаголы типа *hervir* (закунать, кунеть), *dormirse* (засыпать), а вторая группа — это события, начинающиеся и закан-

чивающиеся в одной точке — например, *explotar* (взрываться). Тем не менее, несмотря на данное разделение, в целом эта классификация повторяет классификацию Вендлера.

Особое внимание необходимо обратить на различие между классами «деятельности» («actividades») и «совершения» («realizaciones»)¹. Основное отличие заключается в прямом дополнении, которое придаёт или не придаёт предельность глагольной группе. Ситуации, в которых фигурируют именные группы, обозначающие конкретные количества чего-либо (например, *un vino, esta mesa, tres libros* — одно вино, этот стол, три книги), имеют свойство быть исчерпанными по мере того, как исчерпывается количество обозначенного именной группой объекта (синтагмы типа *выпить бокал вина, вытереть этот стол, прочитать три книги*). Напротив, именные группы, обозначающие неопределённые множества (например, *vino, mesas, libros* – вино, столы, книги), такого свойства не имеют, как не имеют и свойства придавать ситуации предельность (*пить вино, вытирать столы, читать книги*, в каком угодно количестве). Таким образом, синтагмы первого типа относят глаголы, входящие в их состав, к классу «совершения», а второго типа — к классу «деятельности». Следовательно, в испанском языке глаголы класса «совершения» должны иметь в качестве прямого дополнения имена существительные или личные местоимения, референт которых поддается измерению, то есть стоящие в единственном числе либо обладающие указанием на конкретное число объектов (при помощи числительных или иных квантификаторов).

В настоящей статье, описывая некоторые типичные значения, которые приобретают глаголы перечисленных акциональных классов в составе исследуемых перифраз, мы опираемся на работы Алисии Ильера [3, с. 3392-3424] и Бруно Камуса Бергарече [4], поскольку в ходе корпусного исследования не было обнаружено значительных расхождений с описанными в этих трудах значениями. Однако, данные авторы не осуществляли статистических количественных исследований, в нашем исследовании была предпринята попытка дополнить их теоретические выводы данными, полученными в ходе корпусного анализа. Также было принято решение минимизировать количество иллюстративных примеров,

Таблица 1

	durativity (длительность)	telicity (предельность)	dynamicity (динамичность)
Activities / Actividades / Деятельности	+	-	+
Accomplishments / Realizaciones / Совершения	+	+	+
Achievements / Logros / Достижения	-	+	+
States / Estados / Стативы	+	-	-

1 В дальнейшем мы будем использовать только русскоязычные термины.

так как объём данной статьи ограничен, в основном примеры обобщены в теоретических наблюдениях.

Перифраза «**estar + герундий**» является самой частотной среди герундиальных перифраз и имеет самую широкую сочетаемость. Так же, как и в английском языке времена плана *continuous*, данная перифраза как бы «актуализирует» действие или состояние, делает акцент на его «развёртывании» в определённый фиксируемый момент, а также придаёт ему оттенок «временный», «проходящий», «недолговечный» («*valor de transitoriedad*»). Перифраза используется как в перфективных (где обозначает прекращение действия, но не окончательное завершение его, то есть терминатив, а не комплетив), так и в имперфективных временах с глаголами всех акциональных классов. Корпусное исследование подтверждает, что наиболее частотны в составе герундиальных перифраз глаголы классов «совершения» и «деятельности», таким образом, их поведение можно рассматривать как наиболее типичное.

С предикатами класса «достижения» данная перифраза в имперфективных временах передаёт значение приближения к неминуемому завершению процесса, к цели, которая может или не может быть достигнута. В настоящем времени степень актуализации действия, свойственная всем герундиальным перифразам, максимальна. Таким образом, очевидно, что описываемый процесс имеет начало, но пока не имеет конца, то есть данная перифраза приобретает инхоативное значение.

Одним из критериев, которыми пользовался Вендлер для обоснования собственной классификации, был так называемый *Continuous Tense Criteria* – невозможность употребления стивных глаголов в прогрессивной форме. Подобное утверждение относительно испанских стивов имеет место и в [3, с. 2977-3060], однако там же указывается, что при определённых условиях данное употребление всё же возможно. В случае, если имеется в виду недолговременное состояние, предикат интерпретируется уже как более «динамичный», не просто состояние, а поведение или отношение к чему-либо. Также в [4] отмечается, что чаще всего в подобных предложениях «актуальное», «моментальное», «уникальное» проявление ситуации в перифразе «стирается» в пользу значения «привычного», «обыкновенного»: «*Últimamente estás siendo una estúpida*» («В последнее время ты ведёшь себя глупо»). То есть в данном случае характеристика поведения соответствует не только моменту сообщения, здесь обозначается частотность подобного поведения, почти типичность, продолжительность (хабитуалис).

В перфективных временах данная перифраза обозначает «действие, увиденное в развитии, чьё развёртывание “держится” в течение некоторого времени» [3,

с. 3405]. Если предикат относится к классу «совершения», перифраза может приобретать оттенок интенсивности, повторяемости актов: «*Le pide que devuelva lo que ha estado robando*» VS. «*Le pide que devuelva lo que ha robado*» («Он просит его вернуть то, что он воровал» VS. «Он просит его вернуть то, что он украл»). С классом «достижения» перифраза в перфективном времени может, помимо уже обозначенного значения, также обозначать «тщетное», «неудачное» приближение к завершению процесса, к цели: «*Mi caballo estuvo ganando la carrera durante la mayor parte del recorrido pero, en el último minuto, se le adelantó el tuyo*» («Мой конь выигрывал на протяжении большей части пути, но в последнюю минуту его обогнал твой») (примеры из [4]). С мгновенными, моментальными действиями перифраза сочетаться не может без передачи значения многократности, повторяемости.

Разумеется, в определённых контекстах данная перифраза (с «деятельностями», «совершениями» и «достижениями») выражает количественную аспектуальность — а именно итератив: «*estás escribiendo muchas preguntas*» (ты пишешь много вопросов), «*están viniendo muchos compañeros*» (приходят многие коллеги), «*está cerrando todas las puertas*» (он закрывает все двери).

Помимо курсивного аспекта, свойственного всем герундиальным перифразам, перифраза «**ir + герундий**» сообщает проспективное, прогрессивное и градуальное значение предикатам, встраиваемым в её состав. Таким образом, её употребление с наречиями и наречными сочетаниями типа *poco a poco* (мало-помалу), *paso a paso* (шаг за шагом), *paulativamente* (постепенно), *progresivamente* (постепенно), *cada vez más* (всё больше и больше), и т.д. или *a lo largo de los años* (с течением лет), *con los años* (с годами), *con el tiempo* (со временем), и т. д., а также с глаголами, обозначающими какое-либо изменение или градуированный, поэтапный процесс, особенно частотно. Характер действия, который данная перифраза сообщает глаголу, зачастую не допускает сочетания с обстоятельствами, обозначающими конкретное количество времени (*durante t₁* – в течение *t₁*, *en t₂* – за *t₂* и т. н.) либо темпоральную завершённость, напротив, данная перифраза употребляется с сочетаниями, обозначающими неопределённую длительность: *en pocos años* – за небольшое количество лет, *en poco tiempo* – за некоторое время и др. Однако, если сравнивать сочетания типа *en tres años* (за три года) (с которым невозможно сочетание данной перифразы) и *en estos tres años* (за эти три года), можно сказать, что второй вариант, на удивление, может сочетаться с «**ir + герундий**», так как оставляет открытой возможность развития действия в будущем.

Данная перифраза чаще сочетается с длительными и предельными предикатами, то есть с классом «совер-

шения». Также возможно сочетание с «деятельными», но при практически обязательном «участии» упомянутых выше обстоятельств времени и образа действия. Класс «достижения», не выражающий дуративные значения, тем не менее всё же может сочетаться с данной перифразой при наличии компонента градуальности, итеративности, дистрибутивности в дополнительных членах предложения при глагольной группе: «**Hay que ir ganando** partidos, uno a uno» («Нужно выигрывать матчи *один за другим*») (из статьи «Entrevista al jugador del Alavés», газета «La Razón», 2001 г., автор не указан, пример из корпуса). Менее частотны, но возможны также сочетания с классом «стативы», опять же при обязательном добавлении вышеперечисленных семантических компонентов и с добавлением значения приобретения, нарастания приобретения некоего качества: «**Cada día que pasa, la Luna gibosa irá estando más iluminada**» («*С каждым днем Луна будет становиться все ярче и ярче*») (из статьи «Ya están aquí las Perseidas 2019: qué son y cómo observarlas» автора Bachiller, R., пример из корпуса).

В перифразах «**andar + герундий**» и «**venir + герундий**», подобно рассмотренной выше «**ir + герундий**», глаголом-связкой является глагол движения, что очевидным образом сказывается на их значении и особенностях употребления.

В качестве наглядной иллюстрации можно привести схему из труда Э. Косериу «El sistema verbal románico» [5, с. 133]: (Рис 1.)

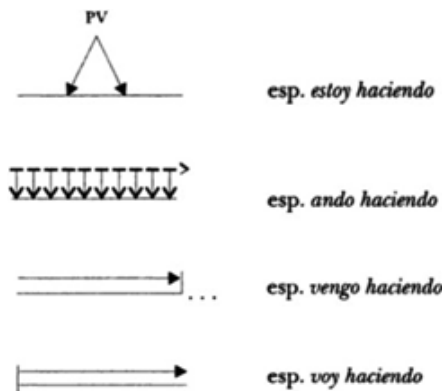

Рис 1.

На данной схеме наглядно изображено то, каким образом воспринимается действие, обозначенное основным смысловым глаголом, в изучаемых герундиальных перифразах. Особое внимание нужно обратить именно на перифразы с глаголами движения.

Глагол «**ir**» обозначает прямое линейное развитие, движение вперед, стремление к некоей финальной цели (эксплицитной или имплицитной) и зачастую придает ингрессивное значение глаголам, используемым в пе-

рифразе с ним.

Глагол «**andar**» не обладает указанием на линейную направленность, в «Nueva Gramática de la Lengua Española» [6, с. 2198] отмечается, что данная перифраза обозначает прерываемое или прерывистое действие, также она имеет фреквентативное значение (то есть указывает на повторяющееся действие), отмечается её схожесть с перифразой «**estar + герундий**» в предположении дуративных нетелических предикатов (то есть глаголов класса «деятельности»). Исследователи замечают, что перифраза «**andar + герундий**» чаще всего используется в разговорной речи. Характеризуется она определённым количеством разнообразных субъективных коннотаций: эмпфаза (*énfasis*), просьба, беспокойное желание (*solicitud, ansiedad*), пренебрежение (*desprecio*), ирония (*ironía, visión humorística*), и т. д. Данная перифраза способна заменять нейтральную перифразу «**estar + герундий**» в более напряженных контекстах, она дополняет смысл полнозначного глагола очевидной модальностью, но не предполагает обязательной актуализации действия. Часто перифраза сочетается с неопределённым дейктическим сочетанием «*por ahí*» («здесь»).

Глагол «**venir**» указывает на действие, начавшееся до момента речи и как бы приближающееся к нему, при этом продолжение данного действия возможно и после момента речи. В силу описанных выше характеристик глагола *venir* стоит отметить, что перифраза с этим глаголом чаще всего сочетается со следующими наречными элементами: *desde hace mucho tiempo* (*вот уже в течение долгого времени*), *en los últimos días* (*в последнее время*), *en estos últimos años* (*в последние годы*), *hasta ahora* (*до настоящего момента*), *hasta la fecha* (*к настоящему моменту, до настоящего момента*), и т. п. Данная перифраза способна сочетаться со всеми аспектуальными классами, в любом случае фиксируя какую-то предшествующую фазу, «подготовительную» к наблюдаемому моменту ситуации.

Перейдём к описанию проведенного нами корпусного анализа материала. Исходя из примеров глаголов, относящихся к разным акциональным классам, которые были приведены в источниках [3, 4, 6, 8], мы определили собственный список глаголов, с которыми провели исследование возможной сочетаемости герундиальных перифраз по корпусу CORPES XXI [7].

В список исследуемых глаголов, относящихся к классу «**стативы**», вошли следующие лексемы, обозначающие обладание каким-либо признаком (постоянное или временное), местоположение, эмоциональное или интеллектуальное состояние: *ser* (*быть*), *estar* (*быть, находиться*), *tener* (*иметь*), *saber* (*знать*), *querer* (*любить*), *conocer* (*знать, быть знакомым*), *sentir* (*чувствовать*).

В том, что касается класса «**достижения**», были рассмотрены следующие глаголы, представляющиеся нам, на основе упомянутых выше изученных материалов, наиболее репрезентативными и наиболее частотными: *llegar* (прийти), *perder* (потерять, проиграть), *ganar* (выиграть, заработать), *caer* (упасть), *morir* (умереть), *lograr* (достичь, добиться), *alcanzar* (достичь, добиться).

Учитывая описанные выше особенности различия глагольных классов «**деятельности**» и «**совершения**», для того, чтобы иметь возможность наблюдать разницу между ними, было принято решение анализировать по корпусу одни и те же глаголы, а именно: *escribir* (писать),

leer (читать), *comer* (есть), *construir* (строить), *cantar* (петь), *llenar* (наполнять), *pintar* (красить, живописать). Но в случае «совершений» эти глаголы рассматривались исключительно в контекстах с именной группой, придающей предельность клаузе, а в случае «деятельностей» – с именной группой, не придающей предельности.

В ходе корпусного исследования было проанализировано 8215 контекстов. Подводя итоги, хотелось бы представить статистическую таблицу (Таблица 2), созданную на основе проанализированных контекстов. Для начала необходимо прокомментировать устройство получившейся таблицы.

Таблица 2

глагол	общее кол-во	estar + ger.		ir + ger.		andar + ger.		venir + ger.	
		кол-во	≈ %	кол-во	≈ %	кол-во	≈ %	кол-во	≈ %
Стативы:									
ser	1.703.896	3.174	0,186	404	0,024	0	0	388	0,023
estar	498.452	0	0	15	0,003	0	0	7	0,001
tener	480.889	805	0,167	111	0,023	0	0	18	0,004
saber	169.439	10	0,006	54	0,032	0	0	0	0
querer	137.356	90	0,002	3	0,002	2	0,001	0	0
conocer	58.197	73	0,066	216	0,371	0	0	5	0,009
sentir	56.498	147	0,26	63	0,111	1	0,002	5	0,009
≈ средн %		0,1		0,08		0,0004		0,007	
Деятельности:		≈ кол-во	≈ %	≈ кол-во	≈ %	≈ кол-во	≈ %	≈ кол-во	≈ %
escribir	36.048	270	0,749	30	0,083	5	0,014	1	0,003
leer	33.161	163	0,492	48	0,145	2	0,006	5	0,015
comer	24.754	234	0,945	23	0,093	2	0,008	0	0
construir	14.708	116	0,789	25	0,17	3	0,02	0	0
cantar	8.873	57	0,642	8	0,09	0	0	1	0,011
llenar	8.263	16	0,194	7	0,085	0	0	0	0
pintar	6.086	29	0,477	7	0,115	1	0,016	0	0
≈ средн %		0,61		0,11		0,009		0,004	
Совершения:		≈ кол-во	≈ %	≈ кол-во	≈ %	≈ кол-во	≈ %	≈ кол-во	≈ %
escribir	36.048	406	1,126	77	0,214	3	0,008	5	0,014
leer	33.161	545	1,643	88	0,265	4	0,012	5	0,015
comer	24.754	169	0,683	48	0,194	3	0,012	0	0
construir	14.708	271	1,843	227	1,543	1	0,007	5	0,034
cantar	8.873	41	0,462	13	0,147	2	0,023	1	0,011
llenar	8.263	57	0,69	230	2,783	0	0	1	0,012
pintar	6.086	60	0,986	12	0,197	3	0,049	2	0,033
≈ средн %		1,06		0,76		0,016		0,017	
Достижения:		≈ кол-во	≈ %	≈ кол-во	≈ %	≈ кол-во	≈ %	≈ кол-во	≈ %
llegar	109.757	563	0,513	364	0,332	0	0	2	0,002
perder	44.329	750	1,692	705	1,59	11	0,025	6	0,014
ganar	32.408	238	0,734	517	1,595	1	0,003	8	0,025
caer	28.115	366	1,302	288	1,024	1	0,004	1	0,004
morir	24.952	346	1,387	108	0,433	1	0,004	0	0
lograr	24.803	108	0,435	28	0,113	0	0	3	0,012
alcanzar	22.368	108	0,483	40	0,179	0	0	1	0,004
≈ средн %		0,9		0,75		0,005		0,009	

Было рассмотрено общее количество вхождений исследуемых лексем в любой словоформе в корпус (*общее кол-во*), а также количество вхождений в составе рассматриваемых перифраз. В связи с невозможностью разграничения контекстов классов «деятельности» и «совершения» техническими инструментами корпуса, они были рассмотрены «вручную» в 100 контекстах (если их количество превышало 100). Мы предположили, что примерно тот же процент, который был вычислен на 100 вхождениях, будет распространяться и на все вхождения данного сочетания, таким образом было вычислено примерное количество (\approx кол-во) контекстов с данными классами.

Далее был вычислен примерный процент (\approx %, преимущественно округление до тысячных), который составляет вхождение того или иного глагола в составе перифразового единства по отношению к его общей частотности. Это было сделано для того, чтобы иметь возможность сравнивать соотносимые единицы.

Исходя из данного результата, было получено среднее значение по всем глаголам данного класса, относящимся к данной перифразе (\approx *средн %*, преимущественно округление до сотых), которое, по всей вероятности, можно оценивать как репрезентативное.

Полученные данные позволяют прийти к следующим выводам:

1. Глаголы класса «совершения» были зафиксированы в корпусе в значительно большем количестве контекстов, чем глаголы класса «деятельности» (в среднем в 2,8 раз больше). По-видимому, глаголы, изначально обладающие возможностью присоединять в качестве прямого дополнения именную группу, придающую предельность, часто реализуют эту возможность и реже используются в иных контекстах.
2. Чаще всего в состав герундиальных перифраз (в сравнении со всеми акциональными классами) входят глаголы класса «совершения». Данные свидетельствуют о том, что с перифразами «*ir + герундий*» и «*venir + герундий*» этот класс сочетается наиболее широко, так как содержит лексемы, семантически «стремящиеся» к завершению, то есть обладающие градуальным, «накопительным» эффектом, именно данное значение необходимо вспомогательным глаголам движения, продолжающим сохранять свою семантику линейности и поэтапности.
3. В сочетании с перифразой «*andar + герундий*» выявляется незначительное преобладания клас-

са «совершения» над классом «деятельности» (в среднем 0,016 % vs. 0,009 %), что говорит о том, что, как уже отмечалось ранее, глагол «*andar*», в отличие от других глаголов движения, не привносит семантику линейного развёртывания, поэтапного развития, поэтому стремящиеся к выражению данного значения глаголы не столь активно вступают с ним в перифразовые отношения.

4. Относительно перифразы «*estar + герундий*» можно сказать, что статистические данные, обнаруженные нами, достаточно неожиданные, так как в рассмотренных исследовательских работах [3, 4] утверждалось, что данная перифраза значительно чаще сочетается с классом «деятельности», нежели с классом «совершения», так как не обладает, по сравнению с перифразами «*ir + герундий*» и «*venir + герундий*», обязательным «стремлением» к линейному движению по направлению к некому пределу. В нашем исследовании это не подтвердилось. На наш взгляд, наши данные можно объяснить тем, что отмечалось выше, то есть в целом большим количеством реализаций исследуемых глаголов в качестве класса «совершений», а не «деятельностей». Возможно, при исследовании глаголов-деятельностей другого порядка (глаголы, которые не могут сочетаться с прямыми дополнениями, привносящими в их значение телесный компонент) результат будет иным. Тем не менее, в задачи данной работы входило исследование именно тех глаголов, которые могут быть реализованы как в качестве глаголов-деятельностей, так и в качестве глаголов-совершений.
5. Наименее частотно в герундиальных перифразах использование глаголов класса «стативы» (в среднем, примерно в 3,6, в 8 и в 10 раз реже, чем классы «деятельности», «достижения» и «совершения», соответственно), что абсолютно ожидаемо, ведь, несмотря на компонент дуративности, присущий им, данные глаголы не обладают динамичностью – характеристикой, которая, как подтверждают исследования, крайне важна для герундиальных перифраз.

Проведенный корпусный анализ подтвердил справедливость базовых выводов ученых А. Ильера [3] и Б. Камус Бергарече [4], однако, на основе количественных данных, позволил сделать выводы о том, что утверждение о более частотном сочетании перифразы «*estar + герундий*» с классом «деятельности» не всегда справедливо, о чём свидетельствует приведённый в Таблице 2 процент примеров.

ЛИТЕРАТУРА

1. Падучева Е.В. Лексическая аспектуальность и классификация предикатов Маслову-Вендлеру // Вопросы Языкознания. № 6. М., 2009. – С. 3–20.
2. Татевосов С.Г. Акциональность в лексике и грамматике. Глагол и структура события – Москва: Языки славянской культуры, 2015. – 368 с.
3. Bosque, I., Demonte V. (dirs.). Gramática descriptiva de la lengua española. – Real Academia Española. Colección Nebrija y Bello. – Madrid: Espasa Calpe S.A., 1999. – 5504 p.
4. Camus Bergareche B. Perífrasis verbales y expresión del aspecto en español // García Fernández L., Camus B. (eds.) // El pretérito imperfecto. – Madrid: Gredos, 2004. – P. 511-572.
5. Coseriu E. El sistema verbal románico / E. Coseriu – México, D.F.: Siglo XXI Editores, 1996. – 192 p.
6. NGLLE 2009 = Real Academia Española y Asociación de Academias de la Lengua Española: Nueva Gramática de la Lengua Española. Morfología y sintaxis. – Madrid: Espasa, 2009. – 4032 p.
7. RAE CORPES XXI = Real Academia Española, Corpus del Español del siglo XXI. Электронный ресурс. – URL:
8. <https://apps2.rae.es/CORPES/view/inicioExterno.view;jsessionid=4382101F2990BA28386B5305DD1DFAA7>
9. Vendler Z. Verbs and times // Linguistics in philosophy. – Ithaca: Cornell University Press, 1967. – P. 97-121.

© Алыпova Светлана Алексеевна (alypova_svetla@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

НОМИНАЦИИ ЭМОЦИИ «СТРАХ» В ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ПОДЪЯЗЫКАХ: СТРУКТУРА, СЕМАНТИКА, КОНТЕКСТ

NOMINATIONS OF FEAR IN PROFESSIONAL JARGONS: STRUCTURE, SEMANTICS, CONTEXT

M. Andreeva
A. Zakirova

Summary: The article focuses on the nominations of emotions, emotives deriving from English professional jargons. The research material, the nominations of emotion 'fear', is used to compile the corpus of texts. The analysis of the studied emotives revealed the prevalence of the verbal type of emotive phrases, and nominations of a person in emotional state. Metaphorical models of the emotives are based on comparison of a person in a state of fear with the nature, artifacts and disease.

Keywords: emotive, professional jargon, semantics, corpus.

Андреева Мария Игоревна

кандидат филологических наук, доцент, Казанский
государственный медицинский университет
lafruta@mail.ru

Закирова Азалия Азатовна

Казанский государственный медицинский университет
z_azalya@mail.ru

Аннотация: В данной статье рассматриваются номинации эмоций – эмотивы, принадлежащие английским профессиональным подъязыкам. На материале исследования, номинациях эмоции «страх» (fear), компилируется корпус текстов функционирования эмотивов. Анализ изучаемых эмотивов позволил выявить превалирование глагольного типа эмотивных словосочетаний, номинаций человека в эмоциональном состоянии. Модели переосмысления эмотивов базируются на сравнении лица в состоянии страха со стихией, артефактами и болезнью.

Ключевые слова: эмотив, профессиональный подъязык, семантика, корпус.

Введение

Данное исследование выполнено в рамках сравнительно-сопоставительного языкознания и фокусируется на выявлении специфики номинаций эмоций в английских профессиональных подъязках и социолектах.

Целью исследования является выявление лексико-семантической специфики эмотивов, номинирующих страх. Поставленная цель, реализуется в ряде **задач**: (1) выявить эмотивы, номинирующие страх в профессиональных подъязках и социолектах, (2) провести анализ структуры эмотивов, (3) сгруппировать эмотивы в соответствии с семантической общностью, (4) определить основы переосмысления эмотивов.

Номинации эмоций часто исследуются в современной лингвистике [1, 2, 3, 9, 10]. Настоящее исследование фокусируется на семантических и структурных параметрах эмотивов, т.е. номинациях эмоций, происходящих из профессиональных подъязков и социолектов. Актуальность и значимость работы продиктована ее вкладом в теорию семантики. Глубокое понимание семантической структуры изучаемых эмотивных единиц потенциально раскроет профессиональную языковую культуру и используемые стратегии номинации.

В современной лингвистике проводятся многочисленные исследования номинаций эмоций [7, 11]. Под эмотивами, вслед за Шаховским В.И. понимаем «язы-

ковые единицы, в семантической структуре которых имеется эмоциональная доля в виде семантического признака, семы, семного конкретизатора, значения, благодаря чему эти единицы адекватно употребляются всеми носителями языка для выражения эмоционального отношения / состояния говорящего» [7, с. 25].

Номинации эмоций делятся на две категории: прямые и описательные [7]. Прямые номинации не считаются эмотивными, поскольку они обозначают только эмоцию, но не человека в эмоциональном состоянии [3]. Согласно классификации Бабенко Л.Г., описательные или метафорические эмотивы, напротив, вербализуют личные эмоциональные характеристики и их достижение, личные действия и эмоциональное воздействие [5].

В работе исследуются профессиональные эмотивы. Солнышкина М.И. определяет единицы профессионального жаргона как заменители терминов, используемых в низкочастотном общении [6].

Материалы и методы

Материалом исследования явились 83 эмотива, номинирующие страх (Fear) и его гипонимы в английских профессиональных подъязках и социолектах (далее ЭНСПС) и 238 контекстов функционирования данных единиц в текстах Британского национального корпуса [8]. Собранный авторами корпус составляет 3239 токенов.

Исследование выполнено с помощью методов

сплошной выборки, компонентного анализа, контекстологического анализа, лексикографического анализа, описания, элементов статистического анализа.

Результаты исследования

Структурная классификация эмотивов

Частеречная классификация 22 однословных ЭНСПС демонстрирует следующие результаты: существительные (14) **bottle**, *храбрость*, **bridechilla**, *невеста*, *которая остаётся спокойной при любой стрессовой ситуации*, причастие (5) **uptight**, *тревожный*, **chilled**, *спокойный*, прилагательное (2) **cringeworthy**, *способный вызвать страх*.

Вслед за Аракиным В.Д. [4], классифицируем 61 многословные ЭНСПС на глагольные и именные. На данном этапе в работе используются следующие сокращения: К (Kernel) маркирует главное слово, а А (Adjunct) – зависимое слово сочетания, n – Noun (существительное), а (Adjective) – прилагательное, d (Adverb) – наречие, pr (pronoun) – местоимение, prep (preposition) – предлог. Отметим, расположение зависимого слова, как в препозиции, так и в постпозиции к главному.

Примерами глагольных сочетаний K^V + A^{n,pr,d} (26)¹ являются следующие ЭНСПС: **lose one's bottle**, *испугаться*, **push the panic button**, *поднять тревогу*, **choke the luff**, *успокоиться*.

Глагольные сочетания с предлогом K^V + prep + A^{n,pr,d} (11) представлены, в частности, в следующих эмотивах: **to be in deep waters**, *тревожиться*, **to be in cold sweat**, *бояться*, **to be on tenterhooks**, *быть в состоянии тревоги*.

Следующие ЭНСПС иллюстрируют именные сочетания (Kⁿ + A^{a,n} (24)), **hot seat**, *беспокойная должность*, **nervous Nellie**, *тот, кто слишком много волнуется*, **rat race**, *паника*, **sacredly cat**, *трусиха*.

Многословные эмотивы превалируют на однословными. Количество глагольных ЭНСПС выше, чем именных, что позволяет сделать вывод о динамичности переживаемого человеком эмоционального состояния.

Семантические группы эмотивов

Метод компонентного анализа позволил определить в значениях исследуемых эмотивов общие семы. На основании данных сем, классифицируем ЭНСПС на четыре семантические группы «Эмоция» (17), «Лицо в эмоциональном состоянии» (37), «Действия лица в эмоциональ-

ном состоянии» (6), «Каузация эмоционального состояния» (21).

Группа «Эмоция» (17).

Изучаемые эмотивы номинируют эмоциональное состояние страха, тревоги, паники, и нервозности в профессиональных подъязыках морского (9) и военного дела (4), охоты (4) и маркируются кодом Em. Например, **flap**, *воен. шумиха*, *тревога*, **buck fever**, *охот.*, *нервное состояние*, **collywobbles**, *нервозность*. ('Fortunately, over 30 years of hunting experience took over and Smith raised his 257 Roberts before the **buck fever** set in') [8] (К счастью, он как охотник с 30-летним опытом все преодолел и поднял ружьё до начала **приступа нервозности**²).

Группа «Лицо в эмоциональном состоянии» (37).

Эмотивы данной группы маркируются Pers Em ST, и включают номинации подъязыков морского (6) и военного (6) дела, бизнеса (5), медицины (3) и социолектов (17). Например, номинации человека, пребывающего в состояниях тревоги, **to be in deep water(s)**, *мор. тревожиться*, **uptight**, *соц. тревожный*, трусости **admiral of the white**, *мор. трус*, **cop out**, *соц. струсить*, беспокойства, **give a monkey about something**, *соц. беспокоиться*, **arsed**, *соц. обеспокоенный*. ('The director knew he'd be **in deep water** if he didn't mention his wife in his acceptance speech') [8] (Директор знал, что будет очень **тревожиться**, если не скажет о супруге в своей речи).

Группа «Действия лица в эмоциональном состоянии» (6) маркирована Ac Pers Em и репрезентируется, в частности, единицами **rat race**, *перен. соц. паника*, **hit/press/push the panic button**, *соц. быстро поднять тревогу*. ('The coach isn't going to **hit the panic button** just because we lost two games') [8] (Тренер не **поднимет тревогу** просто потому что мы проиграли две игры).

Группа «Каузация эмоционального состояния» (21).

Единицы данной группы маркируются кодом Ac Caus Pers Em и принадлежат военному и авиационному подъязыкам. Например, **to catch sb. flat footed**, *перен. воен. напугать* **armpit**, *фот. ужасное место*; **albatross**, *мор. что-либо вызывающее тревогу*. Например, 'Campaign leaders were **caught flat-footed** when the opinion polls suddenly started to swing the other way.' [8] (Лидеры кампании были **напуганы**, когда мнение выборщиков стало неожиданно отклоняться).

Частотность номинаций человека, пребывающего в эмоциональном состоянии, объясняется антропоцентричностью категории «эмоция». Номинации каузации

1 Здесь и далее в скобках указывается количество единиц указываемой группы.

2 Здесь и далее в работе перевод выполнен авторами – М.И., А.А.

страха и его гипонимов у других лиц также частотны и контекстуально обусловлены.

Метафорические модели эмотивов

Результаты исследования показывают, что переосмысление буквального значения изучаемых эмотивов имплементировано в четырёх моделях.

Модель 1 «Лицо → лицо в ЭС». Этимология целого ряда ЭНСПС связана с физиологическими процессами человека, потенциально переживающего эмоциональное состояние страха, шока, нервозности. Например, **to be in a cold sweat**, букв. *быть в холодном поту*; соц. *быть в шоке, бояться*, **shook up**, букв. *дрожащий*; перен. *воен. страдающий нервным расстройством*, **tongue-tied**, букв. *страдающий уздечкой языка*; мед. *неспособный выразить свои мысли по причине страха, нервного состояния или стеснения*. Например, *'Only those who have appeared in the courts know how a young person can be completely tongue-tied and unable to express himself' [8] (Только те, кто были в суде, знают, что молодой человек не сможет вымолвить и слова)*. Представленный пример функционирования эмотива принадлежит профессиональному подязыку медицины.

Модель 2 «Артефакт → лицо в эмоциональном состоянии» представлена эмотивом **a big girl's blouse**, букв. *блузка большой девочки*; перен. *воен. трусливый мужчина*. Переосмысление при номинации лица мужского пола предметом женской одежды базируется на сравнении действий и характеристик обоих полов. Так, в следующем контексте трусливый мужчина не способен организовать группу для голосования. *'Quit being such a big girl's blouse and get all the members of your party on the same page before this vote' [8] (Перестань трусить и собери всех из своей партии на одну страницу до голосования)*.

Для профессиональных подязыков морского и военного дела переосмысление при номинации основывается на сравнении человека с морским судном или механизмом. Эмотив **to show smb. white feather**, букв. *показать к-л белое перо*; перен. *мор. испугаться* иллюстрирует действия судна при выпуске пара на полном ходу, предположительно при наборе высокой скорости для ухода от противника. Пар напоминает по форме перья. Эмоциональное состояние команды судна генерализируется до состояния человека в общем.

Отсутствие беспокойства экипажа команды морского судна репрезентированное в эмотиве **all parts bearing equal strain**, букв. *все части под равным напряжением*; перен. *мор. все под контролем, нет оснований для беспокойства* также транслируется на описание состояния человека. Должное напряжение оборудования в морском деле является знаком к спокойствию перед opravкой в море.

Модель 3 «Природа → лицо в ЭС» реализуется, в частности, в эмотиве **buck fever**, букв. *лихорадка самца оленя*, перен. *охот. нервное состояние*. В подязыке охоты фактором каузации нервозности у начинающего охотника является приближение оленя.

Анималистическая модель переосмысления реализована в эмотиве **sweating cobs**, букв. *потеющие лошади*; перен. *кон. возбужденное, нервное состояние*. В Британском варианте английского языка слово **cob** номинирует породу невысоких, коренастых лошадей с короткими ногами, используемых в повозках и при перевозке тяжелых грузов. Состояние лошади транслируется на эмоциональное состояние человека.

Модель 4 «Болезнь → лицо в ЭС» реализована в единице **fever pitch**, букв. *пик лихорадки*; перен. *мед. очень волнующий, нервный*. Компоненты буквального значения «рост температуры тела», «напряжение мускулатуры», выявленные в буквальном значении сочетания, переосмысляются в переносном значении до «каузации напряжения и волнения».

Сформированные четыре модели переосмысления английских номинаций лица в эмоциональном состоянии страха базируются на сравнении лица с артефактом, животным, и природой, их характеристикой и действиями. Также нервное состояние сравнивается с болезнью.

Выводы

Динамичная природа эмоций во многом обуславливает результаты, полученные в данном исследовании. Так, наиболее частотными при номинации эмотивов, номинирующих страх, являются глагольные сочетания. Более того, выявлено превалирование номинаций человека в состоянии страха и факторов каузации страха.

Наиболее продуктивным способом переосмысления для ЭНСПС является сравнение пребывания лица в состоянии страха в результате действий лица и манипуляций с артефактами, животными и болезнью.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреева М.И. Специфика значения фразеологизма: контекстологический подход (на примере фразеологизма 'field day') // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. Т. 13. № 5. С. 270-274.

2. Андреева М.И. Физиология как основа метафоризации эмотивных фразеологических единиц // В сборнике: Традиции и инновации в преподавании иностранного языка. Материалы XI Всероссийской научно-практической конференции. Науч. ред. О.Ю. Макарова, сост. Д.В. Горбунова. Казань, 2022. С. 85-89.
3. Апресян Ю.Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Вопросы языкознания. – 1995. – №. 1. – С. 37-67.
4. Аракин В.Д. Сравнительная типология английского и русского языков. М.: Физматлит, 2005. 232 с.
5. Бабенко Л.Г. Лексические средства обозначения эмоций в русском языке. – Изд-во Уральского университета, 1989.
6. Солнышкина М.И., Калинкина Т.Е., Зиганшина Ч.Р. Конвенции профессиональной коммуникации // Филология и культура. – 2015. – №. 3 (41). – С. 138-145.
7. Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка / В.И. Шаховский. — Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 2009. — 190, с.;
8. British National Corpora (BNC), URL: <https://corpus.byu.edu/bnc>, (дата обращения 22.03.2023).
9. Pennebaker J.W. Writing about emotional experiences as a therapeutic process // Psychological science. – 1997. – Т. 8. – №. 3. – С. 162-166.
10. Wierzbicka A. Language and metalanguage: Key issues in emotion research // Emotion review. – 2009. – Т. 1. – №. 1. – С. 3-14.
11. Siroka D. et al. A linguistic picture of the world and expression of emotions through the prism of expressive lexis // The Journal of Education, Culture, and Society. – 2013. – Т. 4. – №. 2. – С. 297-308.

© Андреева Мария Игоревна (lafruta@mail.ru), Закирова Азалия Азатовна (z_azalya@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Казанский государственный медицинский университет

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА СТРОИТЕЛЬНЫХ ТЕРМИНОВ С АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ

FEATURES OF TRANSLATION OF CONSTRUCTION TERMS FROM ENGLISH TO RUSSIAN

**M. Baturyan
S. Khatkov**

Summary: The article aims to study the key features of the scientific and technical language and the language of the construction industry. The article describes the concepts of "term" and "terminosystem", as well as the process of terminologization. A detailed lexicographic description of the designated concepts is given, on the basis of which the main properties of the terminological lexical unit are identified, and modeling of the nuclear-peripheral structure of the concept "term" is carried out. The problems of the formation and functioning of English-language construction terminology, as well as the factors that determine these processes, are identified. The linguistic features of the terminological apparatus of the construction industry are analyzed, as well as ways of translating construction terms from English into Russian.

Keywords: term, term system, construction terminology, scientific and technical translation, terminology translation.

Батурьян Маргарита Аветисовна

К.филол.н., доцент, ФГБОУ ВО «Кубанский
государственный аграрный университет
им. И.Т. Трубилина», г. Краснодар
margarita_baturyan@mail.ru

Хатков Самир Айдамирович

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный
университет им. И.Т. Трубилина», г. Краснодар
khatkov03@mail.ru

Аннотация: Статья имеет своей целью исследование ключевых особенностей научно-технического языка и языка строительной отрасли. В статье приводится описание понятий «термин» и «терминосистема», а также процесса терминологизации. Дается подробное лексикографическое описание обозначенных понятий, на основании которого выявляются основные свойства терминологической лексической единицы, а также проводится моделирование ядерно-периферийной структуры концепта «термин». Выявляются проблемы формирования и функционирования англоязычной строительной терминологии, а также факторы, обуславливающие данные процессы. Анализируются лингвистические особенности терминологического аппарата строительной отрасли, а также способы перевода строительных терминов с английского языка на русский.

Ключевые слова: термин, терминосистема, строительная терминология, научно-технический перевод, перевод терминологии.

Введение

Проблема перевода строительной терминологии в настоящее время стоит особенно остро, что вызвано глобализацией строительной отрасли и либерализацией строительного бизнеса. Актуальность исследования обусловлена, во-первых, тем, что в настоящее время степень изученности и проработанности данного направления далеки от желаемого и не в полной мере обеспечивают потребности строительной отрасли в адекватном терминологическом аппарате, заимствованном из английского языка или переведенного с него. Во-вторых, существует определенная неясность в методике и инструментарию перевода англоязычных терминов на русский язык в силу разносистемности этих языков и их морфологического потенциала к образованию новой терминологии. В-третьих, современная строительная отрасль развивается весьма динамично, строительные компании выходят на мировой рынок, усиливается технологичность строительных методик и материалов, что обуславливает востребованность качественного научно-технического перевода как технической документации, так и терминологии. Проблема переводимости англоязычной строительной терминологии мотивирована несовпадением типологических систем русского

и английского языков, явлением лакунарности, а также трудностью адаптации специфической лексики.

Цель исследования заключается в анализе особенностей образования строительной терминологии на английском языке, а также выявлении способов ее перевода на русский язык. Кроме того, немаловажным является попытка установления различных переводческих трансформаций, а также способов их комбинирования для достижения адекватности перевода, поскольку зачастую применение тех или иных способов перевода изолированно представляется затруднительным или невозможным.

Ключевой особенностью научно-технического языка, а также языка строительной отрасли, в частности, является необходимость точного и системного представления информации. Точность и системность являются определяющими критериями при формировании специфических терминосистем определенной предметной области. Поскольку в настоящем исследовании речь идет о проблемах перевода строительной терминологии с английского языка на русский, то необходимо четко определить и описать ту сферу профессиональной деятельности, к которой относятся рассматриваемые

лексические единицы – термины. Термины в строительной отрасли должны максимально точно описывать те предметы и понятия, за которыми они закреплены, избегать неточности или многозначности. Терминологический аппарат строительной отрасли является частью терминосистемы языка, а не существует отдельно от нее. Этим обусловлено главное свойство любой терминологии – её системность, т.е. соотносённость с терминологическими аппаратами более высокого и более низкого порядка, с которыми она состоит в системно-иерархических отношениях.

В настоящем исследовании под терминосистемой понимается системно организованная и упорядоченная совокупность терминологических лексических единиц (терминов), служащих для точного и адекватного выражения определенных предметов, явлений, понятий, признаков, процессов и т.д. Между единицами терминосистемы обязательно существует определенная связь, определяемая структурой самой системы. Термины, как отдельные единицы, реализуют свой номинативно-семантический потенциал только в рамках своей собственной терминосистемы, за пределами которой они могут подвергнуться процессу детерминологизации, т.е. утраты своего точного значения и превращения в единицу общеупотребительной лексики. Общеупотребительная лексика, в свою очередь также способна проникать в терминосистемы и подвергаться процессу терминологизации. По словам С.В. Гринева-Гриневица граница между лексикой терминологической и лексикой общеупотребительной достаточно нестабильна. Она скорее имеет функциональный, а не исторический характер. В данной сфере непрерывно протекают два разнонаправленных процесса – превращения терминологии в общеупотребительные слова и наоборот, переход бытовой лексики в терминологическую сферу [1].

По мнению другого исследователя, Р.И. Комаровой, не существует более многоликой и трудно поддающейся определению единицы, чем термин. При этом в науке существует несколько определений данного понятия. В то время как одни исследователи стремятся дать ему логическое объяснение, другие пытаются раскрыть его с помощью описательного подхода. Третьи – противопоставляют термин какой-либо другой единице [2].

Одно из самых распространенных, лаконичных и общепринятых определений понятия термин принадлежит советскому лингвисту А.А. Реформатскому: «Термины – это слова, ограниченные своим особым назначением; слова, стремящиеся быть однозначными как точное выражение понятий и называние вещей» [3, с. 110-111]. Некоторые лингвисты разделяют функциональную точку зрения и утверждают, что в роли термина может выступать любое слово и, что термины – это не особые слова, а слова в особой форме [4, 5].

В настоящей работе под термином мы понимаем «слово или словосочетание специального (научного и т. п.) языка, создаваемое (принимаемое, заимствуемое) для точного выражения специальных понятий и обозначения специальных предметов» [6, с. 474].

Материалы и методы

Строительная терминология как подсистема научно-технического языка и его строительно-архитектурного уровня является предметом интереса лингвистов и переводоведов. Как отмечалось ранее, внедрение строительных инноваций и стремительная технологизация всех строительных процессов способствуют появлению новых лексических единиц, необходимых для их наименования и закрепления в языке и лексикографических источниках. Однако это требует проведения соответствующих научных исследований и выработки методик перевода соответствующей терминологии на русский язык и ее корректной адаптации. В разное время проблемой перевода и переводимости строительной терминологии занимались многочисленные ученые-лингвисты, среди которых Я.И. Рецкер, Ю.А. Денисенко, Б.Н. Климзо, И.Н. Ремхе, С.М. Айзенкоп, Е.Н. Балазина, А.В. Жидков и другие. Работы данных авторов легли в основу и стали теоретико-методологической базой настоящего исследования. В качестве практического материала в работе были использованы многочисленные авторитетные лексикографические источники научно-технической и строительной терминологии, такие как «Англо-русский словарь по строительству и новым строительным технологиям» В.В. Быкова и А.А. Позднякова, «Англо-русский словарь по машиностроению и автоматизации производства» Б.С. Воскобойникова и В.Л. Митровича, «Современный англо-русский словарь по машиностроению и автоматизации производства» Б.С. Воскобойникова, «Толковый строительно-архитектурный словарь», «Словарь строительных и архитектурных терминов», «Англо-русский строительный словарь» С.Н. Корчемкина, «Русско-английский и англо-русский словарь терминов, используемых при инженерных изысканиях для строительства», «Англо-русский словарь по проектированию строительных конструкций», «Англо-русский словарь по проектированию строительных конструкций», «Англо-русский словарь строительных терминов» А.И. Бурлака.

Основными методами исследования были выбраны: метод систематизации и классификации теоретического материала, метод сплошной выборки, описательный метод, методы структурно-семантического и компонентного анализа, а также метод графического моделирования (при построении схем и диаграмм).

Результаты

Строительная терминология является составной

частью языка строительства и архитектуры. К ней относятся лексические единицы из таких областей как материаловедение, проектирование, изготовление различных конструкций и механизмов, их применение, монтаж и т.д. В настоящее время все процессы, связанные со строительством, переживают бурный рост, вызванный ускоренной технологизацией всех процессов. Это ведет к появлению большого объема новой терминологии во всех языках, но прежде всего в английском, поскольку именно он является самым распространенным языком международного общения, как в бытовом, так и в научном отношении. В связи с этим возникает необходимость всестороннего изучения процессов формирования новой терминологии с целью выработки оптимальных подходов к её переводу на русский язык. Для того, чтобы перейти к анализу способов перевода англоязычных строительных терминов на русский язык необходимо дать определение самому понятию термина на русском и английском языках. Итак, термин – это:

1. Слово (или сочетание слов), являющееся точным обозначением определённого понятия какой-л. специальной области науки, техники, искусства, общественной жизни и т.п. [7].
2. Слово или словосочетание, обозначающее строго определённое понятие какой-либо области знания или деятельности [8].
3. Выражение, слово, речение, название вещи или приема, условное выражение. В каждой науке и ремесле свои термины, принятые и условные названия [9].
4. Слово или словосочетание - название определённого понятия какой-н. специальной области науки, техники, искусства [10].
5. Специальное слово и выражение, принятое для обозначения чего-нибудь в той или иной среде, профессии. Слово, являющееся названием строго определённого понятия [11].

Англоязычные лексикографические источники дают

такие определения лексеме *term / термин*.

1. A word or phrase used to describe a thing or to express a concept, especially in a particular kind of language or branch of study; language used on a particular occasion; a way of expressing oneself; a word that gives a descriptive name to smth. [12].
2. A word or expression with a specific meaning, especially one which is used in relation to a particular subject [13].
3. A word or phrase that has an exact meaning; the particular kinds of words used to describe someone or something [14].
4. A word or phrase used for referring to something [15].

Проведя анализ лексикографических дефиниций понятия «термин», мы можем выделить ключевые детерминативы данной единицы, а также, пользуясь современными подходами к определению структуры концепта, принятыми в когнитивной лингвистике, выделить ядро и периферию данного концепта. Таким образом семантическое поле понятия «термин» включает в себя следующие семы (компоненты значения):

- слово, выражение или фраза;
- точное, конкретное обозначение ч-л;
- соотнесенность с понятием;
- соотнесенность с определенной сферой (особ. профессиональной);
- конвенциональный характер (общепринятость).

Представим данную совокупность свойств термина в виде наглядной схемы: (Рис 1.)

Ядерно-периферийную структуру концепта «термин» можно представить следующим образом: (Рис 2.)

Существуют многочисленные подходы к классификации терминов в зависимости от различных характеристик и факторов. Нами была проведена подробная выборка и систематизация данных подходов. Представим ее в виде таблицы 1.

Рис. 1. Свойства термина

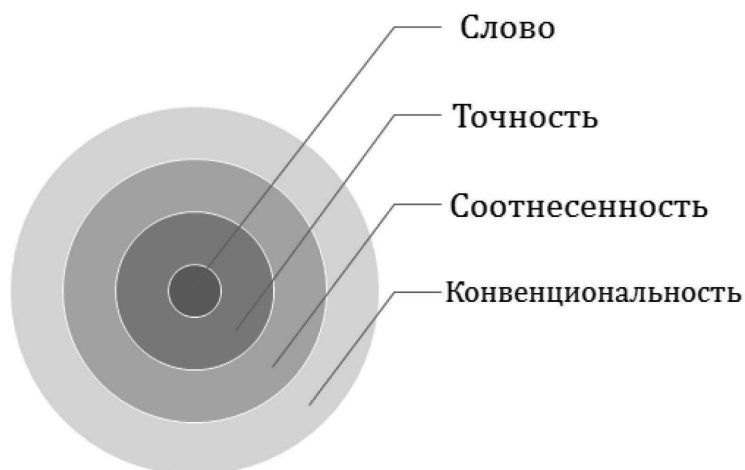

Рис. 2. Ядерно-периферийная структура концепта «термин»

Таблица 1.

Классификация терминов.

Классификация терминов по этимологии (происхождению)	
Классификация терминов по форме образования	
Классификация терминов по хронологическому статусу	
Классификация терминов по типам называемых терминами понятий	
Классификация терминов по степени абстракции	
Классификация терминов по предметной принадлежности	
Классификация терминов по семантической структуре	
Классификация терминов по совпадению значения	

В основе образования терминологии как правило лежит четыре аспекта:

- образование термина на основе **сходства функций** (*wing – крыло, to doctor – налаживать, устранять неполадки, door – заслонка, люк*);
- образование термина на основе **смежности понятий** (метонимический способ) (*tare – тара и ее вес, engine – двигатель и паровоз, motor – мотор и автомобиль*);

- образование термина на основе **сходства внешних и внутренних признаков** (*head – головка, finger – палец, штифт, cheek – боковая стенка*);
- образование термина на основе **аналогичности понятий** (*fatigue – усталость, exhaust – выхлоп, выхлопная труба*).

Итак, проанализировав понятие «термин», возможные подходы к его интерпретации, структуру данного

понятия, способы образования терминов, а также варианты классификации терминов, перейдем к проблеме соотношения разноязычных терминов и возможности их перевода и адаптации.

Строительная отрасль насыщена узкоспециальной терминологией, большая часть из которой является иноязычной, поэтому при переводе строительной терминологии должны учитываться многочисленные аспекта, такие как:

- авторская принадлежность;
- функции объекта;
- свойства объекта;
- структура объекта;
- особенности конструкции и расположения;
- качественные и количественные характеристики объекта;
- внешний вид объекта;
- достоинства и недостатки объекта и др.

Вопрос о выборе наиболее подходящего и приемлемого для той или иной ситуации способа адекватной передачи англоязычной терминологии остается дискуссионным в современной лингвистике. Отечественные ученые предлагают в качестве основных различные способы и приемы перевода, такие как лексические и грамматические трансформации [16], перестановки, замены или добавления [17], калькирование, описательный перевод или инверсия [18].

Проведя анализ теоретического материала, мы обобщили все варианты перевода и выделили следующие виды и способы перевода строительной терминологии с английского языка на русский:

1. Дословный перевод (буквальный перевод):

- *ultra-highstrength* – сверхвысокопрочный, особо-высокопрочный;
- *green building* – зеленое строительство;
- *colourant* – краситель;
- *green roof* – зеленая крыша (покрытая растительностью);
- *concrete canvas* – бетонное полотно;
- *vinyl siding* – виниловая облицовка.
- *ultra-fine glass cloth* – холст из ультрасупертонкого стекловолокна и т.д.

2. Транскрипция и транслитерация:

- *townhouse* – таунхаус (небольшой дом в городе);
- *fan coil* – фанкойл (устройство системы кондиционирования);
- *blockhaus* – блок-хаус;
- *aerogel* – аэрогель;
- *absorber* – абсорбер;
- *siding* – сайдинг (наружный обшивочный материал);
- *decking* – декинг (строганая террасная доска);
- *cladding* – кладдинг (наружная облицовка зданий);

- *flashing* – флэшинг (технология изготовления кирпича) и т.д.

3. Инверсия различного характера:

- *accident prevention regulations* – правила техники безопасности;
- *gas heating system* – система газового отопления;
- *special shape brick* – кирпич особой формы;
- *high alumina cement concrete* – бетон из высокоглиноземистого цемента;
- *parallel wire unit* – пучок параллельных проволок и т.д.

4. Функциональная аналогия:

- *reinforced concrete* – железобетон;
- *supporting structure* – несущая конструкция;
- *gypsum plasterboard* – гипсокартон;
- *tile* – плитка (а не только кафель);
- *roofing material* – кровельный материал и т.д.

5. Экспликация (описательный перевод):

- *partial safety factors* – коэффициенты, учитываемые при расчете конструкций по предельному состоянию;
- *rawlplug* – вставка с расширяющимся волокном;
- *ecoconcrete* – бетон на дешевых местных заполнителях;
- *brad* – гвоздь без шляпки;
- *flaky and elongated aggregate* – заполнитель с зернами чешуйчатой и удлиненной формы;
- *panel air system* – система кондиционирования воздуха с радиационными панелями;
- *omnia concrete floor* – сборно-монолитное перекрытие типа «Омниа» и т.д.

6. Комбинирование нескольких приемов перевода:

- *composite decking* – композитный декинг;
- *high range water-reducing admixture* – суперпластификатор;
- *metal siding* – металлический сайдинг;
- *sandwich concrete* – сэндвич-бетон;
- *fiber concrete* – фибробетон и т.д.

7. Калькирование:

- *self-sufficient house* – самодостаточный дом;
- *ultimate bearing capacity* – предельная несущая способность;
- *smart house* – смарт дом (умный дом);
- *3Dprint* – 3D-печать;
- *additive manufacturing* – аддитивное производство
- *gas distribution network* – газовая распределительная сеть;
- *contour crafting* – контурное моделирование;
- *smart dynamic concrete* – смарт-динамический бетон;
- *gas-control automatic equipment* – газорегуляторное автоматическое устройство и т.д.

8. Заимствование:

- *loft* – лофт (лофт);
- *Armstrong* – «Армстронг»;

- *Jet Grouting* – метод «Jet Grouting» (струйная цементация грунта);
- *Plyscraper* – здание-plyscraper;
- *Top-Down* – метод «Top-Down» (метод одновременного строительства котлована, подземного пространства и фундамента здания) и т.д.

9. Морфологическая трансформация (добавление, замена, опущение, генерализация и т.д.):

- *radial cone bottom* – радиально-коническое днище;
- *face opening of exhaust hood* – рабочий проем вытяжного зонта;
- *one pipe heating system* – однотрубная система отопления;
- *vacuum lifting equipment* – вакуумные грузозахватные устройства;
- *ladder jack scaffold* – лестничные леса;
- *packaged building program* – комплексная программа строительства;
- *ultimate compressive strength* – предел прочности при сжатии;
- *decentralized sewerage system* – децентрализованная канализация и т.д.

Особую сложность для перевода представляют новообразованные термины, термины-лакуны или термины, содержащие лингвокультурные реалии, например: *plyscraper, placemaking, advetechture, loft, terraced house, duplex apartment, tabernacle* и др.

Обсуждение

Перевод научно-технической терминологии, а также ее ветви – терминологии строительной предполагает ряд характерных базовых особенностей, без которых обеспечение качественного адекватного перевода практически невозможно:

- переводчику необходимо владеть большим объемом информации и легко ориентироваться в ней;
- перевод строительной терминологии требует не только знание языка-донора и языка-реципиента, но также и знание самой предметной области (строительства);
- переводчику необходимо обладать высокими знаниями и компетенциями в смежных областях, поскольку терминология часто «мигрирует» между ними;
- переводчику необходимо своевременно отслеживать постоянно меняющиеся условия рынка, обновление и изменение номенклатур, стандартов и т.д.;
- переводчику необходимо своевременно отслеживать появление новой терминологии, которая зачастую еще не имеет официального перевода;
- переводчику необходимо понимать специфику термина и контекст его создания;
- переводчику необходимо проявлять определенную изобретательность и нестандартность мышления для наиболее точной передачи иноязычной терминологии.

ную изобретательность и нестандартность мышления для наиболее точной передачи иноязычной терминологии.

На основании проведенного исследования теоретического материала в области научно-технической терминологии и переводоведения нами была выработана классификации основных и наиболее существенных проблем, связанных с подходами к переводу строительной терминологии с английского языка на русский. К ним относятся:

- полисемия термина, т.е. перевод терминов, используемых в разных областях строительства и имеющих разные значения в каждой из них (*bat* – неполный кирпич / теплоизоляция / прокладка, а также – летучая мышь / бита; *aging* – старение, выдержка; *bearing* – опора / точка опоры / подшипник / давление; *actuator* – силовой привод / рукоятка привода / исполнительный механизм / пускатель);
- наличие большого числа аббревиатур, акронимов и других видов усечения (*LEED, FEED, NRHP, US GBC, EPC* и др.);
- наличие устойчивых технических словосочетаний (*maintenance and modification; safe working load, earliest event occurrence time* и др.);
- непрерывное появление новой терминологии (*девелоперская; мультиплекс, хэндмейкер, тендеринг* и др.);
- наличие грамматических конструкций, несвойственных русскому языку, таких как безличные предложения, пассивные обороты и т.д.
- многокомпонентность (*fast settling patching compound, overage shortage damage, pre assembly unit* и др.);
- разносистемность языков;
- синтаксические и морфологические различия языков.

Нелишним будет отметить, что среди так называемых ESP (English for Specific Purposes) английский для строителей является одним из наименее распространенных. Это влечет за собой немало проблем, вызванных нехваткой квалифицированных кадров, как с точки зрения владения основной специальностью, так и с точки зрения лингвистической компетентности. Перевод строительной терминологии с английского языка на русский представляется достаточно сложной и нетривиальной задачей, требующей от специалиста множество компетенций в различных областях знания и практики.

Заключение

Многие строительные компании осуществляют свою деятельность на международном рынке, привлекая к своей работе специалистов из разных стран. Очевидным

представляется тот факт, что без качественной профессиональной коммуникации и взаимопонимания всех привлеченных сторон невозможна продуктивная кооперация. Это обуславливает необходимость в подготовке квалифицированного кадрового состава, владеющего международной строительной терминологией и способного адаптировать ее для внутреннего пользования.

В результате проведенного исследования, направленного на выявление, анализ и описание наиболее продуктивных подходов к переводу строительной терминологии с английского языка на русский было установлено следующее: русский язык строительной сферы непрерывно пополняется новой терминологией преимущественно англоязычного происхождения, что говорит об интернациональном характере

строительной отрасли; несмотря на то, что существует большое количество словарей для строителей, многие термины или являются неологизмами или еще не прошли лексикографическое описание и адаптацию, что ведет к их неоднозначности и интерпретативности; в свою очередь последнее положение обуславливает необходимость качественного перевода строительных терминов на русский язык. В ходе исследования было установлено, что наиболее продуктивными являются такие модели перевода как перевод по аналогии, транслитерационный перевод, транскрипционный перевод, а также дословный перевод. Также наблюдается применение нескольких приемов одновременно. Решение об использовании того или иного приема в конечном счете остается за переводчиком и зависит от его квалификации и профессионализма.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гринев-Гриневиц С.В. Введение в терминографию: Как просто и легко составить словарь / С.В. Гринев-Гриневиц. – М., 2008. – 304 с.
2. Комарова Р.И. Терминосистема подъязыка эвристики (на материале англ. яз.): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Одесса, 1991. – 236 с.
3. Реформатский А.А. Термин как член лексической системы языка / А.А. Реформатский // Проблемы структурной лингвистики. – М.: Наука, 1967. – С. 110-111.
4. Винокур Г.О. Грамматические наблюдения в области технической терминологии / Г.О. Винокур // Труды МИИФЛИ. М., 1939. Т. 5. – С. 5
5. Моисеев А.И. О языковой природе термина / А.И. Моисеев // Лингвистические проблемы научно-технической терминологии. М., 1970 С. 127-138.
6. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. – 2-е изд., стер. – М.: УРСС, 2004. – 571 с.
7. Большой толковый словарь русского языка / [гл. ред. С.А. Кузнецов]. – Санкт-Петербург: Норинт; Москва: Рипол классик, 2008. – 1534 с.
8. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный / Т.Ф. Ефремова. – М.: Русский язык, 2000. – 1084 с.
9. Толковый словарь живого великорусского языка: избр. ст. / В.И. Даль; совмещ. ред. изд. В.И. Даля и И.А. Бодуэна де Куртенэ. – М.: Олма-Пресс: Крас. пролетарий, 2004. – 700 с.
10. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – 4-е изд., доп. – Москва: Азбуковник, 2000. – 940 с.
11. Большой толковый словарь русского языка: современная редакция / Д. Н. Ушаков. – Москва: Дом Славянской кн., 2008. – 959 с.
12. Oxford Dictionaries [Электронный ресурс]. – URL: <http://oxforddictionaries.com> (дата обращения: 1.12.2022).
13. Collins Dictionary [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.collinslanguage.com> (дата обращения: 1.12.2022).
14. The Britannica Dictionary [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.britannica.com/dictionary> (дата обращения: 1.12.2022).
15. Macmillan Dictionary. Free English Dictionary and Thesaurus [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.macmillandictionary.com/> (дата обращения: 1.12.2022).
16. Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты) / В.Н. Комиссаров. – М.: Высш. шк., 1990. – 253 с.
17. Бархударов Л.С. Язык и перевод. Вопросы общей и частной теории переводов / Л.С. Бархударов. – М.: Международные отношения, 1975. – 239 с.
18. Кулешова В.М. Введение в теорию и практику перевода научно-технической литературы: курс лекций / В.М. Кулешова. – Минск: БГУ, 2001. – 59 с.

© Батуриян Маргарита Аветисовна (margarita_baturyan@mail.ru), Хатков Самир Айдамирович (khatkov03@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ НОМИНАТИВНЫХ ЕДИНИЦ АНГЛОЯЗЫЧНОГО ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО СЦЕНАРИЯ «CULTURES»

STRUCTURAL AND SEMANTIC ANALYSIS OF NOMINATIVE UNITS OF THE ENGLISH-LANGUAGE LINGUO-CULTURAL SCENARIO "CULTURES"

*O. Belyakova
M. Sergeeva
E. Frolova*

Summary: The purpose of the study is to determine the structural and semantic characteristics of nominative units, which are the means of linguistic representation of the English-language linguo-cultural scenario "Cultures". The identification of the main directions of grouping nominative units allowed us to build a frame scheme of supporting concepts and sub-concepts of the script, which found linguistic embodiment in nominal and verbal nominative units grouped in the form of compositional and structural blocks. The author concentrates on the structural and semantic characteristics of one-word and super-word nominative units of nominal and verbal character. The scientific novelty of the study is that in line with the application of a comprehensive cognitive-cultural approach to language material, the English-language linguistic and cultural scenario "Cultures" is described as a cognitive scheme of the speech situation, which allows us to identify the features of the structure and content of nominative units. As a result of the conducted research, a slight predominance of nominal language units over verbal ones was established, associated with their ease of pronouncing and brevity in speech, as well as the predominant use of separately formed nominative units, which allow to fully and accurately convey the structure of the nomination object.

Keywords: linguo-cultural scenario, nominative units, structural-semantic models, one-word units, super-word units.

Белякова Ольга Владимировна

*к. филол. н., доцент, Самарский государственный
экономический университет
olgabel5893@yandex.ru*

Сергеева Маргарита Викторовна

*к. филол. н., доцент, Самарский национальный
исследовательский университет
имени академика С.П. Королева
gaensebluetchen19@mail.ru*

Фролова Елизавета Владимировна

*к. пед. н., доцент, Московский государственный
педагогический университет (Анапский филиал)
frolovaelizaveta@yandex.ru*

Аннотация: **Цель исследования** – определить структурно-семантические характеристики номинативных единиц, которые являются средствами языковой объективации англоязычного лингвокультурного сценария «Cultures». Выявление основных направлений группировки номинативных единиц позволило выстроить фреймовую схему опорных концептов и субконцептов сценария, что нашло языковое воплощение в именных и глагольных номинативных единицах, сгруппированных в виде композиционно-структурных блоков. Автор концентрируется на структурно-семантических характеристиках однословных и сверхсловных номинативных единиц именного и глагольного характера. **Научная новизна** проведенного исследования состоит в том, что в русле применения комплексного когнитивно-культурологического подхода к языковому материалу англоязычный лингвокультурный сценарий «Cultures» описывается как когнитивная схема речевой ситуации, что позволяет выявить особенности структуры и содержания номинативных единиц. **В результате** проведенного исследования установлено незначительное преобладание именных языковых единиц над глагольными, связанное с их удобопроизносимостью и краткостью в речи, а также преимущественное использование раздельнооформленных номинативных единиц, позволяющих полно и точно передать структуру объекта номинации.

Ключевые слова: лингвокультурный сценарий, именные номинативные единица, глагольные номинативные единица, однословные единицы, сверхсловные единицы.

Введение

Лингвокультурный сценарий – это достаточно новое явление в лингвистике, хотя существуют родственные понятия, такие как динамический фрейм, скрипт. Лингвокультурные сценарии представляют собой «инварианты класса типовых ситуаций национальной культуры, существующих как в составе культуры, так и в фоновых знаниях носителей данного языка» (Савицкий, Плеханов, 2001, с. 109). Сценарии выражаются в речи с помощью языковых единиц, представляю-

щих собой совокупность лексических и грамматических языковых средств. Основными элементами лингвистической части сценария являются наименования, являющиеся основными номинативными единицами, и формулировки, выступающие в качестве основных единиц коммуникации.

Номинативная единица представляет собой «языковое выражение, репрезентирующее фрагмент действительности как класс предметов...» (Колпакова, 2004, с.137), в то время как коммуникативные единицы явля-

ются средствами формулирования мысли (Савицкий, Кулаева, 2004, с.123). Отметим, что именно номинативные единицы являются базовыми единицами сценариев, позволяющими осуществлять процесс номинирования, поэтому они выбраны в качестве объекта исследования в данной работе.

Речь идет об анализе номинативных единиц англоязычного лингвокультурного сценария, так как проблемы с порождением и восприятием речи возникают именно на неродном языке, соответственно, для эффективного общения необходимо знать базовые наименования и речевые формулировки.

Актуальность выбранной темы связана с целесообразностью значительно более глубокого изучения языковой номинации в тематических рамках сценария «Cultures» с тем, чтобы облегчить межкультурную коммуникацию и более эффективно осуществлять обмен мнениями, вести переговоры и собрания с участием представителей других культур, что будет способствовать лучшему пониманию и достижению поставленных целей в общении. Вышесказанное является свидетельством высокой коммуникативной ценности выбранного сценария.

Задачами исследования являются описание структуры англоязычного лингвокультурного сценария «Cultures», инвентаризация и систематизация его номинативных единиц, структурно-семантический анализ языковых единиц.

В качестве **материала исследования** были использованы следующие источники:

1. Cotton D., Falvey D., Kent S. Market Leader. International Business English Course book. Intermediate. 3rd ed. Harlow: Pearson Education limited, 2010.
2. Cotton D., Falvey D., Kent S. Market Leader. International Business English Course Book. Upper-Intermediate. 3rd ed. Harlow: Pearson Education Limited, 2012.
3. Mackenzie I. English for Business Studies. Student's Book. 3rd ed. Cambridge: Cambridge University press, 2010.
4. Mackenzie I. Management and Marketing. Language Teaching Publications. L.: Commercial Colours Press, 2001.
5. Macmillan English dictionary for advanced Learners. New ed. L. Macmillan Publishers Limited, 2011.

Теоретическая база проводимого исследования отличается разнообразием. В основе исследования лежат труды В.М. Савицкого, А.Е. Плеханова (2001), О.А. Кулаевой (2014), С.В. Лурье (2019), Г.В. Колпаковой (2004), в которых подробно освещаются вопросы построения

аутентичной речи на иностранном языке, а также значительное внимание уделяется изучению степени устойчивости языковых единиц. Также отмечается высокая значимость работ В.М. Савицкого (2021), О.В. Беляковой (2022), в которых подробно разбираются вопросы, связанные с особенностями формализованного представления сценария и его этнокультурной спецификой. Различные аспекты лингвокультурных сценариев сферы делового и профессионального общения, такие как особенности их структуры и семантического наполнения рассматриваются в работах О.В. Беляковой (2021), Г.В. Глухова, О.В. Беляковой, Е.В. Черкасовой (2019), Л.В. Ивиной (2003), что позволяет описать сценарий как структуру, состоящую из ряда блоков.

Несомненна **практическая значимость** проведенного исследования: исследованный материал может применяться при разработке лекционных и практических курсов по лексикологии, лингвокультурологии, когнитивной лингвистике, а также учебников и учебных пособий.

Методы исследования включают контекстуальный анализ, метод фреймового анализа, а также анализ словарных дефиниций. Базовым является метод фреймового анализа.

Для того чтобы описать структуру сценария, на первом этапе исследования были выявлены основные направления группировки номинативных единиц анализируемой тематической области. Для это были сформулированы ряд вопросов, универсальных для построения любого сценария сферы деловой активности. В качестве основных можно отметить следующие вопросы: Какова последовательность событий в рассматриваемом случае? Какова актантная структура сценария? Каковы обстоятельства развертывания действия?

На следующем этапе исследования, в ходе ответа на данные вопросы, была выстроена цепь опорных концептов, которые лежат в основе фреймовой структуры сценария. Базовые концепты соответствуют основным разделам (блокам) сценария, путем дальнейшей детализации были выявлены субконцепты.

Структура сценария «Cultures» (Культуры)

При построении лингвокультурного сценария «Cultures» были выделены следующие базовые концепты:

1. CHARACTERS/ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА (*managers/менеджеры; client/клиент*);
2. EVENTS/МЕРОПРИЯТИЯ (*conference/конференция; presentation/презентация*);
3. FACTORS IMPORTANT IN CREATING A CULTURE/ФАКТОРЫ, ВАЖНЫЕ ДЛЯ СОЗДАНИЯ КУЛЬТУРЫ (*climate/климат; arts/искусство*);

4. COUNTRIES AND NATIONALITIES/СТРАНЫ И НАЦИОНАЛЬНОСТИ (*India/Индия; a Chinese/китаец*);
5. ORGANISATIONS/ОРГАНИЗАЦИИ (*subsidiary/дочерняя компания; multinational company/транснациональная корпорация*);
6. MANAGEMENT PRACTICES/ОСОБЕННОСТИ УПРАВЛЕНИЯ (*a policy of promotion by seniority/политика продвижения по старшинству; the principle of pay-for-performance/политика оплаты по результатам*);
7. BUSINESS PROTOCOL AND ETIQUETTE/ БИЗНЕС ПРОТОКОЛ И ЭТИКЕТ (*business cards/визитки; greeting/приветствие*);
8. ABBREVIATIONS /АББРЕВИАТУРЫ (*MBA/магистр делового администрирования; CV/жизнеописание*);
9. TERMS/ТЕРМИНЫ (*culture shock/культурный шок; cross-cultural/межкультурный*) (Mackenzie, 2010; Macmillan English Dictionary..., 2011).

Таким образом, лингвокультурный сценарий имеет композиционно-блочную структуру, при этом обобщенный фрейм является своеобразной оболочкой для всех входящих в него более детализированных и конкретизированных фреймов.

Именные номинативные единицы

Проведенный анализ языкового воплощения лингвокультурного сценария «Cultures» показал, что значительная часть языковых единиц носит именной характер, т.е. широко используются существительные, прилагательные, а также словосочетания из них. Рассмотрим это подробнее.

Основные понятия сценария традиционно характеризуются с помощью языковых единиц, носящих именной характер: *culture* (культура), *cultural* (культурный), *social* (социальный), *global* (глобальный), *communication* (коммуникация) (Cotton, Falvey, Kent, 2010, с. 66; 68). Повидимому, вышеупомянутые слова номинируют те концепты, которые имеют для данной сферы наибольшее практическое значение.

Некоторая часть именных номинаторов может быть отнесена к группе однокорневых слов, в частности, слова *gift* (подарок), *tip* (полезный совет), *host* (хозяин). Однако небольшой объем не позволяет данным словам выразить более сложное содержание, поэтому аффиксальные слова представлены в большей степени, чем корневые. Подавляющее большинство аффиксальных слов образованы с помощью суффиксации, причем преобладают здесь существительные, поскольку они позволяют называть предметы и явления наиболее точно и полно. Чаще всего используются такие суффиксы существительных, как *-ion* (*tradition/традиция*), *-ure* (*architecture/архитектура*), *-ity* (*punctuality/пунктуальность*), *-ance* (*appearance/внешность*), *-our* (*behaviour/поведение*), *-age*

(*language/язык*), *-ment* (*environment/окружающая среда, окружение*) (Cotton, Falvey, Kent, 2010, с. 66-67). Чаще всего подобные существительные описывают факторы, создающие культуру, элементы бизнес протокола, правила поведения.

Кроме того, при описании действующих лиц отмечается использование агентивного суффикса *-er* (*traveller/путешественник*), а также суффикса *-ist* (*sociologist/социолог*), обозначающих носителей позиционных и социокультурных ролей, а также суффикса *-ess*, сохраняющего реликтовое гендерное значение (*hostess/хозяйка*) (Cotton, Falvey, Kent, 2012, с. 62).

Разнообразие суффиксов, используемых для образования существительных, может быть объяснено тем, что существительное, обладая абсолютной номинативной значимостью, наиболее точно и полно описывает характеризующие предметы и явления, и поэтому нуждается в языковых средствах, позволяющих выразить все многообразие значений.

Отметим также значительное число сложносоставных именных цельнооформленных наименований, примером которых является слово *businessmen* (*предприниматели*) (Macmillan English Dictionary..., 2011, с. 195), которые сочетают повышенную семантическую емкость с сжатой формой выражения.

Помимо существительных в анализируемом сценарии встречаются довольно многочисленные именные однословные номинаторы в виде прилагательных, которые характеризуют качества, значимость и охват межкультурного общения (*important/важный; friendly/дружелюбный; international/международный*). Подобные языковые единицы чаще всего образованы с помощью суффиксов прилагательных *-al* (*individualist/индивидуалистический*), *-ful* (*careful/осторожный, заботливый*), *-y* (*lucky/везучий*), *-able* (*acceptable/подходящий*), *-ic* (*diplomatic/дипломатичный*) (Mackenzie, 2010, с. 26).

Часть прилагательных используется с отрицательными префиксами *-in*, *-im*, *-un* (*impolite/невежливый; unnecessary/бесполезный; inappropriate/неподходящий*) (Mackenzie, 2010, с. 26), что объясняется необходимостью передать не только положительный, но и отрицательный эффект взаимодействия разных культур, или преграды, стоящие на пути международного общения.

Многообразие языкового состава проявляется и среди сверхсловных именных номинативных единиц сценария, причем преобладают двухсловные номинаторы, стержневым компонентом которых является существительное, а в качестве зависимого слова могут использоваться другое существительное, прилагательное или причастие: (*historical events/исторические события; eye*

contact/зрительный контакт; cultural differences/культурные различия; trading groups/торговые группы (Cotton, Falvey, Kent, 2010, с. 66-67).

Весьма распространены именные группы, имеющие структуру N+N, позволяющие передавать целую гамму отношений между элементами ее лексического состава (*body language/язык телодвижений; personal space/личное пространство*) (Cotton, Falvey, Kent, 2010, с. 66).

Кроме того, среди раздельнооформленных именных языковых единиц весьма популярны синтаксически стянутые препозитивные группы (*first-name basis/акцент на имени говорящего*), свернутые номинативные единицы (*day-to-day issues/повседневные проблемы*), инициальные аббревиатуры (*the EU/Европейский Союз*), что способствует компрессии информации и позволяет быстро и эффективно осуществлять обмен информацией между собеседниками Mackenzie, 2010, с. 26-27).

Среди именных номинативных словосочетаний наиболее продуктивны следующие структурно-семантические модели:

- cultural + (noun) [smth. pertaining to culture]
cultural awareness (осведомленность о культуре) (Cotton, Falvey, Kent, 2010, с. 66);
- (noun) [type of culture]+ culture
business culture (деловая культура) (Cotton, Falvey, Kent, 2010, с. 67);
- communication+ (noun) [smth. pertaining to communication]
communication skills (навыки общения) (Cotton, Falvey, Kent, 2010, с. 70);
- (noun) [type of a meeting]+meeting
plenary meeting (пленарное заседание) (Macmillan English Dictionary..., 2011, с. 1140);
- (noun) [type of business]+ business
global business (международный бизнес) (Cotton, Falvey, Kent, 2010, с. 66);
- social + (noun) [smth. pertaining to social]
social rules (социальные правила) (Mackenzie, 2001, с. 54);
- management+ (noun) (smth. pertaining to management)
management group (руководящая группа) (Cotton, Falvey, Kent, 2010, с. 66).

Вышеперечисленные модели базируются на таких ключевых словах сценария как culture, cultural, management, social, meeting.

В целом, именные номинативные единицы широко представлены в изучаемом сценарии, они распространены, потому что в них лаконичная форма выражения сочетается с весьма емким содержанием.

Глагольные номинативные единицы

В рамках лингвистической части изучаемого сценария глаголы представлены весьма широко, встречаются как глаголы основного словарного фонда, имеющие базовое значение (*to see/видеть, to become/становиться, to get/получать, to have/иметь*), так и глаголы деловой тематики, которые часто употребляются в сценариях профессиональной направленности и описывают действия, многократно производимые сотрудниками предприятий (*to manage/управлять, to pay/платить, to propose/предлагать*). На основе подобных слов построены глагольные выражения *to pay tax (платить налоги), to manage across cultures (осуществлять управление в разных культурах)* (Mackenzie, 2010, 32; 78).

Глаголы в сценарии образованы с помощью суффиксов и префиксов. Чаще всего встречаются суффиксы глаголов -ate, -ise, -en, -fy (*to maximise/максимально повысить, to estimate/оценить, to strengthen/укрепить, to modify/видоизменить*), а среди префиксов наиболее употребительны -de, over, -under, -re, выражая, соответственно, повторное или обратное действие (*to redevelop/придать новое развитие; to deregulate/отменить регулирование*), преувеличение или преуменьшение (*to overcome/преодолеть; to underestimate/недооценить*) (Cotton, Falvey, Kent, 2012, с. 63; 72).

Также в сценарии активно используются фразовые глаголы, такие как *to sum up (суммировать), to look for (искать), to fill in (заполнить), to cope with (справиться с чем-либо)*, в которых емкое содержание сочетается с краткой формой выражения (Cotton, Falvey, Kent, 2010, с. 35; 66). Кроме того, отмечается использование значительного количества глаголов, омонимичных существительным (*to plan/планировать – a plan/план; to offer/предлагать – an offer/предложение*), что является проявлением современной тенденции к краткости в речи. (Macmillan English Dictionary..., 2011, с. 1036; 1133).

С точки зрения содержания в анализируемом сценарии можно выделить несколько групп глаголов.

Во-первых, это глаголы, характеризующие восприятие другой культуры, такие как *to feel (чувствовать), to miss (скучать), to appreciate (ценить)*, которые являются основой многочисленных глагольных выражений: *to feel uncomfortable (чувствовать себя некомфортно), to have a friendly relationship (иметь дружеские отношения)* (Mackenzie, 2010, 26; 28).

Во-вторых, выделяется группа глаголов, демонстрирующих включенность в культуру. Это глаголы *to maintain (поддерживать), to integrate (интегрировать), to understand (понимать), to adapt (адаптировать)*, которые активно употребляются в составе более сложных форм,

таких как *to become integrated* (интегрироваться), *to understand the culture* (понимать культуру) Macmillan English Dictionary..., 2011, с. 786; 1628).

В-третьих, встречаются многочисленные слова, связанные с перемещениями, такие как *to go* (идти, ехать), *to move* (двигаться), на основе которых строятся выражения *to go abroad* (поехать за границу), *to move to other country* (переехать в другую страну) (Cotton, Falvey, Kent, 2010, с. 32-33).

В-четвертых, многочисленная группа глаголов содержит сведения о действиях, которые производятся на регулярной основе и связаны с выполнением рабочих обязанностей и деловой активностью (*to ask/спрашивать*, *to make/ делать*, *to plan/планировать*, *to attend/ посещать*, *to use/использовать*, *to read/ читать*, *to work/ работать*, *to talk/ разговаривать*) и используются в глагольных выражениях (*to ask questions/задавать вопросы*; *to make a comment/ комментировать*; *to read notices/читать уведомления*, *надписи*, *to work hard/упорно работать*, *to talk to colleagues/разговаривать с коллегами*) (Cotton, Falvey, Kent, 2010, с. 36; 66-68; 79-83).

В-пятых, выделяется группа глаголов, которые направлены на избегание конфронтации, сглаживание шероховатостей, что весьма необходимо в межкультурном общении (*to avoid/ избегать*, *to harmonise/гармонизировать*, *согласовать*). Данные глаголы включены в глагольные словосочетания *to avoid confrontation/ избегать конфронтации*, *to harmonise working practices/ гармонизировать методы работы*, *to stay silent/промолчать* (Cotton, Falvey, Kent, 2010, с. 34; 66-68; 70).

В-шестых, можно выделить группу глаголов, характеризующих сложности, возникающие в процессе межкультурного общения. Они часто входят в состав системно-устойчивых словосочетаний, таких как *to be like a fish out of water* (чувствовать себя не в своей тарелке), *don't see eye to eye* (не ладить, не находить взаимопонимания) (Cotton, Falvey, Kent, 2010, с. 68).

Глаголы отличаются семантическим и структурным разнообразием, и, как правило, входят в состав многочисленных глагольных словосочетаний, которые включают два компонента: глагол и существительное в функции дополнения, порой дополненное прилагательным или причастием. Глагольные словосочетания удобопроизносимы и удобны при описании межкультурного общения. Наиболее часто используются глаголы *to work* (работать), *to communicate* (общаться), *to go* (идти, ехать), *to make* (делать), *to pay* (платить), связанные с выполнением обязанностей, работой, эффективным общением, перемещениями, оплатой труда и услуг в процессе коммуникации с представителями других культур.

По распространенности в тематических рамках анализируемого сценария глагольные номинативные единицы немного уступают именным. По-видимому, это связано с тем, что именные конструкции более эффективно осуществляют номинацию объектов и явлений, особенно если они относятся к группе раздельнооформленных номинаторов.

Заключение

Проведенное исследование приводит к следующим выводам.

Выявление основных направлений группировки номинативных единиц позволило описать фреймовую структуру сценария «Cultures» в виде опорных концептов, соответствующих разделам лингвокультурного сценария. В ходе дальнейшей детализации вычленены субконцепты, соответствующие языковому наполнению блоков сценария. Композиционно-блочная структура сценария была формализовано представлена в виде номинативных единиц.

Проведенная инвентаризация и систематизация языкового наполнения выявили, что сценарий, в основном, представлен цельно- и раздельнооформленными номинативными единицами именного и глагольного характера.

В ходе проведенного исследования были проанализированы именные и глагольные номинаторы сценария. Среди именных цельнооформленных номинативных единиц преобладают аффиксальные слова, образованные в результате суффиксации и являющиеся существительными и прилагательными, что свидетельствует об их высоком номинативном потенциале, причем зачастую они обладают сложным составом. Раздельнооформленные именные номинаторы представлены беспредложными конструкциями, синтаксически стянутыми препозитивными группами и свернутыми номинативными единицами со стержневым именем существительным. Глагольные номинативные единицы по распространенности уступают именным, поскольку последние эффективнее и полнее осуществляют номинацию объектов и явлений. В основном, однословные языковые единицы, имеющие глагольный характер, употребляются не самостоятельно, а в составе сверхсловных единиц. Как результат, широко представлены раздельнооформленные глагольные языковые единицы, отличающиеся разнообразием структуры и содержания, что позволяет точно и полно охарактеризовать многочисленные действия, производимые в рамках сценария.

В качестве перспектив дальнейшего исследования предлагается описание всего комплекса англоязычных лингвокультурных сценариев сферы делового общения и профессиональной деятельности с целью выявления структурных и семантических особенностей их именных и глагольных языковых единиц.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белякова О.В. Средства языковой репрезентации англоязычного лингвокультурного сценария «Посещение банка» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. Т.12. Вып. 2.
2. Белякова О.В. Структурно-семантические особенности номинативных единиц англоязычного лингвокультурного сценария «Stock Market» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Т.15. Вып. 3.
3. Глухов Г.В., Белякова О.В., Черкасова Е.В. Формирование навыков речевого общения на иностранном языке с помощью лингвокультурных сценариев // Актуальные проблемы лингвистики, переводоведения и педагогики. Самара, 2019. № 1(6).
4. Ивина Л.В. Лингво-когнитивные основы анализа отраслевых терминосистем: учеб.-метод. пособие. М.: Академический Проект, 2003.
5. Колпакова Г.В. Семантика языковой единицы. Казань: Казанский гос. ун-т, 2004.
6. Кулаева О.А. Язык и речь - противоположность или единство? // Вестник Самарского государственного экономического университета. Экономика. 2014. № 5.
7. Лурье С.В. Сценарий культурный//Прикладная культурология. Энциклопедия. М.: Согласие, 2019.
8. Савицкий В.М. Культурные сценарии как когнитивная основа фольклорной и языковой образности // Гуманитарный научный вестник. 2021. №3.
9. Савицкий В.М., Кулаева О.А. Концепция лингвистического континуума. Самара: НТЦ, 2004.
10. Савицкий В.М., Плеханов А.Е. Идиоэтизм речи (проблемы лексической сочетаемости). М. – Самара, 2001.

© Белякова Ольга Владимировна (olgabel5893@yandex.ru), Сергеева Маргарита Викторовна (gaensebluemchen19@mail.ru),
Фролова Елизавета Владимировна (frolovaelizaveta@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Самарский государственный экономический университет

ВНЕШНЯЯ ДИАЛОГИЧНОСТЬ РЕКЛАМНЫХ ТЕКСТОВ

Ван Юаньюань

Российский государственный гуманитарный
университет
1007796032@qq.comEXTERNAL DIALOGUE
OF ADVERTISING TEXTS

Wang Yuanyuan

Summary: Advertising is everywhere in today's society. Almost every minute of our life and activity is permeated with advertising, which has various types and kinds. This is a kind of communicative event that happens to the target audience. It is assertive, open, inviting, forms a kind of dialogue with consumers of goods or services. It can also be focused on absolutely any audience - mass readers, viewers, listeners. As you can see, dialogue is its distinctive feature, a style feature. In advertising, dialogue is used emphatically, intrusively, this is the so-called «naked technique». This article discusses the features of dialogue and the corresponding impact of advertising texts on the consumer, in our case, these are readers of women's magazines.

The relevance of the article lies in the specificity of the impact of advertising on the consumer, in its excessive quantity and intrusiveness of its dialogue, as well as in the need for correct advertising policy in the modern context.

The subject of the research is advertising texts in women's magazines.

The object of the study is the external dialogue of the advertising text and its impact on the consumer.

Keywords: advertising, dialogue, external impact, internal impact, advertising product consumer, context, development.

Аннотация: В современном обществе реклама располагается повсюду. Практически каждая минута нашей жизни и деятельности пронизана рекламой, которая имеет различные виды и типологии. Это некое коммуникативное событие, которое происходит с целевой аудиторией. Она напориста, открыта, призывна, формирует определенный диалог с потребителями товаров или услуг. Также она может быть ориентирована совершенно на любую аудиторию – массовых читателей, зрителей, слушателей. Как видим, диалогичность – это ее отличительное свойство, стилевая черта. В рекламе диалогичность используется подчеркнуто, навязчиво, это так называемый «обнаженный прием».

В данной статье рассматриваются особенности внешней диалогичности и соответственного воздействия рекламных текстов на потребителя, в нашем случае, это читатели женских журналов.

Актуальность статьи заключается в специфичности воздействия рекламы на потребителя, в ее чрезмерном количестве и навязчивости ее диалога, а также в необходимости правильности рекламной политики в современном контексте.

Предметом исследования являются рекламные тексты в женских журналах. Объектом исследования является внешний диалог рекламного текста и его воздействие на потребителя.

Ключевые слова: реклама, диалог, внешнее воздействие, внутреннее воздействие, потребитель рекламного продукта, контекст, развитие.

Реклама представляет собой коммуникацию, направленную на привлечение внимания целевой аудитории к объекту продвижения. Это любая информация, которая убеждает потребителей сделать что-то, что нужно производителю товаров или услуг, компании [1]. Рекламу можно также характеризовать, как неличные формы коммуникации, которые осуществляются через платные средства распространения информации с определенным источником финансирования.

Признаками рекламы являются следующие аспекты. Во-первых, это платное размещение рекламы. Показы или публикация материала всегда оплачиваемые, за это платит рекламодатель.

Во-вторых, это распространение ее через СМИ. Интернет, телевидение, радио – это опосредованные средства оповещения.

В-третьих, это убеждение. Основная задача рекламы – убедить что-либо приобрести.

В современном обществе реклама имеет определенные функции, а именно, экономическую, социальную,

маркетинговую, коммуникативную [2].

Экономическая функция предусматривает, что реклама обеспечивает спрос на продукт, т.е. способствует росту компании. Социальная функция определяет в сознании людей привычки, стандарты мышления, модели поведения, закрепляет стереотипы. Маркетинговая функция предполагает не только продажу и продвижение товара, но также формирование потребности именно в данном товаре или услуге, демонстрирует его преимущества. Коммуникативная функция рекламы означает информирование целевой аудитории о продукте. Отметим также, что говорить о функциях рекламы можно более расширенно, например, она стимулирует спрос на товар или услугу, постоянно напоминает о рекламируемом объекте, а также подкрепляет опыт предыдущих покупок [3].

Так как реклама предусматривает определенную коммуникацию, можно говорить о диалоге и монологе. В контексте рекламной коммуникации происходит соотношение диалога и монолога, что порождает диалогичность как особое свойство рекламы. Современное общество характеризуется диалогическими отноше-

ями. В рекламе при выборе коммуникативного канала используются средства диалога и монолога с учетом эмоционального воздействия, красочного представления товара, подчеркивании его превосходящих все прочие продукты свойств. Учитывая положение, что речевая коммуникация является риторической, если хотя бы один из ее участников имеет коммуникативную цель, согласно которой порождается текст, реклама – это некая форма риторической коммуникации, поскольку ее создатель имеет цель убедить потребителя приобрести именно тот товар, который обозначен производителем [4].

Несмотря на риторический аспект рекламного текста, он пронизан диалогическими характеристиками.

Использование рекламы в женских журналах – очень частая практика. Аудитория такого сегмента всегда жаждет покупок, гламура, красоты, молодости и процветания. Соответственно, рекламных сообщений и посылов в них огромное множество. Женские журналы в данном контексте имеют особую функцию – они развлекают и расслабляют читательниц, дают новости о моде и шоу-бизнесе, рекламируют новинки парфюма и косметики, рассказывают о жизни звезд. Они создают так называемый сказочный мир для современной женщины [5]. И даже если она не может позволить себе очень дорогие круизы и одежду от кутюр, то аксессуары или косметику она обязательно приобретет благодаря воздействию рекламы и иллюзии сказки, пусть даже временной.

Реклама в женских журналах диалогична. Поясним особенности использования и функционирование диалоговых структур во внешнем контексте таких журналов. Изначально, рассмотрим теоретические аспекты указанного сегмента.

Диалогичность проявляется в таких формах, как разговор с другим упоминаемым лицом, лицами, единомышленниками, сопоставление или столкновение двух различных точек зрения, которые оцениваются автором, разговор с читателем, приглашение его к сомышлению, стремление привлечь его внимание к содержанию речи, разговор со своим вторым я, это может быть диалог – самоанализ, диалог – самоконтроль, диалог разных логик [6].

Таким образом, проявляется сопоставление контекстов *я – мы, я – вы, я – он, я – мы с вами* и так далее. Это может быть также разговор с читателем. Этот продиктовано практической направленностью рекламного текста – проинформировать о товаре или услуге, убедить потенциального покупателя ею воспользоваться. Отметим также условный характер местоимения *я*. Все эти особенности диалогичности проявляются в призывных или побудительных текстах современной рекламы, и в женских журналах в том числе.

В контексте диалогичности рекламного текста следует отметить наличие так называемого прототипического сценария. Он существует в режиме фонового знания, которое возникает в соответствии с жизненным опытом, и используется создателями рекламы. Указанный сценарий разыгран, как демонстрация положительных качеств товара и убеждение клиента купить продукт.

Изначально производитель анонсирует товар, новинку, привлекает внимание аудитории к его положительным характеристикам, сравнивает его с другими продуктами своего же производства, указывает на преимущества перед конкурентами [7]. Производитель убеждает клиента купить именно этот товар, подчеркивает выгоду приобретения, демонстрирует свою компетентность, льстит потребителю.

В ответ на это потребитель проявляет активность и совершает коммуникативные действия. Например, просит владельца показать, протестировать товар, спрашивает об эффекте, прогнозирует действие товара, покупает и благодарит за это.

Иллюстративные рекламные послания по содержанию могут быть двух типов. В одном акцент сделан на изображении товара, что представляет его презентацию, демонстрацию [8]. В таком контексте товар изображен либо один, либо его кто-то предъявляет потребителям. Это может быть некий персонаж. В другом типе послания внимание сфокусировано на потребителях с их нуждами, проблемами, которые способен решить именно презентуемый продукт. Выстраивается некий сюжет с активным участием товара, составляется повествование о необходимости его использования и применения после покупки.

Рассуждения в повествовании строятся при помощи дедукции, т.е. от общего к частному, от общего тезиса о выгодности приобретения к объяснению, почему именно указанный продукт или услуга являются важными для потребителя [9]. Зачастую подчеркивается выгода покупки указанного товара.

Также отметим, что это может быть видео ролик либо печатный образец. Как видим, в ролике – это история, мини-спектакль, некая сказка. В печатной рекламе это определенный стоп-кадр из такой истории. Специалисты решают, для чего указанный кадр более всего уместен – какая аудитория предусмотрена, какое изображение уместнее всего. В рекламе всегда присутствует две стороны, т.е. она, как видим, диалогична. Реклама в женских журналах может быть характеризована внешней диалогичностью.

Внешняя диалогичность связана с отношением «говорящий – слушающий», которые эксплицируются раз-

ноуровневыми языковыми средствами, обозначающими статус адресата и его оценку субъектом речи, а также посредством лексических и грамматических средств, которые передают разноуровневые речевые образы участников рекламного общения [10].

Внешними средствами рекламы в журналах являются следующие аспекты.

Во-первых, это глагольные и местоименные формы 2-ого лица множественного числа. Такая конструкция обозначает реального адресата, а также его количественные параметры. Например, *Используя этот бальзам, вы значительно улучшите структуру ваших волос. Покупая этот парфюм, вы становитесь королевой!*

Во-вторых, использование формы *мы*, которая объединяет глаголы и личные и притяжательные местоимения 1-ого лица множественного числа. Такая форма предусмотрена для обозначения совместного участия в проекте, а также объединяют оратора и слушателя для влияния на аудиторию. Например, *Мы заботимся о вас и о вашем здоровье.*

В-третьих, это могут быть вопросительные предложения или вопросно-ответные единства. Они создают особую ситуацию общения и переносят ситуацию в спонтанный диалог структур, благодаря чему адресат речи определяется как реальный участник коммуникации. Например, *Морщины? Сухость? Усталый вид? - Крем Виши – решение ваших проблем.*

В-четвертых, используются обращения для выражения внешней диалогичности рекламных текстов женских журналов. Например, *Дорогие девушки! Красавицы!* Читательницы журналов воспринимают это на свой счет и готовы приобретать все, что предлагается указанным персонажам коммуникации.

В-пятых, для внешней диалогичности используются формы повелительного наклонения. Например, *Выбери себе будущее – будь красивой!* Императив побуждает к действиям, обращенным к одному или нескольким лицам, речь направлена непосредственно на адресата.

Как видим, реклама в женских журналах характеризуется в том числе и внешней диалогичностью, которая реализуется путем введения в монологический контекст диалоговых структур, которые характеризуются особыми конструкциями, позволяющими производителю качественно воздействовать на потребителя [11], убеждая его в выгоде приобретения продукта или услуги, а внешний лоск женского модного журнала, на обложке которого помещаются успешные, богатые и счастливые люди, срабатывает именно на положительный результат сделки «продавец – покупатель». Кроме того, соответствующие обращения и модели диалога позволяют «нажать» нужные клавиши и добиться от потребителя покупок, обязательно постоянных, дорогих, возможно, с завышенной стоимостью, но именно гламурные женские журналы, такие как *Vogue, Elle, Cosmopolitan, Glamour, Bazaar* обеспечивают постоянство рекламы, ее эффект и развитие.

ЛИТЕРАТУРА

1. Митягина В.А. Англицизм в рекламном тексте: знак глобализации. Вестник МЛГУ. 2012. №9. С.169-177
2. Катыхина Л.Н. структура и семантика рекламного сленга. Известия Юго-Западного государственного университета. 2016. №4. С.90-95
3. Пирогова Ю.К. Стратегия коммуникативного воздействия в рекламе: опыт типологизации. М., Наука, 110 с.
4. Сафина А.В., Газизов Р.А. К вопросу о признаках речевой манипуляции и средствах ее выражения. Вестник Башкирского университета. 2015. №3. Т.20. С.1027-1030
5. Лихачева О.Н. Некоторые особенности современного подхода при обучении студентов неязыковых вузов иностранному языку в свете коммуникативной компетенции. Электронный сетевой политематический журнал «Научные труды КубГТУ». 2016. №3. С.138-143
6. Лихачева О.Н. К вопросу о формировании и развитии дискурсивной компетенции студентов неязыковых вузов на занятиях по иностранному языку. Электронный сетевой политематический журнал «Научные труды КубГТУ». 2017. №1. С.97-104
7. Лихачева О.Н., Богатырева Ж.В., Ивашкин И.И. Проектная методика как элемент оптимизационной составляющей на занятиях по иностранному языку в неязыковом вузе. Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2017. № 131. С.1627- 1637
8. Кожина Н.М. О диалогичности письменной научной речи. Пермь, 2016, 344 с.
9. Дускаева Л.Р. Диалогичность речи. М., Наука, 2013, 224 с.
10. Валгина Н.С. Теория текста. М., Слово, 2016, 458 с.
11. Зюлина О.В. Формы выражения диалогичности в рекламных текстах. Магнитогорск. Языкознание. 2016, 332 с.

© Ван Юаньюань (1007796032@qq.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЛИСТИКЛЫ КАК ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН: ИСТОРИЯ, СТРУКТУРА, ФУНКЦИИ

Дмитриева Ольга Александровна

Доктор филологических наук, профессор, Волгоградский
государственный социально-педагогический
университет
dtoa@yandex.ru

Ванюшина Наталья Анатольевна

Кандидат филологических наук, доцент, Волгоградский
государственный социально-педагогический
университет
wanjuschina@yandex.ru

LISTICLES AS A LINGUOCULTURAL PHENOMENON: HISTORY, STRUCTURE, FUNCTIONS

**O. Dmitrieva
N. Vanyushina**

Summary: The article examines the genre of the article «listicles», highlights the characteristic structure, analyzes the psycholinguistic aspect of formatting the text in the format of a leaflet, and also determines its leading function - informational. Four types of leaves are distinguished, a characteristic of their deterministic features is given. The empirical base was materials from Russian, French, German and Chinese.

Keywords: listicles, list, media literacy, mass media, bullet, respondents.

Аннотация: В статье рассматривается жанр статьи «листиклы», выделяется характерная структура, анализируется психолингвистический аспект форматирования текста в формате листика, а также определяется его ведущая функция - информационная. Выделяются четыре типа листиков, дается характеристика их детерминирующих особенностей. Эмпирической базой послужили материалы из русского, французского, немецкого и китайского языков.

Ключевые слова: листикл, список, медиаграмотность, масс-медиа, буллет, респонденты.

Цифровизация общества, активное существование параллельной реальности – виртуального пространства, в рамках которого разворачивается современная коммуникация с целью обмена информацией, привела к появлению новых жанров, рассчитанных на широкую аудиторию, среди которых выделяется жанр «листикл». Первоначально используемые в быту, в качестве перечня дел по хозяйству, списка подарков на новый год и пр., списки получили популярность в области прессы, а затем проникли в область веб-контента и социальных сетей [2]. Графически оформленные тексты, исследуемые нами статьи-списки, инфографика и чек-листы выступают на сегодняшний день в качестве одного из самых популярных и удобных форматов, что объясняется их информативностью и способностью увлечь аудиторию красочностью и лаконичностью подачи новых данных. В нашей статье мы используем термины «листикл», «списки» и «статьи-списки» в качестве взаимозаменяемых синонимов. Кроме того, листиклы массово применяются в массмедийных текстах, функционирующих на так называемых традиционных бумажных носителях. Как отмечают специалисты маркетологи, журналы, на обложке которых размещен листикл, раскупаются быстрее: «Когда мы помещаем списки на обложку, продажи в наших газетных киосках растут (редактор журнала Men's Health Дэвид Зинченко) [5]. Маркетологи любят применять листиклы, потому что они получают клики. Согласно исследованию, 36% пользователей интернета предпочитают заголовки с цифрами любому другому типу заголовков [7].

Исследователи отмечают, что листиклы особенно популярны на новостных порталах и веб-сайтах, это объясняется тем, что в интернете слишком длинные тексты, которые заставляют читателей чувствовать, что им нужно приложить усилия, быстро удаляются. Реальность требует адаптироваться к требованиям пользователей, то есть к короткому времени ожидания получения требуемой информации, высокой информативности и минимальному объему затраченного внимания. Эти критерии определяют формат оформления информации: сложная информация предлагается не в виде длинных, детализированных статей, а в виде коротких списков, наглядно отражающих основные моменты. Таким образом, мы видим, что листиклы соответствуют логике интернета и специфике современного клипового мышления, распространенного среди пользователей сети, позволяя посетителям сайта получить как можно больше информации в кратчайшие сроки, давая ощущение, что они могут получить обширную информацию по теме без особых усилий. Еще одно важное их преимущество заключается в том, что Google также оценил преимущества структуры списка. Формат списка при подаче информации рекомендуются с точки зрения SEO (engl. Search Engine Optimization), поскольку поисковые системы предпочитают структурированный и легко читаемый контент. В условиях переизбытка информации для повышения внимания потенциальных потребителей необходимы новые методы работы, создающие положительные эмоции и мотивирующие сделать выбор в пользу определенного

контента. Списки, маркированные точки, подзаголовки, управляемые абзацы – все это форматирование, которое положительно влияет на рейтинг.

Интересно, что в русский язык термин «листикл» пришел из английского языка: list означает «список», article – «статья», это статьи-списки или чек-листы. Существует мнение, что в английском произношение listicle напоминает слово popsicle (фруктовое мороженое), подчеркивая забавную и не очень питательную сторону листикла [6]. Однако, что касается французского языка, то данный термин не получил популярности, что объясняется особенностью французского языка и языковой политики Франции. Согласно французским лингвистам, возникают трудности с идентификацией рода существительного listicle, т.к. слово l'article мужского рода, liste – женского. Затруднение в определении рода, возможно, привело к тому, что лексема listicle не завоевала широкую популярность во французском языке: «C'est peut-être pour cela que l'expression ne semble pas avoir pris chez nous! Une recherche de listicle sur Google ne donne en effet pas grand chose en français, alors que le sujet est parfaitement identifié en anglais» Blog > Liste + article = listicle <http://www.listolabo.com/liste-article-listicle/> В китайском языке используется словосочетание 清单体, состоящее из: 清 чистый, без примесей, 单 только один, 体 тело. В средствах массовой информации 清单体 применяется не менее активно, чем на Западе. Сайты Weizai, Pengpai построены на публикациях в жанре «листикл», однако их популярность распространена лишь на китайский сегмент интернета в связи с политикой информационной безопасности, проводимой Китаем. Аналогично китайским созданы и немецкие веб-сайты top10.com, seosuisse.ch/seo-blog/, на которых мы можем найти представленную в исследуемом формате информацию разного плана.

Для более детальной иллюстрации приведем несколько примеров листиклов, взятых из сети Интернет: *Четыре правила для хорошего макияжа на каждый день* <https://dzen.ru/bleedkitsune>, *雾霾天依然留在北京的 30 个理由 (30 причин остаться в Пекине во время смога)* <https://baike.baidu.com/item/%E6%B8%85%E5%8D%95%E4%BD%93/17538261>, *10 (bonnes) raisons d'apprendre le français ! (10 причин выучить французский язык)* <https://www.la-vie-en-francais.com/10-bonnes-raisons-dapprendre-le-francais/>, *7 Tipps, die ihre seite nach vorne bringen (7 советов, которые поднимут рейтинг вашей веб-страницы)*. Как легко заметить, во всех приведенных примерах присутствуют цифры, таким образом, автор как бы предупреждает читателя о привычном для него формате – списке, мотивируя не пропускать публикацию. Но наличие цифр в заголовке не является обязательным, в листикле они могут не фигурировать в названии, но сам текст будет представлять собой множество заголовков, которые обычно иллюстрируются изобра-

жениями или гифками, список может быть нумерованным или маркированным [12].

Если говорить об истории появления жанра листикла, то одними из первых авторов, выбравших данный формат, являются: миф о двенадцати подвигах Геракла, Десять Заповедей в Библии, поэтическое произведение японской поэтессы и фрейлины одиннадцатого века Сэй Шонагон, написавшая стихи в формате списка [13]. И, если в прошлом при составлении древних и библейских списков обращалось внимание на числовое значение, то сегодня листиклы привлекают внимание прежде всего тем, как они составлены, и самим числом. Числа являются универсальной категорией, поэтому мы не выделили цифрового символизма. Так, например, во многих странах мира число «13» имеет негативную коннотацию, связанную с обозначением древними евреями тринадцать и слова «смерть» одним и тем же знаком. Бесспорно, на сегодняшний день причины этого страха трудно объяснимы, осталось лишь суеверие. Однако, вышедший в 2017 году американский телесериал «13 причин почему», реализация содержания которого также идет по принципу листикла, имеет в названии это число. В Китае, несмотря на распространенное суеверное отношение к числу «4» и табу на использование данного числа в нумерации домов и этажей, листиклы с данным числом массово представлены в сети интернета. На наш взгляд, это объясняется превалированием содержания над формой, когда респондент отдает предпочтение содержанию статьи.

В качестве весомого аргумента, объясняющего привлекательность жанра списков приведем цитату популярного писателя Умберто Эко «Культура хочет понять бесконечность и создать порядок. Списки, каталоги и коллекции в музеях, энциклопедии и словари – это наш способ объять необъятное» [3, 276]. Склонность человека к составлению списков объясняется особенностью функционирования головного мозга. Психолог Мария Конникова видит популярность листиклов в том, что для читателя важно заранее понимать, какой объем информации он получит, мозгу проще анализировать упорядоченную информацию, визуально легче воспринимать список, нежели сплошной текст [3, 276]. Таким образом, имея перед глазами точную информацию о том, как долго мы будем увлечены чтением того или иного материала, мы можем решить, стоит ли уделять этому время. Не секрет, в сегодняшний век стремительного развития время и внимание потенциальных потребителей информации являются одними из самых ценных ресурсов. Согласно статье «News Attention in a Mobile Era» объем нашего внимания снизился с 12 секунд в 2000 году до 8 секунд в 2015 году. Кроме того, формат листикла помогает оценить время, необходимое для чтения, и точно сообщает нам, чего мы можем ожидать после нажатия на заголовок. В борьбе за внимание читателя это может

стать решающим преимуществом [8].

Лингвист Д.А. Богданова также акцентирует внимание на причине популярности листиков: цифры (особенно нечетные!) обращают внимание пользователя, когда он окунается в бесконечный поток заголовков. Так как средняя продолжительность концентрации человеческого внимания составляет около восьми секунд, пользователю сложно удерживать внимание на чем-то одном в течение очень долгого времени. Увидев заголовок «8 мест, которые нужно посетить этим летом», читатель отдаст предпочтение ему, нежели пространному тексту «Путешествуйте летом! Это лучший способ отдыха». Цифры организуют информацию пространственно, «проблему выбора», подставляя вместо неё иллюзию уверенности [1].

О популярности листиков говорят ранее упомянутые многочисленные сайты, содержащие тексты, оформленные в формате листиков Listverse, Listicle, 7x7.press, Weizai, Pengpai, Buzzfeed, Adme, Huffington Post, Mashable, top10.com, seosuisse.ch/seo-blog/. Списки позволяют представить большой объем информации в небольших, удобных для навигации пронумерованных разделах. Как показал анализ массмедийных текстов, публикации со списками могут охватывать самые разные темы, от образовательных статей на HubSpot, таких как «Как создать синемаграф за 7 простых шагов», до списков Buzzfeed, таких как «23 человека, в существование которых вы не поверите» [4]. Кроме этого, аргументом популярности листика является включение лексемы «listicle» в ежеквартальный перечень новых слов Оксфордского словаря в августе 2014 года, наряду с «vaping», «live-tweet» и «binge-watch».

При анализе структуры листиков, определяется типичное построение: введение, список идей и заключение. В ряде случаев в структуру листика могут быть включены буллеты - «bullet» переводится с английского как пуля. Буллеты заостряют внимание на важных характеристиках и преимуществах товара, доносят до потенциального покупателя его выгоды от приобретения продукта. В ряде случаев листиклы используются совместно с кликбейтом. Д.А. Богданова проанализировала два популярных инструмента подачи информации в масс-медия – кликбейт и листикл и установила, что оба явления могут существовать изолированно друг от друга, а могут дополнять друг друга, усиливая эффект [1].

Говоря о функциональном своеобразии рассматриваемого жанра, отметим, что его основная прагматическая функция – информационная. В простой емкой форме до респондента доносится информация. Именно назначение листиков определило их системообразующие характеристики: простота оформления, структурированность, доходчивость, краткость. В листиклах нет

лишней информации или словесного мусора, информация представлена конкретно. Заголовок равен содержанию и четко отождествляет смысл статьи. Они позволяют человеку читать бегло, не углубляясь в ненужные для него сведения. Кроме того, статью легко перечитать или продолжить читать с нужного места. Списки также популярны, потому что они подпитывают стремление нашего мозга классифицировать информацию и дают нам чувство удовлетворения, когда мы правильно предсказываем закономерности.

В рамках нашего исследования был проведен опрос, в котором приняли участие 326 респондентов в возрасте от 15 лет до 45, ответив на вопрос, привлекают ли их статьи в формате списка, почему. Мы остановились на указанном возрастном диапазоне, потому что, как показала практика, люди старшего возраста не знакомы с описываемым термином, требовалось много времени для объяснения сути задачи. Ответы респондентов полностью подтверждают опубликованные ранее данные в области маркетинга и психологии. Приведем проанализированные результаты в форме диаграммы. Так, 76% опрошенных отдают предпочтение листикам, аргументируя это тем, что такая подача информации – это: *быстро и понятно; удобно; можно вернуться и перечитать; хорошо запоминается; нет ничего лишнего, экономлю время; четкая и доходчивая информация; короткая*. Остальные варианты ответов, представленные на рисунке не были многочисленными. (Рис 1.)

На вопрос, какие минусы листика вы отмечаете, респонденты ответили следующим образом: *не всегда содержит обещанную информацию, обман; бывает неполная информация, ищу дополнение в других источниках; пишут одно и то же, копируют друг у друга*. Как мы видим, негативная оценка респондентов не связана с форматом листика, а скорее адресована недобросовестным авторам, которые не стремятся создать оригинальный тематический контент, а ограничиваются копирайтингом.

При подготовке данной публикации нами были проанализировано 430 листиков, а также многочисленные сайты, обучающие написанию статей в таком формате. Мы пришли к следующим выводам: с точки зрения оформления списка, выделяются 4 типа листиков, рассмотрим ниже.

1. Ранжированный список: эти списки пронумерованы, наибольшее число представляет наиболее важный аспект, также списки, которые идут в порядке убывания. Типичные заголовки для таких текстов: «20 самых вкусных и быстрых рецептов салатов», «10 самых дорогих кошек».
2. Тематический список. В этом типе листиков порядок отдельных аспектов не играет большой роли, как в ранжированном списке. Примером

Рис 1.

такого текста может быть «9 советов, на которые стоит обратить внимание при похудении».

- Случайный список. Данные листиклы содержат разные точки зрения на проблему, озвученную в заголовке. Очередность пунктов списка определяется пользователями любым удобным для них способом. Типичными списками такого типа являются, например, «10 вещей, которые вы всегда хотели знать о SEO».
- «Псевдосписки» - это списки, которые используются в качестве основы для всей статьи. Затем отдельные аспекты не публикуются в кратком списке, а подробно описывается и представляется каждый отдельный пункт в списке [13].

Немецкие авторы выделяют только три типа листиклов – «Ranked Listicle», «Thematisches Listicle», «Random Listicle», что полностью соответствует пунктам 1,2 и 3 приведенной выше классификации [14]. Мы видим, что псевдосписки не представлены.

Что касается длины текста, то здесь нет четких спецификаций. Большинство авторов, публикующих информацию в описываемом формате, оставляют от 300 до 600 слов. Однако более длинные списки, в которых обсуждаются 20 или более пунктов, могут содержать больше 1000 слов. Жанровые требования к оформлению листиклов таковы: максимальная краткость, компактность разделов, лаконичность из-за ограниченности внимания пользователей интернета, тщательный подбор ключевых слов, т.к. списки отлично подходят для оптимизации, по ключевым словам, для так называемых Longtail Keywords, то есть поисковым запросам, состоящим из нескольких слов. В качестве лексических особенностей отметим повтор ключевых лексем, заявленных в заголов-

ке. С точки зрения синтаксиса, характерны предложения с придаточными определительными или односоставные предложения, имеющие характер директивы. Для привлечения внимания потребителей контента авторы используют восклицательные и вопросительные предложения, риторические вопросы и элементы языковой игры. Например, 10 самых странных фактов из жизни, о которых у вас точно спросят: «Почему ты вообще это знаешь?!»; 10 фактов, которые точно помогут произвести впечатление на любого собеседника. Вы прослывете человеком начитанным... Ну, или сумасшедшим. Использовать на свой страх и риск.

Как показал анализ практического материала на четырех языках: русском, французском, немецком и китайском, листиклы имеют универсальную структуру, мы не обнаружили специфику ни в лингвистической, ни в экстралингвистической составляющей. Гипотеза о числовом символизме, маркированном этнокультурной спецификой нами не подтверждена, несмотря на существование табуированных числовых воплощений в разных культурах.

Основываясь на сказанном выше, подведем итоги, выделив причины популярности листиклов как одного из способов организации контента:

- листикл представляет собой речевой жанр с узнаваемой структурой – ранжированным списком;
- листикл имеет давнюю традицию в использовании, но с появлением виртуальной действительности получил особую популярность;
- подача информации в форме списка привлекает, поскольку мозг распознает повторяющиеся закономерности и предпочитает их. Знакомый и предсказуемый формат заставляет нас чувствовать

- себя комфортно, после каждого прочитанного пункта возникает крошечное чувство выполненного долга;
- основная ценность контента – его информативность. Списочная подача мгновенно дает читателю то, что он ищет. Статья в виде списка заставляет автора быть конкретным: как в выборе отдельных пунктов списка, так и в их описании;

- листиклы хорошо структурируют сложный контент, облегчая его усвоение. Возникает ощущение рассмотрения всех аспектов вопроса, что дает уверенность читателям;
- русско-, немецко-, китайско- и франкоязычные примеры листиклов убедительно демонстрируют их распространённость и универсальность в данных лингвокультурах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Богданова Д.А. Кликбейты и листиклы - современные приёмы подачи информации онлайн-медиа / Д.А. Богданова // Народное образование. – 2019. – № 4(1475). – С. 203-210.
2. Bathelot B. Listicle <https://www.definitionsmarketing.com/definition/listicle/>
3. Konnikova M. Mastermind: How to Think Like Sherlock Holmes» Viking Adult, 2013. p. 276
4. Mellal J. Comment rédiger un contenu de liste <https://hostdebitmedia.com/marketing-de-contenu-de-liste-et-listicles/>
5. (Johanna Dunaway, Kathleen Searles, Mingxiao Sui, Newly Paul Author Notes Journal of Computer-Mediated Communication, Volume 23, Issue 2, March 2018, Pages 107–124, <https://doi.org/10.1093/jcmc/zmy004> Published: 23 March 2018)
6. Nordquist R. What's a Listicle? // Thought Co, 27 июня 2021 г., <https://www.thoughtco.com/what-is-a-listicle-1691130>
7. Okrent A. The listicle as literary form <https://mag.uchicago.edu/arts-humanities/listicle-literary-form#>
8. Sui Mingxiao Sui, Newly Paul Author Notes Journal of Computer-Mediated Communication, Volume 23, Issue 2, March 2018, Pages 107–124, <https://doi.org/10.1093/jcmc/zmy004> Published: 23 March 2018.
9. <https://hostdebitmedia.com/marketing-de-contenu-de-liste-et-listicles/>
10. <http://www.listolabo.com/liste-article-listicle/>
11. <https://mediaostrov.ru/blog/lajfhak/chto-takoe-listikl-kak-i-gde-ego-ispolzovat.html>
12. <https://hostdebitmedia.com/marketing-de-contenu-de-liste-et-listicles/>
13. <https://de.ryte.com/wiki/Listicle>
14. <https://unternehmer.de/lexikon/online-marketing-lexikon/listicle>.

© Дмитриева Ольга Александровна (dmoa@yandex.ru), Ванюшина Наталья Анатольевна (wanjuschina@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЛИНГВОКОНЦЕПТУАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА БЫТОВАНИЯ НЕКОТОРЫХ ЗООМОРФНЫХ ОБРАЗОВ В АНГЛИЙСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

LINGUO-CONCEPTUAL SPECIFICITY OF THE EXISTENCE OF SOME ZOOMORPHIC IMAGES IN ENGLISH PHRASEOLOGY

D. Zakirova
V. Lipitskaya

Summary: In this paper, an attempt is made to analyze English phraseological units with zoomorphic components on cultural and philosophical grounds. The authors of the article, resorting to the concept of anthropodicy, formulated by N.A. Berdyaev, come to the conclusion that zoomorphic images, sounding in idiomatic expressions, make it possible to state the negative qualities of human characters, while avoiding the stigmatization of the described persons. This effect is achieved due to the fact that these phraseological units accentuate the negative manifestations of human nature as predominantly feral, bestial.

Keywords: phraseological units, idioms, zoonyms, zoosemisms, zoomorphic images, anthropodicy.

Закирова Диляра Борисовна

кандидат филологических наук, старший преподаватель,
Поволжский университет физической культуры,
спорта и туризма, г. Казань
zakirovadb@gmail.com

Липицкая Валентина Михайловна

кандидат философских наук, доцент, доцент, Казанское
высшее танковое командное училище
vmasrtdinova@mail.ru

Аннотация: В данной работе предпринята попытка проанализировать английские фразеологические единицы с компонентами-зоонимами на культурно-философских основаниях. Авторы статьи, прибегая к концепции антроподици, сформулированной Н.А. Бердяевым, приходят к выводу, что зооморфные образы, звучащие в идиоматических выражениях, позволяют констатировать негативные качества человеческих характеров, избегая при этом стигматизации описываемых лиц. Такой эффект достигается благодаря тому, что данные ФЕ акцентируют негативные проявления людской природы как преимущественно животные, бестиальные.

Ключевые слова: фразеологические единицы, идиомы, зоонимы, зоосемизмы, зооморфные образы, антроподици.

Фразеологические единицы (ФЕ) с компонентами-зоонимами, являются, пожалуй, общим местом всех мировых языков, вне зависимости от принадлежности таковых к определённому семейству и структуре. Частотной структурно-функциональной особенностью таких идиом является сочетание анималистического денотативного компонента – то есть прямой номинации того или иного представителя фауны; сигнификативного компонента как суммы ассоциированных с ним в конкретном лингвокультурном контексте представлений (носители определённых культурных кодов наделяют указанное животное рядом адъективных характеристик) и коннотативного антропологического компонента: наиболее содержательного, семантически нагруженного, имплицитно реферирующего к человеку.

К анализу лексического фонда английских ФЕ с зоосемизмами неоднократно обращались представители современного языкознания, особое внимание уделяя анализу семантических и структурных особенностей таковых. [6], [7], [8], [9].

Справедливо полагать, что многие из идиоматических выражений данного типа восходят к периоду древнейшей истории и имеют дескриптивно-компаративную

природу: наблюдая за поведением различных four-legged friends, наши предки отмечали особенности, им присущие, и ситуативно осуществляли довольно прямое сравнение-перенос: «А (человек) такой, как В (представитель животного мира)».

В рамках настоящей работы впервые предпринимается попытка рассмотреть звучание зооморфных образов английского фразеологического фонда на культурно-философских основаниях, в качестве своеобразного вербального инструмента бытовой антроподици, позволяющего преодолеть бестиальное «не-я», объект», и утвердить «я», субъект, который первичнее и выше» [5; 193] (оригинальная концепция оправдания человека сформулирована в трудах русского религиозного философа Н. А. Бердяева).

Для начала, однако, определим круг фразеотем, транслируемых с помощью ФЕ с компонентом-зоонимом. Для этого обратимся к анализу примеров. (Таб 1.)

На основании рассмотрения лексем, приведённых выше, мы приходим к выводу, что с помощью зооморфных образов в идиоматических выражениях часто реализуются такие фразеотемы, как *глупость, подлость, лицемерие, непорядочность* (именно поэтому многие из

Некоторые английские идиомы, включающие зооморфные образы

ФЕ	дефиниция	перевод
A cold fish	A person who shows little emotion or seems unfriendly [3; 19]	Бесчувственный
Fight like cat and dog	(of two people) often have angry fights [3; 24]	Жить (драться) как кошка с собакой
A lame duck	A person who is no longer successful or effective in a particular role [3; 146]	Банкрот, неудачник, «сбитый лётчик»
One-trick pony	Someone or something that is only good for one particular purpose, or at doing one particular thing [1]	Односторонне развитая личность
The black sheep (of the family)	A person who is different from the rest of the family and who is considered bad or embarrassing [3; 148]	Паршивая овца, «в семье не без урода»
Be like a bull in a china shop	Be careless in the way you move or insensitive in your behavior [3; 153]	«Как слон в посудной лавке»; неуклюжий или бестактный человек
(As) proud as a peacock	Extremely proud [1]	Спесивый, «важный, как павлин»
Copycat	Someone who has few ideas of their own and does or says exactly the same as someone else [1]	Подражатель, «повторюшка»
Smell a rat	To recognize that something is not as it appears to be or that something dishonest is happening [1]	Заподозрить неладное, почуять недоброе
A wolf in sheep's clothing	A person with a pleasant and friendly appearance that hides the fact that they are evil [1]	Волк в овечьей шкуре
Crocodile tears	Tears that you cry when you are not really sad or sorry [1]	Крокодильи слёзы
Monkey business	Behaviour that is not acceptable or is dishonest [1]	Надувательство, шалость, бессмысленная работа
Scaredy-cat	Someone, especially a child, who is easily frightened [1]	Трусишка
Cry wolf	To keep asking for help when you do not need it, with the result that people think you do not need help when you really need it [1]	Поднимать ложную тревогу
Kangaroo court	An unofficial court set up by a group of people, especially in a prison, trade union, or other organization, to deal with a disagreement or with a member of the group who is considered to have broken the rules [1]	Самосуд, инсценировка суда, Шемякин суд, пародия на правосудие
To jump the shark	(Usually of television shows) to reach a point where something stops becoming more popular or starts to decrease in quality [1]	Изжить себя, «сдуться»
Loan shark	A person who charges very large amounts of money for lending money to someone[1]	Ростовщик
Cold turkey	Abrupt complete cessation of the use of an addictive drug; also: the symptoms experienced by a person undergoing withdrawal from a drug [2]	Резко бросить (о вредной привычке или приёме запрещённых веществ), «завязать»; а также абстинентный синдром, «ломка»
Sick as a parrot	Very disappointed [1]	С перевёрнутым лицом, «прокинутый»
Ugly duckling	Someone or something that is ugly and not successful when young or new but will later become beautiful or successful [1]	Гадкий утёнок
Lipstick on a pig	An unsuccessful attempt to make something ugly look more attractive [4]	«Мёртвому припарки»

них снабжены стилистическими словарными пометами «disapproving» – неодобрительное, или «derogatory» – уничижительное); а симфонически данные ФЕ оформляют контур таких экзистенциально-важных концептов языка, как, например, *порок, девиация, неудача*. Иллюстративность идиом с компонентом-зоонимом для трансляции негативистских коннотаций отмечает и Л.Р. Сакаева: «Социально-информативную функцию выполняют некоторые наименования животных, ставшие символами отрицательных качеств» [7; 45].

Однако несмотря на то, что ФЕ с зоосемизмами способны довольно бескомпромиссно диагностировать и констатировать общественно-порицаемые проявления характеров, а значительная эмоциональная эмфаза сообщает им соразмерность с маркируемыми поведенческими экстремумами, они, на наш взгляд, обладают ещё одной особенностью, ранее подробно не рассматривавшейся. Выражая позицию и отношение говорящего с одной стороны, они, тем не менее, не стигматизируют лицо, о котором идёт речь, создавая пространство

вербального и этического эвфемизма; порицания без «перехода на личности», ведь там, где было можно безапелляционно заявить *'John is unbearably arrogant'* («Джон невыносимо заносчив» – Д. Б, В. М.) звучит несколько дистанцированное *'John is as proud as a peacock'*. Употребление идиомы, таким образом, полагает *павлина* основным и постоянным «владельцем» указанного качества (ведь животные не только определены, но, скорее, примордиально определены своими природными программами). Добавим, что в концептосфере английской фразеологии природное вообще часто связывается с низменным, с телесным низом – например, русскоязычное «зов природы» может быть указанием на инстинктивный характер действий, в том числе и иро-

ничным, в то время как английское *'a/the call of nature'* весьма однозначно указывает на призыв к отправлению естественных нужд [3; 113].

Таким образом, фразеология в том смысле предоставляет шанс на оправдание человека, что указывает на ситуативное превалирование бестиального как низкого в личности, с помощью чего удаётся избежать «навешивания ярлыков». Скверные качества, такие, например, как лживость и подлость, в рамках такой парадигмы остаются навсегда болеть у очередной «*сороки-вороны*»; и время от времени проявляясь к людям локально, тогда как глобально они всё-таки понимаются как вынесенные за скобки человеческой натуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Cambridge Dictionary | English Dictionary, Translations and Thesaurus [Электронный ресурс] URL: <https://dictionary.cambridge.org/> (дата обращения 03.02.2023).
2. Dictionary by Merriam Webster: America's most trusted online dictionary [Электронный ресурс] URL: <https://www.merriam-webster.com/> (дата обращения 03.02.2023).
3. Gairns, R., Redman, S. Idioms and Phrasal Verbs: Advanced / R. Gairns, S. Redman – Oxford: Oxford University Press, 2011. – 208 p.
4. Macmillan Dictionary | Free English Dictionary and Thesaurus [Электронный ресурс] URL: <https://www.macmillandictionary.com/> (дата обращения 03.02.2023).
5. Бердяев Н.А. Самопознание. М., Вагриус. – 2004. – 332 с.
6. Богоявленская Ю.В., Симонова Е.С. Сопоставительный анализ национально-культурной специфики эмотивных фразеологических единиц с компонентом-зоонимом в английском и русском языках // Многоязычие в образовательном пространстве. 2018. – №10. – С. 75-82.
7. Сакаева Л.Р. Фразеологизмы с компонентами-зоонимами, описывающие человека, как объект сопоставительного анализа русского и английского языков/Л.Р. Сакаева // Известия Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена: общественные и гуманитарные науки. – 2008. – №11(62). – С. 43-47.
8. Хомутникова Е.А., Боровых Ю.С. Семантико-грамматическая классификация английских фразеологизмов с компонентом-зоонимом // МНКО. 2018. №2 (69). – С. 671-673.
9. Чеджиева, Ж.Д. Структурная характеристика фразеологических единиц с компонентом «животное» в английском языке / Ж.Д. Чеджиева // Вестник КИГИ РАН. – 2015. – №3. – С. 132-136.

© Закирова Дилара Борисовна (zakirovadb@gmail.com), Липицкая Валентина Михайловна (vmnasrtdinova@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ФРАЗЕОЛОГИЯ ПАСТЕРНАКОВСКОЙ ПРОЗЫ В ФУНКЦИОНАЛЬНО-СТИЛИСТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

PASTERNAK'S PROSE PHRASEOLOGY IN THE FUNCTIONAL AND STYLISTIC ASPECT

L. Kozhanova

Summary: The article deals with the analysis of the phraseological units of B.L. Pasternak's prose in terms of their functional and stylistic characteristics. Taking into account the nature of the stylistic connotation of phraseological units and the scope of their functioning, the following classes of phraseological units are distinguished: colloquial, interstyle and bookish, and the features of each of these groups are considered.

Keywords: phraseological units, phraseological system, functional and stylistic, colloquial, interstyle, bookish.

Кожанова Лариса Владимировна

кандидат филологических наук, доцент, ФГБОУ
ВО «Воронежский государственный университет
инженерных технологий»
l.kozhanova@bk.ru

Аннотация: В статье проводится анализ фразеологических единиц прозы Б.Л. Пастернака с точки зрения их функционально-стилистических характеристик. Учитывая характер стилистической коннотации фразеологических единиц и сферу их функционирования, выделяются следующие классы фразеологических единиц: народно-разговорные, межстилевые и книжные, а также рассматриваются особенности каждой из этих групп.

Ключевые слова: фразеологические единицы, фразеологическая система, функционально-стилистический, народно-разговорные, межстилевые, книжные.

В последнее время появилось множество работ, посвященных анализу творчества Б.Л. Пастернака. Исследовались метонимичность и метафоричность языка писателя, проводился интертекстуальный анализ его произведений, рассматривались особенности стиля и синтаксиса.

К сожалению, фразеология прозы Б.Л. Пастернака почти не изучена, отсутствуют и работы, посвященные рассмотрению перевода его фразеологического наследия на английский язык. Тем не менее, фразеологический запас прозаических произведений Б.Л. Пастернака исключительно богат и разнообразен в семантико-стилистическом, лексико-грамматическом и историко-генетическом отношениях.

Ведь именно фразеология является одним из активных эмоционально-экспрессивных средств воздействия на читателя.

Целью нашего исследования является комплексное изучение функционально-стилистических особенностей фразеологической системы Б.Л. Пастернака.

При этом мы придерживаемся понимания фразеологии в широком смысле слова вслед за Н.М. Шанским, З.Д. Поповой, М.М. Копыленко, Л.И. Ройзензоном, В.Л. Архангельским и другими учеными-языковедами. Пословицы и поговорки, крылатые выражения, словосочетания терминологического характера признаются фразеологическими единицами (ФЕ). Иными словами, «всякое языковое образование – каким бы оно по сво-

ему размеру, структуре и значению ни было – является фразеологизмом, если оно сверхсловно и воспроизводимо» [10; 11].

Материалом исследования явились ФЕ, извлеченные методом сплошной выборки из прозаических произведений Б.Л. Пастернака.

Учитывая характер стилистической коннотации ФЕ и сферу их функционирования, весь фразеологический запас языка произведений Б.Л. Пастернака можно дифференцировать на три класса, традиционно выделяемые фразеологами: *межстилевые ФЕ, народно-разговорные и книжные* [11].

Народно-разговорные единицы составляют значительную часть фразеологического запаса пастернаковской прозы (1248 единиц). ФЕ разговорного характера «отличаются от межстилевых фразеологизмов, с одной стороны, более узкой сферой употребления, а с другой – своей «сниженной» экспрессивно-стилистической окраской (ласкательный, бранный, иронический, презрительный, шуточный, фамильярный и др.)» [11; 145-146]. Преимущественная сфера их функционирования – живая разговорная речь, понимаемая как непринужденная речь носителей литературного языка.

Разговорные ФЕ не только выражают принадлежность к разговорному стилю речи, но и определенное (шуточное, одобрительное, неодобрительное, ласкательное, уничижительное, презрительное, ироническое и т.п.) отношение к называемому. В свою очередь, эта

принадлежность (стилистическая маркированность) придает единице языка определенные эмоционально-оценочные оттенки. Собственно-стилистические (языковые) и функционально-стилистические (речевые) свойства ФЕ тесно взаимосвязаны. Контекстуальный стилистический эффект возникает вследствие их тесного взаимодействия и без учета этого взаимодействия не может быть исчерпывающе раскрыт.

Стилистическая сниженность, как основное свойство этих единиц, особенно заметна при использовании их в иных речевых сферах: научной, публицистической, деловой.

Развитие языка, по мнению ряда исследователей, осуществляется прежде всего в живой народной речи. Это находит свое отражение и во фразеологии. Разговорная фразеология – самый многочисленный и тематически разнообразный пласт образных средств языка. В образах разговорной фразеологии отразились явления материальной, культурной, общественной, экономической жизни народа, характер, нравы, обычаи, национальные особенности русского народа, картины его исторического прошлого.

Народно-разговорные ФЕ заметно выделяются лексическим наполнением. В их составе, как правило, компоненты с конкретным значением: бытовая лексика, семантическая, профессиональная и т.п. Эта особенность, наряду с образностью, отмечена еще В.В. Виноградовым: «По большей части, это – выражения, состоящие из слов конкретного значения, имеющие заметную экспрессивную окраску. Например, положить, класть зубы на полку – в значении: голодать, ограничить до минимума самые необходимые потребности» [1; 30].

Большинство народно-разговорных фразеологизмов почерпнуты Б.Л. Пастернаком из общенародной разговорной речи: *как угорелый; на роду написано; сам не свой; валиться из рук; как по маслу; в одно ухо влетает, в другое вылетает; огород городить; легкий на подъем; ум за разум заходит; попадаться на глаза; сквозь зубы; на радости; вылетать из головы; сам себе голова; хоть плачь; ищи ветра в поле; ей-Богу; давай бог ноги; с легкой руки; перебивать косточки; переливать из пустого в порожнее; волосы встали дыбом; совать свой нос; брать грех на душу; словно грибы после дождя; ни свет ни заря; разинуть рот; как из ведра; из-за чего сыр-бор загорелся* и многие другие.

Некоторая часть подобных ФЕ берет свое начало из разговорной социально-профессиональной речи, в том числе:

1. из речи торговцев: *в цене; ни за какие деньги; на счету; копейки не стоит; полкопейки не стоит; ни за грош;*
2. из речи военных: *белый билет; брать с бою; ваше*

благородие; из пушки не добудиться; не нюхать пороху;

3. из речи медиков: *белая горячка; первая помощь;*
4. из речи театральных работников: *играть роль; из другой оперы;*
5. из речи музыкантов: *пойти на лад; в один голос; задавать тон; по слуху; абсолютный слух;*
6. из речи моряков: *под парами; на всех парусах; со дна морского; на всех парах;*
7. из речи крестьян: *мелкая сошка; обломать рога; на своих хлебах; повернуть оглобли; становиться на дыбы;*
8. из речи церковнослужителей: *семь смертных грехов; многая лета; ангел-хранитель; Великий четверг;*
9. из речи кулинаров: *не по вкусу; хлеб да соль; заваривать кашу; как на дрожжах;*
10. из речи портных: *до последней нитки; шито-крыто.*

Среди характерологических ФЕ разговорного характера, используемых Б.Л. Пастернаком, максимально широко употребляются глагольные и субстантивные, менее активно – адъективные и адвербиальные. Фразеологические коммуникативы представлены пословицами и незначительным количеством междометных фразеологизмов.

Одним из источников фразеологии прозы Б.Л. Пастернака является народное просторечие, под которым понимается одна из разновидностей общенародного языка, обладающая ярко выраженной сниженной стилистической маркированностью: *задирать нос; вышибить дух; драть горло; шарам не верить; протянуть ноги; ни хрена; сам черт ногу сломит; пальца в рот не клади; нечистая сила; черт знает что; к черту; ни за понюшку табаку; как сапожник; нести ахинею; дело табак; провалиться в тартарары; еле душа в теле; мозолить глаза; нелегкая принесла; выпустить кишки* и др.

Отношение просторечия к литературной норме – один из спорных вопросов современной стилистики и лексикологии. Одни лингвисты (Д.Н. Ушаков, А.Г. Гвоздев, Ю.С. Сорокин, В.И. Собинникова, А.И. Молотков и др.) считают просторечие «особым стилистическим пластом литературного языка, отличающимся грубоватостью и яркой эмоционально-экспрессивной окраской» [9; 170]. Другие относят просторечие к внелитературной разновидности общенародного языка (А.И. Ефимов, О.С. Ахманова, Б.Н. Головин и др.). Критерием отнесения/неотнесения той или иной просторечной ФЕ к литературному языку является степень ее стилистической сниженности или грубости, наличие вульгаризмов, жаргонизмов, арготизмов в ее составе. Однако большинство просторечных ФЕ не имеют в своем составе компонентов жаргонно-арготического характера. А степень стилистической сниженности определяется, как правило, субъективно,

«языковым чутьем». Представляется, что фразеологическое просторечие целесообразно рассматривать как нижний пласт разговорной литературной речи [2; 19], включающий в себя единицы внелитературного характера, тот «отрицательный языковой материал», по словам Л.В. Щербы [12; 99], который нарушает, изменяет литературную норму и активно участвует в создании системы языка.

В прозе Б.Л. Пастернака просторечные ФЕ функционируют довольно часто. Разговорное просторечие – один из пластов прозаического словаря Б.Л. Пастернака. Интерес к просторечной лексике и фразеологии наблюдался у Пастернака на протяжении всей его жизни. Оказавшись во время войны в Чистополе, Б.Л. Пастернак записывал незнакомые ему диалектные и просторечные слова, выражения, идиомы, пословицы и поговорки, обратившие его внимание своей образностью и выразительностью, игрой слов, иногда звучностью или необычностью ударения.

«В просторечной и диалектной лексике, фразеологизмах, разговорно-просторечных конструкциях поэт видел первоэлемент народного творчества, который уже в самом себе несет большой заряд экспрессивной энергии и изобразительной силы» [8; 365].

Яркой национальной самобытностью отличаются ФЕ, возникшие под влиянием различных жанров устного поэтического творчества русского народа. Часть фольклорной фразеологии вошла в общенародную разговорную речь в готовом виде из тех или иных жанров народного творчества. Это так называемая «цитатная» фразеология. Ряд выражений образован на основе ассоциативных представлений, основанных на различных сюжетных моментах устно-поэтических произведений.

Приведем примеры: *не на живот, а на смерть; учить уму-разуму; поминай как звали; чудеса в решете; хлебнуть горя; бабушка еще надвое сказала; пора и честь знать; по белу свету; на краю света; намотать на ус; на все четыре стороны; скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается; долго ли, коротко ли; нечистая сила; живого места не осталось; и на беду; всякая всячина; красная девица; ни жива ни мертва; как со дна морского; батюшки светы; люди добрые; вот тебе и весь сказ; не жалец на белом свете; за тридевять земель; совет да любовь и др.*

Подобные ФЕ являются одним из средств художественно-языковой изобразительности и создания иронически-шутливого эффекта.

Поражает и знание Б.Л. Пастернаком диалектной фразеологии, а также различных народных присказок, заговоров, которые он умело использует для характеристики своих персонажей романа «Доктор Живаго». Так,

описывая старого возницу Вакха, Борис Леонидович обращается к диалектной фразеологии:

«*Штоб мне скрезь землю провалиться*, признал! Признал. *Шарам своим не верю*, живой Григов. (Шарами старик называл глаза, а Григовым – Крюгера)» [6; 279] или же «*У меня ли на Григова не глаз? Я у ём свой век отвековал, я на ём зубы съел*» [6; 279].

Давая характеристику лекарихе-знахарке Кубарихе, Б.Л. Пастернак широко использует в ее речи различные народные присказки-заговоры, например:

« – *Тетка Моргосья, приди к нам в гости. Отворник середу, сыми порчу вереду. Сойди восца с коровья сосца. Стой смирно, Красавка, не переверни лавку. Стой горой, дои рекой. Страфила, страшила, слупи наскрозь струп шелудивый в крапиву брось. Крепко, что царско, слово знахарско*» [6; 372].

Выражая свое ироническое отношение к бесстрашной тете Марфуше, Борис Леонидович вкладывает в ее уста присказку-поговорку:

«*Мели, мол, Емеля, твоя неделя, а я на сундуке и ключи у меня в кулаке*» [6; 315].

Основные функции народно-разговорной фразеологии в языке – оценочно-характерологическая и воздействующая. В прозе Б.Л. Пастернака с помощью народно-разговорных ФЕ реализуются два вида оценок: эмоциональная оценка (воздействие на подсознание воспринимающих и активизация его) и образная оценка (активизация воображения воспринимающего). В пастернаковских текстах эти виды оценки реализуются иногда в пределах одного высказывания, например:

«При других все дурачком, дурачком, а сам втайне на всякий случай *ножик точит*. Да вот не решил еще, на кого, казанская сирота» [6, 178].

В данном примере использование ФЕ *казанская сирота* – меткая, образная авторская характеристика человека (образная оценка), а употребление просторечной ФЕ *точить ножик* придает первой части высказывания несколько сниженную стилистическую окраску (эмоциональная оценка).

Межстилевые ФЕ составляют меньшую часть фразеологического запаса пастернаковской прозы (505 единиц), по сравнению с народно-разговорными. Высокая степень семантической абстракции и слабая стилистическая маркированность способствуют функционированию их в текстах различной стилистической принадлежности без внесения в них «стилистического диссонанса» [7; 28].

Об их стилистической нейтральности свидетельствует и отсутствие соответствующих стилистических помет в словарях в отличие от классификации ФЕ иных пластов. Однако функционально-стилистическая нейтральность не исключает наличия в их семантической структуре оценоч-

ности или эмоциональности. Многие обладают потенциальными (окказиональными) выразительными свойствами, которые реализуются в конкретной речевой ситуации. В отличие от стилистически немаркированной лексики, составляющей основу словарного запаса языка, межстилевых ФЕ значительно меньше в языке, чем фразеологизмов, ограниченных сферой функционирования. Это объясняется тем, что основная функция слова в языке – номинативная, основная же функция ФЕ – оценочно-воздействующая. Эта количественная соотнесенность ФЕ различной стилистической принадлежности в полной мере относится и к фразеологическому запасу Б.Л. Пастернака. Например, к межстилевым относятся ФЕ типа: *иметь дело; в цене; упустить из виду; ни минуты; с трудом; время от времени; в честь; между тем; по мере; называть вещи своими именами; держать в курсе; тем временем; брать пример; дать слово; принимать во внимание; со всех концов* и т.п.

Как видно из примеров, компонентный состав межстилевых ФЕ, как правило, стилистически нейтрален. В структурно-грамматическом отношении наиболее продуктивны глагольно-субстантивные и субстантивно-субстантивные предложно-падежные конструкции, менее продуктивны – адъективно-субстантивные конструкции.

Межстилевые ФЕ, как правило, служат средством констатации, уточнения, усиления, категоричности, конкретизации основной информации, выражения субъективной модальности. Например:

«Не платёжный был день, вот как перед Богом, плюнул бы я на вас и, немедля *ни минуты*, своей управой положил бы конец гомозне» [6; 43]. Использование ФЕ *ни минуты* придает высказыванию оттенок категоричности. Или же употребление ФЕ *между тем* в следующем примере: «*Между тем* вы – доктор, начитанный и даже, кажется, сами что-то пишете» [6; 345] является средством конкретизации основной информации. Фразеологическая единица *в том числе* выполняет функцию уточнения в следующем высказывании: «За этим расчерчиванием разных разностей он снова проверил и отметил, что искусство всегда служит красоте, а красота есть счастье обладания формой, форма же есть органический ключ существования, формой должно владеть все живущее, чтобы существовать, и, таким образом, искусство, *в том числе* и трагическое, есть рассказ о счастье существования» [6; 458].

Одна из основных функций межстилевых ФЕ в пастернаковском тексте – текстообразующая. В прозе Б.Л. Пастернака они активно используются в качестве средства фразовой и межфразовой смысловой связности текста. Эту функцию они выполняют при параллельном действии других средств (лексических, грамматических, интонационных и др.). Например:

«В печке с дружным треском бурно разгорались сухие Кулабышевские дрова, и *по мере того*, как они занимались, ревнивое ослепление Юрия Андреевича, на-

чавшись со слабых предположений, достигло полной уверенности» [6; 395].

«У Катюши открылись замечательные способности, частью драматические, а с *другой стороны* и музыкальные...» [6; 499].

«Какая-то крепкая сплошь на чувстве стоящая связь! Но, с *другой стороны*, он и совсем позабыл о ней, если бы не напомнить ему про телеграмму» [5; 34].

Чаще всего межстилевые ФЕ выступают в текстообразующей функции как средство семантической связности микротекста (фразы).

Пласт **книжной фразеологии** пастернаковской прозы представлен малочисленными примерами (38 единиц). Книжные ФЕ употребляются преимущественно или исключительно в письменной или литературной речи – публицистической, научной, художественной, официально-деловой. Они отличаются от народно-разговорных и межстилевых ФЕ также характером стилистической окраски (торжественность, патетичность, риторичность, возвышенность, поэтичность и т.п.). Кроме того, в отличие от «безымянных» межстилевых и разговорных многие книжные ФЕ сохраняют в различной степени ощутимую литературную или конкретно-историческую «печать авторства», но многие из них утратили какую-либо связь с первоисточником. Например:

иметь под собой почву; класть к ногам; печать лежит; камень на камени не останется; поле зрения; час пробил; всеми фибрами; игра судьбы; проливать кровь; белый свет; от молодых ногтей и т. п.

К этой группе принадлежат, в основном, глагольно-субстантивные и субстантивно-субстантивные словосочетания.

Одни из этих ФЕ связаны своим происхождением с греко-римской мифологией, например, *подливать масла в огонь; переполнять чашу терпения; разрубать <Гордиев> узел; человек человеку волк*, другие – с церковно-книжными славянскими источниками, например: *многая лета; приносить в жертву; облеченные в плоть и кровь; тьма кромешная* и др.

Широко используются в пастернаковской прозе устойчивые выражения, заимствованные из легенд, притч и сказаний Ветхого и Нового завета и позже переосмысленные.

«Библия – это собрание самых разнообразных сочинений, составленное в разное время очень многими писателями, – пишет академик Е.М. Ярославский. – В ней собрано много сказок и преданий, какие можно встретить у любого пастушеского и земледельческого народа... В продолжение веков эти рассказы передавались из уст в уста, переписывались малограмотными переписчиками, дополнялись позднейшими вставками,

часто совершенно вымышленными, так что трудно даже отличить, где выдумка. В Библии имеются и воинственные, и нежные любовные песни вроде Песни песней Соломона, и описания природы, и своды законов разных времен, родословные и летопись, описание обрядов и собрание изречений, повести, романы и притчи, размышления о прошлом и будущем, письма и гимны» [134; 7]. По данным американского переводоведа Ю. Найды, Библия полностью переведена на 210 языков мира и частично – более чем на тысячу языков [3; 46].

Крупнейшие представители мировой литературы активно использовали библейские мотивы, тексты и образы в своем творчестве. Библиизмы – средство создания возвышенности и торжественности или наоборот, иронии и сарказма в поэтической речи А.С. Пушкина, средство создания бунтарского пафоса в поэзии Т.Г. Шевченко. Не случайно этот литературный памятник дал столько крылатых изречений и афоризмов, многие из которых стали интернациональными. Из этого источника берут свое начало использованные Б.Л. Пастернаком выражения: *камень на камени не останется; хлеб насущный; притча во языцех; как зеница ока; в плоть и кровь; одним миром мазаны; царство Божие; царствие небесное; Матерь Божия; Великий четверг; день Двенадцати евангелий; раба Божия; вечная память; смертный грех; честнейшею херувим* и т.п.

Употребление библейских ФЕ активизируется в тех эпизодах романа «Доктор Живаго», когда авторская мысль непосредственно обращена к постижению и интерпретации евангельской мудрости. Это лирические размышления Юрия Живаго, напряженный поток сознания Лары, это беседа Живаго с другом Гордоном или Симушкой.

Используя библейские фразеологические единицы, Б.Л. Пастернак создает в романе и множество окказиональных афоризмов, такие как:

каждое зачатие непорочно; перед Богом все равны; блаженны нищие духом; блаженны алчущие и жаждущие правды; завидна участь растоптанных; блаженны поруганные; блаженны оплетенные.

Осмысляя и интерпретируя библейскую мудрость, Пастернак активно использует библейские фразеологические единицы и вводит окказиональные афоризмы в речь героев.

«Библейские фразеологические единицы, по мнению М.Р. Лившиц, выполняют в тексте романа важнейшие функции. Во-первых, текстообразующую: введение афоризмов объединяет значимые и законченные части текста концептуальным смыслом, общностью идейного содержания. Во-вторых, концептообразующую функ-

цию. Индивидуальная интерпретация БФЕ (библейских фразеологических единиц – Л.К.) помогает раскрыть образы главных героев, духовно близких автору (Живаго, Гордон, Лара). Употребление в речи персонажей афоризмов, созданных на базе библейского текста, дает возможность подчеркнуть общность их нравственных ориентиров, близость авторскому мировосприятию. Афоризмы, произнесенные Гордоном, Живаго, отражают идеи самого Пастернака...» [4; 213-214].

Встречается в прозаических произведениях Б.Л. Пастернака и литературно-художественная фразеология, к которой относятся ФЕ, генетически восходящие к строкам художественных произведений или их названиям, например: *человек в футляре* – А.П. Чехов; *красота спасет мир* – Ф.М. Достоевский; *делать из мухи слона* – Лукиан; *человек человеку волк* – Плавт; *мы дети страшных лет России* – А.И. Блок; *тысяча и одна ночь* – название сборника арабских сказок; *слуга двух господ* – заглавие комедии Карло Гольдони, восходящее к евангелию.

Встречается в пастернаковской прозе и заимствованная из французского языка ФЕ в нетранслитерированной форме, например, *devant-derriere* (*шиворот-навыворот*).

« – Да, но милочка, ей как раз хуже, хуже, понимаешь, а у тебя всегда все *devant-derriere*» [6; 95].

В приведенном выше примере иноязычное выражение сопровождается в пастернаковском тексте русским переводом. Б.Л. Пастернак ввел иноязычное выражение в речь героя для наиболее точной, экспрессивно-образной характеристики стариков Свентицких.

ФЕ терминологического характера встречаются в прозе Б.Л. Пастернака довольно редко, например, *белый билет; абсолютный слух; белая горячка* и др. До сих пор статус этих образований остается спорным, хотя большинство фразеологов относят их к объекту фразеологии (В.В. Виноградов, О.С. Ахманова, С.И. Ожегов, Б.А. Ларин, А.М. Бабкин и др.), что находит свое отражение и в современной лексикографической практике.

Таким образом, с точки зрения функционально-стилистической характеристики, пастернаковская фразеология представлена тремя основными классами ФЕ: народно-разговорными, межстилевыми и книжными, наибольший из которых занимает народно-разговорная фразеология, как самый многочисленный и разнообразный пласт образных средств языка. В образах разговорной фразеологии отразились явления материальной, культурной, общественной, экономической жизни народа, характер, нравы, обычаи, национальные особенности русского народа, картины его исторического прошлого.

ЛИТЕРАТУРА

1. Виноградов, В.В. Русский язык (грамматическое учение о слове). [Текст] / В.В. Виноградов. – М., 1986. – 639 с.
2. Бельчиков, Ю.А. Вопросы соотношения разговорной и книжной лексики в русском литературном языке второй половины XIX столетия: Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. – М., 1974.
3. Зорівчак, Р.П. Фразеологічна одиниця як перекладознавча категорія. [Текст] – Львів, 1983.
4. Лившиц, М.Р. Окказиональные афоризмы, созданные на базе библейской фразеологии, в романе Б.Л. Пастернака «Доктор Живаго» [Текст] // Фразеология – 2000: Материалы Всерос. науч. конф. «Фразеология на рубеже веков: достижения, проблемы, перспективы» (Тула, 25-26 апреля 2000г.). – Тула: Изд-во Тул. гос. пед. ун-та им. Л.Н. Толстого, 2000. – С.211-214.
5. Пастернак, Б.Л. Апеллесова черта [Текст] // Воздушные пути. Проза разных лет. – М.: Совет. писатель, 1982. – С.19-39.
6. Пастернак, Б.Л. Доктор Живаго. [Текст] / Б.Л. Пастернак // Избр. в двух томах. Т. 2. – СПб.: Кристалл, 1998. – 506 с.
7. Смирницкий, А.И. К вопросу о слове [Текст] // Труды института языкознания АН СССР. – Т. 4, М., 1954.
8. Смолицкий, В.Г. Б. Пастернак – собиратель народных речений // Пастернаковские чтения. Вып. 2. – М.: Наследие, 1998. – 368 с.
9. Федосов, И.А. Функционально-стилистическая дифференциация русской фразеологии [Текст]. – Ростов н/Д: Изд-во Рост. н/Д ун-та, 1977. – 211 с.
10. Шанский, Н.М. О фразеологизме как языковой единице и предмете фразеологии [Текст] // Проблемы устойчивости и вариантности фразеологических единиц. – Тула, 1968.
11. Шанский, Н.М. Фразеология современного русского языка [Текст]. – 3-изд., испр. и доп. М., 1985.
12. Щерба, Л.В. Опыт общей теории лексикографии [Текст] // Изв. АН СССР. Отд. лит. яз. 1940, № 3.
13. Ярославский, Е.М. Библия для верующих и неверующих. [Текст]. – Л., 1975.

© Кожанова Лариса Владимировна (l.kozhanova@bk.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ МАНИПУЛЯТИВНЫХ СТРАТЕГИЙ НА ПОВЫШЕНИЕ И ПОНИЖЕНИЕ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

VERBALIZATION OF MANIPULATIVE STRATEGIES FOR RAISING AND LOWERING IN POLITICAL DISCOURSE

*E. Koptyakova
K. Podlutskaya
I. Chmykh
D. Solopiy*

Summary: The article examines the strategies and tactics of political discourse based on the material of Donald Trump's political speech, which he delivered to the student organization Turning Point USA in Phoenix, Arizona. This article is devoted to manipulative strategies for «run down» and «praise» in political discourse, since the speeches of politicians are the main communicative space in which speech manipulation is present. The article notes that strategies are implemented through tactics that represent a certain type of implementation of this strategy. For each tactic, certain techniques are typical, which determine the process of using certain language tools. Analysis of strategies and tactics on a specific material showed that the author of the speech praises himself and uses a huge number of tools in order to highlight his importance among other competitors.

Keywords: political discourse, political speeches, communicative strategies, manipulation, strategy, tactics.

Коптякова Елена Евгеньевна

канд.филол.н., доцент, Сургутский государственный университет
koptyakova_ee@surgu.ru

Подлутцкая Карина Александровна

Сургутский государственный университет
podlutskaya_ka@surgu.ru

Чмых Инна Евгеньевна

канд.пед.н., доцент, Сургутский государственный университет
chmykh_ie@surgu.ru

Солопий Дмитрий Константинович

Аспирант, Сургутский государственный университет
dbm95mail@gmail.com

Аннотация: В статье рассматриваются стратегии и тактики политического дискурса на материале политической речи Дональда Трампа, которую он произносил перед студенческой организацией Turning Point USA в Финиксе, штат Аризона. Данная статья посвящена манипулятивным стратегиям на повышение и понижение в политическом дискурсе, поскольку речи политиков являются главным коммуникативным пространством, в котором присутствует речевое манипулирование. В статье отмечается, что реализуются стратегии за счёт тактик, представляющих собой определённый вид реализации данной стратегии. Для каждой тактики являются типичными определённые приёмы, которые детерминируют процесс использования определённых языковых средств. Анализ стратегий и тактик на конкретном материале показал, что автор речи хвалит себя и использует огромное количество инструментов, для того чтобы выделить свою значимость среди других конкурентов.

Ключевые слова: политический дискурс, политические речи, коммуникативные стратегии, манипуляция, стратегия, тактика.

В политическом манипулировании огромную роль играет употребление речевых стратегий и тактик. Прибегая к манипулированию, лидер может использовать огромное количество стратегий для достижения определённых целей и выполнения различных задач.

В рамках данной статьи рассматривается коммуникативная стратегия на повышение, понижение и соответствующие тактики, которые применяются в речевом воздействии американского политического дискурса.

Актуальность исследования заключается в том, что исследование дискурса является одним из наиболее перспективных направлений лингвистической науки. Сфера политики присутствует в жизни каждого человека, играет ключевую роль в жизни общества.

О.С. Иссерс считает, что политический дискурс характеризуется тенденциозным представлением дей-

ствительности, связанный с целенаправленным преобразованием информации, т.е. с манипулятивным воздействием на интеллектуальную, волевую и эмоциональную сферу адресата. [1, с. 393]

По определению Шейгал Е.И., манипуляция – это воздействие, осуществляемое посредством целого набора приёмов, которые позволяют подчинить чужую волю. [3, с. 29]

Активно используемая в политической коммуникации манипулирующая функция языка реализуется через применение речевых стратегий. О.С. Иссерс, определяющая термин «стратегия» как «комплекс речевых действий, направленных на достижение коммуникативных целей, который включает в себя планирование процесса речевой коммуникации в зависимости от конкретных условий общения и личностей коммуникантов, а также реализацию этого плана». [1, с. 400]

Реализуются стратегии за счёт тактик, представляющих собой определённый вид реализации данной стратегии. Для каждой тактики являются типичными определённые приёмы, которые детерминируют процесс использования определённых языковых средств.

Коммуникативным стратегиям и тактикам в политическом дискурсе посвящены исследования как отечественных, так и зарубежных ученых в области общей теории дискурса (Т.А. ван Дейк, О.Л. Михалёва, Е.И. Шейгал, М. Stubbs, R. Wodak и др.); политического дискурса (А.Н. Баранов, А.П. Чудинов, Э.В. Будаев, Е.В. Чернявская, Л.С. Чикилева и др.); теории манипуляции и речевого воздействия (Е.Л. Доценко, К.Е. Калинин, В.А. Каменева, Л.С. Чикилева, О.Н. Быкова, Т.Г. Попова, О.С. Иссерс и др.). Благодаря вышеупомянутым исследованиям мы располагаем достаточным количеством информации о подходах к определению и классификации речевых стратегий.

В соответствии с классификацией О.Л. Михалевой, в политическом дискурсе существует стратегия на повышение и стратегия на понижение. [2, с. 289 с.]

Отличительными чертами стратегии на повышение является акцент на исключительности своей личности, который достигается путём перечисления достижений, политик сравнивает события с прошлым, использует большое количество глаголов с положительной коннотацией, выражает позитивное отношение к собственной проделанной работе, работе администрации, а также положительно описывает общую ситуацию в стране, наряду с этим политика других стран и действия других политиков критикуются.

Что касается стратегии на понижение, то исследователь отмечает, что она обладает такими характеристиками как скрытое проявление негативного отношения к объекту, политический противник воспринимается как личный враг, заслуживающий обвинений и даже оскорблений, жаргонизация и вульгаризация речи политических оппонентов.

Для того чтобы выявить особенности репрезентации стратегий и тактик, представленных выше. Проведём анализ политической речи Дональда Трампа, которую он произносил перед студенческой организацией Turning Point USA в Финиксе, штат Аризона.

Для стратегии на повышение характерны такие тактики как: «**Анализ – «плюс»**», «**Презентация**», «**Отвод критики**», «**Самооправдания**».

С помощью тактики «**Анализ – «плюс»**» описывается такая ситуация, в которой скрыто, имплицитно, выражается положительное восприятие определённой ситуации.

Over the last 2 years, my Administration has moved with urgency and historic speed to confront problems neglected by leaders of both parties over many decades ...;

С помощью выражений *my Administration has moved with urgency and historic speed to confront problems* Д. Трамп эксплицирует положительное отношение к своему электорату и ситуации в целом и выставляет свою администрацию в позитивном свете.

1. Тактика «**Презентация**» предполагает представление положительных качеств представляемого лица.

I have also accelerated our negotiations to ..., I am also proud to be the first President to include in my budget a plan for nationwide paid family leave — so that every new parent has the chance to bond with their newborn child.

Политик говорит о себе, о том, что полезного и важного он сделал для народа. Он представляет себя с лучшей, выгодной стороны. Восхваляя самого себя, говорящий указывает лишний раз, что он является политиком, готовым помочь нуждающимся семьям с детьми, а это всегда благоприятно сказывается на восприятии людей и может способствовать успешному достижению поставленной цели адресантом.

2. При тактике «**Отвод критики**» адресант дистанцируется от самого факта участия в неблагоприятных ситуациях и переносит критику на другой субъект.

We have just heard that Mexican cities, in order to remove the illegal immigrants from their communities, are getting trucks and buses to bring them up to our country in areas where there is little border protection

В данном отрывке прослеживается критика иного государства и выставление ее в негативном свете.

3. Использование тактики «**Самооправдания**» подразумевает отклонение критики в адрес говорящего, и в основном направлена на снятие вины с себя.

For example, United States entered into a treaty with Russia ... While we

followed the agreement to the letter, Russia repeatedly violated its terms. That

is why I announced that the United States is officially withdrawing from INF

Treat

Здесь можно увидеть, что политик оправдывает свои действия перекадывая вину на Россию (выставляя Россию виновником, сложившейся ситуации).

Стратегия на понижение характеризуется такими тактиками как: «Обвинения», «Наступательная тактика», «Обвинения», «Анализ-минус».

1. Тактика «Обвинения». Во фразе, приведённая ниже, мы наблюдаем явное резко негативное высказывание, но автор не подкрепляет свое негативное мнение аргументами или доказательствами. Использование здесь параллельных конструкций и одного и того же глагола «ненавидеть», придает высказыванию особое эмоциональное звучание и усиливает воздействие использованной тактики.

But the radical left, they hate our history. They hate our values and they hate everything we prize as Americans...

2. «Наступательная тактика». Речи, в которых используется данная тактика, можно проследить явное негативное или даже агрессивное отношение к конкурентам, подкрепленное некоторыми фактами.

В данном примере мы наблюдаем аллитерацию, повторение согласных звуков, что заставляет фразу звучать более выразительно, придает ей особую силу, напор. Повторение фразы «они не любят нашу страну» как нельзя лучше соответствует цели описываемой тактики.

The left wing mob is trying to demolish our heritage so they can replace it with a new repressive regime that they alone control. They're tearing down statues, desecrating monuments, and purging dissenters. It's not the behavior of a peaceful political movement. It's the behavior of totalitarians and tyrants and people that don't love our country. They don't love our country.

3. Указание конкретных имен, а также негативное отношение к описываемым личностям, может свидетельствовать о том, что политик использует тактику «Обвинения». Благодаря повторению фразы «я здесь потому что...», автор делает акцент на значимости своей личности и прилежности в своей работе и усиливает негативный оттенок отношения к своим конкурентам. Такая же манипуляция репрезентируется во фразе «хорошо постарался для своего сына».

I'm only here because of him and Biden. I'm only here because of them, because if they did a good job, we wouldn't have been here. There would have been no reason. I'm only here because of President Obama and the job he did and sleepy Joe Biden and the job that he didn't do other than he did a good job for his son. He did a good job for son.

4. Негативное отношение автора или даже некая насмешка над конкурентом, проявление негативного отношения характерны для тактики «Анализ-минус». *Now Biden was going around like he's a tough guy. He doesn't know*

where the hell he is. Where? Where are you Joe? Joe, where are you Joe? Tell me where you are, Joe. But he's going around, I stood up for China. No, his son walked out with 1.5 billion to manage, and what he did...

В приведенном примере высмеивается его дезориентация и желание выглядеть в глазах, слушающих солидно. В примере также наблюдается использование риторических вопросов с повторением. Данный прием придает речи экспрессивность и эмоциональную окраску.

5. Открытое обвинение за совершенные действия Китая, наблюдается в отрывке, приведённом ниже, и доказывает, что Трамп использует в своей речи тактику «Обвинения».

I stood up to China like no other administration in history. For decades they've ripped us off. They ripped us off like nobody. And I charged them a little thing called the massive tariffs. We took in billions and billions of dollars. They devalued their currency, and they like to say our people paid. No, no, our people didn't pay. They devalued their currency in order to pay it, and they also put money out, otherwise they wouldn't have been able to sell that product. But what happened for many years, there's nobody ever that ripped off the United States like China.

Проанализировав речь Дональда Трампа, мы выявили, что он умело использует как стратегию на повышение, так и стратегию на понижение. Но произведя подсчет тактик в данной речи, мы получили результаты, которые показали, что стратегия на повышение использовалась автором 26 раз, а стратегия на понижение встречается в речи автора 15 раз. Данные позволяют нам сделать вывод, что автор речи хвалит себя и использует огромное количество инструментов, для того чтобы выделить свою значимость среди других конкурентов.

Таким образом, исследованный материал позволяет сделать несколько выводов. Во-первых, в своём обращении Д. Трамп использует разнообразные тактики манипулятивной стратегии, обращаясь к различным эмоциям реципиентов. Во-вторых, эти тактики и приёмы умело используются им как для продуктивной, так и непродуктивной манипуляции. В-третьих, знание большого количества коммуникативных тактик, их комбинирование, уместное использование – это показатель компетентности политика, его способностей к управлению оппонентом и аудиторией. Д. Трамп умело играет на чувствах и стереотипах избирателей, задействует широкий арсенал манипулятивных стратегий, тактик и средств, переходит от непродуктивной манипуляции в начале выступления к продуктивной манипуляции и достигает главной цели: создаёт в восприятии слушателей позитивное виденье по отношению к себе как к будущему кандидату и в целом как к грамотному политику.

ЛИТЕРАТУРА

1. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург 393- 401с.
2. Михалева О.Л. Политический дискурс как сфера реализации манипулятивного воздействия: дис. ... канд. филол. наук. – Иркутск, 2004. – 289 с.
3. Шейгал Е.И., Иванова Ю.М. Предвыборные теледебаты как жанр стратегической коммуникации // RESPECTUS PHILOLOGICUS. 2004. № 5 (10); Vilniaus universiteto Kauno humanitarinis facultetas. 2004. 29–41 с.
4. Чернявская В.Е. Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия. — М.: Флинта: Наука, 2006. 134 с.
5. Zheltukhina, M.R., Busygina, M.V., Merkulova, M.G., Zyubina, I.A., Buzinova, L.M. Linguopragmatic aspect of modern communication: main political media speech strategies and tactics in the USA and the UK // XLinguae. Volume
6. Чудинов А.П. Современная политическая коммуникация: Учебное пособие / Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2009. – 292 с.
7. Donald Trump Phoenix, Arizona Speech – Turning Point USA [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.rev.com/blog/transcripts/donald-trump-phoenix-arizona-speech-transcript-turning-point-usa> (дата обращения: 16.09.2022).

© Коптякова Елена Евгеньевна (koptyakova_ee@surgu.ru), Подлущкая Карина Александровна (podlutskaya_ka@surgu.ru), Чмых Инна Евгеньевна (chmykh_ie@surgu.ru), Солопий Дмитрий Константинович (dbm95mail@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Сургутский государственный университет

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ С КОМПОНЕНТОМ ОРНИТОНИМОМ В РУССКОМ, ТАТАРСКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

TRANSLATION PECULIARITIES OF PHRASEOLOGICAL UNITS WITH AN ORNITHONYM COMPONENT IN RUSSIAN, TATAR AND ENGLISH LANGUAGES

**E. Krepkogorskaya
R. Abdrakhmanova**

Summary: The article studies different ways of translation of phraseological units with an ornithonym component in English, Russian and Tatar languages. The phraseological units of studied languages reflect both national and cultural peculiarities and common features. The use of idioms in speech and understanding of their translation indicates a high level of knowledge of a foreign language. Such translation methods as full and partial equivalents, complete and partial analogues, as well as non-equivalent translation methods were considered. The article notes that when translating, a complex unity of meaning components, semantic and connotative, appears. Practical recommendations were given for the use of the studied phraseological units in foreign language classes.

Keywords: phraseological units with an ornithonym component, translation, equivalent, analogue, non-equivalent translation methods

Сейчас благодаря стремительно развивающимся технологиям происходит взаимопроникновение и взаимовлияние различных языков и культур. Сопоставительно-типологическое исследование способствует выявлению общих и различных признаков изучаемых языков, специфики их использования в речи.

Фразеологическая система любого языка отражает его уникальность, национальные особенности, в то же время в ней наблюдаются общие черты, характерные для фразеологических единиц разных народов.

Изучая язык, учащиеся часто встречаются с сложностями перевода фразеологизмов. Знание и использование устойчивых выражений в речи свидетельствует о хорошем владении языком, а также способствуют лучшему пониманию носителей языка.

Актуальность нашего исследования заключается в том, что проблема перевода и понимания значения фразеологических единиц с компонентом орнитонимом

Крепкогорская Евгения Всеволодовна
к.филол.н., Казанский государственный институт
культуры
krepzhenya@yandex.ru
Абдрахманова Рамиля Ябировна
к.пед.наук, Казанский государственный институт
культуры

Аннотация: В статье речь идет о всевозможных вариантах перевода фразеологизмов с компонентом орнитонимом в английском, русском и татарском языках. Во фразеологических единицах исследуемых языков находят отражение как национально-культурные особенности, так и общие черты. Использование устойчивых выражений в речи и понимание их перевода говорит о высоком уровне знания иностранного языка. Были рассмотрены такие способы перевода, как полный и частичные эквиваленты, полные и частичные аналоги, а также безэквивалентные способы перевода. В статье отмечается, что при переводе появляется сложное единство компонентов значения, семантического и коннотативного. Были приведены практические рекомендации для использования изученных фразеологизмов на занятиях по иностранному языку.

Ключевые слова: фразеологические единицы с компонентом орнитонимом, перевод, эквивалент, аналог, безэквивалентные способы перевода.

представляет особый интерес. Для понимания содержания художественного текста порой недостаточно хорошего знания грамматики и словарного запаса, необходимо овладеть и сложными языковыми структурами, к которым относятся фразеологизмы.

В статье проводится анализ способов перевода фразеологизмов с компонентом орнитонимом в английском, русском и татарском языках. К данной группе фразеологизмов принадлежат языковые структуры, в составе которых есть элемент, имеющий отношение к названиям птиц. Тесная взаимосвязь людей и мира животных, в частности птиц, очевидна. Следовательно устойчивые выражения с компонентом орнитонимом играют значительную роль в изучаемых языках.

Целью данной статьи является: установить какие компоненты значения фразеологизмов следует учитывать при переводе, изучение различных видов межъязыковых фразеологических соответствий.

Для достижения поставленной цели важно решить следующие задачи:

1. Рассмотрение теоретических основ компонентов значения фразеологизмов;
2. Проведение анализа влияния различных компонентов значения фразеологизма на его перевод;
3. Выявление способов перевода фразеологических единиц с компонентом орнитонимом
4. Разработка практических рекомендаций по использованию способов перевода фразеологизмов в речи.

На практике результаты исследования можно применить на занятиях студентов по иностранному языку в вузах

Одной из основных задач сопоставительного языкознания является исследование межъязыковых фразеологических соответствий. Известно, что подобные соответствия в основном используются в переводе.

Согласно «Словарю лингвистических терминов» под редакцией Жеребило Т.В., перевод - это не только «передача информации, содержащейся в тексте, средствами другого языка», но и «отыскание в другом языке средств выражения, обеспечивающих передачу информации, содержащейся в тексте, а также полное соответствие переводного текста оригиналу как по содержанию, так и по форме. С точки зрения социолингвистики, при переводе нужно овладеть фоновыми знаниями, сведениями экстралингвистического характера». [2, с.257]

Перевод фразеологизмов представляет особую сложность. Согласно Федорову А.В. [4] при переводе фразеологических единиц стоит принимать во внимание степень смысловой слитности элементов фразеологизмов, а также их стилистическую окраску и отсутствие или наличие внутренней формы и образности.

Важным аспектом при переводе фразеологизмов является выражение всего сложного единства компонентов значения, как семантического, так и коннотативного.

Многие отечественные лингвисты изучали всевозможные способы перевода фразеологизмов в своих трудах. (В.Н. Комиссаров, В.С. Виноградов, Р.А. Юсупов, Я.И. Рецкер, Л.М. Блинкова, Л.К. Байрамова, Е.Ф. Арсентьева) Согласно их исследованиям были установлены различные варианты поиска межъязыковых соответствий: фразеологические эквиваленты (полные и частичные), фразеологические аналоги и безэквивалентные фразеологические единицы (калькирование иноязычной обр-разной единицы). [1, 3]

К полным эквивалентам мы относим фразеологические единицы совпадающие по сигнификативно-денотативному и коннотативному компонентам значения, имеющие одинаковый компонентный состав и структур-

но-грамматическую организацию.

Фразеологизмы «white crow» и «белая ворона» являются полными эквивалентами. Оба фразеологизма имеют общий сигнификативно-денотативный компонент значения «очень редкое явление». Они являются субстантивными единицами со структурой adj+n. Происходит совпадение в их компонентном составе и структурно-грамматической организации.

К полным эквивалентам принадлежат и следующие фразеологизмы: «a swan song», «лебединая песня», «аккош жыры» со значением финальное, предсмертное произведение или демонстрация таланта. У данных фразеологизмов совпадают компоненты значения, а также структурно-грамматическая организация.

Частичные эквиваленты в свою очередь могут незначительно отличаться либо компонентным составом, либо морфологическим.

Имеют одинаковые сигнификативно-денотативные и коннотативные макрокомпоненты значения такие фразеологизмы как, «an ugly duckling» «гадкий утенок» «шыксыз үрдәк баласы». Данные единицы имеют общий литературный источник: сказку Г.Х. Андерсона «Гадкий утенок». Однако в структурно-грамматической организации наблюдаются незначительные изменения. Если русский и английский фразеологизмы относятся к группе субстантивных со структурой adj+n, то татарский - adj+n +n.

Фразеологические аналоги как правило имеют одинаковые денотативно-сигнификативный и коннотативный аспекты значения, в тоже время наблюдаются различия в их компонентном составе и структурно-грамматической организации. Образная основа и функционально-стилистическая принадлежность могут не совпадать.

Фразеологические единицы «the red cock will crow in his house», «пустить красного петуха» и «кызыл этәч жибәру» наблюдается сходное значение устроить пожар, поджог. Сигнификативно-денотативного компонент значения совпадает. У представленных фразеологизмов наблюдается одинаковая мелиоративная субъективно-оценочная коннотация. Все три единицы относятся к разговорным. Изучаемые ФЕ принадлежат к глагольным фразеологизмам. Русский и татарский фразеологизмы почти совпадают v+adj+n и adj+n+v соответственно. Структура же английского фразеологизма соответственно отличается: adj+n+v+ prep+pron+ noun.

Есть отличия в компонентном составе и у следующих фразеологизмов: «chatter like a magpie» (разг.) «трещать как сорока» «саескан шикелле кабатлау» со значением болтать без умолку. Данные фразеологизмы имеют сходный сигнификативно-денотативный компонент. Все единицы принадлежат к разговорным. Они принадлежат к классу глагольных фразеологизмов со следующей струк-

турой: английский и русский фразеологизмы v+comp+n, татарский - n +comp+ v. Следует отметить, что общим компонентом является «magpie», «саескан», «сорока», в тоже время глагольный компонент отличается: «chatter» - болтать, «трещать» и «кабатлау» - повторять.

К частичным аналогам относятся следующие фразеологизмы: «йомырка эчендәге чебеш», «желторотый птенец», «(still) wet behind the ears» - очень молодой наивный человек. Фразеологизмы совпадают своей интегральной семой неопытности, незрелости. Все три фразеологизма обладают пейоративной оценочной семой "пренебрежения" и по функционально-стилистической характеристике принадлежат к разговорным единицам. Несовпадение образности происходит из-за разного компонентного состава. Русская и татарская единицы можно определить как субстантивные, в тоже время английская ФЕ является адъективной.

В результате анализа исследуемых фразеологических единиц были обнаружены такие, которые не находят соответствий в другом языке. Это связано прежде всего с различиями в культурных традициях. Подобные ФЕ многие лингвисты относят к безэквивалентным ФЕ.

Исследование работ таких авторов, как Арсентьева Е.Ф., Худенцова О.В., и др., такие способы перевода подобных фразеологизмов.

Фразеологическая калька. В данном случае фразеологизм переводится дословно, соблюдая нормы и правила языка.

Русский фразеологизм «гнездо певчих птиц» является калькой английского фразеологизма «a nest of singing birds». Так в шутку называли английских лирических поэтов во времена Елизаветы I.

В следующем примере мы видим кальку английского фразеологизма «swan of Avon» - «лебедь с берегов Эйвона», это имя Шекспира в поэме Бена Джонсона. При переводе учитываются грамматические нормы языка, который используется при переводе.

Татарский фразеологизм «каз боты кимертү» калькируется на русский язык «заставить грызть гусиную ножку» со значением «незаметно завязать узлом рукава или штанины, когда кто-то купается».

Следующим способом перевода безэквивалентных фразеологизмов является дескриптивный перевод. При данном способе фразеологизмы переводятся при помощи словосочетаний. Обычно сохраняются все компоненты значения, но могут присутствовать различия в образности, экспрессивности и структурно-грамматической организации.

Фразеологизм «as cheerful as a lark» переводится на русский как «очень, веселый, жизнерадостный», на татарский – «бик күңелле, рухлы». Здесь совпадает лишь сигнификативно-денотативный компонент значения, а компоненты различные.

К дескриптивному переводу можно отнести и следующие фразеологизмы, «sing like a lark» - «распевать весело, звонко, от полноты счастья», «like a bird» - «охотно, без всяких колебаний, без всякого сопротивления».

Еще одним способом перевода без эквивалентных фразеологизмов является лексический перевод. В таком случае фразеологическая единица переводится одним или несколькими словами. В таком случае можно говорить об одинаковом сигнификативно-денотативном компоненте значения, а также о совпадении оценочного и эмоционально-экспрессивного компонентов коннотации.

Night owl – (амер.разг.) полуночник, ночной гуляка, тэнге тамаша;

Give somebody the bird – (театр.жарг.) освистать кого-то;

A dead bird – (австрал. жарг.) дело верное, «верняк», эш дәрес.

A gay bird – (разг., шутл.) весельчак.

При комбинированном переводе могут использоваться сразу несколько способов, благодаря чему лучше передается значение фразеологизма.

A dolly bird – хорошая, нарядная девушка, «куколка»;

A queer (strange) bird – человек со странностями, чудак;

Ябалак баш – любитель выпить, выпивоха.

Данные примеры показывают, что при этом виде перевода используются в основном дескриптивные и лексический перевод.

Частотность применения разных вариантов перевода фразеологизмов с компонентом орнитонимом в английском, русском и татарском языках представлена в следующей диаграмме.

Частотность использования различных способов перевода ФЕ с компонентом орнитонимом в английском, русском и татарском языках. (Рис 1.)

Среди ФЕ с компонентом орнитонимом в английском, русском и татарском языках высокую частотность показывают следующие способы перевода, аналоги (32,36,32), способы переводы безэквивалентных ФЕ (60; 42, 10). Меньше используются эквиваленты (13; 17;15).

Среди изученных фразеологизмов были обнаружены различные эквиваленты, частичные и полные аналоги. В ходе исследования фактического материала были найдены аналоги с несколькими соответствиями в другом языке.

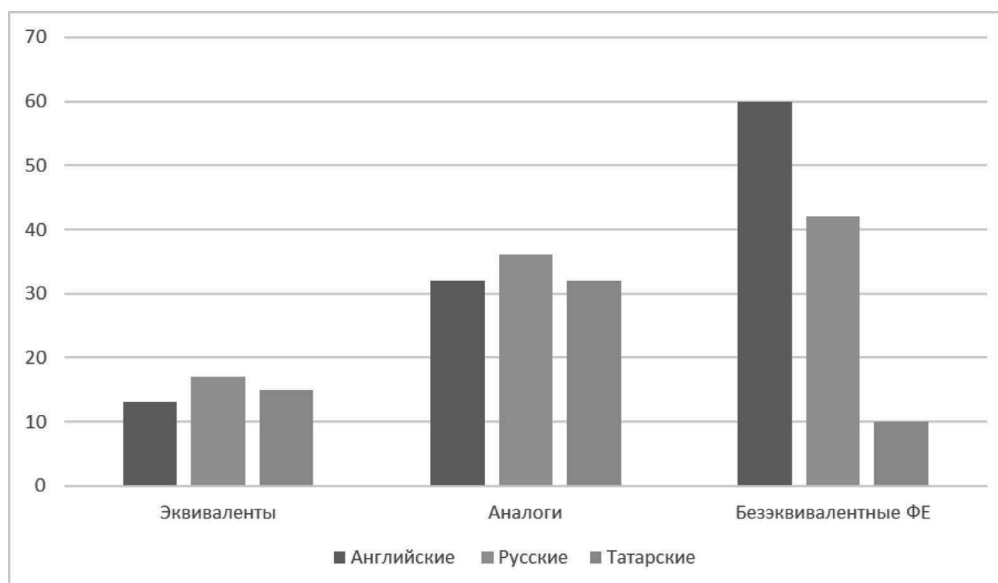

Рис 1.

Большинство фразеологических единиц с компонентом орнитонимом в английском, русском и татарском языках переводится безэквивалентными способами. Преобладающими вариантами перевода изученных фразеологизмов относятся лексический и комбинированный. Эти способы перевода лучше передают семантику ФЕ.

При калькировании фразеологических единиц с компонентом орнитонимом необходимо было знакомство с оригинальным литературным источником. Безэквивалентные способы перевода помогают передать национально-культурные особенности ФЕ.

Знание фразеологизмов с компонентом орнитонимом способствует пониманию изучаемого языка, образа мышления носителя языка, а также привносит образно-

сти и красочности в речь на иностранном языке.

Для облегчения запоминания и увеличения использования данных фразеологизмов речи необходимо выполнение следующих практических рекомендаций:

- чтение художественной литературы и выделение фразеологизмов в тексте;
- использование фразеологических единиц с компонентом орнитонимом на занятиях в ходе выполнения подстановочных и трансформационных упражнений, заданий, направленных на развитие языковой догадки;
- изучение фразеологических словарей, справочной литературы и составление собственного словаря идиом с наиболее часто употребляемыми единицами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арсентьева Е.Ф. Фразеология и фразеография в сопоставительном аспекте: (на материале русского и английского языков) / Е.Ф.Арсентьева. – Казань: Изд-во Каз. ун-та, 2006. – 171с.
2. Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов. Изд. 5-е, испр. и доп. – Назрань: ООО «Пилигрим», 2010. – 486 с.
3. Комиссаров В.Н. Современное переводоведение: Учеб. пособие / В.Н. Комиссаров. – М.:ЭТС, 2004. – 424с.
4. Федоров А.И. Основы общей теории перевода / А.И. Федоров. – М.: 1983. – 303с.
5. Фразеологический словарь русского литературного языка / Сост. А.И. Федоров– М.: ООО «Издательство АСТ», 2001. – 544с.
6. Худенцова О.В. Особенности фразеологических единиц с флористическим компонентом (семантический и функциональный аспекты): Дис. ... канд. филол. наук /О.В.Худенцова. – Москва, 2008. – 224с.
7. Шадрин Н.Л. Перевод фразеологических единиц и сопоставительная стилистика / Шадрин Н.Л. – Саратов: Изд-во Саратовс.ун-та, 1991. – 221с.
8. Шигабутдинова Л.Н. Сопоставительный анализ фразеологизмов-маринизмов в английском, русском и татарском языках: Дис... канд.филол.наук / Л.Н. Шигабутдинова – Казань: КГУ, 2004. – 222с.
9. Юсупов Р.А. Вопросы перевода, сопоставительной типологии и культуры речи / Р.А. Юсупов. – Казань: Татар.кн.изд-во, 2005. – 383с.
10. Cambridge International Dictionary of Idioms. – Cambridge university Press, 1998. – 587p.

© Крепкогорская Евгения Всеволодовна (krepzhenya@yandex.ru), Абдрахманова Рамиля Ябировна.

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ВЫБОР ДИСКУРСИВНЫХ КОМПОНЕНТОВ ПРИ ПОСТРОЕНИИ ВОПРОСИТЕЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЙ ДИАЛОГИЧЕСКОГО ТЕКСТА: АВТОРСКИЙ ПОДХОД БЕТТИ НИЛС

Меркурьева Наталья Юрьевна

Доцент, Московский городской университет управления
Правительства Москвы им. Ю.М. Лужкова
nata2lya1@mail.ru

SELECTION OF DISCOURSE COMPONENTS IN THE COMPOSITION OF DIALOGIC TEXT INTERROGATIVE CONSTRUCTIONS: BETTY NEELS' AUTHORIAL APPROACH

N. Merkurjeva

Summary: The article deals with interrogative constructions with attached and insertion discourse structures used by Betty Neels, a famous British writer of the 20th century, in her novel "Tulips for Augusta", written in 1971. Among discourse components, tag-questions and pragmatic markers belonging to different morpho-syntactic categories (interjections, adverbs, predicative and non-predicative word combinations) are discussed. Some lexical, grammatical and stylistic characteristics of the constructions are paid attention to (lexical and grammatical characteristics of the discourse components, their placement in the receiving sentence, the author's choice when combining several structures in one construction). The results can be used for the preparation of lectures in the disciplines of History of English, Stylistics, in the practice of teaching oral and written speech, as well as in conducting research in the field of modern and historical syntax.

Keywords: syntax of the English language, tag-questions, attended questions, language change, pragmatic markers, discourse markers.

Аннотация: В статье рассматриваются вопросительные конструкции с вставными и присоединенными дискурсивными единицами, употребленные Бетти Нилс, известной британской писательницей XX в., в романе «Тюльпаны для Августы», написанном в 1971 г. Среди дискурсивных единиц обсуждаются присоединенные вопросы и прагматические маркеры, относящиеся к различным морфо-синтаксическим категориям (междометия, наречия, предикативные и непредикативные словосочетания). Обсуждаются некоторые лексические, грамматические и стилистические характеристики вопросительных конструкций (характер и функции дискурсивных компонентов, их размещение в принимающем предложении, авторский выбор при сочетании нескольких компонентов в одной конструкции). Результаты могут быть использованы при подготовке лекций по дисциплинам «История английского языка», «Стилистика», в практике обучения устной и письменной речи, а также при проведении исследований в области современного и исторического синтаксиса.

Ключевые слова: синтаксис английского языка, присоединенный вопрос, расчлененный вопрос, прагматические маркеры, дискурсивные маркеры.

Отражение автором художественного произведения разговорной речи персонажей сугубо индивидуально. Личные речевые привычки создателя текста и особенности звучащей речи его современников, выбор определенных слов и сочетаний из речевых средств, находящихся в обиходе на этапе написания произведения, особенности построения реплики для каждого конкретного персонажа с необходимым набором информативных и неинформативных компонентов, привлечение различных путей для придания речи действующих лиц естественности и живости, собственный авторский взгляд на способы отражения речевых явлений на письме – вот далеко не полный перечень характеристик, позволяющих исследователям черпать из авторской речи бесконечное количество лексического материала для изучения.

Считается, что наиболее близки к разговорному языку тексты пьесы [9], поэтому не удивительно, что многие зарубежные, а также отечественные исследователи разговорной речи разных исторических эпох работают с материалами драматических произведений [13-17], текст романа

(развитие этого литературного жанра особенно интенсивно происходит, начиная с периода Просвещения [3, с. 272-288]) также служит ценным источником лексического материала, поскольку существует высокая вероятность того, что авторы, уделяя максимальное внимание деталям быта, стремятся создавать живые образы действующих лиц, и стараются максимально приблизить диалоги персонажей к реальному. Одним из направлений исследований является рассмотрение и анализ авторских приемов подбора и употребления разного рода неинформативных частей предложений (для которых имеется несколько названий в научной литературе, в частности, прагматические маркеры, дискурсивные или дискурсивные маркеры, присоединенные вопросы, коммуникемы, вводные предложения и др., и которые, употребляясь в предложении, не влияют на его информативную часть, но привлекаются для формирования способа ее подачи, и, таким образом, способствуют оказанию определенного воздействия на получателя информации), составляющих реплики диалогов. Так, например, присоединенные вопросы в диалогической речи персонажей исследовали Ю.И. Сероштан – на материале

романа Дж. Роулинг «Гарри Поттер» [7], Е.Н. Малюга – на материале пьес А. Уэскера «Корни» и С. Моэма «Шеппи» [5], прагматические маркеры изучались в работах Т.В. Богдановой – на примере диалогов в произведениях Шекспира [1], Е.А. Евсиковой – на материале пьес Д. Стила и М. Уотсона [2], Е.В. Манжелевской – на материале произведений Э. Гаскелл, Дж. Элиот, М. Брэддон [6]. В настоящей работе рассмотрим вопросительные предложения, употребленные известной британской писательницей XX в. Бетти Нилс в тексте романа «Тюльпаны для Августы» [11], написанном в 1971 г., и проанализируем неинформативные элементы, которые автор в них включает.

В качестве дискурсивных включений Бетти Нилс использует как предикативные, так и непредикативные структуры, грамматически зависимые или не зависимые от принимающего их вопросительного предложения.

Используемые автором предикативные структуры состава «местоимение + глагол» исследователи относят как к прагматическим маркерам [10, р. 10; 4, с. 46], так и к присоединенным вопросам [8, р. 17-18]. Местоимение первого лица можем видеть в структурах *I suppose* и *I say*, которые в конструкциях *You wouldn't like him back again, I suppose?* и *I say, is Archie getting serious about you?* расположены, соответственно, в финале и начале. Употребление *I suppose* служит целям смягчения категоричности суждения, а включение *I say* предназначено для привлечения внимания адресата. Местоимение второго лица в сочетаниях с глаголами *know* и *understand* образует структуры с прямым порядком слов *you know, you understand* и инверсией, как, например, *did you know*. Одну из таких структур можно видеть в конструкции *All those poor people—more than fifty hurt, did you know?*, назначение присоединенной части *did you know* заключается в том, чтобы продемонстрировать намерение адресанта непременно получить ответ на сообщаемое в присоединяющем предложении. Сочетание *you understand* в отрывке *'Well, you'll have to tell your mother about it when you get home. I'm going to put some stitches in it now and give you an injection, and tomorrow you must come to morning surgery. You understand?'* оформляется как самостоятельное предложение. Можно видеть, что присоединяющей частью для него служат два предшествующих предложения. Маркеры *well* и *you understand* заключают эти два предложения в своеобразную «рамку», внутри которой размещается инструкция для адресата – маркер *well* предназначается для того, чтобы слушающий настроился на получение информации, а маркер *you understand* является сигналом для адресата о том, что инструкция закончена.

Другой предикативной присоединенной структурой, используемой автором, служит присоединенный вопрос. Присоединяющим для такого вопроса может быть повествовательное или императивное предложение. Для императива выбираются присоединенные *will you* и *won't*

you, как можно видеть в примерах *Excuse us, won't you?* и *Sit down, will you?* Функции присоединенного вопроса в конструкциях разнообразны, в их числе назовем побуждение собеседника к продолжению диалога *You meet so many people, don't you?*, дополнительное усиление при выражении эмоций (в данном случае сочувствия) *Nursing is hard sometimes, is it not, Nurse Brown?* Если в опорной части предложения своей реплики адресант выражает намерение что-то сделать и запрашивает одобрение адресата, как в предложении *I'll go and wait somewhere, shall I?*, пытается уточнить и понять желание и позицию адресата, как в примере *Once this dance is over, we'll make wedding plans, shall we?*, пробует проверить свое предположение, как в предложении *I'm not a stranger, am I?*, то употребление присоединенной части способствует увеличению вероятности того, что адресат не оставит реплику без реакции.

Императивные клауземы *let me see* или *tell me* также привлекаются в качестве дискурсивных компонентов вопросительной конструкции, что можем видеть в примере *Now, tell me, did your aunt do anything out of the way today – excitement – food – worry?* Императив *tell me* размещен в начале конструкции совместно с наречием *now*. Такой фатический комплекс предназначается для привлечения внимания адресата и одновременно служит сигналом для адресата о твердом намерении адресанта получить ответ на свой вопрос.

Помимо наречия, в качестве непредикативных дискурсивных маркеров автор использует междометия *well, eh, ah*, сочетания *of course, after all*, а также обращения разного состава. Подобное включение может быть единственным в предложении, в этом случае оно образует начальную или финальную часть конструкции. Так, например, в предложении *Well, was there a lecture?* прагматический маркер *well* служит для указания на то, что «кто-то хочет сказать что-то» [4, с. 47], то есть прагматический маркер используется адресантом как сигнал для адресата о том, что необходимо подготовиться к принятию информации, а в предложении *Shall we decide about a meal later, Mrs Brown?*, маркер-обращение, скорее всего, привлекается для придания высказыванию вежливо-обходительной формы.

Если в принимающем предложении размещено несколько фатических компонентов, последние могут быть скомпонованы друг с другом. Подобные комбинации формируются в зависимости от интенции автора, а через него и интенции того персонажа, которому принадлежит реплика. Писательница размещает присоединенный вопрос и обращение в финальной части предложения, конструкции с такими финальными структурами можно проиллюстрировать примерами *You'll come in, Constantijn, won't you?* и *He dangled after you a bit, didn't he, Gussie?*, в которых присоединенный вопрос и обращение располагаются в различной последовательности. Целью такого

расположения является, вероятно, намерение «обеспечить нужную вербальную или невербальную реакцию адресата путем воздействия на его эмоционально-волевую сферу сознания» [2, с. 246]. Фатический блок бывает и более объемным. Так, например, в конструкции реплики-ответа диалогического единства *'You don't want to talk about it?'* **No, Mother dear, I don't – you understand, don't you?** информативный ответ представлен только словом-предложением *No*. Следующие после *No* четыре элемента конструкции – обращение *Mother dear*, краткое предложение *I don't*, прагматический маркер *you understand*, сопровождающийся присоединенным вопросом *don't you*, предназначаются для решения задач фатического характера, например, смягчения резкости суждения и выражения намерения адресата не провоцировать спор или конфликт (который может быть вызван разницей во мнениях собеседников) с адресантом.

Фатические компоненты также могут быть разнесены в начало и финал предложения. Такой вариант расположения можно видеть в конструкции **Well, what do you think of young Constantijn, eh?**, здесь начальным элементом служит наречие *well*, употребляя которое адресант подготавливает адресата к тому, что будет запрашиваться информация о недавних событиях, а финальный элемент – присоединенный вопрос-междометие *eh* – служит сигналом того, что адресант настроен на получение ответа и ожидает ответную реплику. Непредикативная и предикативная прагматические структуры *of course* и *isn't it* размещены в конструкции **Of course, this place is stuffed with doctors, isn't it?**, первая выполняет функции связывания текущей реплики с предшествующей, а вторая способствует смягчению излишней категоричности мнения, высказываемого в присоединяющем предложении. Два фатических компонента, маркер *I say* и присоединенный вопрос *didn't he* можно видеть в конструкции **I say, he sent the roses, didn't he?**, первый привлекается для того, чтобы подготовить адресата к получению информации, а второй – для дополнительного запроса о ее реальности. Привлечение и удержание внимания собеседника – основные функции обращения и присоединенного вопроса в конструкции **Mother, there is something, isn't there?**

Одним из стилистических приемов автора служит размещение в сложной конструкции нескольких дискурсивных структур. При этом, с одной стороны, каждая структура выполняет свою функцию, но, с другой стороны, собранные в одном сложном предложении, дискурсивные компоненты способствуют созданию некоторого общего эффекта. Так, например, в конструкции **But you did want to know, didn't you, and I can't think how that's possible, for after all, you cast me for a villain right from the first moment we met, didn't you?** союз *but* необходим для соединения текущего высказывания с предшествующим, союз *and* и маркер *after all* призваны заполнить паузы между клауземами, причем сочетание *after all* указывает

на более длинную паузу, которая предшествует сообщению информации, самой важной в высказывании. Два одинаковых присоединенных вопроса *didn't you* отнесены к первому и последнему предложениям конструкции, такой достаточно близкий повтор, вероятно, использован автором для того, чтобы эмоции напористости и нетерпения, исходящие от адресанта, были восприняты адресатом. Фатические компоненты помогают передать напряжение и некоторое раздражение говорящего. Употребленным в конструкции *Stop crying, Marlene, for that will make your throat more sore, you know, and then you won't be able to go home – let me see – the day after tomorrow, isn't it?* дискурсивным элементам также предназначены разные функции: обращение *Marlene* подчеркивает эмоциональное участие адресата, маркер *you know*, расположенный рядом с комплексом из союза *and* и наречия *then*, служит для разграничения суждений адресанта, маркер *let me see* одновременно и указывает на существование некоторой заминки в речи персонажа, и необходим для заполнения вынужденной паузы, маркер *isn't it* служит сигналом того, что адресант высказал свое предложение и теперь ожидает реакции адресата. Расставляя дискурсивные включения таким образом, автор решает задачу придания репликам сходства с реальной речью, показывая ее упорядоченное и плавное течение.

В конструкции реплики-ответа диалогического единства *'You knew I'd come back—were you so sure of me?' [...]* **'No, my darling heart, but I thought that if I stayed exactly where I was and thought about you, you might think of me too, for after all, you are the other half of me, are you not, dear Roly?'** наблюдаем два обращения *my darling heart* и *dear Roly*, которые привлекаются автором для передачи не только определенного эмоционального состояния адресанта, но и глубины его чувств. Клаузема *you are the other half of me* помещается в «рамку», состоящую из прагматического маркера *after all* в левой части, и присоединенного вопроса *are you not* и обращения *dear Roly* в правой. Выбирая подобное расположение, автор старается подчеркнуть особую важность этой клауземы в конструкции. Как известно, наиболее важная часть в высказывании характеризуется наименьшей скоростью произнесения [12, р. 37] и для того, чтобы такая особая важность была воспринята читателем, писательница употребляет полные формы слов в присоединенном вопросе, приводя его в виде *are you not*, а не *aren't you*, и таким образом показывая, что говорящий продолжает держать тот же медленный темп проговаривания слов, какой осуществлялся для клауземы *you are the other half of me*.

Обобщая вышесказанное, можно заключить, что, подбирая вопросительные предложения для диалогов персонажей в романе «Тюльпаны для Августы», писательница Бетти Нилс снабжает их разнообразными дискурсивными маркерами. Среди предикативных элементов автор использует прагматические маркеры

на основе местоимений первого лица *I say, I suppose* и второго лица *you know, you understand*, присоединенные вопросы *will you, didn't he, shall I, isn't there, are you not*, императивные единицы *let me see, tell me*. Для создания непредикативных включений автор выбирает элементы, относящиеся к различным морфо-синтаксическим категориям – междометия *oh, well, ah*, наречия *then, now*, непредикативные словосочетания *after all, of course*, разнообразные по морфологическим характеристикам и количеству составляющих слов обращения *Augusta, Nurse Brown, my darling heart*. Основное назначение перечисленных элементов в вопросительном предложении – придать живость репликам персонажей. Некоторые рассматриваемые элементы функционируют как клишированные компоненты определенных коммуникативных типов предложений, оформленных как вопросительные – например, императива *Sit down, will you?*, расчлененного вопроса, сочетающего в себе, как обычно считается, повествовательный и вопросительный коммуникативный типы *I'm not a stranger, am I?*.

Среди функций предикативных и непредикативных

дискурсивных маркеров назовем дополнительное привлечение внимания *I say, is Archie getting serious about you?*, смягчение категоричности *You wouldn't like him back again, I suppose?*, выражение вежливости *You'll come in, Constan-tijn, won't you?*. Автор использует способ сочетания нескольких дискурсивных включений в одном предложении. Комбинация включений способствует усилению эффекта, для создания которого они употребляются: присоединенный вопрос и обращение используются для сглаживания неловкости, как в предложении *He dangled after you a bit, didn't he, Gussie?*, а фатический комплекс из наречия и предикативного сочетания в конструкции *Now, tell me, did your aunt do anything out of the way today—excitement – food – worry?* необходим для привлечения внимания адресата и настраивания его на восприятие информации. Структурирование сложных конструкций, в которых автор объединяет три-четыре клауземы различных коммуникативных типов, несомненно, является одной из функций дискурсивных включений, с помощью которых заполняется пауза, разделяющая клауземы или их части, и, таким образом, адресат получает сигнал о том, что мысль адресанта, высказываемая в предложении, не окончена.

ЛИТЕРАТУРА

1. Богданова Т.В. Прагматические компоненты перформативных высказываний в комедиях В. Шекспира. Автореф. дис. . . . канд. филол. наук. СПб., 2008. 24 с.
2. Евсикова Е.А. Разделительный вопрос и обращение как актуализаторы фактора воздействия на адресата в английском диалогическом дискурсе. // Вестник Брянского государственного университета. 2017а. № 3(33). С. 243-248.
3. История английской литературы. Т.1. Вып.2. М-Л: Изд-во АН СССР, 1945. 655 с.
4. Кабахидзе Е.Л. Дискурсивный маркер *well* в быденном и политическом дискурсах: амбивалентность и бифункциональность. // Иностранные языки в высшей школе. 2021. №3(58). С. 43-53.
5. Малюга Е.Н. Одна из закономерностей стандартной и нестандартной речи в основных вариантах английского языка. // Язык. Сознание. Коммуникация. М.: МАКС-Пресс, 2001. С. 128-139.
6. Манжелевская Е.В. Речевые предпочтения Викторианских писательниц как показатель их прагматических ожиданий (на материале англоязычных текстов Э. Гаскелл, Дж. Элиот, М. Брэддон) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2016. № 12(66). Ч. 1. С. 121-126.
7. Сероштан Ю.И. Отражение речевого стереотипа в английских разделительных вопросах (на материале произведений Дж. Роулинг «Гарри Поттер») // Университет XXI века: научное измерение. Материалы научной конференции профессорско-преподавательского состава, аспирантов, магистрантов и соискателей ТГПУ им. Л.Н. Толстого. Тула: ТГПУ, 2011. С. 279-281.
8. Bolinger D. Interrogative Structures of American English. University: University of Alabama Press, 1957. 184 p.
9. Culpeper J., Kytö M. Data in historical pragmatics. Spoken interaction (re)cast as writing. Journal of Historical Pragmatics // 2000. 1(2). P. 175-199.
10. Fraser B. Discourse Markers Across Language. // Pragmatics and Language Learning. Monograph Series. V. 4. 1993. P. 1-16.
11. Neels Betty. Tulips for Augusta. Дата обращения 1.02.2023. <https://archive.org/details/BettyNeels/Tulips%20for%20Augusta%20-%20Betty%20Neels/page/n5/mode/2up>.
12. Roach P. Phonetics. – Oxford: Oxford University Press, 2010. – 116 p.
13. Salmon V. Elizabethan colloquial English in the Falstaff plays. In Vivian Salmon & Edwina Burness (eds.). A reader in the language of Shakespearean drama. Amsterdam: Benjamins, 1987a. P. 37-60.
14. Salmon V. Sentence structures in colloquial Shakespearean English. In Vivian Salmon & Edwina Burness (eds.), A reader in the language of Shakespearean drama. Amsterdam: Benjamins, 1987b. P. 265-317.
15. Tottie G., Hoffmann S. Tag Questions in British and American English. // Journal of English Linguistics. 2006. V. 34. № 4. P. 283-311.
16. Tottie G., Hoffmann S. Tag Questions in English. The First Century // Journal of English Linguistics. 2009. V. 37. № 2. P. 130-161.
17. Wikberg K. Yes-no questions and answers in Shakespeare's plays. A study in text linguistics. // Acta Academiae Aboensis, Series A, Humaniora. V.51. № 1. Åbo, Finland: Åbo Akademi. 1975. 240 p.

© Меркурьева Наталья Юрьевна (nata2lya1@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СТРУКТУРНО-КОМПОЗИЦИОННЫЕ ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОЙ ПУБЛИЧНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕЧИ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКОВ)

Новиков Илья Алексеевич

аспирант, МГУ имени М.В. Ломоносова

axmed1232@mail.ru

STRUCTURAL AND COMPOSITIONAL PARTICULARITIES OF MODERN PUBLIC POLITICAL SPEECH (A CASE STUDY OF RUSSIAN AND FRENCH LANGUAGES)

I. Novikov

Summary: This paper examines the structural and compositional peculiarities of modern public political speech which is understood in the context of traditional rhetoric and political linguistics as a thoroughly premeditated and composed verbal product with a rigorous composition and a consistent presentation of ideas to produce a speech impact on the mass recipient. As a result of a study of theoretical and practical material, it was found that the majority of modern political public speeches are constructed according to the classical three-part rhetorical canon, which consists of an introduction, a main part, and a conclusion, while allowing for an expansion of the structure.

Keywords: public speech, public political speech, public political speech's structure and composition, rhetorical canon, argumentation.

Аннотация: В настоящей статье рассматриваются структурно-композиционные особенности современной публичной политической речи, которая понимается в русле традиционной риторики и политической лингвистики как тщательным образом заранее продуманное и составленное речевое произведение со строгой композицией и последовательным изложением идей в целях оказания определенного речевого воздействия на массового реципиента. В результате изучения теоретического и практического материала было установлено, что большая часть современных публичных политических выступлений строится в соответствии с классическим трехчастным риторическим каноном, состоящим из вступления, основной части и заключения, при этом допускается и расширение классической структуры.

Ключевые слова: публичная речь, публичная политическая речь, структура и композиция публичной политической речи, риторический канон, аргументация.

Публичная политическая речь выступает в качестве одного из наиболее заметных жанров современного политического дискурса, так как способна оказывать воздействие на развитие не только конкретной страны, но и международных отношений. В процессе подготовки текста публичного выступления важной задачей оказывается соблюдение четкой последовательности изложения идей, поскольку публичная речь политического деятеля – это, как правило, объемное речевое произведение.

Структура и композиция публичной политической речи призваны помочь политику заручиться поддержкой аудитории и достичь своих коммуникативных целей, которые окажутся практически недостижимыми в том случае, если информация будет представлена аудитории непоследовательно и бессистемно. В связи с этим к наиболее важным характеристикам публичной политической речи следует отнести последовательность, логичность и подчиненность всех ее составляющих единой коммуникативной цели.

Общеизвестно, что многовековая традиция правил составления публичной речи ведет свое начало еще со времен глубокой античности. Так, проявляя исключительный пиетет к риторическим постулатам и опираясь

на законы логики и психофизиологические особенности восприятия человеком устного текста, многие специалисты в области риторики, например, Л.А. Введенская, Л.Г. Павлова, А.К. Михальская, Й. Кнапе выделяют трехчастную структуру публичного выступления, включающую вступление, основную часть и заключение.

Однако некоторые исследователи выделяют и иную, более детализированную, структуру публичного выступления. Например, Е.Н. Зарецкая выделяет восемь структурных компонентов в ораторском выступлении: «обращение, называние темы, повествование, описание, доказательство, опровержение, воззвание и заключение» [2, с. 172-175].

В свою очередь, И.А. Стернин усматривает следующие элементы в традиционной трехчастной структуре публичной политической речи: так, во вступлении выделяется зачин (для привлечения внимания аудитории) и завязка (постановка цели и разъяснение актуальности освещаемой проблемы), в основной части – аргументация и доказательства, а в заключении – напоминание (возвращение к первоначально обозначенной проблеме), обобщение (вывод на основе выступления) и призыв (итоговый контроль вовлеченности аудитории) [10, с. 99].

Как видно, в рамках риторической традиции наличествует определенная модель, однако структура современной публичной политической речи может относительно сильно отличаться от устоявшегося канона на том основании, что любое выступление политического деятеля по своей сути является творческим актом.

подавляющее большинство публичных выступлений начинается с обращения к аудитории, в котором содержатся приветственные слова и выражение благодарности присутствующим. В обращении, как правило, называется адресат, на которого направлена речь, тогда как приветствие способствует установлению контакта между адресантом и адресатом. При этом, как утверждают Т.В. Ларина и А.Ю. Маслова, исходя из формы приветствия и обращения, можно сделать вывод о той социальной роли, которую участники коммуникации отводят друг другу [4, 5].

В публичной политической речи особое внимание уделяется этикетным формулам, поэтому чрезвычайно важен выбор обращения, которое относится к области функционирования речевого этикета. Реализуя две важные речевые функции – контактоустанавливающую и апеллятивную, обращение прежде всего в значительной степени способствует привлечению внимания аудитории. Как считает И.А. Стернин, «согласно аксиоме коммуникативного равновесия, вступая в контакт с аудиторией, необходимо проявлять принципы вежливости и взаимоуважения» [10, с. 5].

В послании Федеральному Собранию от 21 апреля 2021 года приветственная фраза президента ограничивается лаконичным речевым штампом: **«Уважаемые коллеги!»** [8]

Церемонию вступления в должность Президента России 7 мая 2018 В.В. Путин открывает приветственным словом в адрес аудитории: **«Уважаемые граждане России! Дамы и господа! Дорогие друзья!»** [6].

Обращаясь к нации 24 февраля 2022 года, президент РФ произносит приветствие: **«Уважаемые граждане России! Дорогие друзья!»** [7].

В ходе пресс-конференции 9 декабря 2021 года французский лидер обратился ко всем присутствующим следующим образом: **«Monsieur le Premier ministre, Mesdames et Messieurs les ministres, Mesdames, Messieurs»** [14]

Выступая на 75-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН, президент Французской Республики поприветствовал всех собравшихся глав государств и, в особенности, Генерального секретаря ООН: **«Mesdames et Messieurs les Chefs d'État et de gouvernement, Monsieur le Secrétaire général de l'Organisation des Nations Unies,**

Mesdames et Messieurs» [12]

Следующий обязательный структурный элемент публичного выступления – вступление, цель которого состоит в том, чтобы подготовить аудиторию к восприятию основной части речи. В этой связи Н.Н. Кохтев отмечает, что оратор должен выстроить свою речь таким образом, чтобы с самого начала заинтересовать реципиента и создать в его сознании представление о том, каким образом будет развиваться выступление [3].

Помимо краткого изложения основных идей выступления, во вступлении допускается отметить обстоятельства, которые привели к созданию публичной речи. В то же время вступление в некоторой степени воздействует на адресата, поскольку фактически предваряет основную часть публичной речи. Следовательно, вступление обладает проспективной направленностью, так как «приоткрывает завесу тайны» над основной информационно-содержательной частью выступления.

В основной части публичной речи оратор раскрывает ее генеральную идею и представляет набор аргументов, поочередно используя три типа речи – повествование, рассуждение и описание, которые способствуют созданию ассоциативных связей у аудитории между событиями общественно-политической жизни.

Вместе с тем важное место в публичных политических речах отводится непосредственно рассуждению, что объясняется спецификой рассматриваемого речевого жанра, так как политическому деятелю необходимо придать наибольшую убедительность своей речи. Именно поэтому М.П. Брандес отмечает наличие тесной связи между рассуждением и логико-аналитической стороной речи, поскольку в основе рассуждения лежит последовательная цепочка суждений, которые способствуют выстраиванию логических связей и выражению причинной-следственных отношений [1].

Таким образом, можно констатировать, что публичная политическая речь относится к убеждающему типу речи, и поэтому в ней представлен широкий спектр аргументов, в основе которых лежат конкретные примеры, факты, цитаты и статистические данные. Аргументация как вербальная деятельность манифестируется посредством логической структуры, при этом основными конститутивными элементами аргументации являются тезисы и выводы.

В.В. Путин в основной части своих публичных выступлений рассматривает следующие важные и актуальные темы:

1. историческое прошлое страны: **«Мы хорошо знаем из истории, как в 40-м году и в начале 41-го года прошлого века Советский Союз всячески стремился предотвратить или хотя бы оттянуть начало войны»** [7].

2. угроза национальной безопасности государства: **«уже сейчас, по мере расширения НАТО на восток, ситуация для нашей страны с каждым годом становится все хуже и опаснее»** [7].
3. миссия лидера: **«Как глава государства сделаю все, чтобы приумножить силу, процветание и славу России, чтобы оправдать запросы общества и надежды граждан страны»** [6].
4. национальные ценности: **«Особое внимание уделим поддержке традиционных семейных ценностей, материнства и детства»** [6].
5. развитие страны: **«Будем активно проводить современную социальную политику, настроенную на нужды каждого человека, каждой российской семьи, повышать качество образования и здравоохранения»** [6].

В основной части публичных выступлений президент Франции уделяет внимание различным вопросам внутренней и внешней политики. Проведенный анализ публичных речей Эмманюэля Макрона позволил выделить следующие тематические блоки:

1. международное сотрудничество и выстраивание партнерских отношений с другими государствами: **«<...> je souhaite pour ma part que la Russie comprenne que la France est son partenaire européen crédible, ouvert et fiable pour préparer l'avenir»** [13].
2. национальные ценности: **«la France est un pays attaché à la liberté de culte et ce qu'on appelle souvent la laïcité»** [13].
3. обеспечение национальной безопасности государства: **«nous avons discuté de ce sujet toujours sensible de l'activité dans le cyberspace et des cyberattaques»** [13].
4. борьба с терроризмом: **«Depuis plusieurs années, nous combattons le terrorisme, avec force»** [15].
5. религия: **«L'Etat français ne connaît pas de religion. La société française les accueille toutes»** [15].
6. исторические отсылки: **«Le 26 juin 1945 à San Francisco, alors que la guerre faisait encore rage dans le Pacifique, nos prédécesseurs se sont accordés sur une triple promesse»** [12].

В заключении, которое является завершающей частью публичной речи, политический деятель, как правило, подводит итог всему сказанному ранее и призывает аудиторию к определенным действиям при помощи релевантного лозунга, цитаты или риторического вопроса. Обращаясь к прецедентным высказываниям и используя

интертекстуальные включения, адресант стремится сформировать в сознании адресата (аудитории) определенное отношение к заключительным положениям выступления. Более того, яркая цитата позволяет обобщить наиболее важную содержательно-концептуальную информацию.

Президент России завершает свою инаугурационную речь словами о неизбежности успеха и благодарностью в адрес аудитории: **«Мы обязательно добьемся успеха! Верю, так и будет. Сделаю для этого все, что в моих силах. Благодарю вас»** [6].

Послание Владимира Путина Федеральному Собранию 21 апреля 2021 завершается лаконичным выражением благодарности всем присутствующим: **«Спасибо вам большое за внимание»** [8].

В завершение выступления на 75-й Генеральной Ассамблеи ООН Эмманюэль Макрон высказывает следующие пожелания: **«Pour être à la hauteur des engagements qui furent les nôtres alors que les armes ne s'étaient pas encore tues à l'autre bout du monde. C'est à nous de faire. Et nous ferons »** [12].

Речь, произнесенную на Петербургском международном экономическом форуме, президент Франции завершает словами благодарности в адрес Владимира Путина: **«Je vous remercie Monsieur le Président, cher Vladimir»** [13].

В заключение отметим, что проанализированные публичные речи Владимира Путина и Эмманюэля Макрона в целом опираются на трехчастный структурно-композиционный канон с разделением вступительной части на обращение к аудитории и вступление. В обращении политический деятель приветствует аудиторию и называет адресата, на котором сфокусирована речь. Далее следует вступление, направленное на привлечение и захват внимания аудитории. В основной части излагается генеральный замысел всей речи. Заключение является завершающим этапом публичного выступления, на котором подводится итог всему сказанному ранее. Приветственные фразы и слова благодарности в публичных речах Владимира Путина и Эмманюэля Макрона лексически разнообразны и редко повторяются, при этом они оказываются строго детерминированными темой выступления и типом аудитории. Диапазон освещаемых тем в основной части публичных речей политических лидеров достаточно широк и охватывает вопросы как внутренней политики, так и внешней.

ЛИТЕРАТУРА

1. Брандес, М.П. Стилистика текста / М.П. Брандес. – М.: Прогресс-Традиция; ИНФРА-М, 2004. – 416 с.
2. Зарецкая, Е.Н. Риторика. Теория и практика речевой коммуникации. 4-е изд. – М.: Дело, 2002. – 480 с.

3. Кохтев, Н.Н. Основы ораторской речи / Н.Н. Кохтев. – М.: Флинта: Наука, 2012. – 328 с.
4. Ларина, Т.В. Категория вежливости и стиль коммуникации: Сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. – М.: Языки славянских культур, 2009. – 512 с.
5. Маслова, А.Ю. Речевой акт обращения как компонент организации коммуникативного коридора // Русский язык: исторические судьбы и современность: IV Международный конгресс исследователей русского языка (Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова, филологический факультет, 20-23 марта 2010 г.): Труды и материалы / Составители М.Л. Ремнева, А.А. Поликарпов. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2010. – С. 129-130.
6. Путин, В.В. Выступление на церемонии вступления в должность Президента России 7 мая 2018 [Электронный ресурс] / В.В. Путин. – 07.05.2018. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/57416>
7. Путин, В.В. Обращение Президента Российской Федерации 24 февраля 2022 [Электронный ресурс] / В.В. Путин. – 24.02.2022. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/67843>
8. Путин, В.В. Послание Президента Федеральному Собранию 21 апреля 2021 [Электронный ресурс] / В.В. Путин. – 21.04.2021. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/65418>
9. Путин, В.В. Совещание о мерах социально-экономической поддержки регионам 16 марта 2022 [Электронный ресурс] / В.В. Путин. – 16.03.2022. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/67996>
10. Стернин, И.А. Практическая риторика / И.А. Стернин. – М.: Изд. Центр «Академия», 2008. – 272 с.
11. Macron, E. Conférence de presse conjointe de Emmanuel Macron et Vladimir Poutine [Электронный ресурс] / E. Macron. – 29.05.2017. – Режим доступа: <https://www.vie-publique.fr/discours/203301-conference-de-presse-conjointe-de-mm-emmanuel-macron-president-de-la-r>
12. Macron, E. Déclaration du Président de la République française à la 75e session, 3e séance plénière [Электронный ресурс] / E. Macron. – 21.09.2020. – Режим доступа: <https://digitallibrary.un.org/record/3905539?ln=ru>
13. Macron, E. Discours de Macron Saint-Pétersbourg [Электронный ресурс] / E. Macron. – 24.05.2018. – Режим доступа: <https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2018/05/24/conference-de-presse-conjointe-du-president-de-la-republique-emmanuel-macron-et-de-vladimir-poutine-a-saint-petersbourg>
14. Macron, M. Discours du Président de la République à la conférence de presse du 9 décembre 2021 [Электронный ресурс] / E. Macron. – 09.12.2021. – Режим доступа: <https://presidence-francaise.consilium.europa.eu/fr/actualites/discours-du-president-de-la-republique-a-la-conference-de-presse-du-9-decembre-2021/>
15. Macron, E. Interview du président de la république E. Macron [Электронный ресурс] / E. Macron. – 30.10.2020. – Режим доступа: https://www.diplomatie.gouv.fr/IMG/pdf/10_30_interview_du_president_de_la_republique_a_al_jazeera_cle8fb4e4.pdf

© Новиков Илья Алексеевич (xmed1232@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

О РАЗВИТИИ ЗНАЧЕНИЙ В СТРУКТУРЕ ГЛАГОЛА И ОТГЛАГОЛЬНОГО СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО

Петрова Оксана Олеговна

Кандидат филологических наук, доцент, Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского
poks1990@yandex.ru

ON THE DEVELOPMENT OF MEANINGS IN THE STRUCTURE OF THE VERB AND A VERBAL NOUN

O. Petrova

Summary: The article analyzes the development of metonymic meanings of the verb «to change» and their organization in the semantic structure of this verb. It is noted that the values develop from the semantic radixoid (invariant value). They can be called quasi-synonymous, since these values are adjacent, but there is no hierarchy between them. The organization of the semantic structure of the verbal noun «change» is also described. The meanings of the verbal noun are formed in parallel with the meanings of the verb. They are also quasi-synonymous with respect to each other.

Keywords: metonymic meanings, quasi-metonymy, semantic structure of the word, semantic radixoid, semantic invariant.

Аннотация: В статье анализируются развитие метонимических значений глагола «сменить» и их организация в семантической структуре данного глагола. Отмечается, что значения развиваются от семантического радикаоида (инвариантного значения). Их можно назвать квазиметонимическими, поскольку эти значения смежные, но между ними нет иерархии. Также описывается организация семантической структуры отглагольного существительного «смена». Значения у отглагольного существительного формируются параллельно значениям глагола. Они также являются квазиметонимическими по отношению друг к другу.

Ключевые слова: метонимические значения, квазиметонимия, семантическая структура слова, семантический радикаоид, семантический инвариант.

Об организации метонимических значений в структуре прежде всего имени существительного писали многие, в частности А.В. Калинин [4, с. 30–32]; Л.А. Новиков [5, с. 205].

Л.А. Новиков отмечает три типа организации вторичных значений: «а) радиальная полисемия, в которой все частные значения непосредственно связаны с главным и мотивируются им, б) цепочная полисемия, при которой каждое значение непосредственно связано только с ближайшими значениями (т.е. вытекает из предшествующего и мотивирует последующее) и в) радиально-цепочная, смешанная» [5, с. 205].

Мы также писали об этом, выделяя цепочную, радиальную и смешанную схемы организации метонимических значений [1, с. 8–10].

Кроме того, нами была выделена схема развития метонимических значений от семантического радикаоида (инварианта) – общего, интегрального смысла этих значений. К этому инварианту могут добавляться по смежности отражаемого явления различные смысловые наращения, при этом в организации этих значений отсутствует иерархия.

Пионерской работой в этой области было исследование Р.О. Якобсона, который при анализе семантики падежей опирался на инвариантное общее значение и

предлагал распространить эту методику на описание лексической семантики многозначного слова. «В каждом падеже все его частные значения могут быть приведены к общему знаменателю. В отношении к прочим падежам той же системы склонения каждый падеж характеризуется своим инвариантным общим значением...» [8, с. 178].

Ч.Дж. Филлмор отмечал: «С принципом минимального толкования соотносимо предложение искать для каждого слова единое ядерное («общее») значение, покрывающее все его смыслы. Это предложение, которое можно назвать принципом минимизации полисемии, связано именами таких лингвистов, как Роман Якобсон и Ульям Дайвер, хотя в их работах указанный принцип применяется в основном к описанию значений грамматических форм, таких как значение падежей или грамматических времен». Однако исследователь считает, что использовать принцип единого толкования, покрывающего все значения, в практическом лексическом описании не всегда представляется возможным [7, с. 28].

По сути дела, описание О.П. Ермаковой многозначности производных с фразеологической семантикой также опирается на семантический инвариант, который в ее работе называется «словообразовательной моделью». Она писала: «Фразеологические по семантике производные представляют собой открытые семантические структуры: они вмещают в себя неограниченное количество прямых номинативных значений как результат

неоднократного образования наименований по данной модели» [3, с. 75].

Однако семантический инвариант, может быть, и у производных слов: см. описание семантической структуры слов *свобода*, *аттестат* в нашей работе [1, с. 8–10].

В настоящей статье показано развитие метонимических значений от семантического радикалоида (инварианта) у глагола *сменить*. Этот инвариант при конкретизации даёт четыре связанных с ним радиальной связью производных значения (в толковом словаре эти значения даны в последовательности, которая ничем не подкреплена).

Также рассмотрены отношения значений глагола *сменить* и имени существительного *смена*.

Аналогично нами отмечалась семантическая проекция у относительных прилагательных, которую тоже можно было бы считать семантическим радикалоидом, или инвариантом, который в контексте трансформируется в лексические дериваты [2, с. 47].

Шведова 2011:

СМЕНИТЬ, смену, сменишь; сменённый (-ён, -ена); сов. 1. что. Используя, переменить, заменить одно другим. С. бельё. С. обувь. 2. кого-что. Заменить другим. С. заведующего. С. работу. 3. кого (что). Начать действовать вместо другого, заняв чьё-н. место, в свою смену. С. сиделку у постели больного. С. дежурного. 4. кого-что. Появиться вслед за кем-чем-н., заменяя собой кого-что-н. Ветеранов сменили молодые. Прохлада сменила зной. II сущ. смена, -ы, ж. [6].

I. Структуру организации значений глагола *сменить* можно описать следующим образом: а) выделить семантический радикалоид (инвариантное значение) глагола *сменить* «вместо А ставится Б»; б) этот инвариант, модифицируясь, прочитывается 4 раза по отношению к разным, но смежным ситуациям, и у него развиваются лишённые иерархии конкретные лексические значения (1–4) (в толковом словаре приводятся в произвольном порядке); в) семантический инвариант удерживает значения глагола в пределах лексико-семантической структуры слова:

1. «субъект меняет предмет по причине утраты последним необходимых функциональных качеств»;
2. «субъект меняет человека или группу людей по причине отсутствия у последнего (-их) необходимых функциональных качеств»;
3. «субъект меняет людей человека или группу людей по причине утраты последним (-и) необходимых функциональных качеств (периодически на время)»;
4. «бытие замещает людей или явления природы в ходе своего развития».

Эти значения фиксируют смежные по отношению к семантическому радикалоиду (инварианту) и друг к другу действия. Такого рода смежность представлений глагола *сменить* напоминает радиальную метонимию. Но это, скорее, квазиметонимия, так как возникшие значения не опираются на слово.

II. Рассматриваемые значения глагола *сменить* усваиваются отглагольным именем *смена*.

Шведова 2011:

СМЕНА, -ы, ж. 1. см. сменить, -ся. 2. Промежуток времени, по истечении к-рого сменяются работающие, какие-н. группы людей. Завод работает в две смены. Дежурить в ночную смену. 3. Группа людей, работающая, действующая в такой промежуток. Пришла вечерняя с. 4. Тот (те), кто приходит, возникает, заменяя собой кого-то-н. Ветеранам подрастает достойная с. Готовить себе смену. 5. Комплект периодически сменяемой одежды. Две смены белья [6].

Получаются такие соответствия: 1. *Сменить* бельё – производится *смена* белья. 2. *Сменить* заведующего – произошла *смена* заведующего. 3. *Сменить* дежурного – *смена* дежурного производится строго по времени. 4. Ветеранов *сменила* молодежь – за эти годы произошла *смена* ветеранов молодым поколением.

Эти значения отглагольного имени *смена* также объединяет смежность описываемых опредмеченных действий и тот же семантический инвариант, которые нами отмечены у слова *сменить*. Значения производного слова *смена* по отношению друг к другу также квазиметонимия.

III. От данных значений слова *смена* избирательно развиваются актантные метонимические значения:

- а) произвести *смену* белья → выдали *смену* белья [действие → объект действия];
- б) *смена* дежурного → я ваша *смена* [действие → субъект действия];
- в) *смена* работников → мне сегодня во вторую *смену* [действие → период действия];
- г) *смена* поколений → растёт молодая *смена* [исторический процесс → субъект исторического процесса.];
- д) значение слова *смена* 'замена субъектом человека или группы людей по причине отсутствия у последнего (-их) необходимых функциональных качеств' метонимических значений не развивает.

Таким образом, структура организации значений слова может опираться на семантический инвариант и на конкретное значение. При этом порождаются близкие к лексической метонимии квазиметонимические значения, а также собственно метонимические лексические значения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ерёмин А.Н., Петрова О.О. Субстантивная метонимия в современном русском языке (теоретические основания и модели реализации): учеб.-метод. пособие. – М.: ФЛИНТА, 2018. – 68 с.
2. Ерёмин А.Н., Петрова О.О. Адъективная метонимия в современном русском языке (теоретические основания и модели реализации): учеб. пособие. – М.: ФЛИНТА, 2019. – 100 с.
3. Ермакова О.П. Лексические значения производных слов в русском языке. – М.: Рус.яз., 1984. – 152 с.
4. Калинин А.В. Лексика русского языка. Учебник. – М.: Издательство Московского университета, 1971. – 232 с.
5. Новиков Л.А. Семантика русского языка: Учебное пособие. – М.: Высшая школа, 1982. – 272 с.
6. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / РАН. Институт русского языка им. В.В. Виноградова, Отв. ред. Н. Ю. Шведова. – М., 2011: Издательский центр «Азбуковник». – 1175 с.
7. Филлмор Ч.Дж. Об организации семантической информации в слове // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: «Прогресс», 1983. – С. 23–60.
8. Якобсон Р.О. Морфологические наблюдения над славянским склонением (состав русских падежных форм) / Доклад на IV Международном съезде славистов (1958) // Р. Якобсон. Избранные работы по лингвистике. Благовещенск: БГК им. И.А. Бодуэна де Куртенэ, 1998. – С. 176–197.

© Петрова Оксана Олеговна (poks1990@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЯЗЫКОВОЙ КОНФЛИКТНОЙ СИТУАЦИИ В ШОТЛАНДИИ: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Тарасова Кира Эдуардовна

аспирант, Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова
tarasova.kira@gmail.com

THE REPRESENTATION OF THE LANGUAGE CONFLICT SITUATION IN SCOTLAND: CONCEPTUAL ANALYSIS

K. Tarasova

Summary: The present article represents language conflict situation through the conceptualization of its elements in the representation of the certain ethnic group. On the basis of the research the conclusions were made on the representation of the linguistic conflict as the event sequence from the point of view of its description and conceptualization by the Scottish people. The sphere of concepts contains such concepts as CONFLICT, SCOTS, ENGLISH, GAELIC, LANGUAGE POLICY. The relevance of the article is determined by the study of the changes in the conceptions of the Scots and English languages from the 800 till nowadays.

Keywords: Cognitive Linguistics, conceptual world view, cultural linguistics, concept, linguistic conflict, Scots, Gaelic.

Аннотация: В статье раскрывается языковая конфликтная ситуация, через осмысление ее компонентов в представлении определенного этнического сообщества. На основании проведенного исследования сделаны выводы относительно репрезентации языкового конфликта как последовательность событий с точки зрения того, как его описывают и представляют шотландцы. В концептосфере SCOTTISH LANGUAGE CONFLICT выделены следующие концепты: CONFLICT, SCOTS, ENGLISH, GAELIC, LANGUAGE POLICY. Актуальность исследования состоит в рассмотрении изменений в представлениях об англо-шотландском и гаэльском языках в рамках языковой конфликтной ситуации в Шотландии с 800 г. по настоящее время.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, концептуальная картина мира, концепт, языковой конфликт, англо-шотландский язык, гаэльский язык.

Язык является не только средством коммуникации и передачи информации, но и главным инструментом познания и осмысления окружающего мира. Результатом многочисленных языковых контактов, происходящих в результате межкультурной коммуникации, становится многоязычность мира, где каждый этнический язык предстает базовым, национальным кодом и основной семиотической системой культуры отдельных этнических сообществ, отражая их языковую и культурную идентичность. Последние десятилетия характеризуются стремлением отдельных этнических сообществ отстаивать свои исторические, культурные и языковые корни, что характеризуется возрождением их национальных языков. При этом на территории одной страны можно наблюдать сосуществование нескольких языков и культур, что может привести к ситуации многоязычия, в которой языки зачастую имеют разный социальный статус. Примером такой тенденции к осознанию своей этнической и языковой идентичности может служить Шотландия, где основным и официальным языком является английский, а к языкам меньшинств относят англо-шотландский (Scots) и гаэльский (Scottish Gaelic), которые являются неотъемлемой частью шотландской истории и культуры.

Ситуация многоязычия может приводить к конфликтным ситуациям, вызванным стремлением этнокультурных сообществ отстаивать свой язык, находящийся под сильным влиянием официального языка и языковой

политики, проводимой центральной властью. Противоречия, возникающие между этническими общностями, в данном исследовании будут рассматриваться в рамках языкового конфликта, под которым понимается «столкновение между сообществами людей, в основе которого лежат те или иные проблемы, связанные с языком» [5, с. 276]. В данной статье конфликт рассматривается как событие с точки зрения того, как его описывает и представляет языковая личность, принадлежащая к определенному этнокультурному сообществу [2, с. 28]. То есть конфликт рассматривается не как фрейм «конфликт», включающий в себя участников конфликтной ситуации, столкновение целей, взглядов, речевые действия участников и т.д., а как совокупность определенных представлений, характеризующих развертывание конфликта через ряд взаимосвязанных между собой событий.

Человек осмысляет окружающий его мир в виде образов, схем и представлений, которые аккумулируются в его сознании в виде определенных когнитивных структур. Концепт является оперативной единицей памяти, «ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга, всей картины мира» [3, с. 90-92]. Представления, отражающиеся в определенном концепте, складываются из практического опыта, накопленного за всю историю существования этнокультурного сообщества, говорящего на определенном языке [1, с. 397]. Под языковой картиной мира понимается та «часть концептуального мира человека, которая имеет привязку к языку

и преломлена через языковые формы» [4, с. 5]. Таким образом, языковая картина мира существует в виде значенных языковых знаков, а концептуальная картина – в виде концептов, образующих концептосферу.

Целью данной статьи является рассмотрение ключевых концептов, составляющих фрагмент концептуальной картины мира «Языковая конфликтная ситуация в Шотландии» на основе концептуального анализа, и определение лексических единиц, объективизирующих соответствующие концепты. Языковой конфликт в Шотландии рассматривается как ряд исторических событий с помощью ивент анализа (event history analysis), что способствует формированию представлений у шотландцев о существующих языковых противоречиях. Материалом для контекстуального анализа послужили документы [6; 9; 15; 18; 22], относящиеся к вопросам англо-шотландского и гаэльского языков, и статьи М. Шеббы [20], К. и Д. Матесон [13], С. МакКинней и У. Юмсом [14], С. Понс-Панс и А. МакКоиннич [17] как языковых личностей. Дефиниционный анализ проводится на материале словарей *Dictionaries of the Scots Language* [8; 19], *Oxford Dictionary* [16], *Cambridge Dictionary* [8]. Актуальность исследования обуславливается возможностью формирования концептосферы SCOTTISH LANGUAGE CONFLICT (ЯЗЫКОВОЙ КОНФЛИКТ В ШОТЛАНДИИ), что представляет особый интерес в связи с ростом осознания своей языковой и этнической идентичности и возможностью проведения второго референдума о независимости Шотландии осенью 2023 года.

Перед тем как перейти к репрезентации языковой конфликтной ситуации стоит рассмотреть такие лексические единицы как *конфликт (conflict)* и *язык (language)*, составляющие ключевые понятия языкового конфликта. В английском языке лексема *conflict* определяется как серьёзное разногласие (*an active, serious disagreement*) между людьми, сообществами и странами, придерживающихся противоположных взглядов (*opposing opinions, principles, ideas, feelings or wishes*) [7; 16]. Понятие *language* в английском языке обозначает систему общения (*system of communication*), которую используют в устной и письменной форме люди, проживающие на определенной территории, а также систему звуков и слов (*system of sounds and words*), используемую для общения [7; 16]. Говоря об языковой ситуации в Шотландии, можно говорить о совокупности языков (английского, англо-шотландского и гаэльского как языков, на которых говорят большие социальные группы) в «их территориально-социальном взаимоотношении и функциональном взаимодействии» [5, с. 266] в границах Шотландии. При этом несбалансированная языковая ситуация вызвана изменениями, происходящими в социально-экономической и политической жизни, причиной которых являются изменения в объективной действительности и языковой политике [5, с. 266], что ведет к нарастанию напряжения

между носителями разных национальных языков. Таким образом, в рассматриваемой языковой конфликтной ситуации задействовано три языка: английский (English), англо-шотландский (Scots) и гаэльский (Scottish Gaelic). Лексема *English* описывается как “the language, originally of England” [16], “the language that is spoken in the UK” [7]. Слово *Scots* в английском языке определяется как “a language spoken in Scotland”, язык близкий к английскому, но имеющий существенные отличия [7; 16]. В англо-шотландском языке до 1700 г. приводится определение лексемы *Scottis* как “the vernacular of lowland Scotland” [8], а после 1700 г. *Scots* определяется как “the Scots language, the speech of Lowland Scotland, which was the official language of the Kingdom of Scotland until 1707” [19]. В английском языке под лексемой *Gaelic* понимается “a Celtic language spoken in some parts of western Scotland and an official language of Scotland” [7], а в англо-шотландском – “the original Celtic language of the Scottish Highlands, Hebrides and other Scottis his lands” [19].

Для того, чтобы лучше понять сущность языковой конфликтной ситуации в Шотландии, следует кратко обратиться к истории англо-шотландского и гаэльского языков и событиям, в рамках которых они развивались.

В V в. н.э. на территории Шотландии начинает распространяться пришедший из Ирландии гаэльский язык, особенно на территории Шотландского высокогорья [12, р. 23-24; 21, р. 218]. Гаэльский язык относится к группе кельтских языков и является одним из древнейших европейских. С 800 г. по 1100 г. он был языком шотландского правительства и основным языком населения Шотландии. Однако уже к XII в. его преобладание на юге и востоке уменьшается из-за распространения англо-шотландского языка, о статусе которого в настоящее время ведутся преткновения, считать ли его полноправным языком или диалектом английского [21, р. 218-219; 22, р. 5; 13, р. 211]. Англо-шотландский язык развился из нортумбрийского диалекта староанглийского языка. В VII в. англо-шотландский язык распространяется по юго-восточной части Шотландии; к XIV в. становится языком шотландских органов власти, вытеснив гаэльский язык [13, р. 212]. К XVI в. наблюдается расцвет англо-шотландского языка как национального и его отделение от английского в силу сложившейся языковой и литературной традиции: англо-шотландский язык использовался не только для правительственных целей, но и писателями, и поэтами [10, р. 3; 20, р. 341].

Началом языкового конфликта, связанного с англо-шотландским языком, можно назвать 1603 год, который характеризуется переносом правительства из Эдинбурга в Лондон и переводом Библии короля Якова, выполненном на английском языке [13, р. 216]. Вследствие наличия сходных черт между английским языком и англо-шотландским, власти не видели смысла в использовании

последнего, что приводит к постепенному упадку англо-шотландского языка как языка в письменной форме. До 1603 года для описания лексемы *Scots* используются словосочетания, содержащие в себе существительное *language* и прилагательное, подчеркивающее важную роль этого языка в Шотландии: *vernacular language, national language, prestigious language, administrative and literary language*. Явными проявлениями языковой конфликтной ситуации, связанной с гаэльским языком, можно назвать акт 1616 г., согласно которому король Яков VI Шотландский (он же Яков I Английский) упраздняет использование гаэльского языка в пользу английского: "the English tongue be universally planted", Gaelic "may be abolished and removed" [6]. К XVIII в. гаэльский язык остается в употреблении преимущественно только на территории Шотландского высокогорья и Гебридских островов. С объединением Шотландии и Англии в 1707 г. начинается активная политика вытеснения коренных языков Шотландии. Наблюдается сильное влияние английского языка на англо-шотландский, при этом последний начинает уходить на задний план, используя только в устной форме [17, p. 19-22; 20, p. 342]. Политика англицизации, проводимая центральной властью в XVIII-XIX вв., нацелена на стирание всех культурных отличительных черт, характерных для Шотландии [22, p. 6]. В это время складывается стереотипное поведение по отношению к англо-шотландскому языку, которое характеризуется ассоциацией с «плохим английским» и необразованностью жителей Шотландии [21, p. 220]: *social status of Scots declined, avoidance of 'Scotticisms', associated with 'bad' English*. Однако благодаря тому, что англо-шотландский язык остается в обиходе среди обычного населения, его литературная традиция передается устно через народные песни, баллады и стихотворения. Во второй половине XVIII в. он вновь обретает письменную форму в поэзии А. Ремзи, Р. Бернса, Р. Фергюссона и др.; в XIX в. к англо-шотландскому языку, шотландской истории и культуре обращаются в своих произведениях В. Скотт, Дж. Хогг, Дж. Хэмилтон и др. [10, p. 8-10; 13, p. 218]. Важным событием для развития лексикографии, связанной с англо-шотландским языком, является издание в 1808 г. первого англо-шотландского словаря "Etymological Dictionary of the Scottish Language", составленного Дж. Джемисом [10, p. 12]. Явный языковой конфликт в XIX в. можно наблюдать в связи с Актом об образовании 1872 г., что проявляется в целенаправленном подавлении использования англо-шотландского и гаэльского языков в школах [9]. В статьях это выражается в словосочетании *punish the use of Scots at schools*, в котором глагол *to punish* свидетельствует о несправедливом отношении к детям, которым запрещено использовать свой родной язык в стенах школы, а также рядом выражений: *any provision for Gaelic education, social control through cultural assimilation, neglect of the native language*.

В начале XX в. организация An Comunn Gàidhealach,

занимающаяся поддержкой и продвижением гаэльского языка в Шотландии, настояла на включении гаэльского языка и преподавания на нем в школьную программу, что было частично удовлетворено в Актах об образовании 1918 и 1980 гг. [22, p. 7; 13, p. 214]. С середины XX в. наблюдается культурный и интеллектуальный всплеск, который был вызван литературным движением, получившим название "Scottish Renaissance". Одним из главных участников был Х. МакДиармид, который в своих произведениях превозносил шотландскую культуру и «возрожден» старо-англо-шотландские слова. Еще одним важным событием в истории англо-шотландского языка является публикация в 1983 г. перевода на этот национальный язык Нового Завета, выполненный УЛ. Лоримером [10, p. 12-14]. С привлечением все большего внимания к истории и культуре Шотландии начинает изменяться отношение и к национальным языкам. Несмотря на возросшую осознанность в употреблении англо-шотландского языка в его описании остаются слова и словосочетания, несущие негативную окраску: *dialect, regional variation, bad English, language of vulgarity*. В конце XX в. произошел ряд значимых событий для дальнейшего развития англо-шотландского языка: предложение о включении материалов на англо-шотландском языке в школьную программу (1991 г.); признание англо-шотландского языка в статусе языка меньшинств Европейским бюро малоиспользуемых языков (1993 г.); продвижение языковой политики в отношении англо-шотландского языка (1996 г.); издание первой общей грамматики англо-шотландского языка "A Scots Grammar" Д. Пурвсом (1997 г.); шотландская деволуция и создание парламента в Шотландии (1997 г.) [13; 14, p. 220; 20, p. 345].

В 2001 г. британское правительство впервые признает англо-шотландский язык как полноправный. Акт о гаэльском языке 2005 г. определяют его официальный статус и способствует созданию условий для дальнейшего развития данного национального языка. Стоит также отметить перепись населения в Шотландии в 2011 г., в рамках которой впервые был поднят вопрос об англо-шотландском языке [20, p. 340, 347]. Все большее осознание своей культурной и языковой самобытности стало одной из причин проведения референдума о независимости Шотландии в 2014 г. Сейчас активно проводится языковая политика, направленная на возрождение национальных языков: "promote and support Scots", "promote the acquisition, use and development of Scots in education, media, publishing and the art" [18]; "promoting a positive image of Gaelic; increasing the use of Gaelic" [15].

Таким образом, ссылаясь на языковую ситуацию в Шотландии с 800 г. по настоящее время, можно говорить о существовании явной или скрытой напряженности между разными социальными и языковыми группами, которая в определенные исторические периоды перерастает в языковой конфликт. К внутриэтническому язы-

ковому конфликту можно отнести столкновения между жителями высокогорья и низинной части Шотландии, а межэтнический языковой конфликт характеризуется противостоянием центральной власти Великобритании, продвигающей английский язык и культуру, и различными социальными группами в Шотландии (шотландцы как этнос, шотландская интеллигенция, политические партии).

На основе дефиниционного, контекстуального и ивент-анализов можно говорить следующие ключевые концептуальные структуры: CONFLICT (КОНФЛИКТ), SCOTS (АНГЛО-ШОТЛАНДСКИЙ ЯЗЫК), ENGLISH (АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК), GAELIC (ГАЭЛЬСКИЙ ЯЗЫК), LANGUAGE POLICY (ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА), которые формируют концептосферу SCOTTISH LANGUAGE CONFLICT (ЯЗЫКОВОЙ КОНФЛИКТ В ШОТЛАНДИИ), отражающую представления о языковой конфликтной ситуации в Шотландии с 800 г. по настоящее время.

Концепт CONFLICT актуализируется словами *conflict, resistance, suppression, disagreement, humiliate* и выражениями *unfair and discriminatory manner, accelerate pressure, attacked its native languages*. Концепт SCOTS представлен лексемой *Scots* и рядом свободных словосочетаний: *the Scots language, close relative of English, the national language of Scotland, 'dialect' of English, important cultural marker* и др. С изменением отношения к англо-шотландскому языку претерпевала изменения и языковая ситуация в Шотландии, что повлияло на неоднозначное представление об англо-шотландском языке: с одной стороны, часть населения воспринимает его как полноценный язык (*value Scots highly, Scots as a language separate from English*), с другой стороны, многие проявляют по отношению к нему стереотипное поведение (*bad English, dialect, negative views of Scots*). Концепт GAELIC представлен лексемой *Gaelic* и рядом синтаксических средств *Scottish Gaelic, Celtic language, rural language, distinct language, old language* и др. Исходя из проведенного анализа, можно сказать, что гаэльский язык всегда считался полноценным, однако в ходе истории менялся его статус с языка правительства до языка меньшинств. Концепт ENGLISH представлен лексемами *English* и рядом коллокаций: *official language, language of schooling, Anglicisation of spoken language* и др., которые одновременно описывают и концепт SCOTS, и концепт GAELIC, отражая влияние

английского языка на англо-шотландский и гаэльский. Концепт LANGUAGE POLICY репрезентирован рядом выражений: *language policy, positive policy, politics of Scots* и др. В описании языковой политики, проводимой в XX в., стоит обратить внимание на лексемы *addendum, incoherent, half-hearted* в словосочетаниях *addendum to Gaelic, government policy has been incoherent, poorly assembled and implanted in a half-hearted*, которые отражают несправедливую политику в отношении англо-шотландского языка. Продвижение языковой политики партией SNP (Шотландская националистическая партия) меняет ситуацию, что отражается в употреблении глаголов *protect, celebrate, encourage, support* в отношении англо-шотландского языка: *indigenous language, contribution to Scotland's identity, language of the home, importance of Scots*.

На основе проведенного исследования можно сказать, что выявленные концепты (CONFLICT, SCOTS, ENGLISH, GAELIC, LANGUAGE POLICY) способствуют формированию концептосферы SCOTTISH LANGUAGE CONFLICT, отражая отношения шотландского населения, власти Шотландии и централизованной власти Великобритании к англо-шотландскому, гаэльскому и английскому языкам на территории Шотландии. Рассматривая языковой конфликт как ряд событий, с позиции того, как он представлен в официальных документах и научных статьях языковыми личностями, можно проследить изменения в отношении к англо-шотландскому и гаэльскому языкам и представлениях о них в сознании населения Шотландии в ходе развития языковой ситуации. Контекстуальный анализ статей показал, что несмотря на то, что авторы не называют открыто существующую языковую ситуацию в Шотландии конфликтом, видно, что существует противопоставление между языковой политикой, проводимой Великобританией, и языковой политикой, проводимой SNP и другими правительственными организациями. Рассмотрение лексических единиц, объективизирующих выделенные концепты, позволяет точно выделить очаги языкового конфликта и рассмотреть изменение в определении национальных языков с 800 г. по настоящее время. Данное исследование способствует изучению данного типа конфликта с точки зрения когнитивной лингвистики благодаря формированию представлений о языковом конфликте в сознании определенной этнической группы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гончарова Н.Н. Языковая картина мира как объект лингвистического описания // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. 2012. №2. С. 396-405.
2. Заботкина В.И. Репрезентация событий: интегрированный подход с позиции когнитивных наук. М.: Издательский дом ЯСК, 2017. – 360 с.
3. Кубрякова Е.С. Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина. М.: Филол. ф-т МГУ им. М.В. Ломоносова, 1997. 245 с.
4. Кубрякова Е.С. Языковая картина мира как особый способ репрезентации образа мира в сознании человека // Вестник Чувашского государственного педагогического университета имени И.Я. Яковлева. 2003. № 4 (38). С. 2-12.

5. Михальченко В.Ю. Словарь социолингвистических терминов. Москва, 2006. 312 с.
6. 1616 Educational Act, Scottish Privy Council. URL: <https://exploringcelticiv.web.unc.edu/1616-education-act-scottish-privy-council/> (дата обращения: 23.03.2023).
7. Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org> (дата обращения: 23.03.2023).
8. Dictionary of the Older Scottish Tongue (DOST). URL: <https://dsl.ac.uk/entry/dost/scottis> (дата обращения: 23.03.2023).
9. Education (Scotland) Act 1872. URL: <http://www.educationengland.org.uk/documents/acts/1872-education-scotland-act.html> (дата обращения: 23.03.2023).
10. History of Scots: From the Middle Ages to the present days / Foghlam Alba. Education Scotland. URL: <https://education.gov.scot/nih/Documents/HistoryOfScotsMar17.pdf> (дата обращения: 23.03.2023).
11. Horsbroch D. 1990-2020 Modern Scots 6 / D. Horsbroch. URL: <https://www.scotslanguage.com/articles/node/id/746/type/reference> (дата обращения: 23.03.2023).
12. Manerko L.A. English Etymology through the History of the British People. Ryazan: RGPU named after S.A. Esenin, 1998. 272 p.
13. Matheson C. Languages of Scotland: culture and the classroom / C. Matheson, D. Matheson // *Comparative Education*. 2000; № 36 (2). P. 211-221. URL: <http://www.jstor.org/stable/3099869> (дата обращения: 23.03.2023).
14. McKinney S.J. Interpretations of the Education (Scotland) Act of 1872 / S.J. McKinney, W.M. Humes // *Scottish Educational Review*. 2021. 53(2). P. 5-19. doi: <https://doi.org/10.1163/27730840-05302002>
15. National Gaelic Language Plan 2018-2023. URL: <https://www.gaidhlig.scot/wp-content/uploads/2018/03/BnG-NGLP-18-23-1.pdf> (дата обращения: 23.03.2023).
16. Oxford Learner's Dictionary of Academic English. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/academic> (дата обращения: 23.03.2023).
17. Pons-Sanz S. The Languages of Scotland / S. Pons-Sanz, A. MacCoinnich // In: Royan, N. (ed.) *The International Companion to Scottish Literature, 1400-1650*. Series: International companions to Scottish literature. – Glasgow: Scottish Literature International, 2018. – pp.19-37.
18. Scots language policy: English version. URL: <https://www.gov.scot/publications/scots-language-policy-english> (дата обращения: 23.03.2023).
19. Scottish National Dictionary (DSL). URL: <https://dsl.ac.uk/entry/snd/scots> (дата обращения: 23.03.2023).
20. Sebba M. Named into being? Language questions and the politics of Scots in the 2011 census in Scotland / M. Sebba // *Lang Policy*. 2019. № 18. – P. 339-362. <https://doi.org/10.1007/s10993-018-9488-0>
21. Storry M. *British cultural identities* / M. Storry, P. Childs. – L.: Routledge, 2002. 352 p.
22. *The Gaelic Language in Education in Scotland* // Mercator European Research Centre on Multilingualism and Language Learning, 2018. 60 p. URL: https://www.mercator-research.eu/fileadmin/mercator/documents/regional_dossiers/Gaelic_2nd.pdf (дата обращения: 23.03.2023).

© Тарасова Кира Эдуардовна (tarasova.kira@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

ТРАНСФОРМАЦИИ ПОСЛОВИЦ В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ МЕДИА ДИСКУРСЕ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ЛИНГВОЭКОЛОГИИ

Тарасова Ольга Дмитриевна

к.ф.н., доцент, Государственный Университет
Просвещения (г. Москва)
tarasovaod@mail.ru

PROVERB TRANSFORMATIONS IN RUSSIAN AND ENGLISH MEDIA DISCOURSE THROUGH THE PRISM OF LINGUOECOLOGY

O. Tarasova

Summary: The article is devoted to the study of anti-proverbs in the media discourse of the English and Russian languages in order to identify their linguoecology. The subject of the study is the transformed proverbs found in the newspaper corpus of the National Corpus of the Russian Language and the news corpus of the British National Corpus. The analysis led to the identification of changes in the original meaning of proverbs and linguoecology of the use of anti-proverbs in English and Russian media texts.

Keywords: anti-proverbs, transformed proverbs, ecolinguistics, linguoecology, media discourse, language corpus.

Аннотация: Статья посвящена исследованию антипословиц в медиа дискурсе английского и русского языков с целью выявить их экологичность/неэкологичность. Предметом изучения являются трансформированные пословицы, найденные в газетном корпусе Национального корпуса русского языка и новостном корпусе Британского национального корпуса. Анализ позволил выявить модификации исходного значения паремий и экологичность употребления антипословиц в английских и русских медиа текстах.

Ключевые слова: антипословицы, трансформированные пословицы, эколингвистика, экологичность, медиа дискурс, корпус языка.

С некоторых пор язык медиа дискурса является объектом изучения для многих исследователей. Причиной этому служит тот факт, что в современном мире практически вся информация, получаемая нами, транслируется СМИ. А значит и языковые средства, используемые для ее передачи, находятся в зоне ответственности масс медиа. Времена, когда нормы языка диктовала художественная литература, давно прошли. Современность порождает новую действительность, в которой большую роль на себя берет медиа дискурс, устанавливая не только языковые нормы, но и оказывая влияние на мировоззрение реципиента. Многие ученые обеспокоены этим явлением, так как признают это воздействие зачастую негативным (или неэкологичным).

Прежде всего, отмечается влияние СМИ на общий эмоциональный фон населения, поскольку именно они транслируют определённый негативный настрой, и не только делают основной акцент на плохих событиях, но также и используют определённую эмоционально-негативную лексику. Несомненно, также используется глорификация (прославление/возвышение/возвеличение языком от английского «glorification»): в праздничные дни транслируются парады, показываются семейные добрые фильмы, звучат жизнеутверждающие речи. Ещё одна особенность современных СМИ в подаче информации – это номинация плохих событий нейтральными или даже частично положительными слова-

ми, в том числе за счёт использования эвфемизмов, что искажает реальность, порождает уклонение от истины [9, с. 114-115, 154].

СМИ оказывают огромное воздействие на современное языковое пространство, привнося в родной язык разные новообразования. Сюда относятся креатемы (творческий акт, отклонение от нормы, позже закреплённые в языке), которые в своей массе вызывают в основном неприятные ощущения у слушателей в связи с их непониманием, то есть являются по сути неэкологичными. В то же самое время это явление вполне естественно для языка, поскольку креатемы появляются как следствие какого-то значимого для общества события, и, хотя придуманы не народом, не менее важны. А значит, однозначно нельзя говорить об их вреде для языка, скорее, как о маркере времени.

Неэкологичными бывают заголовки газетных публикаций, которые задают тон всему газетному макротексту с целью воздействия на психику читателя, а иногда манипуляции им. Текст газетной статьи может моделировать у читателя определённое настроение и подталкивать его к тому или иному выбору. В настоящее время журналисты высказывают свое мнение по любому поводу, зачастую очень разное, противоположное, и реципиентам сложно разобраться, насколько правдиво дана информация, нет ли манипуляции. В основе языковой манипуляции лежит латентная информация, которую человек воспринимает,

как правду, без критического осмысления и которая вводит в заблуждение [6].

Также силён фон негатива и навязывания информации в интернете, что затрудняет поиск нужных сведений. На современном телевидении часто показывают передачи и фильмы, где в центре внимания оказываются воры в законе, а не уважаемые люди, что, несомненно, оказывает негативное влияние на зрителя и его мировоззрение. Нередко можно услышать дикторов с напряжёнными нотками в голосе, что нельзя назвать экологичным, так как это усиливает тревожность доносимой информации. Теледискурс влияет и на речь носителей языка, привнося в нее, например, рекламные слоганы, которые постепенно входят в обиход и становятся узнаваемыми [2].

Таким образом, подача информации СМИ в современном виде может нанести вред психическому состоянию людей, поэтому задача масс медиа должна заключаться в транслировании происходящего максимально бережно с целью защиты и охраны личности, ее здоровья, а значит, с использованием экологической функции языка. Большой опасности подвержено молодое поколение, так как подача материала может восприниматься им, как норма. В результате, молодежь отходит от принятых этических норм поведения, формируется другая языковая личность, не испытывающая стыд при употреблении мата, например [9, с. 173].

Антипословицы (или трансформированные, модифицированные паремии) – языковое явление, которое встречается в современном медиа дискурсе. Заклучая в своей основе известную всем пословицу, они переосмысливают ее суть и мораль в контексте современности, усиливая или отрицая изначально заложенную истину. Как следствие, иногда сомнению подвергаются опыт, мудрость и мировоззрение, накопленные со временем, показывается их неактуальность. Такие антипословицы не могут претендовать на образец нравственных ориентиров, являясь «антипредписанием» [7, с. 420]. В других случаях происходит обратный эффект: при небольших трансформациях новая модифицированная паремия усиливает смысл исходной, делая ее более актуальной и добавляя нотку современности тексту.

Исследования показывают, что схожие тенденции в использовании антипословиц отмечаются в нескольких языках [7]. Для того, чтоб проникнуть в суть этого явления, необходимо обратиться к функциям трансформированных пословиц, которые также имеют межкультурный характер.

Коммуникативная функция является одной из главных, поскольку в ней заложена передача информации от говорящего к реципиенту. В противовес традицион-

ной пословице антипословица зачастую является продуктом речевой деятельности отдельного индивида (а не народа) и характеризуется своей актуальностью, современностью, злободневностью. *Регулятивная функция* - функция регуляции поведения - проявляется в эмоциональном воздействии на состояние адресата с целью успокоить или развеселить, научить ироничному отношению к происходящему. Через антипословицы также реализуется *эмоционально-экспрессивная функция*, которая заключается в передаче информации через призму индивидуального эмоционального восприятия адресанта, в результате чего их использование создает ироничный эффект, а иногда эпатажный. Выполняя *фатическую функцию*, антипословицы помогают начать коммуникацию, подготавливая дальнейшее взаимодействие адресанта и адресата. В отличие от пословиц, которые имеют много шансов быть узнаваемыми как среди представителей одной культуры, так и при межкультурном контакте, трансформированные пословицы могут быть понятны лишь определенному кругу. Также нельзя не упомянуть *эстетическую функцию*, которая подразумевает умение украсить речь, сделать ее более интересной, лаконичной, восхищать языковой игрой [8].

Хотелось бы отметить, что некоторые авторы разграничивают модификации пословиц. К примеру, А.В. Шитикова выделяет собственно пословицу, ее вариант и антипословицу. Основное отличие последних двух состоит в том, что первое при изменении компонентов не меняет смысл, а второе – напротив [10]. А.А. Константинова предлагает их деление на паремии-гапаксы (актуальны и понятны только в определенном контексте), авторское окказиональное использование пословицы, антипословицы (не зависят от контекста и по значению противоположны исходному) и псевдопословицы (выражения, построенные по моделям пословиц, но не имеющие массового характера) [3, с.17-19]. В нашем исследовании мы понимаем термин «антипословица» более широко, как любое лингвистическое обыгрывание традиционной паремии, поэтому в качестве ее синонима используем модифицированная/трансформированная пословица/паремия, трансформ.

Анализируя использование антипословиц в новостном/ газетном дискурсе, выделяя их отличительную функцию экспрессивности и воздействия на читателя, важным представляется выделения критерия экологичности/неэкологичности, который тесно связан с эколингвистикой и еще больше с эмотивной лингвоэкологией. Ранее нами уже был использован термин «экологичный», как синоним слова *негативный*, теперь хотелось бы рассмотреть его чуть глубже.

Для эмотивной лингвоэкологии, как современного направления языкознания, основным постулатом является бережное использование языка, сознательный под-

бор языковых средств с целью сохранения экологичной коммуникации, приятной и благополучно влияющей на психическое здоровье всех участников. Несомненной значимостью является терапевтическая функция речи, направленная на поддержание гармонии отрицательных и положительных модусов эмотивности [4]. Неэкологичной коммуникацией соответственно можно назвать взаимодействие, основанное на неуважении, грубости, запугивании, категоричности и унижении другого, использовании непонятных слов (чаще всего заимствованных), обценной лексики, большого количества слов с негативной коннотацией и фраз, которые вселяют тревогу, страх и пр. В рамках газетного/ новостного дискурса также можно наблюдать акт коммуникации журналиста и читателя, адресанта и адресата, а значит, можно говорить об экологичном/неэкологичном общении. Поскольку нами будут рассмотрены непосредственно антипословицы в данном дискурсе в английском и русском языках, то, учитывая их функционирование в текстах вообще, и в медиа дискурсе в частности, принимаем за основу следующее.

Под экологичным использованием антипословиц мы понимаем случаи, когда они служат для смягчения ситуации, поддержки реципиента, придают оттенок юмора тексту. В случае, когда трансформированные пословицы нагнетают ситуацию, делают ее более драматичной и тем самым вселяют тревогу, навязывают что-то, мы будем говорить об их неэкологичности.

Материалом для исследования антипословиц на предмет их экологичности послужили газетный корпус Национального корпуса русского языка и новостной корпус (News on the Web) Британского национального корпуса. Для анализа были выбраны методом случайной выборки известные пословицы - по одной в каждой культуре: *Волков бояться - в лес не ходить* (для русского языка) и *Curiosity killed the cat* (для английского, соответственно) с целью изучения их трансформов.

Сначала обратимся к русскоязычному газетному корпусу [13]. При исследовании данных, мы находим суммарно 105 примеров употребления, которые начинаются словами «Волков бояться...» или заканчиваются фразой «...в лес не ходить». Следует отметить, что в некоторых примерах вместо общепринятого тире использованы запятая или союз «и», что не влияет никак на смысл или коммуникативную направленность пословицы, и является вариантом написания. Также поиск дает один вариант, где вместо множественного числа «волков» используется единственное число «волка», что, согласно данным словаря В. Мокиенко, Х. Вальтер [5, с.46]. является вариантом использования данной поговорки и соответственно не несет для нас ценности. Тематика газетных текстов разнообразна: спорт, кинообзор, театр, политика, финансы, отдых, работа, бытовые проблемы. В

качестве лидера по использованию можно назвать спортивную тематику.

Антипословицы встречаются в газетном корпусе суммарно 18 раз, в остальных случаях мы можем говорить об использовании традиционной поговорки. Это позволяет нам сделать вывод о большей популярности традиционной поговорки в отличие от ее трансформов в российском газетном тексте.

Перейдем к анализу употребления антипословиц. Нами были выделены следующие критерии для исследования: сохранение или изменение смысла исходного изречения и экологичное использование в тексте.

Пословица «Волков бояться – в лес не ходить» имеет следующее значение: для достижения своей цели нужно рисковать и не бояться трудностей. Традиционная поговорка одобряет храбрость и целеустремленность. В большинстве своем исследуемые антипословицы также сохраняют, передают и усиливают это значение, адаптируя его под актуальные конкретные ситуации газетного дискурса. Два примера имеют значения более буквальные, не образные, так как несут информацию о действительной ситуации, описанной в тексте: клещи и лес, волки и дом. Однако, это ни в коем случае не меняет их смысл (*Клещей бояться, в лес не ходить; Волков бояться — из дома не выходить*). Все остальные примеры (*Волков бояться – в кино не ходить, Волков бояться - в лес не гулять* и пр.) усиливают смысл исходной поговорки, поддерживая мудрость, заложенную в ней.

Рассматривая критерий экологичности, приходим к выводу, что в большинстве своем антипословицы экологичны. Их использование делает подачу информации более живой, игривой, а значит, поднимает настроение, тексты становятся более интересными для чтения. Встречаются случаи ироничного использования, с целью рассмешить («*Волков бояться — по Москве не гоняться*»), «разбавления» политического текста, когда модифицированная поговорка делает язык более разговорным и сближает адресанта с адресатом (*Волков бояться — на выборы не ходить*), привлечение внимания читателя к проблемам людей, взывание к сочувствию, не нагнетая, а просто информируя (*Волков бояться — из дома не выходить*).

Интересным с точки зрения экологичности представляется антипословица «*Волков бояться — в плей-офф не ходить*». С одной стороны, трансформ, написанный на плакатах болельщиков, становится лозунгом, призывом и является актуальным в пространстве спорта. Его употребление может быть названо экологичным, так как использование объединяет единомышленников, а также мотивирует команду гораздо больше, чем традиционная поговорка или банальный

слоган. С другой стороны, использование англицизма «плей-офф» не является экологичным (как и любого заимствования), согласно эколингвистике. Также выражение может быть понятно не всем читателям, смущать реципиентов, незнакомых близко со спортом. Однако тот факт, что лексема закреплена в словарях, говорит о ее частом использовании в русском языке, а значит, большой узнаваемости.

В качестве примеров неэкологичного использования антипословиц можно выделить следующие:

«Да ладно тебе, волков бояться...» То, что россияне вообще больше прочих граждан склонны к риску, неоднократно подтверждали спасатели во всем мире...» Статья посвящена отдыху русских людей, которые готовы ехать в опасные места, зная, что это рискованно, но они не хотят жертвовать отпуском. Автор осуждает такую позицию. В тексте встречаются диалоги журналиста с отдыхающими и антипословица используется в качестве ответа одного из них на предостережение автора статьи. В данном случае трансформ, на наш взгляд, как бы подчеркивает глупость населения, которые готовы поплатиться жизнью, лишь бы отдохнуть, готовы рисковать, хотя здравый смысл подсказывает возможный исход. Использование считается неэкологичным, так как добавляет мрачности ситуации, подчеркивает неуважительное отношение автора к людям с другой позицией.

«Однако полку вкладчиков не убывает: волков бояться — за дивидендами не ходить...» В данном газетном тексте речь идет о финансовой ситуации в стране: в связи нестабильностью финансового сектора происходит банкротство банков и потеря денег вкладчиками, однако, многих это не пугает, и они снова доверяют этим организациям. В начале статьи, где используется антипословица, автором также используется много слов с негативной коннотацией (жертвы, разрушения, недобросовестные компании, обманутые вкладчики, устрашающие цифры, партия обманутых граждан), что, несомненно, навязывает его негативную оценку и делает описываемую ситуацию более драматичной, а чтение тревожным, неэкологичным. Более того, здесь идет манипуляция, поскольку после такого введения журналист ведет речь о том, как выявить надежный банк и далее прицельно рассказывает об одном, как бы делая ему рекламу.

Еще одно неэкологичное использование наблюдаем в тексте на политическую тему, рассказывающем о расколе в партии. (Так же в ходе ближайшего заседания политсовета, которому по уставу СПУ принадлежит исключительное право вносить на съезд кандидатуру нового председателя партии, могут поступить и с господином Волгой. — *Зубов бояться — в лес не ходить!* Меня что,

расстреляют?) Начальная часть модифицированной поговорки отсылает нас к другой антипословице, образованной по аналогии с исходной паремией, говорящей грубым языком об опасности некоторого вида интимных отношений (и имеющей продолжение «в рот не давать»). В данном примере идет соединение первой части антипословицы и второй части классической поговорки. На наш взгляд, использование является крайне неэкологичным. Текст посвящен конкуренции политиков в пределах партии, и данная поговорка приводится в качестве высказывания одного из них. На отсутствие экологичности может указывать и то, что данная антипословица может быть понятна только ограниченному кругу лиц, знакомых с ней. В противном случае возникает непонимание сути и также дискомфорт.

Для дальнейшего изучения обратимся к Британскому национальному корпусу и его отдельному подвиду – новостному интернет-корпусу (News on the Web) [11].

В качестве основной паремии для анализа ее трансформов взята традиционная поговорка *Curiosity killed the cat* (*Любознательство сгубило кошку*). Здесь исследование проводится аналогично с русским корпусом. В совокупности корпус выдает около 800 вхождений, однако, не все из них являются примером употребления исходной поговорки или ее модификации. Из всего массива данных обнаружено 108 трансформаций. Однако, не ко всем статьям есть доступ и просмотреть весь контекст употребления невозможно. Это усложняет определение экологичности, но достаточно для анализа значения антипословицы.

Согласно Википедии, традиционная поговорка имеет значение «опасности в результате любопытства, эксперимента». Также зафиксирована в словарях антипословица, которая образуется путем расширения за счет добавления нового суждения «but satisfaction brought it back». Если в традиционной паремии любопытство осуждается и считается смертельно опасным, то трансформ говорит об обратном: удовлетворение, полученное от рискованной ситуации, стоит того – буквально воскрешает кошку [12]. Таким образом, изначальное содержание традиционной поговорки полностью меняется на противоположное в результате трансформации. В исследуемом материале данная антипословица встречается 15 раз. Что интересно, нами отмечен случай ее дальнейшей трансформации: происходит замена компонента «satisfaction» на «knowledge» (*The curiosity may have killed the cat, but knowledge brought it back*). Исходное значение остается, только важнее удовлетворения здесь ставится знание, которое помогает вернуться в строй. Трансформ встречается в статье, посвященной возможностям интернет – платформ в успешном обучении детей. Хотелось бы отметить, что в корпусе обнаруживаются варианты первой части мо-

дифицированной паремии: «*Curiosity may have killed the cat*», «*Curiosity did indeed kill the cat*», «*Curiosity may truly kill the cat*», где мы наблюдаем грамматические модификации для усиления значения.

Обратимся к другим примерам трансформированных пословиц, наблюдаемых в заданном корпусе.

Что касается исходного смысла (любопытство может быть опасным), то примерно в равном количестве встречаются антипословицы, в которых он сохраняется, усиливается, при этом за счет деформации становится более актуальным для данного текста (*Curiosity killed the cat owner; Curiosity killed the cat, and it could be your undoing online as well; Curiosity killed the cat's enjoyment of the film*), и в которых он меняется на противоположный, отрицая изначальную истину полностью или частично (*Curiosity may have killed the cat, but it won't stand in the way of you exploring new ideas throughout the week; Curiosity never killed the cat, it just gave her wings and she flew away; It wasn't curiosity that killed the cat, but a car*). Чаще всего трансформация значения достигается за счет добавления еще одного суждения с «but» или замены утвердительного высказывания отрицательным.

Говоря об анализе на предмет экологичности, важно отметить, что в основном анализируемый материал представляет собой новости в интернете и носит скорее развлекательный характер. Тематика статей сводится к обзорам книг, компьютерных игр, кинофильмов, городскопам, историям о животных, описанию личного опыта (при дегустации блюд, воспитании детей), образованию и пр. Таким образом, модифицированные паремии реализуют здесь свои функции привлечения внимания читателя, создания юмористического эффекта. Информация подается интересно и живо, в угоду реципиенту. В большинстве своем статьи не изобилуют негативными фактами, не навязывают точку зрения автора, в них не используется грубая лексика и прочее. Поэтому в массе своей употребление трансформов представляется вполне экологичным. Случаев неэкологичного употребления немного. Сюда можно отнести статьи на интимные темы, где антипословицы либо несут в себе сексуальный подтекст (1 пример) (*Curiosity killed the cat — or in this case, my pussy*) либо идет обыгрывание слова «cat» на основе схожести с «pussycat» в тексте, где используется не только модифицированная паремия, но и табуированная лексика (2 примера).

Заметим, что в подавляющем большинстве статей четко прослеживается позиция автора. Это рассматривается нами положительно, если не задевает чьих-то чувств или не является способом манипулирования. В противном случае мы имеем дело с неэкологичным текстом и употреблением трансформа. Например, в статье, посвященной покупке криптовалюты при по-

мощи приложения на телефоне, автор рассказывает о преимуществах и плюсах, используя трансформированную пословицу «*Curiosity certainly killed the cat, but in this case it might turn it into a lion...*». Он пытается убедить читателя, насколько приложение удобное и легкое в использовании, применяя преувеличения «*with a few hand gestures*», «*it might be worth taking a more serious look*», «*incredibly simple to use Crypto app*», «*super-easy to use app*», называя его «*golden ticket*». Идет сравнение в пользу этого приложения: *There's no overly complex crypto wallets to manage by comparison to some others I have briefly tested*. Таким образом, мы видим здесь попытку манипуляции и навязывания своего мнения, рекламирование товара.

Итак, проанализировав весь материал, обнаруживаем следующие сходства и различия исследуемых явлений в русском и английском языках:

Во-первых, явное преимущество корпуса английского языка по объёму содержания. Возможно, это связано с его большей разработанностью в сравнении с русским. Иначе это может указывать только на факт меньшей популярности использования антипословиц в русских газетных статьях.

Во-вторых, трансформированные пословицы в русском языке в массе сохраняют свое значение и усиливают его, в то время как модифицированные паремии английского языка в равном соотношении как сохраняют, так и меняют на противоположное. Возможно, это связано со смыслом, который несут исходные паремии. В случае русского языка речь идет о смелости и риске, как о хороших качествах. Думается, что причина в культурных национальных особенностях: для русского человека риск имеет положительную коннотацию, ассоциируется с храбростью, славой, победой, высоко оценивается [1]. В англоязычном материале изначальное значение «любопытство не доведет до добра» подвергается сомнению и трансформируются в силу очевидного несогласия с ним, поскольку стремление узнать новое не считается в обществе плохим качеством. Однако, с другой стороны, оно должно быть в меру (об этом говорит вторая половина трансформов, сохраняющая это значение).

Наконец, можно с уверенностью сказать, что практически все примеры исследуемых модифицированных пословиц в двух языках являются экологичными. Думается, что это связано с тематикой текстов, в которых они использованы и реализуют свои функции. Большинство изучаемого материала представляют собой статьи развлекательного характера, нацеленные привлечь внимание к ситуации, развеселить, создать хорошее настроение. В редких случаях можно говорить о неэкологичном использовании трансформов, когда автор статьи настаивает на своем мнении, рекламирует товар, пытается манипулировать или, когда они используются в тексте на табуированные темы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баско Н.В. Типическое и специфическое в выражении лингвокультурного концепта «Риск» в русском языке // Славянские лингвокультуры в пространственном и временном континууме: Сборник научных статей. – Гомель: Гомельский государственный университет им. Франциска Скорины, 2019. – С. 110-113.
2. Бугрышева Е.С. Влияние телевизионного дискурса на развитие языка (на материале английского, французского и русского языков) // Духовность и ментальность: экология языка и культуры на рубеже XX-XXI веков: Сборник статей. Том Часть 1. – Липецк: Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, 2017. – С. 162-166.
3. Константинова А.А. Когнитивно-дискурсивные функции пословиц и поговорок в разных типах дискурса на английском языке: специальность 10.02.04 «Германские языки»: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук. – Москва, 2012. – 42 с.
4. Ларина Т.В. Эмотивная экологичность и эмотивная вежливость в английской и русской анонимной рецензии // Вопросы психолингвистики. – 2019. – № 1(39). – С. 38-57.
5. Мокиенко В., Вальтер Х. Прикольный словарь (антипословицы и антиафоризмы). – СПб.: Издательский дом «Нева», 2006. – 384 с.
6. Павлычева Е.Д. Языковое манипулирование массовым сознанием: ретроспективный анализ // Эволюция романских языков: от языка народности к языку нации: Материалы международной научной конференции. – Москва: Московский государственный областной университет, 2018. – С. 339-346.
7. Хопияйнен О.А., Филимонова Н.В. Деформационные стратегии в образовании антипословиц русского, английского и немецкого языков // Язык и культура. – 2018. – № 42. – С. 258-272.
8. Худолеев Н.В. Функции антипословиц в современной культуре // Наука и образование: опыт, проблемы, перспективы развития: материалы международной научно-практической конференции. Том Часть II. – Красноярск: Красноярский государственный аграрный университет, 2018. – С. 419-421.
9. Шаховский В.И. Диссонанс экологичности в коммуникативном круге: человек, язык, эмоции: монография. – Волгоград: ИП Поликарпов И. Л., 2016. – 504 с.
10. Шитикова А.В. Пословичное изречение *viele köche verderben den breiv* кульминации и антикульминации статьи в немецкоязычной прессе // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. – 2017. – № 2. – С. 34-43.
11. Британский национальный корпус. URL: <https://www.english-corpora.org/now/> (дата обращения 20.02.23)
12. Википедия. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Curiosity_killed_the_cat (дата обращения 10.03.23)
13. Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/search?search=CgQyAggDMAE%3D> (дата обращения 15.02.23)

© Тарасова Ольга Дмитриевна (tarasovaod@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Государственный университет просвещения

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЙ ЦЕННОСТИ «ЗДОРОВЬЕ» В СОЦИАЛЬНОЙ РЕКЛАМЕ КНР

LINGUISTIC MEANS OF REPRESENTING
THE LINGUISTIC AND CULTURAL
VALUE OF "HEALTH" IN PRC
SOCIAL ADVERTISING

O. Te
D. Trinko

Summary: The article presents an analysis of the linguistic means of expressing the linguistic and cultural value of "Health" in contemporary Chinese social advertising. More than 100 units of social advertising have been selected and analyzed, in the result the most frequently used techniques were identified (reduplication, rhyme, rhetorical question).

Keywords: social advertising in China, linguistic means, linguocultural value, Chengyu, reduplication, play of hieroglyphs, Wenyanism.

Тё Ольга Евгеньевна

Кандидат филологических наук, доцент, Московский
государственный технический университет
им. Н.Э. Баумана
tyo_olga@bmstu.ru

Тринько Дарья Владимировна

Московский государственный технический университет
им. Н.Э. Баумана
daria.trinko@mail.ru

Аннотация: В данной статье представлен анализ лингвистических средств выражения лингвокультурной ценности «Здоровье» в современной социальной рекламе Китая. Всего было отобрано и проанализировано более 100 единиц социальной рекламы, в результате были определены наиболее часто используемые приемы (редупликация, рифма, риторический вопрос).

Ключевые слова: социальная реклама в Китае, лингвистические средства, лингвокультурная ценность, чэньюй, редупликация, игра иероглифов, вэньянизм.

Введение

В настоящее время в научном сообществе все больше внимания уделяется изучению стремительно развивающегося рекламного дискурса, и здесь особое место по праву отводится социальной рекламе, которая играет важную роль в современном коммуникативном пространстве. Несмотря на то, что имеется ряд исследований на эту тему, однако анализ данного подтипа рекламного дискурса не теряет своей актуальности ввиду недостаточной степени изученности обозначенного явления на материале социальной рекламы на китайском языке.

Само понятие «социальная реклама» в КНР обозначается иероглифами «公益广告», где «公益» переводится как «общее благо, общественные интересы, благотворительность, общественное благосостояние» и «广告» имеет такие значения, как «реклама, объявление, оповещение». В Китае социальная реклама является разновидностью некоммерческой рекламы, основная деятельность которой направлена на формирование представлений о проблемах современного общества, привлечение к ним внимания с целью изменения модели поведения социума.

Понятие лингвокультурной ценности «Здоровье» в социальной рекламе КНР

Под понятием «лингвокультурная ценность» мы под-

разумеваем определение, которое было предложено доктором филологических наук О.И. Коуровой в диссертации «Традиционно-поэтическая лексика и фразеология, как лингвокультурная ценность»: «Это языковая система, отличающаяся устойчивостью, культурной коннотацией, представляющая общечеловеческие понятия». [4, с.121]

Стоит отметить, что на формирование лингвокультурных ценностей в Китае огромное влияние оказали традиционные религиозно-философские учения: конфуцианство, даосизм и буддизм. Характерные черты этого влияния выражаются в выдающемся патриотизме китайцев, трепетному соблюдению традиций и ритуалов, в заботе о старших, охране природы, поддержании своего здоровья и в активном стремлении к саморазвитию.

Социальная реклама с позиции рекламируемого объекта подразделяется на 3 вида: политическая, бытийная и цивилизационная. Политическая реклама продвигает идеи и государственные преобразования, декларируемые правительством Китая. Последний вид рекламы, к которому мы и можем отнести исследуемую тематику «Здоровье» — цивилизационная. Такая социальная реклама специализируется на освещении проблем, связанных с развитием общества и цивилизации в целом, таких как охрана окружающей среды, здоровья и повышение социально-культурного уровня граждан Китая. [7, с. 21]

Китай по-своему интерпретирует понятие «Здоровье», именно поэтому оно занимает особое место в жизни китайского общества. Само слово здоровье «身体» имеет три основных значения: тело, личность и здоровье. Слово состоит из двух элементов: «身» и «体». Первый ключ «身» имеет девять значений: «тело, поворот корпуса, костюм, ствол, лично, личность, возраст (о человеке), плод (в чреве беременной), лицо». Второй иероглиф «体» имеет пятнадцать значений: «тело, объём, вещество, объёмный, структура, форма, вид, сущность, благопристойность, жертвенная туша, обретать форму, преисполниться чувством, организовывать, делить, заботиться о...».

Проанализировав значения двух ключей в составе иероглифа «身体», которые являются синонимичными, можно сделать вывод о том, что для китайской культуры здоровое тело должно определять общее здоровье человека, включающее в себя не только физическое здоровье, но и благоприятное психологическое и духовное состояние. Таким образом, в китайской традиции физическое тело является фундаментом, корнем всего общего понятия «Здоровье».

Вторая лексема, которая имеет значение «здоровье» — «健康». На русский язык данное понятие дословно переводится, как «здоровый, здоровье, нормальный». Понятие состоит из двух иероглифов, каждый из которых имеет своё отдельное значение. «健» переводится как «здоровый, крепкий, бодрый, энергичный». Иероглиф «康» имеет следующие значения: «мир, спокойствие, процветание». Таким образом, можно сделать вывод о том, что здоровье в китайской культуре интерпретируется как движение к цели, олицетворяющей совершенство человека как в физическом, так и морально-нравственном плане, а соответственно, для достижения такой цели необходимо приложить немало труда.

Лингвистические средства выражения лингвокультурной ценности «Здоровье» в социальной рекламе КНР

Методом сплошной выборки было отобрано и проанализировано более 100 единиц социальной рекламы с лингвокультурной ценностью «Здоровье».

Эффективность рекламного сообщения обеспечивается не только широким спектром изобразительно-выразительных средств, синтезом вербального и иконического компонента, но и наличием полноценного завершённого сюжета с близкими адресату персонажами и логическими выводами, а также наличием лаконичного, но максимально информативного слогана [3, с. 3].

Ниже перечень лингвистических средств, которые

были выявлены в ходе работы:

1. *Редупликация* – это механизм, компенсирующий недостаток средств выражения грамматических категорий посредством удвоения лексических единиц [5]. Повторы на разных уровнях языка могут незаметно, при этом очень эффективно оказывать воздействие на подсознание целевой аудитории. Например:

口罩要好/心态调整好/身体锻炼好/卫生保持好 **Хорошо** надеть маску / **хорошо** настроиться на нужный лад / **хорошо** заниматься спортом / **хорошо** соблюдать правила гигиены.

早餐要好/午餐要饱/晚餐要少 Завтрак **должен быть** плотным/Обед **должен быть** полноценным/Ужин **должен быть** легким.

每天锻炼一小时/健康生活一辈子 Занимайтесь спортом **один час в день** / живите здоровой жизнью **всю жизнь**.

不乱吐, 不乱丢 / 阻断病毒才无忧. **Нельзя** плевать, **нельзя** сорить / **Остановим вирус и не будет беспокойства** (рис.1).

Рис. 1. Пример редупликации

2. *Рифмованные строки*. Рифмой в китайском языке считаются слоги, которые оканчиваются на одинаковые или схожие финали. Это особо яркое выразительное средство в языке, в китайском языке оно обладает тонкими особенностями и придает слогану определенный ритм, именно он и способствует произвольному запоминанию рекламного текста [1].

抵制诱惑 / 健康生活 Не поддавайтесь искушению – поддерживайте здоровый образ жизни (здесь рифму образуют созвучные лексемы 惑 huò и 活 huó).

烟酒过量伤身体 / 戒烟限酒要积极 Чрезмерное курение и алкоголь наносят вред организму / отказ от курения и ограничение употребления алкоголя принесет пользу (здесь рифму образуют созвучные лексемы 体 tǐ и 极 jí).

这个春节莫瞎窜 / 冠状病毒早防范. Нельзя безрассудно бегать во время Праздника Весны в этом году – необходимо соблюдать меры предосторожности по борьбе с коронавирусом! (здесь рифму образуют созвучные слова 窜 cuàn и 范 fàn).

Отмечая главный праздник – праздник Весны, все китайцы традиционно навещают родных и близких, активно принимают гостей. Острая вспышка ковида пришлось как раз на китайский Новый год, поэтому для того, чтобы убедить жителей вопреки обычаям избегать скопления людей и соблюдать режим самоизоляции, правительство выпускало такие рекламные плакаты.

身体强健 / 天天锻炼. Для крепкого тела – физкультура каждый день (здесь рифму образуют созвучные лексемы 健 jiàn и 炼 liàn) (рис.2).

Рис. 2. Пример рифмованных строк

Чэньюй – это устойчивые фразы или короткие предложения, имеющие лаконичную форму и краткое значение, широко распространенные в обществе и употребляющиеся в фольклоре, которые используются в языке на протяжении веков...» [8]. Как правило, состоят из четырех иероглифов.

众志成城 / 抗«疫»必胜. В единстве – сила, так победим эпидемию.

你别来, 我无恙. Ты не приходи – я буду здоров (рис.3).

Слоган этой социальной рекламы создан на основе чэньюя 别来无恙, который имеет значение «все в порядке, быть здоровым». После добавления местоимений «ты» и «я», смысл сообщения меняется: «если ты не придешь, тогда я буду здоров». Данная социальная реклама появилась в 2019 году в период пандемии коронавируса.

Рис. 3. Пример чэньюя

4. Риторический вопрос представляет собой категорическое утверждение или отрицание. Он не требует ответа, не ставится для того, чтобы сообщить какую-либо новую информацию. У реципиента создается ощущение, будто он сам ответит на поставленный в рекламе вопрос, при этом отсутствие прямого ответа побуждает человека к более глубоким размышлениям и осознанным выводам.

儿女如何算孝顺? 看住爸妈不出门. Как детям проявлять уважение и почтительность по отношению к родителям? Следить за тем, чтобы они не выходили из дома. Данный лозунг обращен прежде всего к молодому поколению, которое поможет заботиться о людях старшего возраста в период всеобщей борьбы с эпидемией.

你还能挺多久? Сколько еще ты выдержишь? (рис. 4)

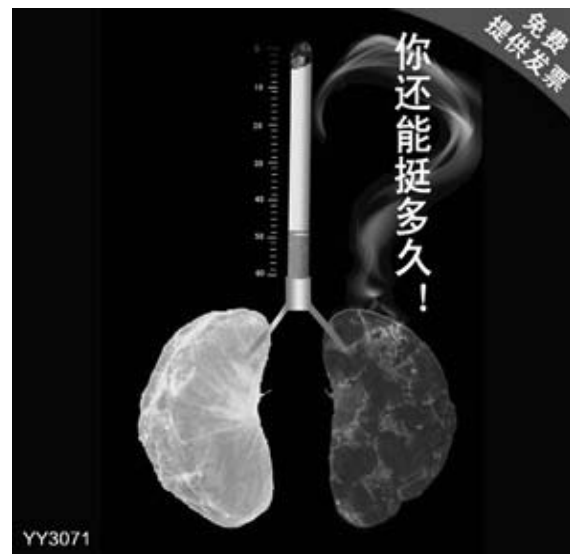

Рис. 4. Пример риторического вопроса

5. *Интимизация сообщения* – употребление личных и притяжательных местоимений. Согласно В.Е. Чернявской, интимизация изложения способствует возникновению у адресата осознания того, что он является частью общества [6]. Чаще всего с помощью подобных рекламных слоганов транслируется следующая установка: от здоровья отдельно взятого гражданина Китая зависит здоровье всей нации.

健康你我 / 健康中国 Здоровы **мы с тобой** – здоров Китай.

文明健康 / 有你有我 Культура здоровья – **твоя и моя** ответственность.

低碳环保 / 健康你我 Окружающая среда с низким содержанием углерода – залог **нашего** здоровья (рис.5).

Рис. 5. Пример интимизации сообщения

6. Императивное высказывание – коммуникативное намерение автора рекламы, которое расценивается как рекомендация, совет или просьба. Таким образом уменьшается дистанция с реципиентом, и воздействие на целевую аудиторию оказывается более действенным.

Рассмотрим следующие слоганы:

注意防护 / 少聚聚 Обратите внимание на защиту – меньше собирайтесь вместе

相信科学 / 接种疫苗 / 战胜新冠 Верь в науку, получи вакцину, одержи победу над коронавирусом

锻炼身体 / 增强体质 / 抵抗疾病 Занимайся физкультурой, укрепляй иммунитет, борись с ковидом

珍惜生命 / 远离毒品 цени жизнь, держись подальше от наркотиков (рис.6)

Рис. 6. Пример императивного высказывания

7. *Вэньянизмы*. «Вэньянь – это нормативный традиционный китайский литературный язык, начавший складываться на рубеже н.э. на основе классических текстов V-III вв. до н.э.: канонических, философских и исторических» [2]. Употребление вэньянизмов, с одной стороны, может затруднить понимание смысла рекламного слогана, а, с другой стороны, обращение к событиям Древнего Китая вызывает доверие у жителей Китая, т.к. именно на вэньяне написаны величайшие философские и исторические трактаты Поднебесной, это кладезь мудрости для всех китайцев.

请勿酒后驾车 Пожалуйста, не садитесь за руль в состоянии алкогольного опьянения (отрицательная частица 勿 «не» характерна для вэньяня).

武汉加油! 与疫情赛跑 Ухань, держись! Устроим гонки с коронавирусом! (соединительный союз 与 – вэньянизм) (рис.7).

Рис. 7. Пример вэньянизма

8. *Игра слов (иероглифов)*. Речь идет в первую очередь об омофонах, коих насчитывается огромное количество в современном китайском языке. Например:

让我们欣洗相逢 Давай будем **мыть** (руки) при встрече.

В данном лозунге 洗 («мыть») является омофоном 喜, который переводится как «радостно, с радостью». Авторы социальной рекламы периода пандемии коронавируса намеренно дают отсылку к популярному выражению устойчивому выражению «欣喜相逢» «радоваться встрече, испытывать радость при встрече».

罩顾好自己 Наденьте маску на себя.

В этом примере слово 罩 («маска, носить маску, надевать маску») является омофоном 照 («заботиться»). Таким образом заменив одно слово на созвучное ему, авторы данной социальной рекламы придали слову 罩 особый смысл (рис.8).

Рис. 8. Пример игры слов

Игра иероглифов. Иероглифы зрительно воспринимаются как цельный образ или картинка, поэтому социальная реклама, для создания которой был применен этот прием, обладает уникальными возможностями экспрессии. Например, на рис. 9 изображен плакат со слоганом: «Выпил – не садись за руль, за рулем – не пей». Ключ «вода» 氵 в левой части иероглифа 酒 изображен в виде капелек крови. Смысл рекламного сообщения можно понять даже без знания китайского языка.

Рис. 9. Пример игры иероглифов (酒)

На рис.10 представлена социальная реклама, которая наглядно демонстрирует важность соблюдения дистанции и масочного режима. Мы видим иероглиф 众, который переводится как «толпа». Между тремя 人 («че-

ловек»), входящих в состав иероглифа 众, изображена дистанция, которая соблюдает меры предосторожности в ковидное время. Опять же смысл рекламы становится понятен даже без знания данного иероглифа.

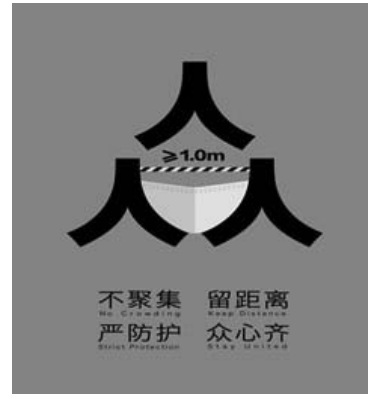

Рис. 10. Пример игры иероглифов (众)

Вывод

Лингвистические средства активно используются в составлении материалов социальной рекламы, они позволяют в значительной степени привлечь внимание населения, так как напрямую обращаются к национально-культурным особенностям менталитета китайского народа, даже на подсознательном уровне. Язык социальной рекламы служит инструментом коммуникации, задача которой побудить адресата пересмотреть свое поведение, прежде всего социальное. Таким образом, имея своей целью интенсивное концентрированное воздействие, социальная реклама использует богатый спектр средств выразительности на всех языковых уровнях.

Результаты проведенного анализа более 100 единиц социальной рекламы с лингвокультурной ценностью «Здоровье» представлены на рис.11. Таким образом, наиболее часто используемым лингвистическим средством является редупликация (35,7%), а меньше всего авторы социальной рекламы обращаются к приему использования чэньюев (2,9%), что вполне ожидаемо, т.к. иногда смысл этих фразеологизмов не совсем однозначен.

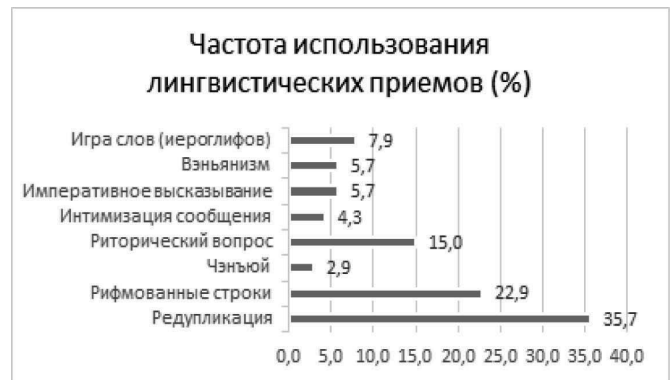

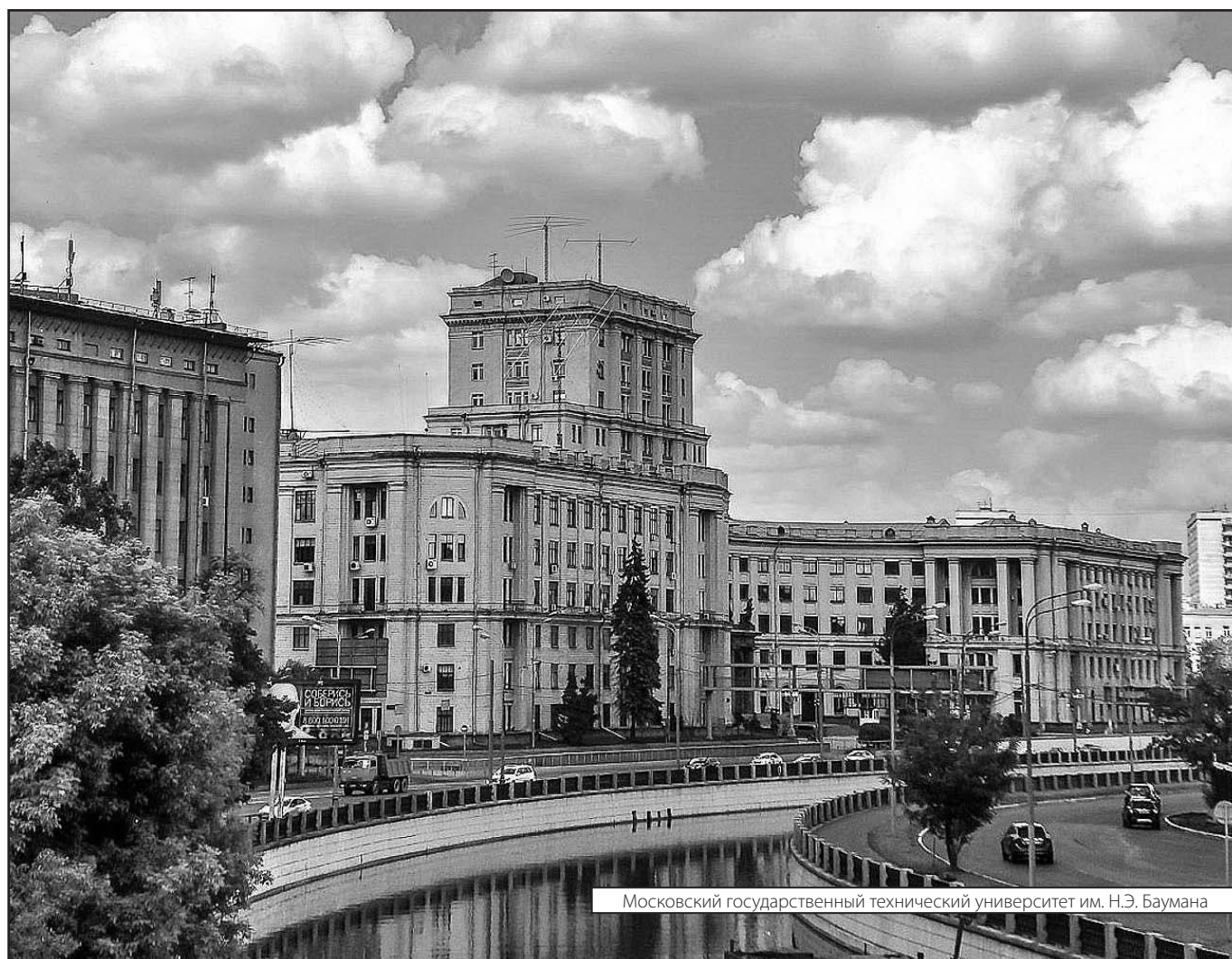
Рис. 11. Результаты анализа

ЛИТЕРАТУРА

1. Думанская К.С. Лингвистические и культурные особенности социальной рекламы в Китае // Новосибирский Государственный Университет. - Новосибирск, 2010. [Электронный ресурс] URL: [lingvicheskie-i-kulturnye-osobennosti-pechatnoy-i-naruzhnoy-sotsialnoy-reklamy-v-kitae.pdf](#) (дата обращения: 07.03.2023).
2. Карапетьянц А.М., Тань Аошун. Учебник классического китайского языка взньянь. Начальный курс. М.: Муравей, 2001. 432 с.
3. Киреев, С.И. Дискурс и концептосфера социальной рекламы: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / С. И. Киреев. — Волгоград, 2008. — 19 с.
4. Коурова О.И. Традиционно-поэтическая лексика и фразеология как лингвокультурная ценность: дис. ... док. филол. наук 10.02.01/ Коурова О. И. – Екатеринбург, 2005. – 393 с.
5. Кошкин А.П. Особенности редупликации некоторых знаменательных частей речи в китайском языке // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Серия: Гуманитарные науки. 2015. Вып.1. С. 72–81
6. Чернявская В.Е. Дискурс власти и власть дискурса: учебное пособие. М.: Флинта, 2006. 136 с.
7. Шарова В.Е. Китайская социальная реклама как средство актуализации лингвокультурных ценностей современного китайского общества: выпускная квалификационная работа бакалавра: 45.03.02 / В.Е. Шарова. — Красноярск: СФУ, 2021. [Электронный ресурс] URL: <http://elib.sfu-kras.ru/handle/2311/143448> (дата обращения: 06.03.2023).
8. Zhang Xin. Chengyu as Cultural Performances: Insights into Designing Pedagogical Materials for Four-character Chinese Idioms. The Ohio State University, 2012. 108 p.

© Тё Ольга Евгеньевна (tyo_olga@bmstu.ru), Тринько Дарья Владимировна (daria.trinko@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана

ОБРАЗ ЗАЩИТНИКА РОДИНЫ В РАССКАЗЕ А. ТОЛСТОГО «РУССКИЙ ХАРАКТЕР» И В «ВОЕННЫХ ГЛАВАХ» РОМАНА «ОНИ СРАЖАЛИСЬ ЗА РОДИНУ» М. ШОЛОХОВА

Чэнь Вэнь

*Аспирант, Московский педагогический государственный
университет
chenwen19951031@163.com*

**THE IMAGE OF THE DEFENDER OF THE
COUNTRY IN THE STORY "RUSSIAN
CHARACTER" BY A. TOLSTOY AND IN THE
"MILITARY CHAPTERS" OF THE NOVEL
"THEY FOUGHT FOR THEIR COUNTRY"
BY M. SHOLOKHOV**

Chen Wen

Summary: The article reveals a number of properties of the Russian national character in the story "The Russian Character" by A. Tolstoy and in the "military chapters" of the novel "They Fought for Their Country" by M. Sholokhov, similarities and differences in the image of the defender of the Country in the story "The Russian Character" by A. Tolstoy and in the "military chapters" of the novel "They Fought for Their Country" by M. Sholokhov. As a result, it is proved that both works represent patriotism, courage and catholicity of the Russian people. However, the main character of the story "The Russian Character" has practically no flaws, but each of the characters in the novel "They Fought for Their Country" has its own weaknesses. Nevertheless, the soldiers and officers in M. Sholokhov's work are united in their desire to save the Country and the people, to protect the world.

Keywords: the image of the defender of the Country, patriotism, courage, conciliarity, prose 1941–1945, A.N. Tolstoy, M.A. Sholokhov.

Аннотация: В статье раскрывается ряд свойств русского национального характера в рассказе А.Н. Толстого «Русский характер» и в «военных главах» романа «Они сражались за Родину» М.А. Шолохова, рассматриваются сходства и различия образа защитника Родины в рассказе А. Толстого «Русский характер» и «военных главах» романа «Они сражались за Родину» М. Шолохова. В результате доказано, что в обоих произведениях представлены патриотизм, мужество и соборность русского народа. Однако у главного героя рассказа «Русский характер» практически нет недостатков, а у каждого из персонажей романа «Они сражались за Родину» есть свои слабости. Тем не менее солдаты и командиры в изображении М. Шолохова едины в своём желании спасти Родину и народ, защитить мир.

Ключевые слова: образ защитника Родины, патриотизм, мужество, соборность, проза 1941–1945 гг., А.Н. Толстой, М.А. Шолохов.

Чувство Родины – одна из важнейших характеристик русской классики XIX столетия, которая сохранилась и в XX веке. Патриотическое звучание русской классики и советской литературы – это то, что помогало справиться с тяжёлыми испытаниями не только народам России, но и всем, кто боролся за свою свободу и независимость собственной страны, и для кого русская литература являла пример действенной любви к Родине. В китайской критике и литературе эпохи Войны Сопrotивления китайского народа японским захватчикам (1931–1945 гг.) оценили это свойство русской словесности: произведения русских (советских) авторов лидируют в этот период времени по количеству переводов иностранных авторов, активно влияют на китайских писателей (Чжоу Либо, Дин Лин, Лю Шаотан, Мо Янь и др.).

В русской литературе 1940-х годов, и в этом убеждает проза А. Толстого и М. Шолохова, чувство Родины – это прежде всего способность любить всей душой, тихо, не напоказ, соединённое с готовностью отдать жизнь за

страну, без пафоса и красивых слов. А. Толстой определял Родину как самовозобновляемое поколение людей, рождённых на одной земле и объединённых общим духом.

Актуальность исследования определяется непреходящей ценностью военной прозы А. Толстого и М. Шолохова не только с точки зрения воспитания патриотизма, но и постижения базовых черт русского национального характера (культурного кода). Сопоставительный анализ произведений, созданных в 1941–1945 гг., позволит лучше понять не только творчество А. Толстого и М. Шолохова, но и важнейшие аксиологические свойства русской литературы.

В публицистике и прозе А. Толстого и М. Шолохова 1941–1945 гг. тесно переплелись темы Родины и её защитника, с наибольшей полнотой такое единство воплотилось в рассказе А. Толстого «Русский характер» и в «военных главах» романа «Они сражались за Родину» М. Шолохова. Одновременно и совершенно независимо

друг от друга А. Толстой и М. Шолохов смогли раскрыть ряд свойств русского национального характера, наиболее ярко и рельефно обнажившихся в момент сверхнапряжения всего народа – годы Великой Отечественной войны.

Проблематика образа защитника достаточно активно изучалась и изучается в российском литературоведении начала XXI века, особо стоит отметить труды исследователей из ИМЛИ РАН, МПГУ, РГГУ. В отдельных случаях это связывалось с общехристианским интертекстом русской литературы (И.А. Есаулов и др.), мифопоэтикой (Е.М. Мелетинский, Я.В. Солдаткина и др.), типологическими свойствами русской литературы, восходящим к архетипам и устойчивым универсалиям (С.А. Небольсин, Д.В. Поля и др.). Так, в работе Я.В. Солдаткиной исследуется национальный характер в творчестве Шолохова. Доказывается, что Шолохов воплотил национальный характер в его многообразии и полноте [7, с. 198]. В исследовании Д.В. Поля рассматривается герой-защитник в художественном мире М. Шолохова и К. Симонова. Анализируя образ Герасимова и Соколова, автор делает упор на то, что герои М. Шолохова являются простыми тружениками, а не профессиональными военными [5, с. 24].

Научная новизна исследования состоит в раскрытии ряда свойств русского национального характера на основе чувства Родины, в выяснении сходств и различий образа защитника Родины с помощью сравнительно-сопоставительного анализа рассказа А. Толстого «Русский характер» и «военных глав» романа «Они сражались за Родину» М. Шолохова.

Цель исследования заключается в выяснении сходств и различий образа защитника Родины в рассказе А. Толстого «Русский характер» и в «военных главах» романа «Они сражались за Родину» М. Шолохова.

Для достижения указанной цели исследования необходимо решить следующие задачи: во-первых, исследовать национальный характер русского народа в рассказе А. Толстого «Русский характер» и «военные главы» романа «Они сражались за Родину» М. Шолохова; во-вторых, раскрыть свойства русского национального характера на основе чувства Родины в рассказе А. Толстого «Русский характер» и в «военных главах» романа «Они сражались за Родину» М. Шолохова; в-третьих, выявить особенность образа защитника Родины в рассказе А. Толстого «Русский характер» и в «военных главах» романа «Они сражались за Родину» М. Шолохова.

В качестве основного материала для анализа использованы рассказ А. Толстого «Русский характер» и «военные главы» романа «Они сражались за Родину» М. Шолохова.

Методологическую основу исследования составляют

культурно-исторический и сравнительно-исторический методы.

Несмотря на множество отличий между А. Толстым и М. Шолоховым (происхождение, образование, возраст, отношение к искусству и т.д.) к началу Великой Отечественной войны у них много общего, прежде всего с точки зрения ожидания критиков и читателей. Оба сверхизвестны к 1941 г., лауреаты многих наград и премий, к тому же писатели со склонностью к эпике, авторы широко известных романов-эпопей – у Алексея Толстого «Хождение по мукам» и «Пётр Первый», а у Михаила Шолохова «Тихий Дон» и первая книга «Поднятой целины».

Рассказ «Русский характер» был написан А. Толстым в 1944 г. Главный герой – Егор Дремов – простой деревенский парень, до войны колхозник из приволжского села. Но началась война, и он стал отважным бойцом-танкистом, оставаясь при этом скромным лейтенантом, который не любит разговаривать про свои военные подвиги. Однако война непредсказуема – во время Курской битвы танк Егора Дремова был подбит, а герой получил тяжелейшие ожоги. В результате Дремов, пролежав в госпитале восемь месяцев, утратил свою красивую внешность. Автор намеренно заостряет контраст между красотой довоенного Егора Дремова и его нынешним военным уродством.

Егор Дремов потерял свою красивую внешность, но не испугался этого: «с этим жить можно» [8, с. 42]. Герой – по-настоящему сильный человек, отказывается признать себя инвалидом: «я урод, но это делу не помещает, боеспособность восстановлю полностью» [8, с. 42]. Однако перед родителями и любимой девушкой этот стойкий солдат обнаруживает хрупкость и мягкость.

Главную идею рассказа – жизнестойкость и национальную гордость русского народа – А. Толстой передал через семью Егора Дремова. Герой чрезвычайно уважал и любил родителей: «Отец мой – человек степенный, первое – он себя уважает. Ты, говорит, сынок, многое увидишь на свете, и за границей побываешь, но русским званием – гордись...» [8, с. 40]. Когда мать опечалилась из-за визита незнакомого солдата, отец сказал, что если действительно приходил их сын, тогда они должны гордиться его лицом. А когда Егор Дремов вернулся в родной город и увидел мать, которая «в темном платке, тихая, неторопливая, добрая» [8, с. 42]. «Собрала на стол нехитрое... и задумалась, стоя перед столом, сложив худые руки под грудью» [8, с. 43], он начинал себя обвинять в нехватке заботы о матери. Это самая выразительная картина о русском народе, наполненная глубоким страданием, непреклонной силой и величием народа.

Важно отметить, что на вполне реалистичном и даже натуралистичном материале в рассказе А. Толстого воз-

никает символический ряд: на красоту сильного русского человека накладывается уродство войны. Однако и оно оказывается внешним и временным перед силой любви и самопожертвования.

Военные главы романа «Они сражались за Родину», созданные М. Шолоховым в мае 1943 г., выражают важнейшие чувства советских людей во время войны: ненависть к фашистам, любовь к Родине и соборность русского народа. Уже из названия мы понимаем, что это история о тех, кто с оружием в руках защищал Родину и мир. Главные герои «военных глав» романа – три солдата из разных слоёв советского общества – рабочий Пётр Лопахин, сельский интеллигент Николай Стрельцов и крестьянин (колхозник) Иван Звягинцев. М. Шолохов показывает обычных, а не идеальных людей – у каждого свои недостатки и достоинства, но есть и общие национальные черты, свойственные русскому народу: жизнестойкость, мужество, патриотизм, сплочённость.

Пётр Лопахин – весельчак, до войны работал шахтером. У него ярко выражен русский национальный характер – мужество, жизнестойкость и жизнерадостность [9, с. 311]. Герой – человек остроумный, весёлый и даже легкомысленный в мирной жизни; на фронте становится умелым и беспощадным бойцом, уничтожающим вражеские танки и даже сбившим вражеский самолет. Несмотря на то, что Пётр Лопахин много переживает насчёт происходящего вокруг него, он сосредоточен на настоящем. За всей лёгкостью его нрава скрывается боль за Родину и народ, и в то же время Лопахин верит в свои силы и в светлое будущее страны. Герой всегда успокаивает своих соратников, чтобы они тоже верили в то, что со всем можно справиться и всегда можно найти выход.

В отличие от Петра Лопахина Николай Стрельцов – тихий, серьезный человек, который часто переживает о Родине, о судьбе народа. Он агроном, с высшим образованием, интеллигент, много думающий и переживающий о судьбе страны; герой недоволен отступлением, не скрывает своей боли от войны – заметив людские потери в полку, он наклонил голову и заплакал. Однако все эти чувства несколько не мешают герою проявить свою отвагу в бою. Когда началась контратака, а он не может идти со всеми из-за контузии, герой ползёт вслед за остальными. В конце рассказа Николай Стрельцов сбежал из госпиталя и возвратился к своим товарищам оглохшим, но счастливым от того, что вновь вместе со всеми.

Иван Звягинцев – обычный солдат, добрый, мягкий человек, до войны был деревенским комбайнером. Именно такой образ наиболее наглядно демонстрирует подвиг, произошедший в простом солдате – особо можно отметить операцию Ивана Звягинцева в госпитале.

Читатели сопереживают герою, понимают, что каждый боец – не просто «штык», а прежде всего человек, который испытывает страх перед смертью. Однако, вне зависимости от социального происхождения солдат (до войны Пётр Лопахин – шахтером, Николай Стрельцов – агрономом, Иван Звягинцев – комбайнером...), все они на фронте и готовы отдать всё, что у них есть, даже свою жизнь ради победы над врагом.

В рассказе «Русский характер» А. Толстого и в «военных главах» романа «Они сражались за Родину» М. Шолохова ярко представлены качества русских людей, которые и формируют собственно национальное сознание: патриотизм, мужество, соборность. Однако есть и целый ряд отличий в образе защитника. В рассказе «Русский характер» образ защитника отличается своей идеальностью – у Егора Дремова почти нет недостатков, красив от природы, хорошо воспитан. Война забрала у него красивую внешность, но у него осталась внутренняя красота – он отважный, достоин уважения всего народа. Образ главного героя близок к персонажам сказки: А. Толстому очень важно за будничностью ситуации увидеть и продемонстрировать типичные черты русского народа. Благодаря образу Егора Дремова А. Толстой доказывает, что русские – великий народ, у них непреклонная сила и душевная красота, которая важнее внешней. В отличие от Егора Дремова, у каждого из героев романа «Они сражались за Родину» есть свои недостатки – Пётр Лопахин весьма легкомысленный человек, особенно в отношении женщин; Николай Стрельцов слишком много переживает, во всем склонен винить исключительно себя; Иван Звягинцев осторожен, с мягким характером, он не такой смелый, как Пётр Лопахин. Война меняет героев: Пётр Лопахин стал более заботливым; Николай Стрельцов – более оптимистичным; Иван Звягинцев – более смелым. Более того, М. Шолохов в своем «военном» произведении более тщательно описывает жизнь простых солдат до начала войны, их желания и переживания, чем это примерно сделал А. Толстой в 1941–1945 гг.

В результате исследования делается вывод о том, что в рассказе «Русский характер» А. Толстого и в «военных главах» романа «Они сражались за Родину» М. Шолохова раскрываются такие качества русских людей, как патриотизм, мужество, соборность. Однако есть и целый ряд отличий в трактовке писателями образа защитника Родины: у главного героя рассказа «Русский характер» Егора Дремова практически нет недостатков, а у каждого из персонажей романа «Они сражались за Родину» есть свои слабости. Солдаты в изображении М. Шолохова отличаются друг от друга как своим происхождением, так и характером, но их жизни тесно соединяются на войне – они соратники, их общее желание и долг – спасти Родину и народ, защитить мир любви и добра.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дружба О.В. Великая Отечественная война в историческом сознании советского и постсоветского общества. Ростов-на-Дону, 2000. 508 с.
2. Мишуриц А.Л. Советская публицистика в годы Великой Отечественной войны. М.: Издательство МГУ, 1980. 40 с.
3. Плоткин Л.А. Литература и война: Великая Отечественная война в русской советской прозе. Москва; Ленинград: Советский писатель, 1967. 358 с.
4. Поль Д.В. Универсальные образы и мотивы в русской реалистической прозе XX века (художественный опыт М.А. Шолохова). М.: ИХО РАО, 2008. 276 с.
5. Поль Д.В. Герой-защитник в художественном мире М.А. Шолохова и К.М. Симонова // Отечественная словесность о войне. Проблема национального сознания: К 70-летию Победы в Великой Отечественной войне: Материалы XX Шешуковских чтений; под ред. Л.А. Трубиной. М.: МПГУ, 2015. Вып. 1. С. 15–25.
6. Сенявская Е.С. Психология советского солдата в годы Великой Отечественной войны // Социология власти. 2004. № 6. С. 5–22.
7. Солдаткина Я.В. Категория «Национального характера» в творчестве М. А. Шолохова // Известия ВГПУ. 2009. №7. С. 198–201.
8. Толстой А.Н. Русский характер (Рассказы Ивана Сударева). М.: Искателькнига, 2021. 48 с.
9. Чэнь В. Русские (советские) писатели о Великой Отечественной войне в «Правде» и «Красной звезде» 1941–1942 годов: универсальное и национальное // Мир науки, культуры, образования. 2022. № 94. С. 310–312.
10. Чэнь В. Человек на войне (по материалам китайской периодики 1937–1945 гг.) // Humanity space International almanac. 2021. Т. 10, № 3. С. 443–449.
11. Шолохов М.А. Судьба человека: главы из романа, рассказы, очерки. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2021. 352 с.

© Чэнь Вэнь (chenwen19951031@163.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Московский педагогический государственный университет

ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ КАТЕГОРИИ ЦЕННОСТИ В СТРУКТУРЕ ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ: НА ПРИМЕРЕ РУССКОГО И КИТАЙСКОГО ЯЗЫКОВ

Чэнь Сюесун

Аспирант, Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова
Cxuesong15@icloud.com

LINGUISTIC AND COGNITIVE FEATURES OF THE CATEGORY OF VALUE IN THE STRUCTURE OF PAREMIOLOGICAL TEXTS: ON THE EXAMPLE OF THE RUSSIAN AND CHINESE LANGUAGES

Chen Xuesong

Summary: The article is devoted to the consideration of linguistic and cognitive features of the category of value in the structure of Russian and Chinese proverbs. The article notes that depending on the degree and level of knowledge and experience gained, the category under study is filled with the most significant concepts. Many concepts are repeated in both languages, such concepts include: family, kindness, friendship, longevity, beauty, love. In addition, the author points out that the category of value in the structure of Russian and Chinese proverbs has a multicomponent character. At the same time, it should be taken into account that the structure of proverbs reflects the personal characteristics of a native speaker.

Keywords: category of value, paremiological texts, concepts, linguistic and cognitive features, language picture of the world, proverbs, mental representations.

Аннотация: Статья посвящена рассмотрению лингвокогнитивных особенностей категории ценности в структуре русских и китайских пословиц. В статье отмечается, что в зависимости от степени и уровня полученных знаний и опыта, исследуемая категория наполняется наиболее значимыми концептами. Многие концепты повторяются в обоих языках, к таким концептам относятся: семья, доброта, дружба, долголетие, красота, любовь. Кроме того, автором указывается, что категория ценности в структуре русских и китайских пословиц имеет многокомпонентный характер. При этом следует учитывать, что в структуре пословиц отражаются личностные особенности носителей того или другого языков.

Ключевые слова: категория ценности, паремиологические тексты, концепты, лингвокогнитивные особенности, языковая картина мира, пословица, ментальные представления.

Сегодня все большую актуальность получают вопросы, связанные с языковой категоризацией. Обусловлено это появлением множества новых научных открытий, посвященных работе мозга и мыслительному процессу. На основе особой связи мышления и речевой деятельности зарождаются представления носителя языка об окружающем мире [4; 5]. Соответственно, анализ этнокультурной специфики, как отмечают ученые, целесообразно начинать с сопоставления лингвокогнитивных составляющих, которые «сплетаясь, образуют феномен, через который лежит путь к пониманию природы изучаемого языка» [2, с. 751]. Основными из них принято считать концепты, формирующиеся в определенные языковые категории.

Русская языковая картина мира существенно отличается от китайской модели, однако именно на основе схожих элементов (в т.ч. в ходе лингвокогнитивной категоризации) формируются представления не только о специфике целой системы того или другого языка, но и «об ирреальной действительности и реальном мире, пропущенных через призму личных особенностей субъекта» [3, с. 69].

В сознании человека категория ценности представляет собой частицу алгоритма знаний, которые реализуются в воображении или действительной ситуации. В зависимости от степени и яркости полученных знаний и опыта, категория наполняется наиболее значимыми концептами. Однако следует учитывать, что исследуемая категория ценности является многокомпонентной, большое количество концептов в ней повторяются в обоих языках.

Лингвокогнитивные особенности категории ценности в русских пословицах раскрываются за счет таких концептов, как: *семья, любовь, доброта, правда, дружба, хлеб*; в свою очередь, в китайских пословицах – таких, как: *семья, гармония, долголетие, дружба, красота, любовь*. Например, *семья* для русского человека является высшей ценностью, поскольку в ней формируются представления ребенка о будущей жизни, закладываются основные черты характера. Функции семьи в России многофакторны, главной является воспитывающая, что отражается в русских пословицах: *учи дитяток, пока слушается; сын хорошим не родится, а воспитывается*; репродуктивная

функция семьи ярко представлена в русских поговорках: *не смотри на благо, пока нет дитя в колыбели; без деток счастлив не будешь* [7]. Данные поговорки говорят о важности деторождения, что в любом возрасте и при любом положении следует родить ребенка.

Наряду с семьей, в которой человек родился и вырос, в России особой ценностью признается семья, которую человек создает в осознанном возрасте. После того, как он создает собственную семью, родители переходят в разряд «близких родственников» [1, с. 45]. Однако данное утверждение не означает, что родители утрачивают своей ценности: в России обе семьи равнозначны. В частности, это реализуется в следующей поговорке: *люби мать, как родительницу, люби жену — родительницу твоих детей* [7]. Т.е. семья представляет собой систему взаимоотношений между мужем и женой, родителями и детьми, между старшим поколением и младшим, образованную на браке и кровном родстве. При этом особое влияние на представления русского народа о семье оказывали социально-экономические условия жизни, а также нравственная сторона жизни.

В Китае семья также выступает одним из базовых регуляторов ценностной категории. На ее основе можно составить представление о других концептах, поскольку семейные ценности отражаются в них тесным образом. Тенденция к вознесению семьи в ранг наиболее важных сфер жизни продолжалась вплоть до XXI в. Китайцы заботились о личных проблемах и своих нуждах, растворяясь в семье; это часто приводило к тому, что человек бросал работу или прерывал отношения, если семья считала это неудобным [2; 11]. Постепенно институт семьи принял современные черты, но семья также остается на одном из первых мест в жизни китайцев. В качестве примера, можно привести поговорку: *在家千日好, 出门时时难 / дома и тысячу дней прожить легко, выйдешь из дому — и час трудно* (здесь и далее — перевод поговорок авторский) [12]. В ней отражается незыблемость семейных ценностей и уважение к дому: все, что накапливается на работе, человек не должен нести в дом, так как это приводит к нарушению гармонии.

В концепте семья особое место уделяется уважению старости. Старый человек для китайской семьи не обуза, а радость: через общение со старым человеком происходит постижение мудрости и знаний. Китайцы любят устраивать вечерние беседы со старцами, узнавать интересные истории из жизни своих дедушек и бабушек [2]. Обучение детей в китайской семье основывается на рассказах старших членов семьи, на мудрости, сложившейся годами. Старику выделяется почетное место за столом, его решение принимается за главное. Считается плохим поступком игнорировать волю дедушки или бабушки. Такая тенденция прослеживается в следующей поговорке: *老人不传古, 后生失了谱 / если старый человек не пере-*

даст свой опыт, молодой человек не будет опытен [12]. Совет мудрого человека почитается и среди молодых семей: старцы произносят речь для супругов, в которой передают свой опыт.

Любовь — многогранное чувство, оно воспето многими поэтами и исследовано в науке, однако каждый раз можно найти сферы неизученного, что делает его предметом отдельных работ. Любви отведено большое количество страниц в сборниках поговорок в русской и китайской литературе. Для русского человека любовь является высшей ценностью, например: *любовь за деньги не купишь; любовь свободу дает, а не путы вяжет; взаимная любовь слаще сахара; бояться себя заставишь, а любить не принудишь; страсть коротка: вспыхнет да погаснет, а любовь всю жизнь греет, хоть и ряба, да любя* [7]. В свою очередь, лингвокогнитивная специфика восприятия китайцами концепта любовь связана с ментальным отражением этого чувства в современном социуме Китая. Если в русском языке существует поговорка *любовь все возрасты покорны*, то в китайском прямой аналогии нет. Это связано с тем, что в данной стране осуждаются отношения между подростками [9]. Китайцы верят, что любовь дает человеку особую энергию, которой ребенок не может правильно распорядиться, поэтому они начинают создавать пары только к двадцатилетнему возрасту.

В соответствии с представлениями китайцев, любовь человеку дается навечно, небеса посылают человека, которым следует дорожить. Рефреном в китайской поговорке звучит слово *судьба*, принимая различное значение. В качестве примера можно привести поговорку: *有缘千里来相会 / судьба найдет и за тысячу миль*; о том, что любовь не должна заканчиваться говорит следующая поговорка: *在天愿作比翼鸟, 在地愿为连理枝 / в ином мире мы будем птицами, летящими бок о бок, а на земле мы будем двойниками, цветущими веточками на одном дереве* [12]. При этом важно отметить, что представления китайцев формировались веками, веками, поэтому большинство китайских поговорок о любви наполнено трепетным отношением к данному чувству. На современном этапе институт брака в Китае находится в состоянии кризиса, многие люди выбирают свободный тип отношений.

В этой связи такая категория, как красота, также обладает своей спецификой, так как в Китае отношение к внешности наделяется особым значением. Китайские девушки тщательно ухаживают за лицом и телом, поэтому если мужчине указать на девушку, сказав, что она красивая, он начнет изучать степень ее ухоженности. Например, как отмечает Линь Цзиньфэн, «русский мужчина может не заметить недостатки во внешности женщины, китайцы же придирчивы в данном вопросе; они считают, что тело и лицо должны быть идеально ухожены» [9, с. 99], однако если речь заходит о женитьбе или дружбе с

девушкой, то китайцы оценивают гармоничное сочетание красоты души, хорошего, кроткого характера и приятной, милостивой внешности. Такая тенденция прослеживается во всех поговорках, посвященных красоте, как ценности: 没有灵魂的美丽容颜是空罐子 / красивое лицо без души – пустой кувшин [12]. В данном понимании красота приравнивается к искусству, в отдельных случаях, к дару, данному небесами. Проследить разницу можно в поговорках о красоте, имеющих разное значение.

Дружеские отношения между людьми занимают значимое место в жизни русского человека. Такая черта подчеркивается в поговорках: не мил и свет, когда друга нет; для милого друга – и коней из плуга; без друга в жизни туго [7]. Дружба в представлении русского человека служит залогом прочности созданного коллектива, иногда дружеские отношения ценятся выше любовных. Кроме того, дружба в русских поговорках часто ассоциируется в виде готовности человека прийти на помощь, отодвигая личные интересы [8]. Также в русских поговорках встречаются указания на то, каким должен быть друг и как дружба украшает жизнь человека, например: друг имеется – так и сердце греется; был я у друга, пил я воду – слаще меда [7]. Русский человек воспринимает дружеские отношения, как тип социального взаимодействия, как более важные, чем родственные или любовные отношения, потому что они являются залогом прочности всего общества.

В системе ценностей китайцев дружба также занимает значимое место. Китайская мудрость говорит, что вся теплота, вложенная в друга, вернется человеку в трехкратном размере. При утрате семьи, друг приходит на помощь, он же может заместить отца или мать, если те уйдут в мир иной. Тема дружбы становится предметом отдельных исследований [10; 11], так как для китайцев дружба является оплотом счастливой и успешной жизни: 结交一人难上难, 得罪一人一时间 / приобрести друга нелегко даже за год, но обидеть друга можно за одну минуту [12]. Лингвокогнитивные особенности восприятия концепта дружба китайцами исходят из двойственности данного понятия [1]: с одной стороны, дружба представлена товарищескими отношениями между людьми; с другой стороны — достаточно тесными отношениями, где человек становится близким, практически, членом семьи (он знает обо всех семейных проблемах и участвует

в семейных советах, принимает участие в воспитании и присмотре за детьми).

Китайцы избирательны в дружбе: несмотря на то, что они называют незнакомого человека братом или сестрой, они никогда не назовут каждого другом. Человек, чтобы стать другом, должен проявить себя, а это приходит с годами: чаще всего, дружба зарождается на работе (учебе) или по интересам, что находит отражение в поговорке: 同志为友 / общие интересы делают людей друзьями [12]. В то же время поговорка 广交友, 无深交 говорит о том, что называть всех товарищей друзьями нельзя: друг — это близкий человек, допущенный к сердцу, к душе. При этом в любых отношениях, по мнению китайцев, нужна гармония [6]: китайцы стремятся к гармонии буквально во всем, что выделяет восточную мудрость среди остальных. В поговорке: 和谐使小事成长, 缺乏和谐使大事的分解 / гармония заставляет мелкие вещи расти, недостаток этого приводит к разложению великих вещей [12], это ярко отражено. Кроме того, китайские поговорки часто выражают призыв к жизни в гармонии, поскольку это является собой концепцию счастливой жизни, где жизнь в гармонии — это осознанный выбор того, как мы хотим жить.

Таким образом, рассмотрев ряд концептов, формирующихся в определенные языковые категории, пришли к выводу, что система ценностей в русском и китайском языках имеет многокомпонентный характер. При этом отдельные концепты соотносятся в рассматриваемых языках друг с другом, в частности, такие концепты, как: семья, любовь, дружба и пр. Исследование лингвокогнитивной специфики поговорок русского и китайского происхождения, содержащих вышеуказанные концепты, позволяет глубже понять языковую картину мира России и Китая, в т.ч. учитывая национально-культурные особенности и полученный жизненный опыт [4]. Кроме того, следует отметить, что иероглифический язык китайских поговорок имеет свою специфику письменного выражения. Идея в поговорке вычленяется на основе считывания «картинки»: в этом понимании, иероглиф уже несет в себе некоторое значение. В русской алфавитной системе смысл поговорок передается посредством различных языковых средств, чаще всего, метафор и олицетворения. В поговорках ярко отражаются особенности ментального восприятия обоих народов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бай Юй. Аксиологическая диахрония китайских и русских афоризмов: ценности и нормы коммуникативного поведения / Бай Юй, М.Р. Желтухина // Вестник Московск. городск. пед. ун-та. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2018. № 2 (30). С. 41-51.
2. Бехтева Н.Н. Особенности китайской языковой картины мира в аспекте обучения китайскому языку как иностранному / Н.Н. Бехтева // Молодой ученый. 2015. № 22 (102). С. 751-753.
3. Бредихин С.Н. Лингвокогнитивные механизмы актуализации и концептуализации идиокомпонентов картины мира: монография / С.Н. Бредихин, Н.А. Пелевина; под ред. О.А. Радченко. Ставрополь: Параграф, 2021. 171 с.

4. Воркачев, С.Г. Лингвокультурная концептология и ее терминосистема / С.Г. Воркачев // Политическая лингвистика. 2014. № 3 (49). С. 12-20.
5. Дементьев В.В. Об оценочности и абсолютизации в лингвистических исследованиях: к дискуссии А.Д. Шмелева с А.В. Павловой и М.В. Безродным о «лингвоарциссиме» / В.В. Дементьев // Политическая лингвистика. 2012. № 1 (39). С. 11-16.
6. Дербишева З.К. Основы лингвокогнитивного сравнения языков: монография / З.К. Дербишева. М.: Флинта, 2019. 332 с.
7. Жуков В.П. Словарь русских пословиц и поговорок / В.П. Жуков. 4-е изд., испр. и доп. М.: Русский язык, 1991. 534 с.
8. Корина Н.Б. К вопросу о когнитивной оценке пространственных моделей в языке / Н.Б. Корина // Вестник Томск. гос. пед. ун-та. 2013. № 10 (138). С. 159-162.
9. Линь Цзиньфэн. Концепты [тело], [душа], [дух] в русской и китайской языковых картинах мира: антропологическая трихотомия в пословичной картине мира: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.21 / Линь Цзиньфэн. СПб., 2018. 221 с.
10. Устьянцева Е.В. Интегративное описание слова-образа «хлеб»: лингвокультурологический и лексикографический аспекты: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Е.В. Устьянцева. Абакан, 2019. 26 с.
11. 张释之. 国学经典藏书: 论语 / 张释之. 长春: 吉林大学出版社, 2021. 402页. [Чжан Шичжи. Сборник классических Китаеведческих исследований / Чжан Шичжи. Чанчунь: Изд-во Цзилиньского ун-та, 2021. 402 с.].
12. 周静琪. 汉语谚语词典 / 周静琪. 北京: 商务印书馆, 2006. 1699页. [Чжоу Цзинци. Словарь китайских пословиц / Чжоу Цзинци. Пекин: Коммерческая пресса, 2006. 1699 с.].

© Чэнь Сюесун (Cxuesong15@icloud.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

ОБРАЗЫ ЖИВОТНЫХ И ИХ КЛАССИФИКАЦИЯ В ЛИТЕРАТУРЕ

Ши Лу

Аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет
st094088@student.spbu.ru

IMAGES OF ANIMALS AND THEIR CLASSIFICATION IN LITERATURE

Shi Lu

Summary: The article describes the images of animals in literature. Four types of animal imagery through the world's literary works are outlined. They are: The symbolic type, the type possessing an animal face, the type of the real animal, the type of the pure animal image. It is these various animal images that enrich the living picture of the literary world. It is concluded that the symbolic image of the animal practically has an animal form, rather than containing the animal essence and culture. It has the weakest animal component; the author uses it for metaphor, which brings the richest artistic coloring. In the works, authors combine animal forms and human characters, thus indirectly reflecting life experience, deeds and wisdom. As for the type of the real image of the animal, the priority attention to the very fate of animals, the real relationship between animals and people, demonstrate the essential importance of animals and animal subjective position in fact the narrative and the fate of animals is still a reflection and form of the author's point of view, only acquires less artificial coloring. The depiction of animal images has already become an important phenomenon that cannot be ignored. In literature, images of animals are always influenced by authors; they are artificial products.

Keywords: image of animals, type, classification, work about animals, literature.

Аннотация: В статье описываются образы животных в литературе. Излагаются 4 типа образов животных с помощью мировых литературных произведений. Ими являются: Символический тип, тип, обладающий животной личиной, Тип настоящего животного, Тип чистого образа животного. Именно этими разнообразными образами животных обогащается живая картина литературного мира. Делается вывод, что символический образ животного практически обладает животной формой, а не содержит в себе животную сущность и культуру. У него наименее слабая животная составляющая; автор использует его для метафоры, что приносит самую богатую художественную окраску. В произведениях авторы соединяют животные формы и человеческие характеры, таким образом опосредованно отражают житейский опыт, дела и мудрость. Что касается типа настоящего образа животного, приоритетное внимание к самой судьбе животных, реальным отношениям между животными и людьми, демонстрируют существенное значение животных и животное субъективное положение на самом деле повествование и судьба животных все-таки являются отражением и формой авторской точки зрения, только приобретает менее искусственную окраску. Изображение образов животных уже стало важным явлением, которое невозможно игнорировать. В литературе образы животных всегда находятся под влиянием авторов, они являются искусственными продуктами.

Ключевые слова: образ животных, тип, классификация, произведение о животных, литература.

Животные тесно связаны с жизнью людей. Животные играют важную роль как в жизни, так и в литературе, и культуре всех национальностей. Образы животных отражают мировоззрение, черты, нравы и обычаи народа. Образы животных в литературе – зеркало души человека. Характеры каждой души человека отличны друг от друга, так что люди относятся к животному миру по-разному. В старину творческое вдохновение исходило от животных. На многих древних памятниках нарисованы животные, человеческих же изображений сравнительно мало. Проявление связанности человека с миром – культ животных. Животные являются наиболее наглядной формой человеческого духа, они определяют место человека в природной иерархии [2]. Первобытная эпоха – основа истории культуры. А в первобытной эпохе культ почитания животных играет ключевую роль.

В истории искусства археологические находки доказывают, что животное – самый ранний образ, входящий в эстетическую сферу человека. Такое явление тоже наблюдалось в литературном исследовании. «Литература, это литература человека» [1]. Но это не означает, что в литературных произведениях описаны только люди.

Многие известные произведения преимущественно опираются на описание образов животных. Например: Жан де Лафонтен «Басни»; Аристофан «Птицы»; Апулей «Золотой осел»; Альфред де Виньи «Смерть волка»; Шарль Бодлер «Кошки»; Герман Мелвилл «Моби Дик»; Максим Горький «Песня о буреветнике»; Франц Кафка «Превращение»; Эрнест Хемингуэй «Старик и море» и многие другие. Можно прийти к выводу – изображение образов животных уже стало важным явлением, которое невозможно игнорировать, именно это становится актуальностей данного исследования.

Что касается классификации образов животных в представлении различных авторов их можно выделить 4 вида:

1. Символический тип

Фридрих Энгельс сказал: «Люди получают поддержку других сущностей в своём развитии, но эти сущности не являются сущностями на высоком уровне эволюции, не ангелами, а являются низкоуровневыми сущностями – животными. Вследствие этого появилось

поклонение животным» [7]. С давних времен поклонение животным имеется у каждой национальности на нашей планете. Оно является древним стремлением всех национальностей. Например, волк – символ древнего Рима. Такая эмоция отражается в искусстве и порождает мифы о животных, даже животные тотемы. Животное появилось в мифах и тотемах не в качестве настоящего образа, а в виде символического типа.

В литературных произведениях, особенно в стихотворениях, принято воспринимать образы животных как образы символического типа. Возьмем к примеру: «Смерть волка» Альфреда де Виньи. «Смерть волка» – одно стихотворение из известного «Избранного» Альфреда де Виньи [4]. Стихотворение было написано в октябре 1838 года в его усадьбе Мен-Жиро, и было опубликовано в 1843 году. Тогда несчастная любовь мучила поэта, он был печален, прятался от общества и жил одинокой жизнью в своей усадьбе. В частности, поэт не соглашался с тогдашней капиталистической общественной тенденцией к тому, что люди льнули к сильным мира сего, так что он использовал символический прием, изобразил образ «волка», и используя этот метод, выразил свое чувство и подход к жизни.

2. Тип, обладающий животной личиной

Такой тип – комплекс животного и человека, то есть форма используется животная; содержание (сознание, мысль, эмоция) – человеческое. Тип, обладающий животной личиной, является единством человека и животного, также реальности и мечты [9]. Множество таких типов описано в таких литературных произведениях, как «Басни Эзопа» – самое раннее западное собрание басен; «Басни» Жана де Лафонтена; басни Готхольда Эфраима Лессинга и Ивана Андреевича Крылова, «Золотой осел» Апулея [3]; «Путешествия Гулливера» Джонатана Свифта; «Превращение» Франца Кафки; «Ваш покорный слуга кот» Сосэки Нацумэ [8]; «Скотный двор» Джорджа Оруэлла и другие [6]. А в драме такой тип образа животного показан мало, например «Птицы» Аристофана. В вышеперечисленных произведениях тип людей, обладающих животной личиной, абсурдный. Люди на наших глазах превращаются в животных, начинают соответствовать определенным и часто встречающимся в жизни образам животных.

Превращение людей в животных можно увидеть в книге «Превращение» Франца Кафки, Кафка преднамеренно преобразует людей в насекомых, что развивает у читателей внутреннюю необходимость использовать новый взгляд на мир и жизнь, выявляет злокачественное изменение людей под влиянием западной современной цивилизации. Он описывает людей, используя такие абсурдные образы, что воспринимать мир обычным образом становится невозможно. И образы этих животных реальные – существующие в реальной жизни. На основе

животных образов возникает и животное мышление.

Драма «Птицы» Аристофана демонстрировала историю с серьезным содержанием в анекдотичном виде. Двух афинянин не устраивал хаос в жизни, потому они отправились в птичье государство, создали там «город птичий», затем птицы стали хозяевами мира, они приняли множество посетителей, и наконец боги присудили птицам власть. Произведение «Птицы» имеет сильную политическую окраску и окраску критического реализма. Такая социальная и политическая мечта о возвращении к простоте и чистоте приносит яркую утопическую окраску, одновременно содержит в себе глубокий вопрос о человеческой цивилизации предков, входивших недолго в цивилизационной жизни. В драме такие птицы, как горлица, полевой жаворонок, дятел, сова, попугай и другие, все они умеют говорить и думать, как человек, это признак типа, обладающего животной личиной. Подобное мы видим много позже в «Скотном дворе» Джорджа Оруэлла, все персонажи которого являются комплексными образами с животной личиной.

3. Тип настоящего животного

Использование типа настоящего, реального животного возможно в двух случаях.

Во-первых, это образ животного со спецификой собственно животного и использованием олицетворения. В таких произведениях, как «Холстомер» Толстого, и «Чёрный красавец» Анны Сьюэлл, традиция изложения – «животное видит мир». Рассказчик истории еще является животным, это животное умеет говорить как человек в мире произведения. Эти животные еще характеризуются олицетворением, но они не приравниваются к описанным выше комплексным образам с животной личиной, а соотносятся в рамках своего животного мира и обращают внимание на собственную животную судьбу.

Во-вторых, еще существует типический образ настоящего животного. В первую очередь, авторы описывают природу животных, их характеры и индивидуальные особенности, чтобы восстановить реальные образы животных. Это отвечает биологическим свойствам и образу жизни животных. Взять, к примеру, рассказ «Красношейка» Эрнеста Сетона-Томпсона, в котором описан поиск пищи куропаткой. Автором непосредственно использован ряд глаголов: клевать, выбросить, глотать, что показывает реальную и объективную картину. Благодаря этому характерные признаки у животного сохранены. Такой тип образа животного свойствен «животному телу + животному мышлению, поведению и методу существования», чтобы восстановить животную природу, так что такой тип является типическим образом реального животного. На самом деле, в таких произведениях

собственная судьба животного, взаимоотношение между человеком и животным бывают в центре внимания. Что касается признаков животного тела, авторы часто не фантазируют, т. е. характер животного тела отвечает природному свойству, и исходит из объективной реальности. Хотя иногда при описании психологии животного добавляются слова «как будто словно будто, вероятно, может быть» и др., что придает образам животных некую загадку. Именно такой тип образа животного называется типом настоящего образа животного.

Хотя такой образ животного берется как реально существующий, но он также является отражением и формой авторских идей и мыслей. В приоритете у автора внимание к самому животному. В этих произведениях авторы совместно с читателями уделяют внимание испытанию животного в борьбе за существование. Например, в произведении «Чёрный красавец» Анны Сьюэлл, автор выражает глубокое сочувствие трагическому испытанию лошади в борьбе за всю жизнь.

4. Тип чистого образа животного

Тип чистого образа животного – животное, реально существующее в реальной жизни. Оно используется автором исключительно как фон, находится на задворках повествования. Например, в рассказе Лу Синя «Скорбь по ушедшей» [10], А Шуй – седая болонка, купленная Цзы Цзюнем. Из-за сложившейся тяжелой финансовой ситуации хозяева вынуждены ее продать, но в конце есть упоминание о ее возвращении к хозяевам, что сводит ее роль в рассказе к минимуму, однако привносит особый эффект в концовку [5].

Образы животных в литературе в основном разделяются на вышесказанные четыре типа. Безусловно, образы животных в литературе зачастую необычные и сложные.

Например, книга «Зов предков» Джека Лондона. Действие повести происходит на Аляске, где редко появляется цивилизация, там природный закон все еще играет роль в борьбе за существование в первобытном виде. Бэк, естественно, придерживался природного принципа – отбор лучших и отсеив худших. Он становится свирепым, умным и храбрым под «клыками и законами», он символ сильного завоевателя, также символ дикого нрава и свободы, ведь в конце он становится вожаком волков. [11] В этой связи Бэк не только является типом образа животного, но и символом животной жизни вообще.

Именно этими разнообразными образами животных обогащается живая картина литературного мира.

Можно прийти к выводу, что символический образ животного практически обладает животной формой, а не содержит в себе животную сущность и культуру. У него наименее слабая животная составляющая; автор использует его для метафоры, что привносит самую богатую художественную окраску. В произведениях авторы соединяют животные формы и человеческие характеры, таким образом опосредованно отражают житейский опыт, дела и мудрость.

Что касается типа настоящего образа животного, приоритетное внимание к самой судьбе животных, реальным отношениям между животными и людьми, демонстрируют существенное значение животных и животное субъективное положение на самом деле повествование и судьба животных все-таки являются отражением и формой авторской точки зрения, только приобретает менее искусственную окраску.

И во всех случаях мы точно можем сказать, что в литературе образы животных всегда находятся под влиянием авторов, они являются искусственными продуктами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Чжоу Цзуорен Литература о человеке [J]. – Шанхай: Новый молодежный журнал, 1918.
2. Ма Цзя Культурные значения образов животных в русском фольклоре: автореферат дис. ... магистра русского языка и русской литературы: 11.05.28 – Синьцзянский университет. – Урумчи, 2011. – 52 с.
3. Лю Литин Апулей. Золотой осел [M]. – Шанхай: Шанхайское издательство переводов, 1998.
4. Фан Чжицян Антропологическая критика литературы и искусства [M]. – Шанхай: Шанхайское издательство социальных наук, 1991.
5. Лю Шоухуа Учебник по народной литературе [M]. – Ухань: Издательство Хуачжунского нормального университета, 2014.
6. Ши Ронхуа Трансмутация вымысла о животных в новый период [J]. – Куньмин: Издательство Юньнаньского нормального университета, 1992.
7. Сунь Шаожэнь Теория литературного творчества [M]. – Шэньян: Издательство «Чуньфэн взньи», 1987.
8. Нацумэ Сосэки Я кошка [M]. – Перевод Юй Лэй. – Нанкин: Издательство «Илин», 2001.
9. Сюй Чжипин «Животные языки и формы» и «животная фигура и человеческий язык» [J]. – Журнал Гуансийского института национальностей, 2006, – том 28.
10. Лу Синь Скорбь по ушедшей — сборник «Блуждания», 1926. – Перевод на русский: — В. Васьков (Скорбь по ушедшей), 1971.
11. Джек Лондон Зов предков. – Переводчик: Абкина Мария Ефимовна, – Издательство: Астрель, 2012.

© Ши Лу (st094088@student.spbu.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОСОБЕННОСТИ ТЕРМИНООБРАЗОВАНИЯ В ГИМНАСТИЧЕСКИХ ВИДАХ СПОРТА (АНГЛИЙСКИЙ СПОРТИВНЫЙ ДИСКУРС)

FEATURES OF TERMINOLOGY FORMATION IN GYMNASTIC SPORTS (ENGLISH SPORTS DISCOURSE)

L. Yarmolinets
O. Anisimova

Summary: In this article the analysis of the terminology of the sports complex of gymnastic sports is presented, the terminological apparatus of which, in view of the specifics of the objects of the nomination (performing the figures of various exercises, the need for their precise and brief designation), is a practical novelty. The study of the features of term formation allows us to further consider the systematization, formation and evolution of the terminologies of gymnastic sports. The foregoing, as well as the lack of development of practical aspects of private terminology, determines the relevance of the study, which made it possible to determine and analyze the terminological features term systems of gymnastic sports and highlight as identifying such methods of term formation as semantic, syntactic, morphological, word formation and borrowing from other areas of activity, abbreviation, nomination by the first performer, as well as the multicomponent of terms included in terminological nests and united by single-word nuclear terms.

Keywords: English sports discourse, terminology, term formation, gymnastic sports, metonymization, metaphORIZATION, borrowings, abbreviation, nomination by the name of the first performer, multicomponent terms.

Ярмолинец Лариса Григорьевна

кандидат филологических наук, профессор, Кубанский государственный университет физической культуры, спорта и туризма, г. Краснодар

Анисимова Ольга Борисовна

кандидат филологических наук, доцент, доцент, Кубанский государственный университет физической культуры, спорта и туризма, г. Краснодар
anisimova_1973@mail.ru

Аннотация: В данной статье представлен анализ терминологии спортивного комплекса гимнастических видов спорта, терминологический аппарат которого в виду специфики объектов номинации (выполнение фигур различных упражнений, необходимость точного и краткого их обозначения) является практической новизной. Исследование особенностей терминообразования позволяет в дальнейшем рассмотреть систематизацию, формирование и эволюцию терминологий гимнастических видов спорта. Сказанное выше, а также неразработанность практических аспектов частного терминоведения обуславливает актуальность проведенного исследования, что позволило определить и проанализировать терминообразовательные особенности терминосистем гимнастических видов спорта и выделить как идентифицирующие такие способы терминообразования, как семантический, синтаксический, морфологический, словосложение и заимствование из других сфер деятельности, аббревиация, номинация по первому исполнителю, а также многокомпонентность терминов, входящих в терминологические гнезда и объединенные однословными ядерными терминами.

Ключевые слова: английский спортивный дискурс, терминология, терминообразование, гимнастические виды спорта, метонимизация, метафоризацию, заимствования, аббревиация, номинация по имени первого исполнителя, многокомпонентные термины.

Введение

Институализация спорта, как неотъемлемая составляющая современного общества, привела к возникновению спортивного дискурса, который подразделяется на отдельные виды, где наряду с прочими составляющими дискурса выделяются термины. Следует отметить, что рассмотрение языковых процессов, происходящих в результате терминообразования, позволяет исследовать зарождение, формирование, пополнение и развитие терминов, установить степень заимствования, авторство, выявить экстралингвистические факторы, объединенные общностью спортивной тематики.

Актуальность работы

Появление новых видов спорта повлияло на возникновение новых терминов в спортивном дискурсе, и как следствие на необходимость их упорядочения, а

также проведение структурного, семантического, функционального анализа. Научный интерес представляет анализ терминологий спортивного комплекса гимнастических видов спорта, терминологический аппарат которого, в виду специфики объектов номинации (выполнение фигур различных упражнений, необходимость точного и краткого их обозначения) является практической новизной. Исследование особенностей терминообразования позволяет в дальнейшем рассмотреть систематизацию, формирование и эволюцию терминологии гимнастических видов спорта. Сказанное выше, а также неразработанность практических аспектов частного терминоведения обуславливает актуальность проведенного исследования.

Цель исследования: описать способы терминообразования в гимнастических видах спорта и выделить особенные, характерные для рассматриваемых терминосистем.

Объект исследования: терминосистемы гимнастических видов спорта.

Предмет исследования: Способы образования терминов в гимнастических видах спорта.

Материалы и методы

В исследовании использовались теоретические и эмпирические методы: анализ языковых фактов, сопоставление, описание, обобщение научной литературы, приемы компонентного анализа, систематизация, наблюдение.

Материалом исследования послужили термины гимнастических видов спорта: спортивная гимнастика, художественная гимнастика, акробатическая гимнастика, прыжки на батуте, представленные в словаре «Гимнастика. Спортивные термины на пяти языках» под редакцией В.И. Калогномоса [5].

Результаты и их обсуждение

Существует большое количество исследований, посвященных рассмотрению термина, как лингвистического феномена, обладающего идентифицирующими характеристиками (Володина М.Н. 1998, Лейчик В.М. 2006, Мельников Г.П. 2004, Суперанская А.В., Подольская Н.В., Васильева Н.В., 2008, Гринев-Гриневиц С.В., 2008, Казарина С.Г., 2020) [4, 9, 11, 16, 6, 7].

Так, В.М. Лейчик, рассматривая понятие «термин» с лингвистической точки зрения, акцентирует внимание на его содержательной структуре, включающей значение и смысл термина, который в свою очередь может исходить из значения слов, входящих в термин-словосочетание [9, с. 32]. Содержательная структура термина, по мнению автора, состоит из собственной семантики, мотивированности и сигнификативного значения [9, с. 49].

По мнению Г.П. Мельникова, «термины обладают всеми признаками лексических единиц естественного языка, а терминология является семантическим ядром лексики языка науки, который признаётся разновидностью литературного языка» [11, с. 62]. Термины характеризуются внутренней и внешней формой. Внешняя форма представлена акустической средой, а внутренняя форма – это некая морфема и ее общий узуальный смысл [11, с. 86]. Под основной функцией терминов понимается номинация, а гибридные наименования и имена собственные рассматриваются как основные способы терминообразования.

М.Н. Володина связывает процесс наименования с познавательными способностями людей, который может происходить в следствии восприятия того или иного объекта, субъекта, действия совершенно стихийно или

же намеренно, на основе существующих общепринятых способов терминообразования [4].

С.В. Гринев-Гриневиц включает в терминосистему специальные лексические единицы, подразделяя их с точки зрения форм на слова (односложные, моноксемные термины) и словосочетания (многословные, поликомпонентные термины), которые следует рассматривать с учетом диахронического анализа, образованных тем или иным способом: семантическим, морфологическим, синтаксическим, морфолого-синтаксическим [6, с. 126].

Формальные характеристики специальных единиц 12 терминосистем подязыка медицины представлены в работе С.Г. Казариной. Автором выявлено 58 типов морфемных моделей, целно оформленных номинаций, то есть абстрактных схем, которые отражают количественные и качественные последовательности морфем специальных номинаций и морфолого-синтаксические модели многокомпонентных терминов, в том числе эпонимов [7].

А.В. Суперанская подчеркивает номинативную функцию термина. Согласно ее исследованиям, термин является элементом определенной научной области, искусственно созданный или отобранный при помощи языковых единиц родного или иностранного языка. При этом семантика такого термина формируется в области специального знания. Выделяются «мотивированные термины», образованные путем метафоризации, метонимии или путем заимствования языковых единиц из терминосистем других языков. А.В. Суперанская полагает, что и «наивысшей номинативностью и наивысшей способностью участвовать в терминологической номинации обладают имена существительные» [16, с. 107]. Мнение А.В. Суперанской представляется наиболее приемлемым к объекту нашего исследования.

В данной статье рассматриваются способы терминообразования в английском спортивном дискурсе на примере гимнастических видов спорта.

Материал исследования был взят из словаря «Гимнастика. Спортивные термины на пяти языках» под редакцией В.И. Калогномоса [5]. Объем исследуемой терминологической лексики составляет 1102 единиц. Рассмотрены термины гимнастических видов спорта: спортивная гимнастика, художественная гимнастика, акробатическая гимнастика, прыжки на батуте. В состав отобранных терминологических единиц вошли общегимнастические термины и термины отдельных видов гимнастики. Анализу подверглись терминосистемы гимнастических видов спорта в целом.

Семантический способ терминообразования. Проведенное исследование позволило выделить однословные

ядерные термины, которые образованы посредством перехода одного из значений многозначного слова в терминосистему. Это термины, имеющие производное или вторичное значение многозначного слова (Арнольд И.В., 1991, Медникова Э.М., 1974, Фомина М.И., 1983) [1,10,17]. Производное значение образуется в большинстве случаев посредством метонимического переноса. Многочисленность данной группы слов объясняется тем, что истоки спортивной терминологии, как и прочих терминосистем, лежат в общенародном языке. Как отмечает Б.А. Серебренников, наименование какого-либо специального действия, объекта, реалии понятия осуществляется на основании его признака, который через различные ассоциации соотносится с действиями, объектами, понятиями, уже имеющими названия в языке, то есть имеет место процесс семантической деривации [13].

Образование терминологического значения путем метонимизации и сужения исходного значения многозначного слова наиболее распространенный способ терминообразования в гимнастических видах спорта: англ.: *hang* – «висеть, свисать; гимн. вис (нахождение гимнаста на снаряде, при котором его плечи находятся ниже точек захвата (имеет место конверсия глагол – существительное)); *support* – «опора, гимн. упор (статическое положение, при котором плечи находятся возле точек хвата), акр. поддержка»; *turn* – оборот, поворот, гимн. поворот (вращательное движение тела вокруг вертикальной оси независимо от положения спортсмена); *travel* – «движение, передвижение, гимн. переход с одной части гимнастического коня на другой». При этом ряд остается открытым.

Метафоризация. Метафоризация как способ терминообразования встречается в терминосистемах индивидуальных видов спорта, в которых предусмотрено исполнение различных фигур [12, с.125]. Причем «исходной точкой для построения образа является часто не содержание данного термина, а бытовое представление о нем» [8, с.87]. Например: *wave* – «волна; гимн. волна (тела) сгибание и разгибание в суставах ног, туловища и рук последовательным переходом от одного сустава к другому; выполняется целостно и слитно»; *scissors* – «ножницы (режущий инструмент из двух раздвигающихся лезвий с кольцеобразными ручками), гимн. прыжок, выполняемый со сменой ног вперед или назад»; *wheel* – «колесо; гимн. переворот боком или в сторону»; *mill circles* – «круги мельницы, гимн. сочетание малых кругов в определенной последовательности»; *butterfly (jump)* – «прыжок, гимн. прыжок бабочки», образован на основе метафорического сравнения движений бабочки и гимнастки и т.д. [18].

Следует отметить, что при терминологизации значения имеют место процессы, свойственные развитию семантической структуры слова общелитературного языка: метонимизация, функциональный перенос.

Синтаксический способ терминообразования. Выделенные однословные термины можно рассматривать как ядерные единицы терминосистемы, называющие родовые понятия, действия, на основании которых формируется большое количество видовых многокомпонентных терминов, идентифицирующих разнообразные движения, из которых состоят упражнения гимнастических видов спорта и образующих терминологические гнезда. Развитие терминологического гнезда осуществляется путем присоединения к ядерному термину пре- и пост-позитивных уточняющих элементов, которые в нашем материале представлены такими морфологическими категориями как существительные, прилагательные, наречия и предлоги, указывающие направления движения. Терминологическое гнездо термина *stand* – «стойка» представлено 17 терминосочетаниями, включающими от двух до десяти компонентов: *side stand* – «стойка боком к снаряду»; *facial stand* – «стойка лицом к снаряду»; *handstand from scale sideways* – «стойка на руках из бокового равновесия»; *handstand from lying support roarways through dislocate swing* – «стойка на руках из упора лежа сзади махом ноги выкрутив»; *handstand pivot forward or backward with ¼ are more turn* – «стойка на руках с поворотом плечом назад или вперед на 90 градусов и более» и пр. Многокомпонентность терминов объясняется спецификой видов спорта: индивидуальные виды спорта, реализующие огромное количество движений, положений, упражнений, среди них такие, которые не встречаются в повседневной жизни людей и созданы искусственно. Для вербализации техники упражнений необходимы многокомпонентные термины, которые описывают упражнения, элементы или движения несколькими словами.

Морфологическое терминообразование представлено дериватами. Материал исследования позволил сделать вывод, что терминология гимнастических видов представлена одной грамматической категорией – существительными и не отличаются разнообразием деривационных моделей. Материал исследования позволил выделить следующие деривационные модели: V+er, V+ing, V+ion: *demonstrator* – «гимнаст, выступающий перед судьями»; *knotting* – «завязывание, способ остановки по вертикальному канату»; *standing* – «стойка»; *rotation* – «вращение» и т.д. Суффиксальные дериваты единичны. Суффикс агентивности не распространен: гимнастические виды спорта – индивидуальные виды спорта, где все движения выполняет один спортсмен, гимнаст. Суффикс процессуальности встречается наиболее часто, так как в основе рассматриваемых видов спорта – выполнение отдельных элементов, составляющих упражнение. Таким образом, морфологический способ словообразования представлен ограниченным количеством словообразовательных моделей, несмотря на наличие в английском языке достаточного числа словообразовательных суффиксов [2,3].

Словосложение реализовано различными моделями:

- существительное+существительное: *handstand* – «стойка на руках», *handspring* – «пружина на руках», *flic-floc* – «флик флок» и т.д.;
- предлог+существительное: *underswing* – «мах дугой», *regroup* – «перехват», *overhead* – «над головой» и т.д.;
- прилагательное+существительное: *rearways* – «движение назад»;
- сложные существительное, образованное путем конверсии от глаголов с послелогоми: *march-in* – «выход участников», *dip-up* – «отжимание», *arch-out* – «переразгиб», *take-off* – «отталкивание» и т.д.

Аббревиация распространена в английском языке и является международно-признанными из-за глобализации английского языка, например: *TC (Technical Committee)* – «технический комитет», *NF (National Federations)* – «Национальная федерация», *ECh (European Championship)* – «чемпионат Европы»; *acr. (acrobatic)* – «акробатика», *BB (balance beam)* – «бревно», *ex. (exercise)* – «упражнение», *FF (flic flac)* – «флик флак», *FX (free exercise)* – «вольное упражнение», *gym. (gymnast's)* – «гимнастка», *HB (high bar)* – «высокая перекладина», *L (left)* – «лево», *LB (low bar)* – «низкая перекладина», *NO (number)* – «номер», *PB (parallel bars)* – «параллельные брусья», *pnt. (point)* – «очко», *R (right)* – «право», *tramp. (trampoline)* – «батут» и т.д.

Заемствования широко представлены в гимнастических видах спорта двумя видами:

- термины других сфер деятельности, например: использование терминов хореографии, заимствованных из французского языка: *demi plié* – «полуприседание»; *grand plié* – «приседание»; *cabriole* – «подбивной прыжок»; *battement tendu* – «выставление ноги на носок»; *relevé* – «подъем на полупальцы» и т.д. [14];

- интернациональные термины, включая термины греко-латинского происхождения, например: *salto* (lat. saltus) – «сальто – акробатическое движение на 360° и более с места через голову на ноги»; *courbette* – «курбит – скачок – элемент акробатики, прыжок с ног на руки или со стойки на руках на ноги» и т.д. [15].

Заключение

Гимнастические виды спорта охватывают огромное множество движений, положений, упражнений, включая такие, которые совсем не характерны для повседневной предметной деятельности человека. Этим они отличаются от терминологий других видов спорта.

Гимнастическая терминология необходима при обучении гимнастическим упражнениям, которые подбраны специально и созданы искусственно. Термин дает возможность определить сложные движения одним словом или несколькими словами.

Итак, анализ терминологии английского дискурса гимнастических видов спорта позволил выделить следующие способы терминообразования: семантический, синтаксический, морфологический, среди которых можно идентифицировать метонимизацию, метафоризацию, функциональный перенос, словосложение и заимствование терминологии из других сфер деятельности, аббревиацию, номинацию по имени первого исполнителя, а также многокомпонентность терминов, входящих в терминологические гнезда, объединенные однословными ядерными терминами. Следовательно, в терминологии гимнастических видов используются те же способы, что и при пополнении словарного состава общелитературного языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арнольд И.В. Основы научных исследований в лингвистике: Учеб. пособие. — М.: Высшая школа, 1991 — 140с.
2. Ахмедова, Н.Д. Словообразование в современном английском языке / Н.Д. Ахмедова. — Текст: электронный // NovalInfo, 2020. — № 120. — С. 81-83. — URL: <https://novainfo.ru/article/18134>.
3. Давкшис, М.М. Деривационные процессы в лексике современного английского языка / М.М. Давкшис. — Текст: электронный // NovalInfo, 2014. — № 20. — С.117-121. — URL: <https://novainfo.ru/article/1992>.
4. Володина, М.Н. Когнитивно-информационная природа термина и терминологическая номинация: автореф. дис. ... д-ра. филол. наук / М. Н. Володина – М, 1998. – 345 с.
5. Гимнастика. Спортивные термины на пяти языках, [под редакцией В.И. Калогномоса], М.: из-во «Русский язык.», 1979. – 270 с.
6. Гринев-Гриневиц, С.В. Терминоведение: учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений / С.В. Гринев-Гриневиц – М.: Издат. Центр «Академия», 2008. – 304 с.
7. Казарина С.Г. Типологические характеристики отраслевых терминологий: монография / С.Г. Казарина. – Краснодар: КГУФКСТ, 2020, с.336.
8. Капаназе Л. А. О понятиях «термин» и «терминология» // Развитие лексики современного русского языка. М.: Наука, 1965. 135 с.
9. Лейчик В.М. Терминоведение: предмет, методы, структура. Изд-е 2. / В.М. Лейчик // М., КомКнига, 2006.- 256 с.
10. Медникова Э.М. Значение слова и методы его описания. М.: Высшая школа, 1974. — 202 с.
11. Мельников Г.П. Основы терминоведения. / Г.П. Мельников //М.: Изд-во РУДН, 2009.- 116 с.
12. Родионов, С.В. О развитии ассоциативной многозначности и синонимии в терминологии водного спорта / С.В. Родионов // Проблемы русской лексиколо-

- гии. Самара, 1991. – С. 124-130.
13. Серебrenников Б.А. Языковая номинация. Общие вопросы. М.: Наука, 1977. — 358 с.
 14. Словарь терминов гимнастики и основ хореографии / авторы-составители: А.И. Рябчиков, Ж.Е. Фирилева. – СПб.: ДЕТСТВО-ПРЕСС, 2009. – 288 с., ил.
 15. Словарь терминов конторсии (цирк, спорт, танец, йога). – URL: <http://ffg2000.narod.ru/dictionary.htm>, свободный.
 16. Суперанская А.В., Подольская Н.В., Васильева Н.В. Общая терминология: Терминологическая деятельность. / А.В. Суперанская // Изд.3. 2008. -288 с.
 17. Фомина М.И. Современный русский язык. Лексикология: учебник для студентов институтов и факультетов иностранных языков. М.: Высшая школа.1983.– 334 с.
 18. Шакаль Владислав. Метафоризация значений слов как способ терминообразования (на материале русской и английской терминосистем художественной гимнастики). – URL: <https://pandia.ru/text/78/014/83607.php>.

© Ярмолинец Лариса Григорьевна, Анисимова Ольга Борисовна (anisimova_1973@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Кубанский государственный университет физической культуры, спорта и туризма

Наши авторы

- Abdrakhmanova R.** – ph.D. in Pedagogics, Kazan State Institute of Culture
- Agoeva M.** – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Pyatigorsk Institute (Branch of FSAEI of Higher Education "North-Caucasus Federal University")
- Aliev D.** – PhD in Business Law, DBA in Finances, Candidate of Economic Sciences, Russian State Social University
- Alkhlavova I.** – Ph.D., Researcher IYALI DFIC RAN
- Alypova S.** – post-graduate student, M.V. Lomonosov Moscow State University
- Andreeva M.** – Candidate of Philology, Associate professor, Kazan State Medical University
- Anishchenko D.** – Bryansk State University of Engineering and Technology
- Anisimova O.** – Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor, Kuban State University of Physical Culture, Sports and Tourism, Krasnodar
- Baldin P.** – Cand. Sci. (History), State University of Education
- Bao Xuemin** – Lecturer, College of Humanities and Media
- Baturyan M.** – Candidate of Philological Sciences (Ph.D.), Associate Professor, Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin, Krasnodar
- Belyakova O.** – Ph.D. in Philology, Associate Professor, Samara State University of Economics
- Berendeev V.** – Ph.D., Associate Professor, Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky
- Bessarabskaya I.** – Candidate of Technical Sciences, associate professor, MIREA is a Russian Technological University. Russia, Moscow
- Chang Wenshuo** – Lecturer, College of Humanities and Media
- Chen Wen** – PhD postgraduate student, Moscow Pedagogical State University
- Chen Xuesong** – PhD Student, Lomonosov Moscow State University
- Chmykh I.** – cand.ped.N., associate professor, Surgut State University
- Dmitrieva O.** – Full Professor, Volgograd State Socio-Pedagogical University

Our authors

- Dovgosheya D.** – Teacher, St. Petersburg Cadet Military Corps named after Prince Alexander Nevsky of the Ministry of Defense of the Russian Federation
- Dvorkovaya M.** – Cand. Sci. (History), State University of Education
- Frolova E.** – Ph.D. in Pedagogy, Moscow Pedagogical State University, a branch in Anapa
- He Bei** – Associate Professor, College of Humanities and Media
- Ivanova E.** – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Surgut State University
- Kamozina O.** – candidate of physical and mathematical sciences, associate professor, Bryansk State University of Engineering and Technology
- Karimov T.** – Candidate of historical sciences, Institute of History. Sh. Marjani AS RT (Kazan)
- Khatkov S.** – Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin, Krasnodar
- Kishkinova O.** – Senior Lecturer, Moscow state academy of veterinary medicine and biotechnology of K.I. Scriabin
- Klimova N.** – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Pyatigorsk Institute (Branch of FSAEI of Higher Education "North-Caucasus Federal University")
- Kolesnik E.** – Senior Lecturer, Crimean Law Institution (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation (Simferopol)
- Koptyakova E.** – cand.philol.N., associate professor. Surgut State University
- Koreneva V.** – senior lecturer, Siberian Federal University
- Korol E.** – Candidate of Philology, Associate Professor, Surgut State University
- Kozhanova L.** – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Voronezh State University of Engineering Technologies
- Krepkogorskaya E.** – ph.D. in Philology, Kazan State Institute of Culture
- Kurenkova E.** – Cand. Sci. (History), Assoc. Professor, State University of Education
- Lipitskaya V.** – Candidate of Philosophy, Docent, Associate Professor, Kazan Higher Tank Command School

Markovskaya E. – Candidate of Pedagogical Sciences, Professor of RAE, St. Petersburg Cadet Military Corps named after Prince Alexander Nevsky of the Ministry of Defense of the Russian Federation

Merkuryeva N. – associate professor, Moscow Metropolitan Governance Yury Luzhkov University

Mindlin Yu. – Candidate of Economic Sciences, associate professor, Moscow state academy of veterinary medicine and biotechnology of K.I. Scriabin

Nikolaev D. – Ph.D., Associate Professor, Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky

Novikov I. – Postgraduate, Lomonosov Moscow State University

Okhlupina O. – candidate of physical and mathematical sciences, associate professor, Bryansk State University of Engineering and Technology

Petrova O. – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovsky

Podlutskaya K. – Surgut National University

Raduntseva A. – Faculty of Arts, Russian State Social University

Rtishcheva G. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, IGN MGPU

Ryabtsev N. – Bryansk State University of Engineering and Technology

Sergeeva M. – Ph.D. in Philology, Associate Professor, Samara National Research University named after academician S.P. Korolev

Shi Lu – PhD-student, Saint Petersburg State University

Sohiev I. – postgraduate student, SOGU

Solopiy D. – Postgraduate student, Surgut National University

Tarasova K. – postgraduate, Lomonosov Moscow State University

Tarasova O. – PhD Philology, Associate Professor, State University of Education (Moscow)

Tarlakovskaya E. – PhD in Education Science, Assistant Professor, Nizhny Novgorod State Technical University n.a. R.E. Alekseev

Te O. – Cand. Sc. (Philolog.), Assoc. Professor, Bauman Moscow State Technical University

Tilinina M. – postgraduate student, Herzen State Pedagogical University of Russia

Trinko D. – Bauman Moscow State Technical University

Vanyushina N. – Ass. Professor, Volgograd State Socio-Pedagogical University

Wang Yuanyuan – Russian State University for the Humanities

Yarmolinets L. – Candidate of Philology, Professor, Kuban State University of Physical Culture, Sports and Tourism, Krasnodar

Zakirova A. – Kazan State Medical University

Zakirova D. – Candidate of Philological Sciences, Assistant Professor, Volga Region State University of Physical Culture, Sport and Tourism, Kazan

Zhadenov O. – Russian State Social University

Zuo Yupu – PhDstudent, Russian State Pedagogical University

Требования к оформлению статей, направляемых для публикации в журнале

Для публикации научных работ в выпусках серий научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» принимаются статьи на русском языке. Статья должна соответствовать научным требованиям и общему направлению серии журнала, быть интересной достаточно широкому кругу российской и зарубежной научной общественности.

Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях, написан в контексте современной научной литературы, и содержать очевидный элемент создания нового знания. Представленные статьи проходят проверку в программе «Антиплагиат».

За точность воспроизведения дат, имен, цитат, формул, цифр несет ответственность автор.

Редакционная коллегия оставляет за собой право на редактирование статей без изменения научного содержания авторского варианта.

Научно-практический журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» проводит независимое (внутреннее) рецензирование.

Правила оформления текста.

- ◆ Текст статьи набирается через 1,5 интервала в текстовом редакторе Word для Windows с расширением “.doc”, или “.rtf”, шрифт 14 Times New Roman.
- ◆ Перед заглавием статьи указывается шифр согласно универсальной десятичной классификации (УДК).
- ◆ Рисунки и таблицы в статью не вставляются, а даются отдельными файлами.
- ◆ Единицы измерения в статье следует выражать в Международной системе единиц (СИ).
- ◆ Все таблицы в тексте должны иметь названия и сквозную нумерацию. Сокращения слов в таблицах не допускается.
- ◆ Литературные источники, использованные в статье, должны быть представлены общим списком в ее конце. Ссылки на упомянутую литературу в тексте обязательны и даются в квадратных скобках. Нумерация источников идет в последовательности упоминания в тексте.
- ◆ Литература составляется в соответствии с ГОСТ 7.1-2003.
- ◆ Ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

Правила написания математических формул.

- ◆ В статье следует приводить лишь самые главные, итоговые формулы.
- ◆ Математические формулы нужно набирать, точно размещая знаки, цифры, буквы.
- ◆ Все использованные в формуле символы следует расшифровывать.

Правила оформления графики.

- ◆ Растровые форматы: рисунки и фотографии, сканируемые или подготовленные в Photoshop, Paintbrush, Corel Photopaint, должны иметь разрешение не менее 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.
- ◆ Векторные форматы: рисунки, выполненные в программе CorelDraw 5.0-11.0, должны иметь толщину линий не менее 0,2 мм, текст в них может быть набран шрифтом Times New Roman или Arial. Не рекомендуется конвертировать графику из CorelDraw в растровые форматы. Встроенные - 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.

По вопросам публикации следует обращаться к шеф-редактору научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» (e-mail: redaktor@nauteh.ru).